

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 3 (39) 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Анистюкин Н.К. Среднепалеолитические индустрии начала позднего плейстоцена (OIS 5) на территории юго-запада Восточной Европы	2
Безрукова Е.В., Абзаева А.А., Летунова П.П., Кулагина Н.В., Орлова Л.А. Свидетельства нестабильности природной среды озера Байкал после последнего оледенения на примере пыльцевых записей из болотных экосистем	17
Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии	26
Медведев В.Е. Глиняные шары с острова Сучу – материальные сакральные символы эпохи неолита	41

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Авилова Л.И. Модели металлопроизводства на Ближнем Востоке (энеолит – средний бронзовый век)	50
Чистякова А.Н. Перевод иерогlyphической надписи на лаковой чашке из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия)	59
Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Пластиначатые конские налобники из Прикубанья	69
Корочкива О.Н. Пахомовская культура эпохи поздней бронзы	75
Есин Ю.Н. Стела с изображением «солнцеголового» божества на реке Туим в Хакасии (К 120-летию экспедиции на Енисей Общества древностей Финляндии под руководством И.Р. Аспелина)	85
Крупочкин Е.П. Некоторые методические вопросы цифрового картографирования археологических памятников	95

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ

Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Спасская церковь из Зашиверска: дендрохронологический аспект	103
---	-----

ЭТНОГРАФИЯ

Бауло А.В. «Арлекин» – осязательный идол	111
Любимова Г.В. «Техническая эсхатология» в современной народно-православной и старообрядческой традиции Сибири	119
Смирнова Т.Б. Обычаи ряжения в календарных праздниках немцев Сибири	128

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ
Культурное наследие и промыслы народов Евразии

Серебро казахских зергеров: традиции в современном ювелирном искусстве	135
--	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Чикишева Т.А., Полосьмак Н.В., Волков П.В. Одонтологический материал из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия)	145
Санкина С.Л. Происхождение антропологических особенностей населения новгородской земли древнерусского времени (X–XIII вв.)	152

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	158
-------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	159
---------------------	-----

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 903.2

Н.К. Анисяткин

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ НАЧАЛА ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА (OIS 5) НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Статья посвящена проблеме сосуществования в начале последнего оледенения (OIS 5) на юго-западе Восточной Европы различных вариантов среднего палеолита. Рассматриваются три археологических комплекса из культурных слоев стоянок Кетросы, Шипот-2 и Осыпка, расположенных в долине среднего течения Днестра на территории Черновицкой обл. Украины. Комплексы, исследованные автором статьи, относятся к отложениям пойменной фации аллювия второй надпойменной террасы реки. Отложения, по единодушному мнению геологов, изучавших данный регион, принадлежат самому началу вюрмского (последнего) оледенения, что соответствует этапам с, d кислородно-изотопной стадии (OIS) 5, т.е. древнее 100 тыс. л.н. Каменные индустрии представляют два различных варианта среднего палеолита и опровергают гипотезу украинских коллег о единобразии имевшегося в данном регионе среднего палеолита.

Ключевые слова: поздний плейстоцен, слои среднего палеолита, юго-запад Восточной Европы, долина Днестра, пойменный аллювий.

Введение

В начале XXI в. в изучении раннего и среднего палеолита Евразии отмечены значительное увеличение источников базы и существенный прогресс в разработке вопросов, относящихся не только к археологии палеолита, сколько к смежным наукам, изучающим природные процессы в плейстоцене. Эти знания значительно расширили представления об истории развития культуры древнейших людей, обитавших на евразийском пространстве в четвертичный период. В первую очередь это касается соседних территорий Крыма и Среднего Приднестровья, где палеолитические памятники многочисленны и достаточно хорошо изучены. Здесь на ряде эталонных

памятников были проведены основательные междисциплинарные исследования, которые позволили сформулировать и поставить ряд важных научных проблем. Результаты этих исследований оказались весьма востребованными именно сейчас в связи с новыми и интересными научными разработками украинских коллег [Ситник, 2000; Чабай, 2003, 2004; Степанчук, 2006].

Необходимо остановиться на проблеме адаптации людей среднего палеолита к нестабильным природным условиям первой половины позднего плейстоцена. Известно, что относительно благоприятные для жизни людей природные условия, установленные для первой половины последнего оледенения (кислородно-изотопная стадия (OIS) 5), были прерваны очень холодным стадиалом (OIS 4) продолжительностью ок. 10 тыс. лет, который отождествлен некоторыми российскими геологами с «калининским оледенением» [Лаврушин, Спиридонова, Холмовой, 2002]. По их данным, климатические условия этого времени со-поставимы с серьезной природной катастрофой [Там же, с. 144–145].

*Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (П-21), проекта «Адаптация культур среднего/верхнего палеолита Восточной Европы к изменениям природно-климатических условий».

Некоторыми исследователями палеолита Украины данная проблема была рассмотрена на примере Крыма и более северной территории Приднестровья, где выявлены тождественные (по их мнению) каменные индустрии леваллуа-мустьерского облика [Чабай, 2003, 2004; Степанчук, 2006, с. 148–149]. По заключению этих специалистов, в относительно теплые периоды начала позднего плейстоцена, соответствовавшие OIS 5, население Приднестровья существенно увеличивалось, а в холодные (OIS 4) – значительно сокращалось, в частности, из-за миграции на юг – на Крымский полуостров. Ими же сделан вывод, что во время, отвечающее OIS 5, в Приднестровье были представлены каменные индустрии, относящиеся преимущественно к леваллуа-мустье [Чабай, 2003, 2004; Кулаковська, 2003]. Данное заключение не соответствует данным, позволяющим говорить о том, что в мустьерское время в период раннего вюрма в среднем течении Днестра сосуществовали, как минимум, две различные группы палеолитических индустрий [Анисяткин, 2001; Anissutkine, 1990, с. 730–733]. Этот вывод подтверждается стратиграфическими наблюдениями. Например, материалы местонахождений Кетросы, Шипот-2 и Осыпка (каменные орудия из отложений пойменного аллювия II в надпойменной террасе Днестра) единодушно геологически датируются самым началом вюрма (не позднее амерсфорта) [Иванова, 1977, 1982; Веклич, 1968; Болиховская, 1995; Адаменко и др., 1996; Богуцкий и др., 2003; и др.].

Важно подчеркнуть, что рассматриваемая научная гипотеза моих коллег базируется на весьма спорных датах для основной части памятников регионального среднего палеолита, которые основаны преимущественно на геохронологии, разработанной на материалах Подолья и Верхнего Приднестровья [Ситник, 2000; Чабай, 2003, 2004; Кулаковська, 2003; Степанчук, 2006]. Данные по геохронологии Среднего Приднестровья используются избирательно. В частности, некритически принимаются одни даты (молодовское леваллуа-мустье относят к берерупскому этапу) и на чисто игнорируются другие [Чабай, 2003, с. 82], установленные для такого эталонного памятника с уникальной стратиграфией, как Кетросы [Анисяткин, 2001], на котором проводились исследования специалистами смежных научных дисциплин [Иванова, Болиховская, Ренгартен, 1981].

Что же касается дат для собственно среднепалеолитических памятников Подолья и Верхнего Приднестровья, то не все они так бесспорны. Например, при отнесении нижнего слоя 3 стоянки Езуполь к рисс-вюрмскому межледниковью не принято во внимание, что т.н. межледниковая ископаемая почва (с ней связан культурный слой 3) лежит над аллювием именно второй надпойменной террасы Днестра [Сит-

ник, 2000], который никак не может быть древнее последнего межледникового. Подавляющее большинство специалистов по четвертичной геологии [Иванова, 1977; 1982; Веклич, 1968; Покатилов, Букатчук, 1989, с. 88; Болиховская, 1995; Адаменко и др., 1996; Богуцкий, Ситник, Дмитрук, 2003; и др.] к микулинскому, или рисс-вюрмскому, межледниковью относит только русловую фацию аллювия данной террасы. Вышележащие отложения, включающие лессы и ископаемые почвы, соответствуют уже валдайскому или вюрмскому времени. Показательно, что данную «межледниковую» почву в Езуполе, в основании которой выявлен слой 3, ряд специалистов по четвертичной геологии, знакомившихся с разрезом стоянки, считает ранневюрмской [Богуцкий, Ситник, Дмитрук, 2003, с. 66]. В этом плане неясной остается стратиграфическая позиция такого «опорного» объекта, как стоянка Пронятин, отнесенная к самому началу вюрма (OIS 5). Можно принять за основу дату данного памятника, которая предложена Л.В. Кулаковской, – ранний плениглациал, соответствующий OIS 4 [Кулаковська, 2003]. В этой связи необходимо напомнить, что, согласно материалам исследований, проведенных международной экспедицией на стоянке Молодова-5 в последнее время, возраст отложений самого нижнего слоя 12 соответствует среднему вюрму (OIS 3), а не берерупу, как считалось ранее. Сторонники сохранения прежней, более ранней даты, вероятно, не замечают очевидных несоответствий. В частности, материалы о составе фауны и характере растительности, которые определены для слоев 4 и 5 стоянок Молодова-1, -5, -11, -12, никак не согласуются с данными, полученными для берерупской ископаемой почвы на стоянке Кетросы.

В предлагаемой работе речь пойдет о памятниках Кетросы, Шипот-2 и Осыпка (рис. 1).

Обзор археологических материалов

Кетросы. Стоянка расположена в Хотинском р-не Черновицкой обл. Украины, вблизи от прежде существовавшего здесь с. Дарабаны [Анисяткин, 1981, 2001]. Стоянка находится на правом берегу Днестра, на фрагменте второй надпойменной террасы бокового притока Кишлянский Яр [Иванова, 1981; Иванова, Болиховская, Ренгартен, 1981, с. 152]. Данная терраса, имеющая небольшое протяжение, прислонена к более высокой и распространенной в данной местности четвертой надпойменной террасе Днестра. «Кровля ее цоколя имеет высоту около 10 м над меженным уровнем Днестра, немного повышаясь в глубь долины» [Иванова, Болиховская, Ренгартен, 1981, с. 152]. В четвертичных отложениях четко прослеживаются культурный слой хорошей сохранности и несколько

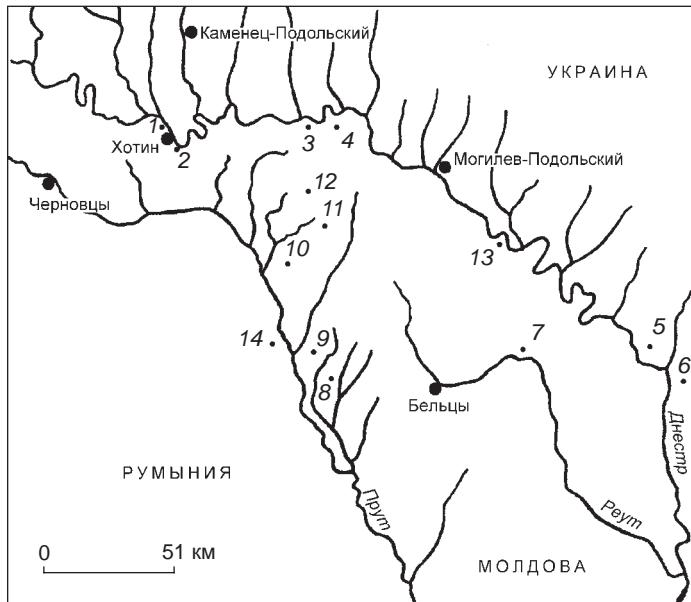

Рис. 1. Карта-схема расположения основных памятников среднего и раннего палеолита на территории Среднего Приднестровья и Северной Молдовы.

1 – Стинка-1–4, Осыпка; 2 – Кетросы, Шипот-1–3, Кишлянский Яр; 3 – Молодова-1, -5; 4 – Кормань IV; 5 – Хоробра; 6 – грот Выхваницы; 7 – Бобуешты-5; 8 – грот Бутешты; 9 – грот Старые Дуруиторы; 10 – Мерсыны, 11 – грот Буздужаны-1; 12 – гроты Тринка-1–3; 13 – Ярово; 14 – Рипичени-Извор.

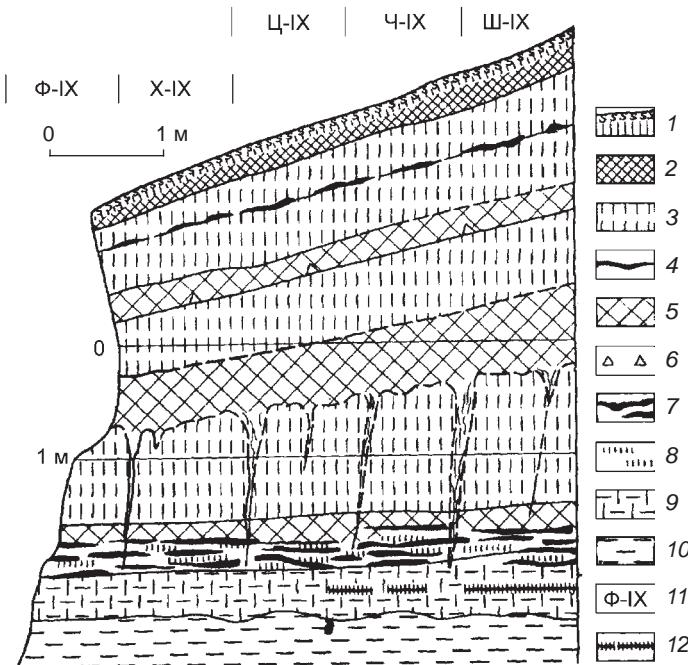

Рис. 2. Разрез южной стенки раскопа 2 Стоянки Кетросы.

1 – почвенно-растительный слой; 2 – современная почва; 3 – суглинок карбонатный желтовато-серого цвета; 4 – гумусированная прослойка черного цвета; 5 – ископаемые почвы; 6 – известковистые конкреции; 7 – гумусированные слои нижней почвы; 8 – прослои светлых тонкопесчанистых отложений; 9 – суглинок желтовато-бурый; 10 – супесь с зеленовато-бурым оттенком; 11 – номера квадратов раскопа; 12 – культурный слой.

горизонтов с находками каменных орудий и костей ископаемых животных.

Стратиграфия этого важнейшего разреза Восточной Европы, в котором хорошо представлены отложения начала вюрма (OIS 5), дается по южной стенке раскопа 2 (рис. 2):

1. Дерновый слой черного цвета, представляющий почву голоценового времени. Мощность от 0,2 до 0,3 м.

2. Суглинок лессовидный, известковистый, желто-серого цвета, разделен тонкой гумусированной прослойкой черного цвета толщиной от 5 см. Общая мощность суглинка от 0,6 до 0,9 м.

3. Суглинок гумусированный коричневого цвета. Мощность от 0,25 до 0,30 м. Включает единичные кремневые изделия мустьеидного облика и обломки костей мамонта.

4. Суглинок лессовидный, известковистый, желтовато-серого цвета. Мощность от 0,4 до 0,65 м.

5. Суглинок темно-коричневого цвета – средняя ископаемая почва; ее верхняя часть ровная, а нижняя – рваная, в виде клиньев, которые проникают глубоко вниз до основания нижней ископаемой почвы. Толщина почвы, в нижней части которой выявлены кости мамонта и лошади, а также единичные кремневые изделия мустеरского облика и скопление древесных угольков, от 0,4 до 0,8 м.

6. Суглинок лессовидный, аналогичный слою 4. Мощность достигает почти 1,5 м.

7. Единая толща нижней ископаемой почвы, представленная в нижней половине тремя гумусированными горизонтами темного цвета, в некоторых местах разбита трещинами, прослеженными от основания лежащей выше средней ископаемой почвы (слой 4). Эти горизонты отделены друг от друга либо тонкими прослойками коричневого цвета, либо линзами желтого песка. Последние фиксируют периоды разрушения ископаемой почвы, представленной на раскопе 1, двумя четкими уровнями. В нижней гумусированной прослойке обнаружен обломок нижней челюсти шерстистого носорога. Общая мощность почвенной толщи от 0,35 до 0,6 м.

8. Суглинок желтовато-бурого цвета, в верхней части которого находится основной культурный слой мустеरского времени. Общая мощность данного литологического слоя составляет ок. 0,4 м.

9. Супесь и песчанистый суглинок зелено-вато-серого цвета. В нижней части прослеживаются включения мелкой гальки и частично

окатанного щебня. В слое встречены единичные обломки костей мамонта и отдельные кремневые изделия. По заключению геологов [Там же], слой представлен пойменным аллювием. Общая мощность отложений достигает 1 м.

На скальном цоколе лежит маломощный слой галечника с частично окатанным щебнем мощностью до 0,2–0,25 м.

Итак, нижние горизонты, расположенные под основным культурным слоем, связаны с отложениями пойменной фации аллювия данной террасы. Отложения были вскрыты на небольшой площади в раскопах 1 и 2. Некоторые кремневые изделия обнаружены в разрушенных карьером отложениях северного участка стоянки (северный комплекс 3). Несколько предметов залегало в месте небольшой зачистки в районе находки ручного рубила, которое было выявлено в четвертичных отложениях южнее раскопа 1, лежащих непосредственно на маломощном русловом аллювии, перекрытом песчанистым суглинком зеленовато-серого цвета.

В указанных пойменных отложениях встречены кремневые изделия среднепалеолитического облика и отдельные кости ископаемых животных, в т.ч. мамонта [Давид, 1981]. Выраженного культурного слоя не обнаружено, и все предметы находятся в перемещенном положении. Сохранность поверхности кремневых артефактов различна: в разрушенном северном комплексе и соседнем раскопе 2, которые расположены наиболее близко к Днестру, представлены преимущественно слабоокатанные предметы; в расположеннем южнее раскопе 1, в районе небольшой зачистки выше по течению, где было выявлено рубило, окатанных предметов нет. Все артефакты не имеют патины.

Коллекция состоит из 26 кремневых предметов, в их числе ручное рубило, массивное скребло-нож с естественным обушком, четыре нуклеуса, чоппер на плитке кремня, чоппинг на гальке, 18 отщепов и пластин, включая изделия с признаками вторичной обработки. В качестве сырья использовались пластовой кремень черного цвета и меловой кремень; из последнего сделано всего два изделия – чоппинг, изготовленный на небольшой кремневой гальке, и пластинчатый отщеп леваллуа. Данный сырьевая материал местный. Пластовой кремень добывали в коренных отложениях высокой террасы, к которой прислонен фрагмент второй террасы, содержащей находки, а галечный кремень серого цвета собирали в речном аллювии Днестра. Заготовкой для ручного рубила послужил обломок алевролитопесчаника серого цвета (рис. 3, 1). Артефакт обнаружен в 1974 г. в заищенном обнажении. Здесь же найдены остаточный одноплощадочный нуклеус и пластинчатый отщеп (рис. 3, 2; 4, 5).

Особый интерес представляет крупное ножевидное орудие с обушком, которое можно интерпретировать как Keilmesser, но с элементами односторон-

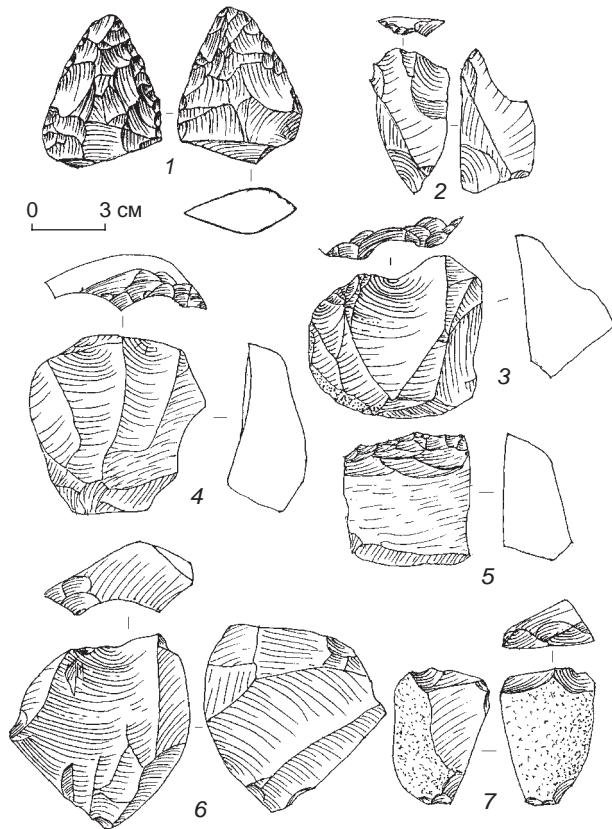

Рис. 3. Комплекс из пойменных отложений стоянки Кетросы.

1 – ручное рубило треугольной формы; 2 – нуклеус одноплощадочный; 3 – нуклеус одноплощадочный леваллуа; 4 – нуклеус вееровидный леваллуа; 5 – чоппер; 6 – нуклеус многоплощадочный; 7 – чоппинг на кремневой гальке.

ней обработки (рис. 4, 4). Предмет выявлен на месте разрушенного колхозным карьером северного комплекса 3. Орудие находилось в кровле песчанистого суглинка, соответствующего пойменному аллювию, поэтому отнесено к единому комплексу, связанному с отложениями нижнего уровня. Лежащие выше отложения, включая нижнюю ископаемую почву и суглинок с культурным слоем, были сняты бульдозером и опрокинуты вниз. Кремневые изделия и кости ископаемых животных (мамонта, бизона, лошади) из разрушенного культурного слоя выявлены ниже по склону, в русле Кишлянского яра.

Коллекция находок из пойменных отложений, несомненно датируемых добрерупским периодом (~115–110 тыс. л.н.) невелика, но она может быть проанализирована с точки зрения технологии и типологии. Рассматриваемый ансамбль имеет большое сходство с каменными индустриями южного комплекса Кишлянского Яра, местонахождения Стинка-Дарабаны, а также с находками из раскопа 2 и разрушенного карьером северного комплекса 3 стоянки Кетросы,

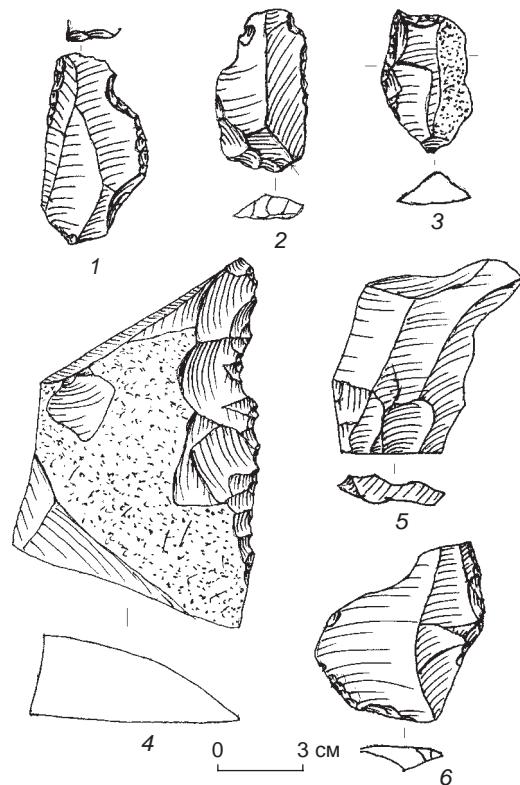

Рис. 4. Комплекс из пойменных отложений стоянки Кетросы.

1 – отщеп со следами ретуши и выемкой; 2 – ретушированный отщеп леваллуа; 3 – скребло угловатое (*déjeté*) с остринцем; 4 – скребло-нож с естественным обушком; 5 – отщеп леваллуа (найден в расчистке рядом с ручным рубилом); 6 – отщеп леваллуа с ретушированными краями.

где прослеживаются характерные технологические признаки, дающие основание видеть здесь единую индустрию. Коллекции артефактов, найденных в раскопах 1 и 2, а также в карьере, далее обозначаются как комплексы 1, 2, 3 соответственно.

К нуклеусам можно отнести четыре предмета. Один из них, который можно считать остаточным одноплощадочным нуклеусом с одной фасетированной ударной площадкой, выявлен на месте обнаружения ручного рубила (см. рис. 3, 2). Остальные три нуклеуса найдены в карьере, на частично деформированной бульдозером поверхности пойменного аллювия. Поэтому находки условно включены в рассматриваемый комплекс, относящийся к пойменным отложениям аллювия второй террасы. Небесспорным является нуклеус со следами конвергентного скальвания с одной ударной площадкой, обнаруженный у тылового шва террасы (см. рис. 3, 4).

У двух ядра, которые можно отнести к леваллуаским с признаками плоскостной системы скальвания (первое – одноплощадочное для получения отщепов, второе – с элементами конвергентного скальвания),

площадки фасетированные. Все три нуклеуса, в т.ч. одноплощадочный небольших размеров, соответствуют леваллуаской технологии расщепления камня. Четвертый нуклеус с гладкими и скошенными ударными площадками нелеваллуаский (см. рис. 3, 6). С него снимались массивные клектонские отщепы, которые обычны в коллекции. В данном случае мы имеем дело с двумя технологиями, которые позволяли получать сколы леваллуаского и клектонского типов.

Имеющиеся в коллекции отщепы, в т.ч. пластинчатые, имеют признаки как леваллуаских, так и клектонских. Наряду с удлиненными пластинчатыми отщепами в коллекции имеются укороченные, которые можно воспринимать либо как неудачные, либо как «технические сколы». Правда, нельзя исключать того, что некоторые из них, в частности массивные клектонские отщепы, были «заготовками» для изготовления особых орудий – массивных скребел и/или острий. Последние выявлены на соседних памятниках. Сколы рассматриваемой коллекции преимущественно средних и даже крупных размеров – от 50 до 117 мм. Сочетание в одной индустрии элементов техник леваллуа и клектонской характерно для индустрий южного комплекса Кишлянского Яра, а также Стинки-Дарабаны, комплексов 2 и 3 стоянки Кетросы [Аниюткин, 2001].

Среди изделий со следами вторичной обработки особое место занимает ручное рубило, которое, по заключению петрографа Н.Б. Селивановой, изготовлено из окварцованных обломков алевритопесчаника серого цвета (см. рис. 3, 1). В соответствии с требованиями методики Ф. Борда это орудие можно определить как рубило треугольной формы [Аниюткин, 1998, с. 34].

Еще одно выразительное орудие следует описать как массивное скребло-нож с естественным обушком (см. рис. 4, 4). Рабочий край данного орудия, изготовленного на естественной плитке пластового кремня черного цвета, оформлен крупными фасетками уплощенной ретуши, а острие режущая кромка дополнительно выделена зубчатой обработкой. Относительно острое лезвие с элементами т.н. приостряющей ретуши, создающей зубчатый контур, а также наличие естественного обушка позволяют описать предмет как скребло-нож с обушком [Кухарчук, 1994, с. 75–77]. Оно может восприниматься, на мой взгляд, как вариант ножа Keilmesser, но с элементами односторонней обработки.

Чоппер на обломке пластового кремня с трещиноватой структурой имеет один слабовыпуклый рабочий край, выделенный чешуйчатой ретушью. Орудие можно рассматривать и как грубое скребло с естественным обушком на массивном обломке кремня (см. рис. 3, 5).

Чоппинг изготовлен на окатанном осколке кремневой гальки слабоудлиненной формы. Рабочий край,

имеющий зигзагообразный профиль, выделен серией соприкасающихся выемок (см. рис. 3, 7).

Острие на удлиненном пластинчатом отщепе крупных размеров, острый конец которого выделен пересечением естественной поверхности и ретушированного края, возможно считать комбинированным орудием, в котором сочетаются острие и глубокая склектонская выемка.

Остальные формы можно отнести к скреблам. Группа включает: простое выпуклое на массивном пластинчатом отщепе; угловатое на мелком, но массивном отщепе; с выделенным острием (см. рис. 4, 3) и диагональное с зубчатым рабочим краем. Единичными образцами представлены выемчатое и зубчатое орудия. Остальные кремневые изделия есть основания рассматривать как отщепы со следами полукрутой и мелкой ретуши краев. Представлены четыре изделия, в их числе одно с признаками микрозубчатой ретуши. На отдельных находках, если иметь в виду слабоокатанные предметы, возможно, представлены фасетки псевдоретуши, которая в большинстве случаев не является зубчатой.

В целом индустрия имеет сходство с материалами стоянки Рипичени-Извор, также выявленными в аллювии второй надпойменной террасы Прута, которая датируется рисс-вюрмским временем [Paunescu, 1993, с. 26–30]. Вполне вероятно, что румынские находки, учитывая их подобие артефактам со стоянки Кетросы, имеют более поздний возраст и синхронны нашим.

Шипот-2. Местонахождение расположено по соседству со стоянкой Кетросы, примерно в 1 км выше по течению Днестра, в соседней боковой долине с постоянным водотоком. Эту местность местные жители называют яр Шипот. Местонахождение расположено на северо-восточном-восточном склоне мыса, представляющего собой фрагмент высокой (четвертой) надпойменной террасы, на поверхности которой находится трипольское поселение и палеолитическая стоянка Шипот-1. Мыс образован двумя ярами (оврагами); восточный, расположенный ниже по течению, называется Шипот, а западный – Рябой (Каплевский) яр [Анисяткин, 1975, 2001].

Рассматриваемый памятник находится относительно тальвега долины Шипота на той же высоте (ок. 10 м), что и Кетросы, на левом борту долины (рис. 5). По данным геологов, эта поверхность, прилоненная здесь к четвертой террасе, соответствует поверхности второй надпойменной террасы в Кетросах. Отложения, перекрывающие аллювий, с учетом расположения объекта непосредственно в устье яра, т.е. почти на границе с долиной собственно Днестра, достаточно сильно деформированы.

Памятник до сих пор исследован лишь предварительно. Археологический материал обнаружен в небольшом раскопе (площадь ок. 10 м²). Первые рас-

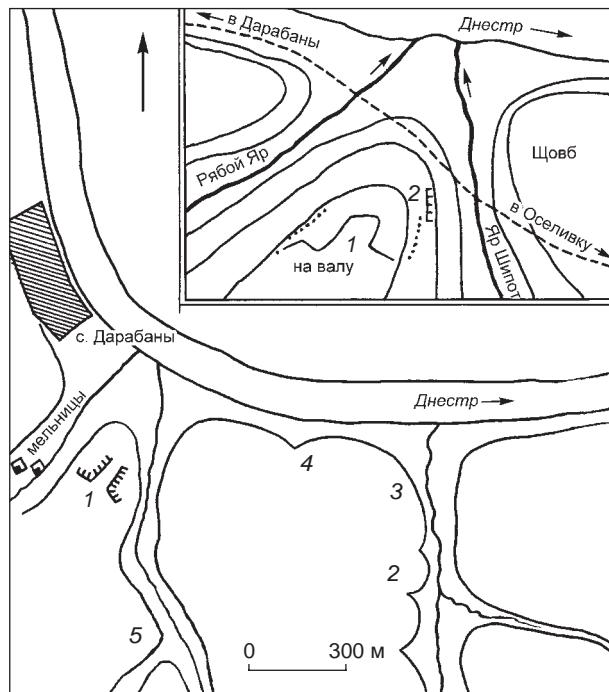

Рис. 5. Карта-схема расположения палеолитических памятников в ярах Шипот и Кишлянском.

1 – Шипот-1, -2; 2 – Кишлянский Яр (северное и южное местонахождения); 3 – Кетросы (раскопы 1 и 2); 4 – местонахождение Стинка-Дарабаны; 5 – Шипот-3.

На врезке – план местонахождений Шипот-1 (1), -2 (2). Пунктиром отмечены границы памятников.

копки проводил в 1978 г. научный сотрудник моей экспедиции ленинградский археолог П.Г. Павлов [Анисяткин, Павлов, 1979]. В 1982 г. небольшие по масштабу работы были развернуты мною на месте небольшого карьера по добыче камня из цоколя аллювия. Здесь на участке площадью ок. 2 м², расположенным примерно в 18–19 м севернее раскопа П.Г. Павлова, в нижнем горизонте были найдены несколько кремневых отщепов и два обломка трубчатых костей лошади, определенных палеозоологом Н.М. Ермоловой (ИИМК РАН).

В результате этих предварительных исследований удалось получить следующую обобщенную стратиграфию, представленную двумя разрезами:

1. Слой лессовидного суглинка светло-коричневого цвета. Мощность 2 м.
2. Прослойка песка светло-желтого цвета. Мощность до 0,1 м.
3. Супесь известковистая зеленовато-желтого цвета с включением мелких галек. Мощность до 0,1 м.
4. Галечник из частично окатанного щебня и окатанных галек. Мощность до 1 м.

Каменные изделия и единичные обломки костей лошади залегали в основании супеси (слой 3) и кровле галечника. Faунистические остатки соответствуют

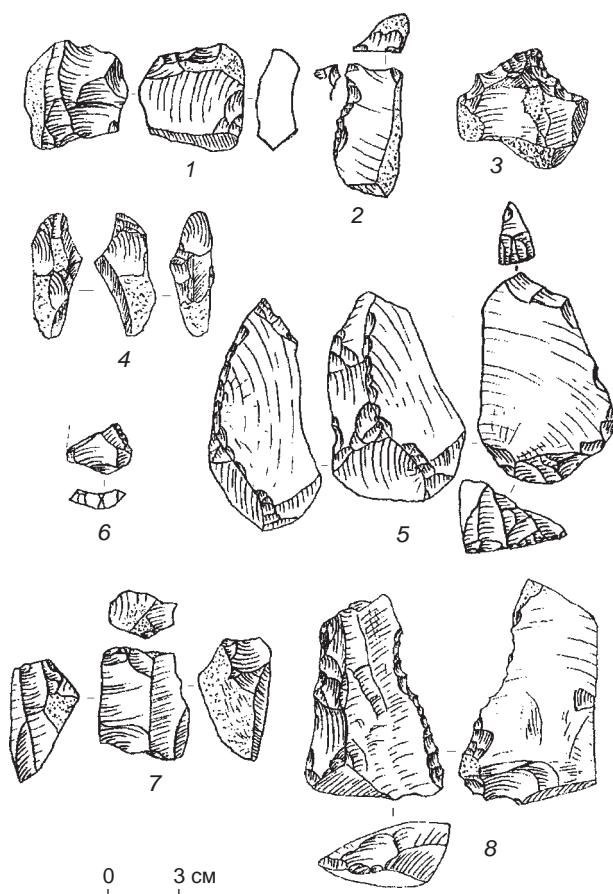

Рис. 6. Кремневые изделия из Шипота-2.

1 – нуклеус дисковидный; 2 – скребло-клювовидный резак; 3 – тайякское острье; 4 – нуклевидный скребок-рабо; 5 – скребок на торце и на площадке; 6 – раклет; 7 – нуклеус призматический; 8 – комбинированное орудие.

отложениям пойменного аллювия второй надпойменной террасы Днестра. Как и в Кетросах, в Шипоте-2 нет выразительного культурного слоя. Лессовидный суглинок, перекрывающий аллювий, возможно, является более поздним. Он вторично отложился на размытой поверхности аллювиальных отложений. В нижней части лессовидного суглинка найден обломок кости (благородного?) оленя.

Коллекция каменных изделий представлена 33 предметами, 12 из них – найденные на поверхности (рис. 6), остальные – из четвертичных отложений. Исходным материалом для них служил грубый пластовой халцедоновый кремень серого и черного цвета, а также галечный темно-серого цвета. Первый абсолютно преобладает, из него изготовлено 30 изделий, из галечного – три. Сыре добывали в пределах стоянки: либо в осыпи непосредственно на месте причленения древней поймы к высокой четвертой террасе, в скальном цоколе которой (как и в Кетросах) имеются выходы пластового кремня, либо в галечнике непосредствен-

но в русле древнего Днестра. Большая часть изделий из кремня не имеет патины и сохраняет естественный цвет. Покрыты патиной только три изделия: одно – глубокой патиной белого цвета, остальные – бело-синей. Интенсивно патинированное зубчатое орудие выявлено непосредственно в слое, на поверхности галечника (рис. 7, 4); вероятно, перекрывающие галечник отложения были здесь разрушены, поэтому отдельные артефакты оказались на поверхности. Остальные изделия с незначительной патиной – подъемный материал; он был обнаружен на грунтовой дороге, проложенной по склону, непосредственно по краю местонахождения. Среди кремневых изделий преобладают слабоокатанные. Подобное характерно и для аллювиального комплекса стоянки Кетросы, но там данная особенность выражена в большей мере [Аниюткин, 2001]. Это указывает на залегание каменных артефактов в однотипных отложениях.

В коллекции представлено семь нуклеусов небольших размеров (31–75 мм в поперечнике); они являют-

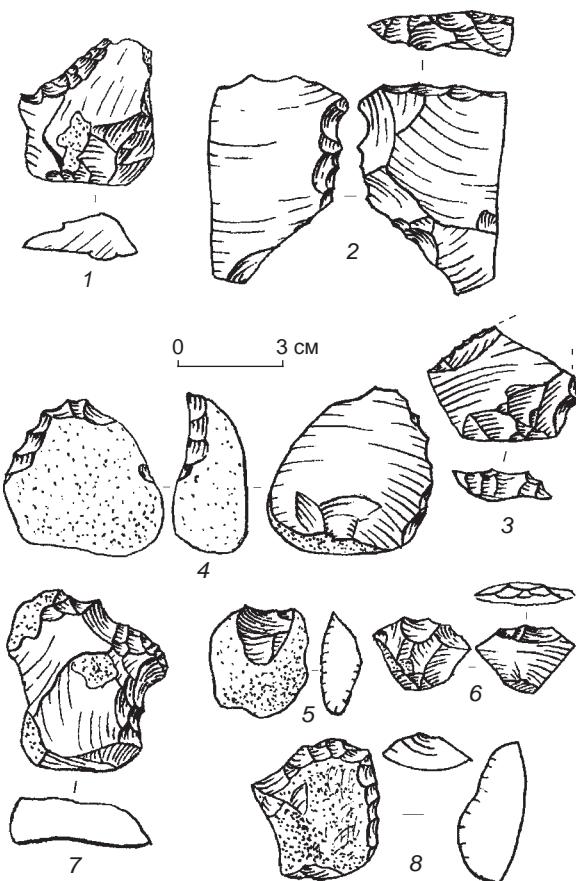

Рис. 7. Кремневые изделия из Шипота-2.

1 – скребло; 2 – комбинированное орудие – зубчатый нож с ретушированным обушком и угловой режущей кромкой; 3 – ретушированный отщеп; 4 – зубчатое скребло на первичном отщепе; 5 – галька с выемкой; 6 – зубчатое орудие; 7 – боковое тайякское острье; 8 – скребок.

ся, скорее всего, остаточными. В качестве исходных форм использовались относительно крупные обломки и осколки блоков пластового кремня и сравнительно мелкие гальки серого кремня. Нуклеусы включают: одноплощадочный («стинковский» тип) укороченный; два дисковидных (рис. 6, 1), два грубых призматических (рис. 6, 7) и два атипичных. Ударные площадки либо естественно гладкие, либо оформленные одним или несколькими сколами, и только в двух случаях они фасетированные. Леваллуазских форм не обнаружено. В целом по форме и характеру обработки нуклеусы аналогичны некоторым предметам из нижнего слоя Стинки-1.

В качестве «сколов-заготовок» использовались отщепы и обломки. Последние весьма многочисленны, что можно объяснить, в частности, низким качеством имевшегося под рукой исходного материала. Следует отметить, что, судя по коллекции, на стоянке Кетросы широко применялось аналогичное сырье, но использование естественных обломков и осколков было незначительным. Для выразительных отщепов типичны гладкие, реже двугранные ударные площадки. Большинство из них – широкие и скошенные, с обширными ударными бугорками. Отщепы с подобными признаками расщепления отмечены в Кетросах, но там массивные и укороченные единичны. Пластины отсутствуют, сколов с сугубо параллельными срезами нет. Только один относительно тонкий и мелкий отщеп с выпуклой фасетированной площадкой можно весьма условно описать как атипичный леваллуазский (рис. 7, 3). Показательно присутствие в коллекции как относительно крупных, так и мелких изделий, что лишь частично можно объяснить низким качеством пластового кремня. Эта особенность характерна для более ранних индустрий, возраст которых древнее амерсфорта [Там же]. Тем не менее во всех индустриях, сходных с комплексом каменных изделий из нижних слоев гrotа Старые Дуруиторы, а также Мерсыны, Бобулешты-5, Ярово, Осыпка, преобладают мелкие артефакты, длина которых (по оси скальвания) не превышает 50 мм.

Орудий выделено 14. Интересно галечное орудие на мелкой кремневой гальке, поперечный рабочий элемент которой выделен клектонской выемкой (рис. 7, 5). Обнаружено три разных скребла, в их числе скребло с прямым рабочим краем, изготовленное на кремневом обломке, оно имеет выделенную выемкой угловую режущую кромку. Последняя особенность позволяет рассматривать орудие как комбинированное – скребло и клювовидный резак (см. рис. 6, 2). Второе изделие на кремневом осколке также может рассматриваться как комбинированное орудие, в котором сочетаются элементы простого выпуклого скребла, скребка и долотовидного орудия. Третье скребло, изготовленное на отщепе, можно отнести к поперечным с диагонально расположенным лезвием (см. рис. 7, 1). Скребок высо-

кой формы с рабочим краем, выделенным серией удлиненных микросколов, выполнен на нуклевидном осколке (см. рис. 6, 4). Атипичная проколка изготовлена на небольшом отщепе. Представлено четыре зубчатых орудия. Одно из них на крупном и массивном отщепе длиной 81 мм имеет два рабочих элемента в сочетании с поперечной выемкой на снятой ударной площадке (см. рис. 6, 8). Для второго, изготовленного на массивном первичном отщепе, характерна глубокая патина белого цвета (см. рис. 7, 4). У третьего зубчатого орудия на крошечном отщепе отмечено извилистое лезвие, выполненное относительно крупными выемками (см. рис. 7, 6). Очень примечательно четвертое орудие с поперечным обушком, оформленным крутой «встречной» ретушью; его аналоги встречены на ряде памятников: гrot Старые Дуруиторы (нижние слои), Ярово, гrot Бузджаны-1, стоянка Стинка-1 (нижний слой). В Шипоте-2 обнаружен специфической формы нож с обушком, основной рабочий элемент которого расположен на углу остраго лезвия, выделенного крупной выемкой и дополнительно оформленного зубчатой ретушью (см. рис. 7, 2). Следует обратить внимание на интересную находку, которая может рассматриваться как атипичное тайякское острье или зубчатое орудие с острием; аналогичные изделия имеются в коллекции нижнего слоя Стинки-1 (см. рис. 7, 7). Еще одна ладьевидная форма с грубыми резцовыми сколами, которая обычна для индустрии нижнего слоя Стинки-1, может восприниматься как многофасеточный резец. Также к орудиям, хотя и не совсем выразительным, можно отнести мелкий отщеп с небольшой краевой выемкой, которая выделяет небольшой рабочий элемент, образованный двусторонней ретушью и микрорезцовыми сколами.

Особенно важным и показательным является скребок на ударной площадке массивного и крупного отщепа; его следует воспринимать как комбинированное орудие с двумя скребковыми рабочими краями – на ударной площадке и торце (см. рис. 6, 5). Данная форма характерна для группы среднепалеолитических памятников дуруиторо-стинковского единства. Речь идет о двух разновременных индустриях – «дуруиторской» и «стинковской» (стинковский «преселет»), связанных между собой значительным сходством ряда технико-типологических признаков. Показательно, что скребки на ударных площадках отщепов встречаются на памятниках не только среднего, но и верхнего палеолита региона. Дополнительно можно отметить два ретушированных отщепа, один из которых (см. рис. 6, 6) можно описать как раклет (raclette) [Bordes, 1961, p. 37].

Небольшая коллекция местонахождения Шипот-2 характеризуется совокупностью выразительных форм и элементов первичной и вторичной обработки, которые резко выделяют ее на фоне описанного выше комплекса стоянки Кетросы. Отличия проявляются как в технике первичной и вторичной обработки кремня,

формах нуклеусов, так и в наборе орудий. На рассматриваемом памятнике слабо представлены элементы леваллуа и общая пластинчатость заготовок, преобладает клектонская техника первичного расщепления.

Осыпка. Местонахождение было обнаружено еще в 1968 г. [Анисюткин, 1977, 2001]. Возможно, оно находится совсем рядом с известным местонахождением Хотин, обнаруженным П.И. Борисковским еще в 1946 г. [Борисковский, 1953, с. 63–64], но является ли Осыпка частью Хотина – неясно. Во всяком случае собранные П.И. Борисковским на бичевнике единичные каменные изделия лежали непосредственно под обнажением. Они могли оказаться в реке в результате сползания в воду части отложений. Местонахождение находится примерно в 500–600 м выше по реке от Хотинской крепости, почти против впадения в Днестр р. Жванец, на западной окраине с. Атаки Хотинского р-на Черновицкой обл. (Украина). Оно располагается на своеобразном мысу, образованном с юга и юго-востока гравийным карьером, а с севера – небольшим овражком. Эта терраса была определена геологами как вторая надпойменная терраса Днестра [Иванова, 1969]. В настоящее время данный участок полностью уничтожен гравийным карьером (рис. 8). Местонахождение выявлено выше по течению Днестра от объектов в Кышлянском яре и яре Шипот.

Основные исследования развернулись в 1968 г.: проводилась первоначальная зачистка обнажения восточной стенки карьера, была заложена небольшая траншея (размеры 2×5 м), к которой затем был прирезан с востока участок площадью 2 м². В целом раскопано более 20 м². В самом начале раскопки посетил известный советский исследователь палеолита С.Н. Бибиков, который дал несколько весьма полезных советов.

Современная дневная поверхность террасы, на которой расположено местонахождение, имеет слабый наклон к реке, его крутизна возрастает к краю террасы. Лежащие выше аллювия четвертичные отложения

здесь незначительной мощности, которая постепенно увеличивается по мере удаления от реки. Выявлена следующая стратиграфия:

1. Почвенно-растительный слой, частично перекрытый слоем насыпной земли. Мощность до 0,35 м.
2. Суглинок коричневого цвета, глинистый. Мощность до 0,40 м.
3. Супесь известковистая, светло-коричневого цвета, с песчанистыми прослойками и включениями гальки и гравия. Мощность до 1 м.
4. Галечник (русоловая фация аллювия). Видимая мощность до 1 м.

Каменные изделия обнаружены преимущественно в основании слоя 2. Однако, по наблюдениям, сделанным в ходе расчистки западной части траншеи (2×5 м), обращенной в сторону карьера, в нижней (северной) половине, непосредственно над Днестром, в кв. 1 каменные изделия были рассеяны почти по всей толще коричневого суглинка, хотя концентрировались в основном в нижней части. В кв. 4, расположенному выше по склону, находки группировались уже в основании этого суглинка, а в самом краине кв. 5 – непосредственно на поверхности, лежащей ниже супеси. Причем каменные изделия, обнаруженные в кв. 5, имели известковистые натеки на нижних плоскостях, свидетельствующие о связи находок с карбонатными отложениями данной супеси. Важно обратить внимание на то, что все интенсивно патинированные каменные изделия без известковистых натеков – это либо немногочисленный подъемный материал, собранный под обнажением, либо находки с крайних квадратов, непосредственно над Днестром. Интересно, что выше по склону, в восточной стенке гравийного карьера, отложения выделяемого слоя 3, перекрыты здесь маломощным слоем 2 (ок. 15–18 см), лежат несколько выше верхнего уровня кровли коричневого слоя с переотложенными кремневыми изделиями средне-палеолитического облика, расположенного на кв. 1, непосредственно над рекой.

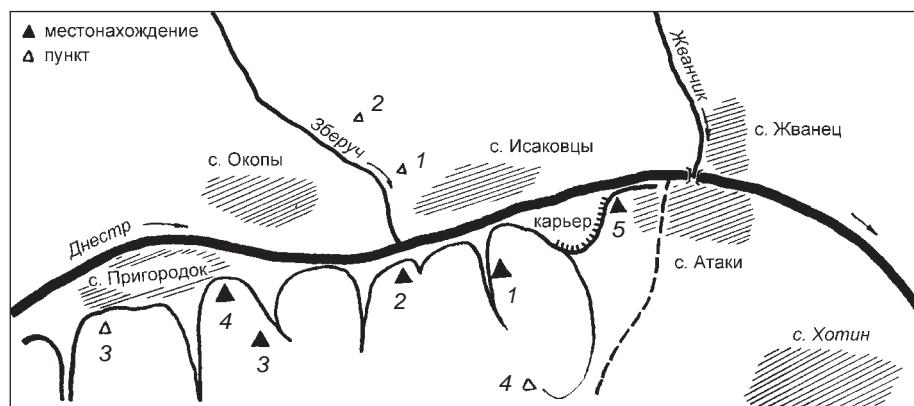

Рис. 8. Карта-схема расположения палеолитических памятников в районе местонахождения Осыпка.
1 – Стинка-1; 2–4 – Стинка-2–4; 5 – Осыпка.

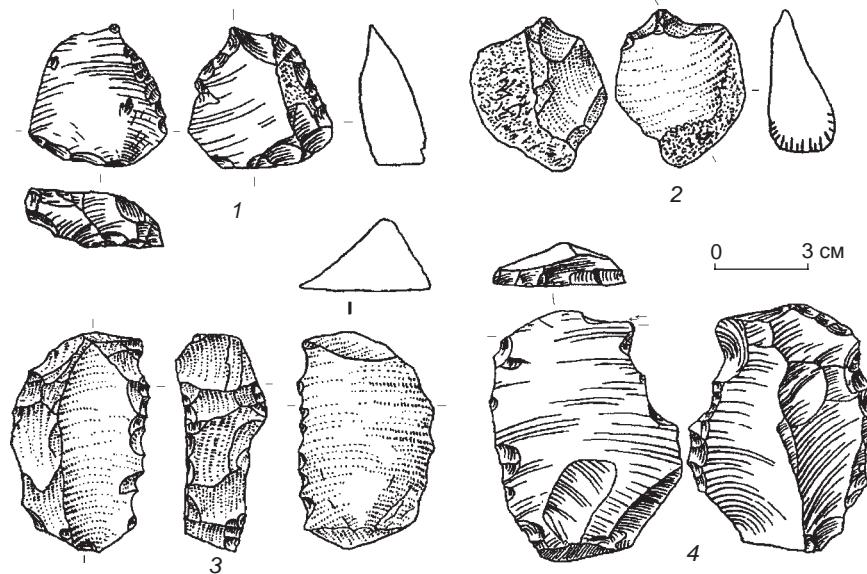

Рис. 9. Каменные орудия из Осыпки.

1 – клововидное острье с ретушированным обушком; 2 – кварцитовое клововидное острье; 3 – нож с зубчатым лезвием и обработанным обушком; 4 – клововидный резак с микрорезцовыми сколами и ретушированным поперечным краем (bill-hook).

После окончания раскопок при осмотре «разреза» карьера в восточной стенке удалось выявить несколько кремневых изделий, залегавших непосредственно в слое 3. Среди них особый интерес представляет клововидное орудие, которое можно отнести к типу bill-hook (рис. 9, 4). Подобные формы представляют характерные орудия клектонской индустрии Англии [Collins, 1968; Gamble, 1985, р. 145].

Все каменные изделия, составляющие единый комплекс, залегали в пойменном аллювии второй надпойменной террасы Днестра, который представлен слоистыми отложениями карбонатной супеси с прослойками гальки и гравия. Найдены явно переотложены. Первоначально они находились в аллювиальных отложениях, но в результате более поздней плоскостной эрозии оказались в коричневом суглинке финального плейстоцена.

Коллекция Осыпки содержит более сотни каменных изделий, в их числе нуклеусы, орудия и отходы производства. Орудия изготавливались из галечного и пластового кремня, а также кварцита и кварцитовидного песчаника. Последний обычен для всех коллекций стинковской группы памятников, в т.ч. стоянки Стинка-1, но не представлен или случаен для объектов типичного мустье в регионе.

Почти все изделия покрыты патиной (от очень интенсивной на обеих сторонах до менее интенсивной на одной стороне). На некоторых предметах прослеживается характерный люстраж.

В коллекции 104 предмета. Большая часть обнаружена в ходе раскопок, представлены также матери-

алы из сборов на поверхности (под обнажением) и в месте расчистки. В коллекции выделены 43 орудия, 14 нуклеусов, 27 отщепов, 11 осколков со следами расщепления, девять чешуек и мельчайших отщепов [Анисяуткин, 2001].

Нуклеусы можно подразделить на одноплощадочные (3 ед.), дисковидные односторонние (3 ед.), шаровидные, или многоплощадочные (2 ед.), атипичные (6 ед.) (рис. 10). Преобладают мелкие, которые могут рассматриваться как остаточные. Начальная стадия представлена тремя атипичными нуклеусами. Самый крупный из них в поперечнике более 100 мм. Размеры прочих ядрищ варьируют в пределах 40–60 мм. Все нуклеусы массивные в поперечном сечении, укороченные, без фасетированных ударных площадок (отмечены признаки лишь минимальной подправки). Среди последних преобладают двугранные, которые можно воспринимать как совокупность гладких.

Нуклеусы из Осыпки и Шипота-2 существенно отличаются от соответствующих форм со стоянки Кетросы не только по размерам и форме, но и по степени их утилизации в процессе первичного расщепления.

Среди сколов преобладают массивные отщепы неправильной формы и небольших размеров. Много укороченных отщепов, длина которых меньше ширины. Они составляют почти половину (43 %) всех определимых сколов. Определенные образцы распределяются по размерам так: менее 40 мм – 42 ед., от 40 до 50 мм – 16 ед., от 50 до 60 мм – 4 ед., более 60 мм – 4 ед.

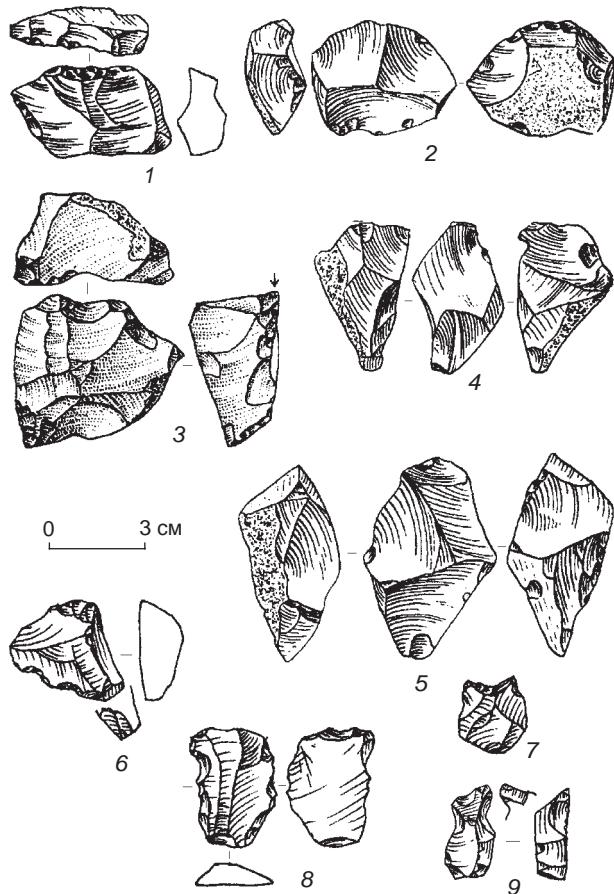

Рис. 10. Каменные изделия из Осыпки.

1–5 – нуклеусы; 6 – скребок на осколке кремня; 7 – проколка в сочетании с поперечной выемкой; 8 – зубчатое орудие с усечением ядрищного типа; 9 – клювовидное микроорудие с плоским резцовым сколом.

На относительно крупном отщепе изготовлены клювовидный резак (bill-hook), длина которого по оси скальвания составляет 79 мм, а также зубчатое орудие – нож с обушком, обработанным «встречной» ретушью, его длина 68 мм (см. рис. 9, 3). Леваллуазских отщепов и пластин нет. В коллекции всего две грубые пластины, которые отличаются от отщепов только тем, что их длина более чем вдвое превосходит ширину. Сковоз-заготовок, пригодных для изготовления орудий, не выявлено.

Изделиям соответствуют следующие технические индексы (по Ф. Борду): IL – 0, IF – 18, Pam – 3,3, ICL – 51. Индекс леваллуа, как уже отмечалось, равен 0. Низким является индекс подправленных (грубо фасетированных) площадок, их основу составляют двугранные ударные площадки. Также ничтожен показатель пластин (Pam), но достаточно высок кляктонский индекс (ICL), который характеризуется гладкими и скошенными ударными площадками. Многочисленны массивные отщепы с крупными ударными бугорками,

количество которых определило весьма значительный индекс массивности (более 30).

Почти все орудия изготовлены на целых «заготовках», выделенных в данном комплексе условно. Бесспорно фрагментированные отщепы единичны.

Изделия со следами вторичной обработки (орудия) относительно обильны. Так называемая мустерьерская группа (по Ф. Борду) сравнительно малочисленна. В коллекции нет остроконечников. Атипичные скребла представлены тремя образцами. Скребло с прямым рабочим краем изготовлено на осколке кремневой гальки. Рабочий край оформлен чешуйчатой ретушью, кромка лезвия дополнительно оформлена микрозубчатой. Скребло с выпуклым рабочим краем изготовлено на естественном обломке. Скребло с вогнутым рабочим краем незначительно отличается от выемчатого орудия, изготовлено на массивном кляктонском отщепе. Рабочий край выделен грубой чешуйчатой ретушью.

Группа изделий «верхнего палеолита» представлена типичным скребком высокой формы на массивном отщепе (см. рис. 10, 6), атипичным резцом, проколкой на тонком отщепе (см. рис. 10, 7) и двумя ножами с ретушированными обушками. Для последних использованы массивные реберчатые отщепы, а обушки выделены отвесной («встречной») ретушью (см. рис. 9, 3).

Относительно многочисленны выемчатые орудия (8 ед.). Среди них отмечены три кляктонских, одно желобчатое, которое является разновидностью кляктонского, и четыре простых с ретушированными выемками.

Выразительна серия зубчатых орудий: шесть скребловидных, три с пильчатыми лезвиями и два с боковыми остриями. Нож с естественным обушком представлен единичным образцом.

Особый интерес представляет серия выразительных клювовидных орудий, которые повторяют все характерные формы, выделенные в коллекции нижнего слоя стоянки Стинка-1, расположенной в нескольких сотнях метров выше по течению реки, но на высокой террасе. Выделены шесть клювовидных резаков, в т.ч. типичный bill-hook, два острия и два долотовидных орудия. У массивных острий имеются обушки: естественный (см. рис. 9, 2), а также выделенный отвесной («встречной») ретушью, в ходе нанесения которой была снята часть ударной площадки (см. рис. 9, 1). Долотовидные формы имеют узкие («стамескообразные») рабочие края.

Серия скребков на ударных площадках отщепов представлена тремя образцами. Один из них – комбинированное орудие, в котором сочетаются элементы скребка и клювовидного долотовидного орудия.

Орудий, которые можно описать как чопперовидные, всего три. От подлинных чопперов они отличаются тем, что изготовлены не на гальках, а на осколках кремня, а также особенностями вторичной обработки – она только двусторонняя.

Интерес вызывает дисковидное орудие, изготовленное на небольшом отщепе; его рабочий край выделен подтеской и двусторонней ретушью. Аналогичные формы известны почти во всех коллекциях данного варианта среднего палеолита, но отсутствуют в материалах типичного мустье.

Итак, каменная индустрия Осыпки представлена более многочисленной коллекцией, чем индустрия Шипота-2, но ее технико-типологические признаки позволяют считать, что оба комплекса принадлежат одному варианту среднего палеолита. Оба характеризуются нелеваллуазской техникой расщепления с малочисленными пластинчатыми сколами, преобладанием массивных отщепов с преимущественно гладкими и скошенными укороченными ударными площадками.

Среди изделий со следами вторичной обработки первостепенное значение имеют скребки на площадках отщепов, орудия высоких форм, в т.ч. острия и скребковидные, а также разнообразные клювовидные орудия. Показательно присутствие орудий с обушками, выделенными крутой «встречной» ретушью. Подобные признаки, характерные для коллекции Осыпки и Шипота-2, отсутствуют в индустриях как типичного мустье, так и микока, но обычны в комплексах региональных памятников, относящихся к единому варианту среднего палеолита, включая нижние слои гротов Старые Дуруиторы и Выхватинцы, местонахождений Мерсына, Бобулешты-5, Ярово, нижний слой Стинка-1 [Кетрару, 1973; Аниюткин, 2001].

Сопоставление коллекций и определение возраста памятников

Приведу количественные показатели коллекций памятников, относящихся к дуруиторо-стинковскому единству, оставив за пределами рассмотрения (по причине малочисленности коллекции) местонахождение Шипот-2 (табл. 1).

Таблица демонстрирует сходство количественных технико-типологических показателей сопоставляемых индустрий. В первых двух памятниках обнаружено мало орудий; их количество недостаточно для выявления соответствующих индексов. Многочисленность коллекций характерна для нижних слоев 3 и 4 грота Старые Дуруиторы, а также местонахождений Бобулешты-5 и Ярово. Очень мало орудий с признаками двусторонней обработки, их доля, как правило, едва превышает 2 %. Группа орудий среднепалеолитического облика отличается разнообразием, немногочисленна; исключением является комплекс Ярово. В коллекциях относительно много «верхнепалеолитических» форм, а также зубчатых орудий.

Типичному мустье, которое представлено коллекциями таких памятников, как Кетросы и Стинка-Дарабаны, соответствуют более высокие индексы леваллуа, фасетирования и пластин. Показатель клектонских отщепов достаточно высокий, но не достигает 40. Весьма существенно процентное соотношение характерных групп сопоставляемых вариантов. В первую очередь это касается групп «верхнего палеолита» и зубчатых орудий, хотя и собственно «мустьерская» группа отличается не только количественными показателями, но и присутствием в типичном мустье выразительных остроконечников, а также хорошим качеством разнообразных скребел, обработанных типично мустьерской ретушью.

Сопоставляемые комплексы обнаруживают сходство по наличию таких показательных форм, как скребки на ударных площадках отщепов; орудия высоких форм, в т.ч. клювовидные (острия, «долота», резаки); изделия с обушками, выделенными крутой (отвесной), «встречной» ретушью (табл. 2).

Для контраста были привлечены коллекции из мустьерского слоя стоянки Кетросы, включая материалы обоих раскопанных комплексов, а также коллекцию кремневых изделий соседнего местонахождения Стинка-Дарабаны. Каменный инвентарь последнего подобен каменному инвентарию комплекса 2 стоянки Кетросы.

Таблица 1. Технико-типологические показатели памятников, относящихся к дуруиторо-стинковскому единству и типичному мустье

Памятник	IL	IF	IIam	ICI	II	III	IV
Осыпка	0	18	3,3	51	—	—	—
Выхватинцы	1,2	26	3,7	44	—	—	—
Бобулешты-5	2,0	28	3,5	49	16	10	25
Ярово	1,7	27	3,2	48	29	18	19
Старые Дуруиторы	2,5	28	4,5	58	15	21	19
Кетросы-1	21	43	12	21	39	6,4	15
Кетросы-2	12	43	10	32	—	—	—
Стинка-Дарабаны	15	38	6,6	36	71	5	8,3

Таблица 2. Формы орудий и элементов вторичной обработки, характерные для памятников дуруиторо-стинковского единства*

Памятник	Скребки на ударных площадках отщепов	Орудия высоких форм	Изделия с обушками, выделенными крутой весной ретушью
Осыпка	x	x	x
Шипот-2	x	x	x
Бобулешты-5	x	x	x
Выхвачинцы, нижний слой	x	x	x
Ярово	x	x	x
Старые Дуруиторы	x	x	x
Стинка-1, нижний слой	x	x	?
Кетросы-1, -2	-	?	-
Стинка-Дарабаны	-	-	-

*Наличие признаков отмечено крестиком.

Очевидно, что сопоставляемые коллекции, которые ранее были включены в «дуруиторо-стинковское единство» [Анисяткин, 2001], обладают всей полнотой характерных признаков. Только в коллекции нижнего слоя Стинки-1 представлено несколько весьма невыразительных обушковых форм с элементами «встречной» ретуши; эта невыразительность, возможно, обусловлена качеством сырья, из которого изготовлены сходные ножевидные орудия.

Приведенные для сравнения каменные индустрии стоянок Кетросы-1, -2 и Стинка-Дарабаны, которые относятся к типичному мустье, резко отличаются от всех комплексов «дуруиторо-стинковского единства». Сопоставляемые индустрии типичного мустье хронологически близки «аллювиальному» комплексу: их разделяет не более 5 тыс. лет. К сожалению, коллекция орудий из раскопа 2 стоянки Кетросы, которая по технико-типологическим показателям, возможно, более близка комплексу из аллювиального комплекса этой же стоянки, малочисленна и не может учитываться при статистическом анализе. В какой-то мере ее может заменить коллекция Стинки-Дарабаны, в которой насчитывается более 50 орудий. Кстати, выделенные в комплексе 2 стоянки Кетросы два клюво-видных орудия отличаются от подобных форм «дуруиторо-стинковского единства». По технике вторичной обработки и набору орудий данный комплекс, включая коллекции Стинки-Дарабаны и стоянки Кетросы, относящийся к типичному мустье, резко отличается от индустрии, которую следует назвать дуруиторской

(нижние слои грота Старые Дуруиторы, Бобулешты-5, Ярово, Шипот-2, Осыпка); она представляет ранний этап рассматриваемого «единства».

Описанные здесь коллекции стоянки Кетросы, местонахождений Шипот-2 (нижняя стоянка) и Осыпка, которые связаны с пойменным аллювием второй надпойменной террасы Днестра, имеют весьма надежную дату. Пойменный аллювий этой террасы, как известно, относится к самому началу последнего вюрмского оледенения и соответствует, согласно схеме Н.С. Болиховской, первому ранневалдайскому похолоданию и «кетросскому» (первому ранневалдайскому) межстадиалу, сопоставимому с интерстадиалом аммерсфорта [Болиховская, 1995, с. 113]. Правда, по мнению И.К. Ивановой, пойменные отложения разрезов стоянки Кетросы имеют аммерсфортийский возраст [1982]. Они, возможно, сопоставимы с начальным межстадиальным эпизодом древнего вюрма (25-й эпизод Дансгаард-Ошер), возраста которого ок. 110 тыс. лет [Степанчук, 2006, с. 135]. Можно уверенно констатировать, что в период, соответствующий OIS 5, на территории Приднестровья существовали два варианта среднего палеолита. Один из них определен как мустье типичное, второй – как особый вариант, частично сопоставимый с европейским тайяком. Причем первый, если принять во внимание наличие в коллекции типичного ручного рубила и массивного ножа с обушком, вполне можно описать как микок.

Микокская индустрия представлена в среднем слое грота Выхвачинцы в отложениях начала позднего плейстоцена, соответствующих либо микулинскому межледниковью, либо самому началу вюрма (OIS 5). В гроте были обнаружены выразительные микокские бифасы, которые сопровождались орудиями на отщепах и пластинах леваллуазского типа [Анисяткин, 2001]. В общем, если брать во внимание только орудия на отщепах, то можно сделать вывод, что данный вариант «восточного микока» практически неотличим от разновидности регионального типичного мустье. Это сходство демонстрируют и более поздние индустрии из мустерьских слоев соседней стоянки Рипичени-Извор, расположенной на правом берегу р. Прут; здесь многочисленные бифасы выявлены только в верхних слоях 4 и 5 [Paunescu, 1993]. Данную разновидность типичного мустье представляют, в частности, коллекции комплексов 2 и 3 стоянки Кетросы, местонахождений Стинки-Дарабаны и Кишлянский Яр (северное местонахождение), которые ранее были описаны мною как северомолдавская группа [Анисяткин, 1982, с. 14], можно определить как мустьеро-микокская. Это обусловлено постоянным присутствием в коллекциях каменных изделий данной разновидности типичного мустье типичных и выразительных, хотя и единичных, микокских форм. Последних нет в региональном леваллуа-мустье (Молодова-1 и -5, Пронятин, комплекс 1 стоянки Кетросы).

Заключение

Рассмотренные материалы трех местонахождений, относящиеся к надежно датированным отложениям, позволяют сделать ряд выводов об особенностях развития среднего палеолита на территории юго-западной части Русской равнины.

Коллекция кремневых изделий аллювиального комплекса стоянки Кетросы сопоставима прежде всего со стратифицированными коллекциями из 2-го лежащего выше культурного слоя раскопа 2, а также с микокской коллекцией среднего слоя грота Выхватинцы. Сходство проявляется в продуктах расщепления (дебитаже), а также в наличии типичных рубил (одно микокское, другое треугольное).

Коллекции каменных изделий Осыпки и Шипота-2 (нижний слой) аналогичны коллекциям местонахождений Бобуешты-5 и Ярово, а также комплексам каменных изделий из нижних слоев гротов Выхватинцы и Старые Дуруиторы. Каменные изделия и многочисленные кости животных из гротов можно отнести к риссу и микулинскому межледниковою, но комплекс местонахождения Бобуешты-5, представленный подъемным материалом [Кетрару, 1973; Аниюткин, 2001], неотличим от стратифицированных. Если учитывать стратиграфию памятников из пойменного аллювия, весь массив рассматриваемых памятников можно связывать с верхней хронологической границей, которой является интерстадиал амерсфорт. Естественно, что некоторые объекты, если принимать во внимание заметный архаизм каменных изделий Мерсыны и Ярово, а также стратиграфическую позицию пещерных памятников с тайякской индустрией (нижние слои гротов Выхватинцы и Старые Дуруиторы), следует считать более древними. Они могут датироваться рисс-вюрмским (микулинским) и рисским временем.

Можно утверждать, что в начальной поре позднего плейстоцена, т.е. ок. 110–105 тыс. л.н., в регионе существовали два варианта среднего палеолита, один из которых относится к т.н. большому мустъерскому комплексу с заметными элементами микока и леваллуа, а второй представляет собой весьма своеобразный технокомплекс, сопоставимый в общих чертах с тайякским, в котором пластинчатость и элементы леваллуа находились в зачаточном состоянии. Преобладает «клектонская» технология, а среди орудий многочисленны формы на массивных отщепах и осколках – острия и скребковидные орудия высоких форм. Широкое распространение получают разнообразные орудия, подвергавшиеся выемчато-зубчатой обработке.

Существование двух вариантов продолжалось во время, соответствующее OIS 4 и 3. Правда, каменные индустрии этого периода, относящиеся, в частности, к стинковскому «преселету» нижнего слоя Стинки-1

и восточному микоку, который хорошо представлен коллекциями слоев 4 и 5 стоянки Рипичени-Извор, отличались от более ранних присутствием относительно многочисленных изделий с элементами двусторонней обработки, в частности, листовидных острый.

Важно отметить, что на раннем этапе развития оба варианта, изначально существенно различавшиеся по технико-типологическим показателям, почти не имели бифасиальных форм. Относительное обилие бифасов в среднем слое грота Выхватинцы не может служить существенным аргументом для исключения памятника из «единства», учитывая малочисленность коллекции и возможную фациальную специфику комплекса, обусловленную, возможно, специализацией охотничьего лагеря. Двусторонне обработанные орудия, если использовать в качестве наиболее выразительного показателя стратиграфические колонки стоянок Рипичени-Извор [Paunescu, 1993] и Стинки-1 [Аниюткин, 2005], становятся многочисленными и типичными только примерно после 60 тыс. л.н., т.е. в конце периода, сопоставимого с OIS 4, или в начале временного отрезка, соответствующего OIS 3.

Предложенное мною ранее объяснение феномена почти внезапного появления в верхних слоях 4 и 5 Рипичени-Извор и в нижнем слое Стинки-1 относительно многочисленных бифасов листовидных форм, связанного с микокским влиянием [Там же], пока никем не опровергнуто. Правда, до сих пор недостаточно ясен источник этого влияния. Подходящий для выяснения этого вопроса объект – средний слой грота Выхватинцы с типичными микокскими формами – представлен весьма малочисленной (но выразительной) коллекцией каменных изделий без листовидных бифасов [Аниюткин, 2001, с. 107–114]. Если же иметь в виду древний слой III стоянки Великий Глыбочек на территории соседней Подолии, который можно (вслед за А.С. Сытником) условно отнести к восточному микоку, но уже рисского времени [Ситник, 2000], то следует отметить, что в его индустрии, обнаруженной непосредственно в культурном слое, присутствуют преимущественно обломки бифасов листовидных форм [Там же, с. 127]. Последние весьма сходны с аналогичными орудиями из нижнего слоя Стинки-1 и некоторыми бифасами из слоев 4 и 5 Рипичени-Извор. Правда, более или менее удовлетворительное решение вопроса о связи этих индустрий требует проверки и зависит от дополнительных материалов.

Список литературы

Адаменко О.М., Гольберт А.В., Осиюк В.А., Матвиишина Ж.Н., Медянник С.И., Моток В.Е., Сиренко Н.А., Черняк А.В. Четвертичная палеогеография экосистемы Нижнего и Среднего Днестра. – Киев: Феникс, 1996. – 200 с.

Анисюткин Н.К. Новое палеолитическое местонахождение Шипот в Приднестровье // БКИЧП. – 1975. – Вып. 43. – С. 163–168.

Анисюткин Н.К. Раннемустьерское местонахождение Осыпка и некоторые вопросы зубчатого мустья в междуречье Днестра и Прута // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л.: Наука, 1977. – С. 7–14.

Анисюткин Н.К. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. – Л.: Наука, 1981. – С. 7–53.

Анисюткин Н.К. Типичное мустье на юго-западе СССР // Тез. докл. XI Конгресс INQUA. – М., 1982. – Т. 1. – С. 14.

Анисюткин Н.К. Ручные рубила с территории Приднестровья // Изучение раннего палеолита Старого Света. – СПб.: Наука, 1998а. – С. 33–38. – (Археол. изыскания; № 57).

Анисюткин Н.К. Новые памятники среднего палеолита на Днестре // Археол. альманах. – Донецк, 1998б. – № 7. – С. 39–50.

Анисюткин Н.К. Мустьерская эпоха на Юго-Западе Русской равнины. – СПб.: Европ. дом, 2001. – 308 с.

Анисюткин Н.К. Палеолитическая стоянка Стинка-1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему // Тр. Костенковско-Борщевской археол. экспедиции. – СПб., 2005. – Вып. 2. – 186 с.

Анисюткин Н.К., Павлов П.Г. Работы Дарабанского отряда // АО 1978 года. – М.: Наука, 1979. – 283 с.

Богуцкий А., Ситник О., Дмитрук Р. Стратиграфія пам'яток середнього палеоліту Поділля и Прикарпаття // Варіабельність середнього палеоліту України. – Київ: Шлях, 2003. – С. 63–77.

Болиховская Н.С. Эволюция лессово-почвенной формации Северной Евразии. – М.: Моск. гос. ун-т, 1995. – 270 с.

Борисковский П.И. Палеолит Украины // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 40. – 464 с.

Веклич М.Ф. Стратиграфия лесовой формации Украины и соседних стран. – Киев: Наук. думка, 1968. – 238 с.

Давид А.И. Остатки млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. – М.: Наука, 1981. – С. 135–142.

Иванова И.К. Геологическое строение долины реки Днестр в районе мустьерского местонахождения Стинка // БКИЧП. – 1969. – № 36. – С. 129–136.

Иванова И.К. Геология и палеогеография стоянки Кормань IV на общем фоне геологической истории каменного века Среднего Приднестровья // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань. – М.: Наука, 1977. – Вып. IV. – С. 126–171.

Иванова И.К. Геология и геоморфология окрестностей стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. – М.: Наука, 1981. – С. 59–80.

Иванова И.К. Геология и палеогеография мустьерского поселения Молодова-1 // Молодова-1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. – М.: Наука, 1982. – С. 188–228.

Иванова И.К., Болиховская Н.С., Ренгартен Н.В. Геологический возраст и природная обстановка мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. – М.: Наука, 1981. – С. 152–161.

Кетрару Н.А. Памятники эпох палеолита и мезолита // Археологическая карта Молдавской ССР. – Кишинев: Штиинца, 1973. – Вып. 1. – 175 с.

Кулаковська Л.В. Середньопалеолітичні варіації на заході України // Варіабельність середнього палеоліту України. – Київ: Шлях, 2003. – С. 10–31.

Кухарчук Ю.В. К проблеме дифференциации ножей и скребел // Археол. альманах. – Донецк, 1994. – № 3. – С. 71–85.

Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Холмовой Г.В. Календарно-событийная стратиграфия позднего неоплейстоцена // Третье Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: Мат-лы совещания. – Смоленск, 2002. – Т. 1. – С. 143–145.

Покатилов В.П., Букатчук П.Д. Эоплейстоценовые и плеистоценовые террасы бассейна Днестра и их палеогеография // Четвертичный период. Палеогеография и литология. – Кишинев: Штиинца, 1989. – С. 81–91.

Ситник О. Середній палеоліт Поділля. – Львів: Наук. думка, 2000. – 370 с.

Степанчук В.Н. Нижний и средний палеолит Украины. – Черновцы: Зелена Буковина, 2006. – 464 с.

Чабай В.П. Крым в контексте вариабельности среднего палеолита Восточной Европы // Варіабельність середнього палеоліту України. – Київ: Шлях, 2003. – С. 78–101.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. – Симферополь: Шлях, 2004. – 324 с.

Anissutkine N.K. Le Moustierien du Sud-Ouest de l'URSS // L'Anthropologie. – 1990. – Т. 94, N 4. – P. 713–738.

Bordes F. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. – Bordeaux: Institut de Préhistoires de l'Université de Bordeaux, 1961. – Mem. 1. – 85 p.

Gamble C. The Palaeolithic settlement of Europe. – Cambridge: Cambridge world archeology, 1985. – 471 p.

Collins D.M. Metrischer und typologischer Beweis für die Selbstständigkeit der Kulturtraditionen des Acheuliens und Clactoniens in England und Deutschland // Jahresschrift mitteldeutsche Vorgeschichte. – 1968. – N 52. – S. 27–38.

Paunescu A. Ripiceni-Izvor. – Bucuresti: Editura Academiei Romane, 1993. – 228 s.

УДК 551.794(282.256.341)

**Е.В. Безрукова, А.А. Абзаева, П.П. Летунова,
Н.В. Кулагина, Л.А. Орлова**

**СВИДЕТЕЛЬСТВА
НЕСТАБИЛЬНОСТИ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ОЗЕРА БАЙКАЛ
ПОСЛЕ ПОСЛЕДНЕГО ОЛЕДЕНЕНИЯ
НА ПРИМЕРЕ ПЫЛЬЦЕВЫХ ЗАПИСЕЙ ИЗ БОЛОТНЫХ ЭКОСИСТЕМ***

Пыльцевой анализ двух датированных кернов озерно-болотных отложений из различных районов бассейна Байкала предоставил первую полную запись глубоких изменений природной среды озера в позднем ледниковье и существенной амплитуде ее колебаний в голоцене. Пыльцевая стратиграфия отражает неустойчивое состояние ландшафтов и климата в позднем ледниковье и начале раннего голоцена. Для раннего – среднего голоцена подтверждено существование оптимума – влажного и мягкого климата с теплыми зимними периодами примерно 10 000–7 000 л.н. Поздний голоцен выявляется как период прогрессивного повышения континентальности климата и смены темнохвойных лесов на светлохвойные. Сравнение амплитуды изменчивости палеогеографических событий позднего ледниковья и голоцена из наших пыльцевых записей с уже известными записями из бассейна оз. Байкал и с ряда других территорий Евразии показало, что крупные изменения растительности и климата ассоциируются главным образом с таянием глобального льда, вариациями уровня инсоляции и концентрации атмосферного углекислого газа. Менее значительные коротковременные флуктуации климата и растительности голоцена, зафиксированные в пыльцевых записях, могут быть ответом региональной экосистемы на изменения солнечной активности квазитысячелетнего масштаба. Региональные пыльцевые записи демонстрируют отчетливую связь с климатом Северного полушария в целом. Амплитуда этих изменений на северо-востоке озера выше, чем на юге.

Ключевые слова: пыльцевой анализ, палеоклимат, палеоэкология, позднее ледниковье, голоцен, бассейн оз. Байкал.

Введение

Для корректной оценки изменений климата, обусловленных деятельностью человека и накладывающихся на естественный природный тренд, необходимо в первую очередь понять направленность климатических изменений на протяжении последнего переходного периода и голоцена [Rind, Overpeck, 1993]. До тех пор, пока природная динамика наиболее близкого к нам прошлого – терминации I и голоцена, отложения которого развиты повсеместно, не будет надежно описана и объяснена, невозможно адекватно оценить степень антропогенного воздействия на природную среду и климат. К тому же наши знания о наиболее близком

геологическом прошлом все еще ограничены. Самая достоверная на сегодняшний день изотопно-кислородная запись изменения температуры в позднем ледниковье и голоцене из ледового керна Гренландии содержит сигналы резких коротковременных вариаций климата в позднем ледниковье и относительно высокой степени стабильности климата голоцена [GRIP Members, 1995]. Однако данные по геохимической примеси из этого же керна являются индикаторами нестабильности климата и собственно голоцена по крайней мере в Гренландии [Mayewski et al., 1997]. Значительная вариабельность климата голоцена была показана для многих регионов [Enzel et al., 1999; Wurster, Patterson; 2001; Zhao et al., 2007]; предложены различные механизмы, определявшие изменения климата в это время [Bond et al., 2001; Visbeck, 2002]. Представить временную и пространственную измен-

*Работа выполнена в рамках проекта № 09-05-00123-а РФФИ и Байкальского археологического проекта.

чивость климата позднего ледникового и голоцене, как и природной среды в целом, невозможна без информации из разных регионов планеты, особенно из тех, где природная среда наиболее восприимчива к климатическим изменениям. Проводившиеся ранее исследования показали, что геохимические и диатомовые записи из донных отложений оз. Байкал очень чувствительны к вариациям палеоклимата [Участники..., 1998; Khursevich et al., 2001; BDP-99..., 2005; и др.]. Но представленные в публикациях реконструкции климата базируются на значительно осредненном сигнале из глубоководных кернов озерных отложений. Между тем протяженность самой котловины оз. Байкал, соответствующая почти 4° по широте, и существенная разница параметров современного климата в южных и северных районах котловины предполагают различия и в тренде климатических изменений в прошлом. Информация об этом может быть получена из отложений болотных экосистем. В них накапливается мощный слой органических отложений, хранящий непрерывные записи изменения природной среды с высоким временным разрешением для последних – 5–15 тыс. лет [Kataoka et al., 2003; Безрукова, Кривоногов, Абзаева и др., 2005; Безрукова, Белов, Абзаева и др., 2006; Безрукова, Белов, Летунова и др., 2008; Безрукова, Кривоногов, Такахара и др., 2008]. Как показало исследование этих записей, вариабельность климата голоцена, несмотря на более слабый размах, чем в период последнего оледенения, была значительнее по амплитуде и чаще по времени, чем это обычно распознается.

Цель настоящей статьи – провести высокоразрешающую реконструкцию изменчивости природной

среды котловины Байкала в позднем ледниковье и голоцене на примере датированных пыльцевых записей из болотных массивов, находящихся в настоящее время в районах с различными биоклиматическими параметрами: с южного и северо-восточного побережья озера. Обе территории до середины XVII в. практически не подвергались антропогенному воздействию, поэтому седиментационные записи из этих экосистем будут отражать естественную динамику природной среды.

Районы исследования

Дугульдзера. Керн Дугульдзера отобран на восточном побережье Байкала (рис. 1), в районе лесных экосистем среднегорного рельефа. В составе экосистем преобладают лиственничные, сосновые и кедровые леса. Выше на горных склонах и в долинах располагаются лиственнично-кедрово-еловые леса, сменяющиеся вверх по профилю кедрово-пихтовыми редкостойными, преимущественно долинными. Климат на данной территории резко континентальный. Средняя температура января, по данным ближайшей метеостанции Давша, составляет -22°C , июля – $+14^{\circ}\text{C}$, среднегодовая температура равняется $-3,3^{\circ}\text{C}$. Средняя годовая сумма атмосферных осадков изменяется от 350 до 400 мм. На территории распространена многолетняя мерзлота островного типа [Байкал..., 1993].

Дулиха. Торфяной массив находится на южном побережье озера (рис. 1), где преобладает южно-сибирская тайга из кедра сибирского, пихты. Лиственница встречается редко на заболоченных территориях. Береза образует производные леса, замещая темнохвойные леса на площадях вырубок и гарей. Климат территории относится к умеренно континентальному [Там же]. Средние температуры июля, января и года составляют $+14,4$, $-17,7$ и $-0,7^{\circ}\text{C}$ соответственно. Средняя годовая сумма атмосферных осадков 600–650 мм. Таким образом, разница значений современных показателей среднеянварской температуры на исследуемых территориях равняется $4\text{--}5^{\circ}\text{C}$, среднеиольской – ок. 2°C , среднегодовой – ок. $2,5^{\circ}\text{C}$, среднегодовой суммы атмосферных осадков – почти 250 мм.

Материалы и методы

Длина керна Дугульдзера составляет 400 см. Верхние 330 см представлены торфом разного состава, нижние 70 см сформированы озерной гиттией с примесью минеральных частиц глинистой размерности. Методом пыльцевого анализа изучен каждый четвертый сантиметр

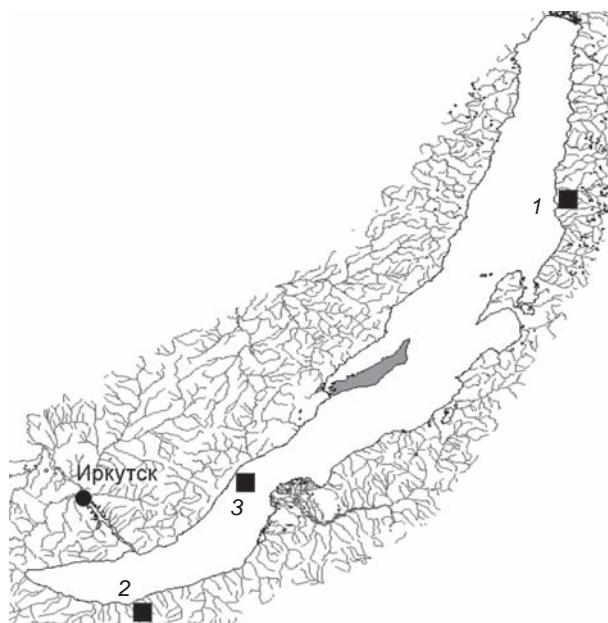

Рис. 1. Карта-схема мест отбора кернов.
1 – Дугульдзера; 2 – Дулиха; 3 – VER93-2, станция 24 ГС.

метр, что обеспечило среднее временное разрешение записи в 150–200 лет. Возрастная модель разреза базируется на семи радиоуглеродных датах.

Мощность позднеледниковых и голоценовых торфяных отложений керна Дулиха равна 500 см [Безрукова, Кривоногов, Абзаева и др., 2005]. Методом пыльцевого анализа изучен каждый четвертый сантиметр. Среднее временное разрешение записи 100–150 лет. Возрастная модель этого разреза обеспечена тремя датами (см. таблицу).

Хронологические рамки палинозон рассчитаны методом линейной интерполяции между датами. Для оценки возможных механизмов, определявших смены растительности на территории, и корреляции временных границ этих смен с таковыми в Северном полуширье радиоуглеродные значения возраста переведены в калибровочные с использованием пакета программ CalPal [Danzeglocke, Jöris, Weninger, 2008]. На пыльцевых диаграммах возрастные шкалы разрезов даны в калиброванном исчислении.

При расчете пыльцевых индексов тепла и влажности и формулы расчета индексов использовался метод реконструкции биомов [Prentice et al., 1996; Tarasov et al., 2000; Demske et al., 2005].

Пыльцевые диаграммы представлены в максимально обобщенном виде в силу следующих причин: 1) полная диаграмма разреза Дулиха уже печаталась [Безрукова и др., 2005], но даты в публикации были приведены в условных ^{14}C -значениях, без калибровки результатов, а также пыльцевых индексов тепла и влаги; 2) полная диаграмма для разреза Дугульдзера дана в статье: [Абзаева и др., 2008]; 3) для целей настоящей работы важнее показать не столько сами диаг-

раммы, сколько полученные на их основе индексы изменения различных параметров природной среды. Выделенные на диаграммах зоны при интерпретации рассматриваются комплексно с позиции динамики как растительности, так и климата, поэтому названы биоклиматическими зонами; для Дугульдзера принято обозначение – Dz, для Дулихи – Dl.

Результаты исследования и их интерпретация

На пыльцевой диаграмме разреза Дугульдзера выделены четыре зоны (рис. 2). Описание дается снизу вверх. Зоны охарактеризованы по наиболее значимым для реконструкций пыльцевым таксонам.

Dz4 – *Artemisia* – *Betula alba*-тип – *Picea*; >16 000 л.н.; глубина 400–385 см. Отложения представлены сильно минерализованной гиттией. В спорово-пыльцевых спектрах (далее – СПС) выражен первый максимум пыльцы ели *Picea obovata* и березы обеих секций – *Betula sect. Albae*, *Betula sect. Nanae*. В группе пыльцы трав преобладает пыльца полыни *Artemisia*.

Dz3д – *Artemisia* – *Salix* – *Betula alba*-тип – лугово-степное разнотравье; ~16 000–14 700 л.н.; глубина 385–355 см. СПС сформированы в озерной гиттии. Преобладает пыльца березы древовидной наряду с пыльцой бересклета кустарниковой, ивы и мезоксерофитного разнотравья.

Dz3г – *Betula alba*-тип – Суперасеи – *Salix*; ~14 700–14 000 л.н.; 355–345 см). В спектрах доминирует пыльца березы, ивы, много пыльцы осок.

Результаты радиоуглеродного анализа отложений

Интервал в разрезе, см от поверхности	Радиоуглеродный возраст, лет	Лабораторный индекс	Калиброванный возраст, лет	Датированный материал
<i>Дугульдзера</i>				
0–2	240 ± 45	СО АН-5705	275 ± 114	Торф
25–30	1 485 ± 50	СО АН-5706	1 391 ± 55	»
90	4 515 ± 40	АА-37969*	5 179 ± 92	Древесина
94–96	4 805 ± 65	СО АН-5707	5 531 ± 66	Торф
193	8 020 ± 45	АА-37970*	8 893 ± 93	Семена
323	11 295 ± 55	АА-37971*	13 194 ± 101	Гиттия
378	12 950 ± 90	АА-37972*	15 767 ± 422	»
<i>Дулиха</i>				
300	7 620 ± 115	NUTA-5615*	8 425 ± 32	Семена
399	9 185 ± 55	АА-37974*	10 362 ± 79	Торф
475	11 110 ± 120	NUTA-6038*	13 010 ± 128	»

*Датирование проведено методом ускорительной масс-спектрометрии в Центре хронологических исследований Университета г. Нагоя, Япония.

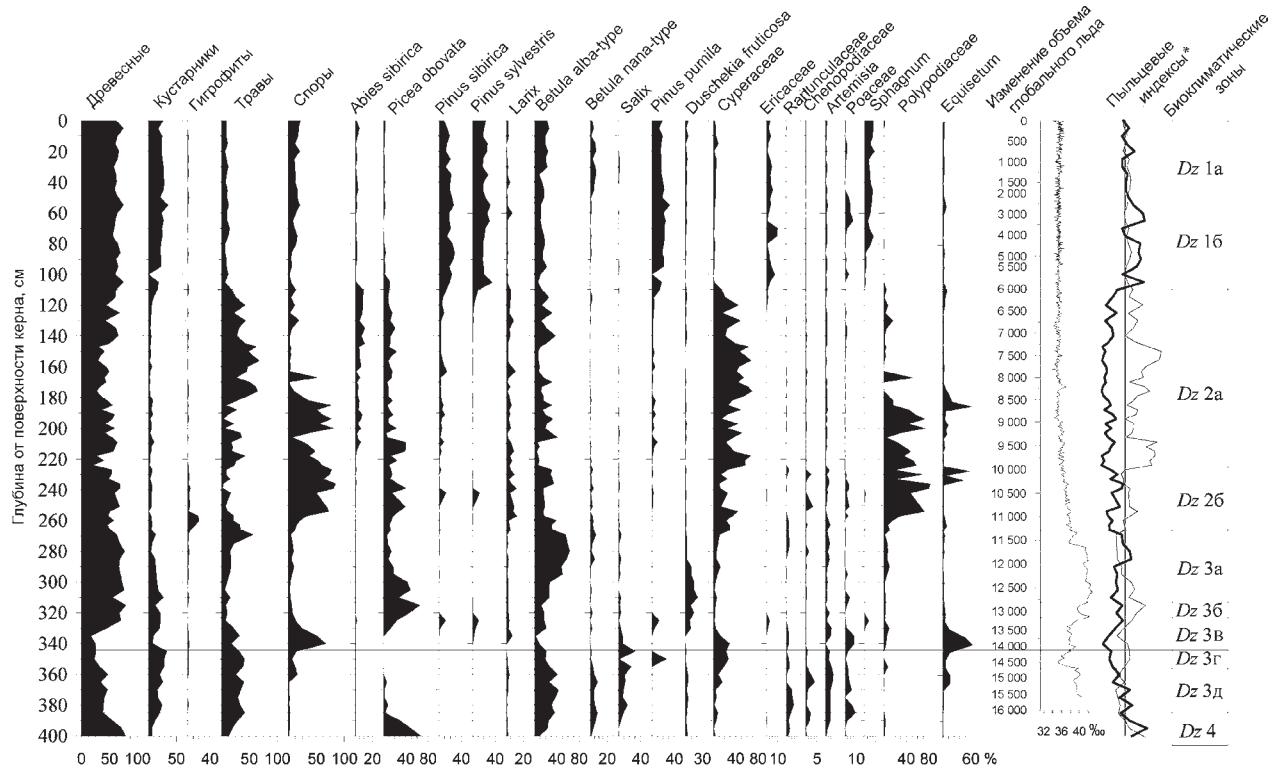

Рис. 2. Пыльцевая диаграмма отложений торфяника Дугульдзера.

*Здесь и далее в колонке «Пыльцевые индексы» толстая линия соответствует изменению индекса тепла, тонкая – влаги.

Dz3в – *Duscheckia* – *Picea* – *Larix* – *Betula alba*-тип – *Equisetum*; ~14 000–13 200 л.н.; 345–325 см. СПС-зоны накапливались в гиттии. В СПС снова появляется пыльца ели и возрастает обилие пыльцы ольховника.

Dz3б – *Larix* – *Betula alba*-тип – *Duscheckia*; ~13 200–12 800 л.н.; 325–315 см. Для СПС характерен второй и самый значительный максимум пыльцы ели. Отложения представлены переходным слоем от гиттии к торфу.

Dz3а – *Picea* – *Duscheckia* – *Betula alba*-тип; ~12 800–11 300 л.н.; 315–265 см. Спектры зоны сформировались уже в торфяных отложениях. Для спектров характерны самые значительные максимумы пыльцы бересклета и ольховника.

Dz2б – *Larix* – *Betula alba*-тип – *Picea* – *Polypodiophyta*; ~11 300–10 000 л.н.; 265–225 см. Много пыльцы лиственницы, бересклета, первый максимум спор папоротников и пыльцы осок. Обилие пыльцы ели постоянно изменяется. В начале зоны проявился максимум пыльцы гигрофитов рода *Potamogeton* и *Typha*.

Dz2а – *Abies* – *Larix* – *Picea* – *Betula*; ~10 000–6 000 л.н.; 225–110 см. Постоянно присутствует пыльца пихты на фоне снижения обилия пыльцы ели, при незначительном, но постоянном наличии пыльцы сосны сибирской, повышенном обилии пыльцы осок и спор папоротников и хвоицей.

Dz1б – *Pinus sylvestris* – *Pinus sibirica* – *Pinus pumila*; ~6 000–2500 л.н.; 110–55 см. Для СПС зоны характерно преобладание пыльцы обеих сосен и кедрового стланика.

Dz1а – *Larix* – *Pinus sylvestris* – *Pinus sibirica* – *Pinus pumila* – *Betula nana*-тип; ~2 500 – 0 л.н.; 55–0 см. Для СПС зоны характерны второй максимум пыльцы кустарниковой бересклетки, повышение обилия пыльцы бересклета высокой и спор сфагновых мхов.

На пыльцевой диаграмме разреза Дулиха выделено четыре зоны (рис. 3). Описание дается снизу вверх.

D14 – *Larix* – *Picea* – *Salix* – *Betula nana*-тип – *Betula alba*-тип; >13 200 л.н.; 500–480 см. В СПС доминирует пыльца кустарников и трав. В группе пыльцы древесных растений преобладает пыльца ели, лиственницы, бересклета обеих секций.

D13 – *Artemisia* – *Larix* – *Picea* – *Betula nana*-тип – *Betula alba*-тип – *Cyperaceae* – *Polypodiophyta*; ~13 200–10 600 л.н.; 480–405 см. В СПС продолжает преобладать пыльца кустарников и трав. В составе пыльцы древесных растений господство перешло к пыльце бересклета и лиственницы. Возросло обилие пыльцы мезоксерофитного разнотравья, злаков, осок и спор папоротников.

D12в – *Abies* – *Picea* – *Betula alba*-тип; ~10 600–10 000 л.н.; 405–370 см. В СПС повысилось обилие пыльцы древесных в целом, появилась пыльца пихты.

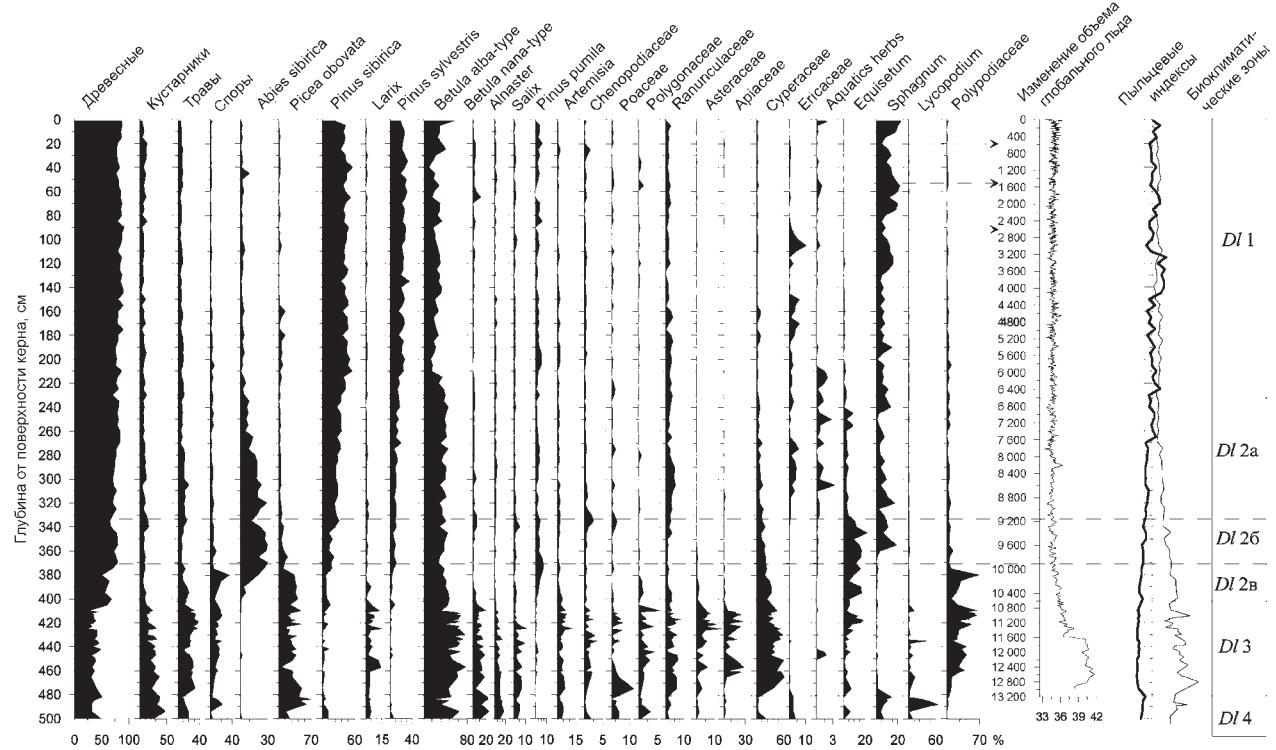

Рис. 3. Пыльцевая диаграмма отложений торфяника Дулиха.

ты, сосны сибирской, сосны обыкновенной и кедрового стланика.

D126 – *Pinus sibirica* – *Betula alba*-тип – *Abies*; ~10 000–9 200 л.н.; 370–330 см. В спектрах господствует пыльца пихты, повышается обилие пыльцы обеих сосен.

D12a – *Abies* – *Pinus sibirica* – *Betula alba*-тип; ~9 200–6 200 л.н.; 330–215 см. Устойчиво снижается содержание пыльцы пихты, продолжает повышаться обилие пыльцы сосны сибирской и обыкновенной. Обилие пыльцы березы почти не меняется.

D11 – *Pinus pumila* – *Betula* – *Pinus sylvestris* – *Pinus sibirica*; ~6200–0 л.н.; 215–0 см. Обилие пыльцы сосны сибирской достигло максимума, обилие пыльцы сосны обыкновенной продолжало повышаться, березы – снизилось. Появилось много спор сфагновых мхов.

Обсуждение результатов: реконструкция палеосреды

Пыльцевые записи и результаты радиоуглеродного датирования озерно-болотных отложений позволили реконструировать изменения растительности и климата и отчасти гидрологического режима южного и северо-восточного побережья Байкала после максимума последнего оледенения.

Растительность и климат позднего ледниковья

Пыльцевая запись из Дугульдзера охватывает более длительный интервал времени, чем запись из Дулихи. Именно на основе результатов палинологического изучения керна Дугульдзера впервые для всего бассейна Байкала реконструированы непрерывная динамика растительности и изменения климата переходного периода от последнего оледенения к современному межледниковому периоду.

Самая нижняя часть пыльцевой записи из Дугульдзера, до 16 000 л.н. (Dz4), отражает природные условия формирования минерализованной гиттии в застраивающем озере на месте болотного массива. В это время на северо-восточном побережье преобладали лесотундровая растительность из лиственницы, бересклета, ели и травяно-кустарниковые тундры. Аналог такой растительности в настоящее время есть в дельте р. Печоры, здесь отмечен холодный климат со среднегодовой температурой ок. -4°C , средней температурой июля ок. $+13^{\circ}\text{C}$ и среднегодовой суммой атмосферных осадков ок. 400 мм [Valiranta, Kaakinen, Kuhry, 2003]. Время существования растительности совпадает с началом дегляциации после ~17 000 л.н. [Bowen et al., 2002] и с относительным потеплением. Индексы тепла и влаги свидетельствуют о том, что сохранялся холодный (особенно зимой) и влажный

климат. При этом, судя по составу растительности, индекс влажности характеризует высокую влажность почв, обусловленную таянием многолетней мерзлоты, и низкие летние температуры, а не высокие значения суммы атмосферных осадков. Почти полное исчезновение пыльцы ели одновременно со снижением обилия пыльцы древесных в спектрах, сформированных в минерализованной гиттии ~16 000–14 700 л.н., и преобладание пыльцы березы обеих секций, ивы, мезоксерофитного разнотравья указывают на ухудшение условий существования лесной растительности (Dz3д). Возможно, это было вызвано общим ухудшением климата в один из стадиалов терминации 1, пессимум которого имел место ~15 500 л.н. [Wehrli, Tinner, 2007]. Индексы тепла и влаги показывают снижение уровня доступного растениям тепла и увлажнения. Индекс тепла несколько повысился ~14 700–14 000 л.н. (Dz3г) и совпал с первым значительным потеплением терминации 1, а влажность продолжала снижаться. В составе растительности доминировали кустарниковые ерниковые и ивовые тунды с участками березовых редколесий. Появление первого значительного максимума пыльцы осок предполагает инициацию локального болотообразования. В интервале ~14 000–13 200 л.н. (Dz3в) вблизи озера расселяется лесотундровая растительность сначала с лиственницей, а затем с елью, березой, ольховником. Это же время на южном побережье Байкала (ранее ~13 200 л.н.) отмечено господством березово-еловых редколесий с лиственницей; оно соответствовало условиям смягчения климата интерстадиального потепления, аналогичного по времени проявления аллереду. Кратковременная кульминация тепла и влаги в районе Дугульдзеры относится к периоду ~13 200–12 800 л.н. (Dz3б); она повлекла экспансию ели. На юге озера в это время тоже доминировала ель. Новый этап снижения уровня тепла и нестабильности увлажнения имел место ~12 800–11 300 л.н. (Dz3а). Тогда на северо-восточном побережье преобладали елово-березовые лесотундры и ольхниковые тунды. Неблагоприятные условия существования лесной растительности, вероятно, были следствием ухудшения климата в период, аналогичный по времени проявления позднему дриасу [Dansgaard et al., 1993]. Примерно в этот же период на юге озера произошло усиление континентальности климата, что привело к развитию березово-лиственничной лесотундры с елью и травяно-кустарниковой тундры (D13). Пыльцевые индексы свидетельствуют о максимальном за весь изученный период увлажнении и минимальном уровне теплообеспеченности. Облик растительности поддерживает мнение о высокой влажности почвы (таяние мерзлоты) из-за низких летних температур (низкое испарение). Данный период на юге озера оказался длительнее и продолжался почти до 10 600 л.н.

Растительность и климат влажностного оптимума голоцен

С началом голоцена (~11 300–10 000 л.н. (Dz2б)) на северо-востоке Байкала на месте зараставшего озера сформировалось низинное осоковое болото. Вокруг болотного массива Дугульдзера усилились позиции лиственницы и ели. На южном побережье в это время, наоборот, сократились площади лиственницы, но довольно быстро стали расширяться площади пихты. Такие сдвиги в составе растительности свидетельствуют о смягчении континентальности, повышении годовой суммы атмосферных осадков и средней температуры зимних сезонов. Эти изменения обусловили начало экспансии влажной пихтовой тайги, а значит, начало влажностного оптимума голоцена на южном побережье. Максимум развития пихтовой тайги здесь имел место ~10 000–9 200 л.н. (D12б). Завершение влажностного оптимума голоцена на южном побережье происходило постепенно – с ~9 200 и до ~6 800 л.н. (D12а). Для северо-восточного побережья Байкала характерны иные проявление влажностного оптимума и его хронологические границы. Здесь начало оптимума влаги имело место позднее 10 000 л.н., а его максимум соответствовал ~7 000–6 000 л.н. (максимум обилия пыльцы пихты). Однако, несмотря на столь значительную разницу временного наступления оптимума влаги, его завершение и на северо-востоке, и на юге Байкала произошло между 7 000–6 000 л.н. Реконструированные ранее на основе пыльцевой записи из донных отложений Байкала (VER93-2, станция 24 GC (см. рис. 1) количественные характеристики климата максимума влаги голоцена показали, что ~9 500–6 500 л.н. среднегодовая сумма атмосферных осадков превышала современные значения на 80–100 мм, а средние температуры зимы были выше современных на 2–4 °C. При этом средняя температура июля могла быть почти такой же, как современная [Tarasov et al., 2007]. Сочетание мягких, снежных зим с отсутствием весенних заморозков, прохладными и влажными летними сезонами обеспечило развитие темнохвойных пихтовых лесов. Характер изменчивости пыльцевых индексов демонстрирует устойчивую тенденцию снижения увлажнения и повышения тепла примерно 10 000–6 000 л.н. на северо-востоке и 10 500–7 000 л.н. на юге озера. С приближением относительных значений тепла и влаги к современному уровню завершается господство пихтовой тайги.

Вообще оптимум голоцена должен рассматриваться как очень важный интервал с точки зрения проведения с ним аналогий возможных изменений климата в будущем. Обычно оптимум относят ко времени максимума постглациального потепления [Winkler, Wang, 1993], которое характеризуется теплым и в целом

влажным климатом в Северной Европе. Но, например, в Китае, как и в бассейне Байкала, оптимум голоцен определяется скорее как период максимальных значений сумм атмосферных осадков, а не максимума тепла [Xiaoqiang Li et al., 2004; Porter, Weijian, 2006]. Смягчение континентальности климата и наступление фазы пихтовых лесов в бассейне Байкала могли быть результатом усиления температурного градиента между океаном и сушей, что приводило к активизации транспорта влажных воздушных масс на континент, достигавших даже бассейна озера и способствовавших увеличению здесь уровня конвективных осадков. Оптимум голоцен с влажным и прохладным климатом выделяется в самых различных палеоклиматических записях почти для всей территории Северного полушария [Herzschuh et al., 2005; Blyakharchuk et al., 2004; Mudie et al., 2007]. Новое подтверждение того, что ок. 11 000–7 000 л.н. были самый высокий уровень атмосферных осадков и слабоконтинентальный климат с прохладными летними и теплыми зимними сезонами, получено и для Западного Забайкалья [Безрукова, Кривоногов, Такахара и др., 2008].

Растительность и климат постоптимального периода голоцен

В интервале ~7 000–6 000 л.н. на юге и после ~6 000 л.н. на северо-востоке озера коренным образом изменился состав лесной растительности: сосна сибирская, сосна обыкновенная и лиственница заместили пихту, ель. Сдвиг в составе древесных растений произошел в условиях значительного снижения увлажнения и повышения тепла. Причем эколого-эдактические требования новых элементов лесной растительности предполагали усиление континентальности климата за счет значительного снижения атмосферного увлажнения и средней температуры зимних сезонов, повышения – летних [Tarasov et al., 2007]. Завершение влажностного оптимума в бассейне Байкала совпало с наступлением неогляциального периода на Лессовом Плато [Porter, Weijian, 2006], с известным пиком дрейфующих льдов Северной Атлантики ок. 6 000 л.н. [Bond et al., 2001]. Примерно в это же время (~5 500 л.н.) завершился и относительно прохладный и влажный «зеленый» период в Северной Африке, обеспечивавший, например, существование многочисленных озер в пределах территории современной пустыни Сахары [Renssen et al., 2006]. Переход климатической системы почти на всей территории Евразии к существенно более континентальным условиям означал глобальное распространение этого явления и наличие глобальных механизмов, его вызвавших. Ландшафты бассейна Байкала ответили на

изменения глобального климата коренной перестройкой своей структуры и состава: темнохвойная мезофитная лесная растительность раннего – среднего голоцена была замещена светлохвойной, существенно более ксерофитной позднего голоцена. Начиная примерно с 6 000 л.н. уровень доступной растениям влаги демонстрирует устойчивую тенденцию снижения с незначительными колебаниями, для относительных значений уровня тепла характерен тренд частых и мелких колебаний около его современных значений (см. пыльцевые индексы на рис. 2, 3). Следовательно, уровень тепла и влаги не оставался постоянным; это свидетельствует о нестабильности климата и в позднем голоцене. Частота и амплитуда указанных колебаний требуют дополнительного изучения, хотя из представленных записей ясно, что эти подвижки климата оказывали влияние на ландшафты экосистемы Байкала. Но происходившие изменения находили выражение скорее в изменчивости локальных ландшафтов. В позднем голоцене, ок. 2 400, 500 л.н. на южном побережье озера имела место изменчивость гидрологического режима болота, происходившая при снижении уровня тепла. Причем после 2 400 л.н. здесь началось расширение холодных ерниковых ассоциаций. На северо-восточном побережье Байкала это явление получило еще более явное выражение тоже ок. 2 500 л.н. Определение четкого пыльцевого сигнала ухудшения климата и развития ерников и в бассейне оз. Котокель [Безрукова, Кривоногов, Такахара и др., 2008] позволяет предположить, что ответ всей экосистемы Байкала на снижение солнечной активности последовал после 2 700 л.н., когда в обоих полушариях происходило ухудшение климата [Swindles, Plunkett, Roe, 2007]. Еще более коротковременные флукутации ландшафтно-климатической ситуации в бассейне Байкала, совпадавшие по времени проявления с известными палеогеографическими событиями, такими как средневековый оптимум, малый ледниковый период, известны из пыльцевых записей северного побережья озера [Безрукова, Белов, Абзаева и др., 2006].

Заключение

Результаты палинологического и радиоуглеродного исследования озерно-болотных экосистем на разных побережьях Байкала, их сравнение с доступными датированными записями изменения природной среды в соседних регионах обеспечили получение детальной, геохронологически надежно обоснованной записи изменчивости природной среды бассейна озера со временем завершения максимума последнего оледенения 17 000–16 000 л.н. Значительные сдвиги в системе атмосферной циркуляции Северного полушария в начале дегляциации способствовали наступлению относительно теплых и сухих летних сезонов 16 000–

12 000 л.н. в Сибири [Schirrmeister et al., 2002]. Именно в это время началось формирование собственно торфяных отложений на южном и северо-восточном побережье Байкала: примерно 13 000 и 11 500 л.н. соответственно. В целом высокоразрешающие пыльцевые записи, представленные в этой статье, свидетельствуют о глубоких изменениях растительности и климата бассейна озера в позднем ледниковье – раннем голоцене и о высокой вариабельности климата собственно современного межледникова. Пыльцевые записи показывают неустойчивое состояние ландшаftов и климата в позднем ледниковье и раннем голоцене, частые смены растительных ассоциаций. Причиной таких смен могло быть разрушение покровных и горных ледников, приводившее к неустойчивости системы океан–атмосфера–криосфера. Пыльцевые записи подтверждают наступление длительного периода оптимума голоцена с влажным и мягким климатом, с теплыми зимними периодами ок. 11 000–10 000 л.н. и господством елово–кедрово–пихтовых лесов в различных районах бассейна Байкала в условиях повышенного уровня инсоляции в высоких широтах Северного полушария. Завершение оптимального периода имело место ~7 000–6 000 л.н. и совпадало со снижением уровня инсоляции, установлением современного уровня Мирового океана. За оптимумом последовал период прогрессивного усиления континентальности климата – снижения суммы атмосферных осадков, средней температуры зимних сезонов и повышения летних температур воздуха. В результате произошла смена темнохвойных лесов на светлохвойные. Столь значительный климатический сдвиг ассоциируется главным образом с изменениями уровня инсоляции и концентрации атмосферного углекислого газа. Менее значительные, коротковременные вариации климата и растительности голоцена ок. 2 500–2 400, 1 200–1 600, 500–400 л.н., зафиксированные в наших пыльцевых записях, могут быть ответом региональной экосистемы на изменчивость солнечной активности квазициклического масштаба [Meeker, Mayewski, 2002]. Записи из разрезов Дулиха и Дугульдзера демонстрируют довольно сильную связь с климатическими вариациями Северного полушария в целом. Амплитуда этих изменений на северо-востоке озера выше, чем на юге. В дополнение к климату локальные факторы (особенности геологического, геоморфологического строения территории и растительного покрова, изменявшийся уровень грунтовых вод, вариации мощности и глубины залегания слоя многолетней мерзлоты) активно контролировали историю природной среды региона.

Для уверенного распознавания мелких, вековых вариаций в изменчивости природной среды южного побережья нужны новые, более высокоразрешающие записи, обеспеченные более детальным хронологическим контролем.

Список литературы

- Абзаева А.А., Безрукова Е.В., Летунова П.П., Белов А.В.** Детальная палеоклиматическая реконструкция позднеледникова и голоцена северо-восточного побережья озера Байкал по палинологическим данным // Новости палеонтологии и стратиграфии. – 2008. – Т. 49, № 10/11. – С. 375–379.
- Байкал:** Атлас. – М.: Федеральная служба геодезии и картографии, 1993. – 160 с.
- Безрукова Е.В., Белов А.В., Абзаева А.А., Летунова П.П., Орлова Л.А., Кулагина Н.В., Фишер Е.Э.** Первые высокоразрешающие датированные записи изменения растительности и климата среднего – позднего голоцена северного побережья оз. Байкал // Доклады РАН. – 2006. – Т. 411, № 2. – С. 254–258.
- Безрукова Е.В., Белов А.В., Летунова П.П., Абзаева А.А., Кулагина Н.В., Фишер Е.Э., Орлова Л.А., Шейффер Е.В., Воронин В.И.** Биостратиграфия торфяных отложений и климат северо-западной части горного обрамления озера Байкал в голоцене // Геология и геофизика. – 2008. – Т. 49, № 6. – С. 547–558.
- Безрукова Е.В., Кривоногов С.К., Абзаева А.А., Летунова П.П., Орлова Л.А., Такахара Х., Миеши Н., Накамура Т., Крапивина С.М., Кавамуро К.** Ландшафты и климат Прибайкалья в позднеледниковые и голоцене по результатам комплексных исследований торфянников // Геология и геофизика. – 2005. – Т. 46, № 1. – С. 21–33.
- Безрукова Е.В., Кривоногов С.К., Такахара Х., Летунова П.П., Шичи К., Абзаева А.А., Кулагина Н.В., Забелина Ю.С.** Озеро Котокель – опорный разрез позднеледникова и голоцена юга Восточной Сибири // Доклады АН. – 2008. – Т. 420, № 2. – С. 248–253.
- Участники проекта Байкал-Бурение.** Непрерывная запись изменений палеоклимата за последние 5 миллионов лет из донных отложений озера Байкал // Геология и геофизика. – 1998. – Т. 39, № 2. – С. 135–154.
- BDP-99 Baikal Drilling Project Members.** A new Quaternary record of regional tectonic, sedimentation and paleoclimate changes from drill core BDP-99 at Posolskaya Bank, Lake Baikal // Quaternary International. – 2005. – Vol. 136. – P. 33–48.
- Blyakharchuk T.A., Wright H.E., Borodavko P.S., Knaap W.O. van der Ammann B.** Late Glacial and Holocene vegetational changes on the Ulagan high-mountain plateau, Altai Mountains, southern Siberia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2004. – Vol. 209. – P. 259–279.
- Bond G., Kromer B., Beer J., Muscheler R., Evans M.N., Showers W., Hoffmann S., Lotti-Bond R., Hajdas I., Bonani G.** Persistent solar influence on north Atlantic climate during the Holocene // Science. – 2001. – Vol. 294. – P. 2130–2136.
- Bowen D.Q., Phillips F.M., McCabe A.M., Knutz P.C., Sykes G.A.** New data for the last glacial maximum in Great Britain and Ireland // Quaternary Science Review. – 2002. – Vol. 21. – P. 89–101.
- Dansgaard W., Johnson S.J., Clausen H.B., Dahl-Jensen D., Gundestrup N.S., Hammer C.U., Hvidberg C.S., Steffensen J.P., Sveinbjørnsdóttir A.E., Jouzel J., Bond G.** Evidence for general instability of past climate from a 250-kyr ice core record // Nature. – 1993. – Vol. 364. – P. 218–220.

- Danzeglocke U., Jöris O., Weninger B.** CalPal-2007^{online}. URL: <http://www.calpal-online.de> (дата обращения: 27.05.2008).
- Demske D., Heumann G., Granoszewski W., Nita M., Mamakowa K., Tarasov P.E., Oberhansly H.** Late Glacial and Holocene vegetation and regional climate variability evidenced in high-resolution pollen records from Lake Baikal // Global and Planetary Change. – 2005. – Vol. 46. – P. 255–279.
- Enzel Y., Ely L.L., Mishra S., Ramesh R., Amit R., Lazar B., Rajaguru S.N., Baker V.R., Sandler A.** High resolution Holocene environmental changes in the Thar Desert, northwestern India // Science. – 1999. – Vol. 284. – P. 125–128.
- GRIP Members.** Climate instability during the last interglacial period recorded in the GRIP ice core // Nature. – 1995. – Vol. 364. – P. 203–207.
- Herzschuh U., Zhang C., Mischke S., Herzschuh R., Mohammadi F., Mingram B., Kurschner H., Riedel F.** A late Quaternary lake record from the Qilian Mountains (NW China): evolution of the primary production and the water depth reconstructed from macrofossil, pollen, biomarker, and isotope data // Global and Planetary Change. – 2005. – Vol. 46. – P. 361–379.
- Kataoka H., Takahara H., Krivonogov S., Bezrukova E., Orlova L., Krapivina S., Kawamuro K.** Pollen Record from the Chivyrkui Bay Outcrop on the Eastern Shore of Lake Baikal since the Late Glacial // Long Continental Records from Lake Baikal. – Tokyo: Springer Verlag, 2003. – P. 207–218.
- Khursevich G.K., Karabanova E.B., Prokopenko A.A., Williams D.F., Kuzmin M.I., Fedenyuk S.A., Gvozdikov A.N., Kerber E.V.** Insolation regime in Siberia as a major factor controlling diatom production in Lake Baikal during the past 800,000 years // Quaternary International. – 2001. – Vol. 80/81. – P. 47–58.
- Mayewski P.A., Meeker L.D., Twichler M.S., Whitlow S., Yang Q., Lyons W.B., Prentice M.** Major features and forcing of high-latitude Northern Hemisphere atmospheric circulation using a 110000 year long glaciochemical series // J. of Geophysical Research. – 1997. – Vol. 102, N 263. – P. 45–66.
- Meeker L.D., Mayewski P.A.** A 1400-year high-resolution record of atmospheric circulation over the North Atlantic and Asia // The Holocene. – 2002. – Vol. 12. – P. 257–266.
- Mudie P.J., Marret F., Aksu A.E., Hiscott R.N., Gillespie H.** Palynological evidence for climatic change, anthropogenic activity and outflow of Black Sea water during the late Pleistocene and Holocene: Centennial- to decadal-scale records from the Black and Marmara Seas // Quaternary International. – 2007. – Vol. 167/168. – P. 73–90.
- Porter S.C., Weijian Z.** Synchronism of Holocene East Asian monsoon variations and North-Atlantic drift-ice tracers // Quaternary Research. – 2006. – Vol. 65. – P. 443–449.
- Prentice I.C., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R.** Reconstructing biomes from palaeoclimatological data, a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka // Climate Dynamics. – 1996. – Vol. 12. – P. 185–194.
- Renssen H., Brovkin V., Fichefet T., Goosse H.** Simulation of the Holocene climate evolution in Northern Africa: the termination of the African Humid Period // Quaternary International. – 2006. – Vol. 150. – P. 95–102.
- Rind D., Overpeck J.** Hypothesized causes of decade-to-century-scale climate variability: climate model results // Quaternary Science Reviews. – 1993. – Vol. 12. – P. 357–374.
- Schirrmeister L., Siegert C., Kuznetsova T., Kuzmina S., Andreev A., Kienast F., Meyer H., Bobkov A.** Paleoenvironmental and paleoclimatic records from permafrost deposits in the Arctic region of Northern Siberia // Quaternary International. – 2002. – Vol. 89. – P. 97–118.
- Swindles G.T., Plunkett G., Roe H.M.** A delayed climatic response to solar forcing at 2800 cal. BP: multiproxy evidence from three Irish peatlands // The Holocene. – 2007. – Vol. 17, N 2. – P. 177–182.
- Tarasov P., Bezrukova E., Karabanova E., Nakagawa T., Wagner M., Kulagina N., Letunova P., Abzaeva A., Granoszewski W., Riedel F.** Vegetation and climate dynamics during the Holocene and Eemian interglacials derived from Lake Baikal pollen records // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2007. – Vol. 252. – P. 440–457.
- Tarasov P.E., Volkova V.S., Webb T., Guiot J., Andreev A.A., Bezusko L.G., Bezusko T.V., Bykova G.V., Dorofeyuk N.I., Kvavadze E.V., Osipova I.M., Panova N.K., Sevastyanov D.V.** Last glacial maximum biomes reconstructed from pollen and plant macrofossil data from northern Eurasia // J. of Biogeography. – 2000. – Vol. 27. – P. 609–620.
- Valiranta M., Kaakinen A., Kuhry P.** Holocene climate and landscape evolution East of the Pechora Delta, East-European Russian Arctic // Quaternary Research. – 2003. – Vol. 59. – P. 335–344.
- Visbeck M.** The ocean's role in Atlantic climate variability // Science. – 2002. – Vol. 297. – P. 2223–2224.
- Wehrli M., Tinner W.** Ammann B. 16 000 years of vegetation and settlement history from Egelsee (Menzingen, central Switzerland) // The Holocene. – 2007. – Vol. 17, N 6. – P. 747–761.
- Winkler M.G., Wang P.K.** 1993. The late-Quaternary vegetation and climate of China // Global Climates Since the Last Glacial Maximum. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. – P. 221–264.
- Wurster C.M., Patterson W.P.** Late Holocene climate change for the eastern interior United States: evidence from highresolution d18O value of marlinal otoliths // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2001. – Vol. 170. – P. 81–100.
- Xiaoqiang Li, Zhou Jie, Shen Ji, Weng Chengyu, Zhao Hongli, Sun Qianli.** Vegetation history and climatic variations during the last 14 ka BP inferred from a pollen record at Daihai Lake, north-central China // Review of Palaeobotany and Palynology. – 2004. – Vol. 132. – P. 195–205.
- Zhao Y., Cheng Yu Z., Chen F., Ito E., Zhao C.** Holocene vegetation and climate history at Hurleg Lake in the Qaidam Basin, northwest China // Review of Palaeobotany and Palynology. – 2007. – Vol. 145. – P. 275–288.

УДК 902.652

А.Н. Алексеев, В.М. Дьяконов

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУР НЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА ЯКУТИИ

В работе на основе анализа радиоуглеродной хронологии культур неолита и бронзового века Якутии и сопоставления дат с калибровочными кривыми, основанными на данных дендрохронологии, предлагается схема существования этих культур в «календарное время». Проанализированы 92 радиоуглеродные даты (некоторые неопубликованные), полученные по материалам 30 археологических памятников. Существенно скорректирована хронология культур позднего неолита и бронзового века Якутии. В эпоху бронзы, помимо усть-мильской, выделяются две новых культуры: улахан-сегеленняхская и сугуннахская пережиточно-ымыяхтахская. Первая, характерным признаком которой является керамика, украшенная «жемчужинами», штампами и вдавлениями, распространилась во II тыс. до н.э. в Южной, Юго-Западной и Юго-Восточной Якутии. Вторая существовала в Якутском Заполярье, судя по данным радиоуглеродного датирования, вероятно, от I тыс. до н.э. и, как минимум, до первых веков нашей эры. Предполагается, что все три культуры бронзового века Якутии сложились при непосредственном участии носителей ымыяхтахской культуры позднего неолита.

Ключевые слова: Якутия, неолит, бронзовый век, радиоуглерод, хронология, культура, керамика.

Введение

Основой для построения хронологических шкал в археологии до сих пор остается радиоуглеродный метод, сыгравший огромную позитивную роль при разработке хронологии опорных многослойных стоянок Якутии. Еще в 1960–1980-х гг., когда была предложена первая схема археологической периодизации Якутии, построенная на результатах радиоуглеродного датирования, даты корректировались при помощи «правки Годвина» и «кривой Зюсса» [Мочанов, 1969; Мочанов, Федосеева, 1975, с. 47–49; Федосеева, 1980, с. 212; и др.]. В настоящее время принято переводить радиоуглеродный возраст в «календарное время» при помощи калибровочных кривых, созданных на базе данных дендрохронологии в последние годы. История появления идеи калибровки радиоуглеродных дат и ее основы подробно описаны во многих публикациях (см., напр.: [Кузьмин и др., 1998, с. 81–83; Бородовский и др., 2003]). Сегодня широко применяются компьютерные программы, разработанные в лабораториях Гронингена, Оксфорда, Белфаста и др., доступные любому пользователю. Различия калибровочных интервалов в

них незначительны, т.к. использованы одни и те же калибровочные кривые. При написании данной статьи применялась программа OxCal версии 3.10, созданная в Оксфорде. Цель работы – представить в сводном виде все имеющиеся на сегодняшний день радиоуглеродные даты по неолиту и бронзовому веку Якутии с анализом радиоуглеродной хронологии культур в сопоставлении с калибровочными кривыми. Мы не касаемся проблем хронологии позднеплейстоценовых и раннеголоценовых памятников, а также относящихся к раннему железному веку и эпохе средневековья, т.к. это темы для отдельных дискуссий. Тем не менее для определения положения рассматриваемых культур в общей схеме периодизации привлекаются наиболее поздние даты мезолитических сумнагинских памятников и наиболее ранние даты комплексов раннего железного века.

История исследований

Первую схему периодизации культур неолита и эпохи палеометалла Якутии, созданную на типологическом сравнении материалов якутских стоянок и погребе-

ний с культурными комплексами Прибайкалья, предложил А.П. Окладников в 1940-х гг. [1955]. Однако, как уже было отмечено выше, в 1960–1980-х гг., лишь после открытия многослойных памятников на Алдане и Олёкме, была разработана периодизация и хронология археологических культур Якутии, построенная на данных радиоуглеродного датирования. В то время этот метод начал широко применяться в археологии. Схема развития древних культур, изначально разработанная для памятников Алдана и Олёкмы, в дальнейшем была распространена на всю территорию Якутии и использовалась археологами с некоторыми корректировками до последнего времени. Сперва, в предисловии к сборнику «Якутия и ее соседи в древности» [1975, с. 7] и в статье Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой, опубликованной в этом сборнике [1975], была приведена следующая хронология культур неолита и эпохи палеометалла: сыалахская (ранний неолит) – $6\ 200 \pm 100$ – $5\ 000 \pm 100$ л.н.; белькачинская (средний неолит) – $5\ 000 \pm 100$ – $3\ 900 \pm 100$; ымыяхтакская (поздний неолит) – $3\ 900 \pm 100$ – $3\ 100 \pm 100$; усть-мильская (бронзовый век) – $3\ 100 \pm 100$ – $2\ 100 \pm 100$; культурные комплексы раннего железного века – $2\ 100 \pm 100$ – 500 ± 100 л.н.

Нужно отметить, что данная хронология хоть и основана на радиоуглеродных датах, рассчитанных исходя из периода полураспада ^{14}C , равного 5 568 лет, но приведена с учетом умножения на коэффициент 1,03, вводимый для перерасчета дат в систему периода полураспада ^{14}C , равного 5 730 лет. Без этой правки она выглядела несколько иначе [Там же, с. 46]: сыалахская культура – $6\ 000 \pm 100$ – $4\ 900 \pm 100$ л.н.; белькачинская – $4\ 900 \pm 100$ – $3\ 800 \pm 100$; ымыяхтакская – $3\ 800 \pm 100$ – $2\ 900 \pm 100$; усть-мильская – $2\ 900 \pm 100$ – $2\ 000 \pm 100$; культурные комплексы раннего железного века – $2\ 000 \pm 100$ – 500 ± 100 л.н.

Авторами предлагалось также сопоставить даты с «кривой Зюсса», построенной на данных дендрохронологии [Там же, с. 48–49]. В этом случае культуры, особенно первые две, оказывались несколько древнее: сыалахская – $7\ 000$ – $5\ 600$ л.н.; белькачинская – $5\ 600$ – $4\ 200$; ымыяхтакская – $4\ 200$ – $3\ 300$; усть-мильская – $3\ 300$ – $2\ 100$; культурные комплексы раннего железного века – $2\ 100$ – 700 л.н.

В серии книг «Археологические памятники Якутии» хронология культур неолита и эпохи палеометалла приводилась уже следующим образом [Мочанов и др., 1983, с. 13; 1991, с. 11]: сыалахская культура (ранний неолит) – $6\ 200 \pm 100$ – $5\ 200 \pm 100$ л.н.; белькачинская (средний неолит) – $5\ 200 \pm 100$ – $4\ 100 \pm 100$; ымыяхтакская (поздний неолит) – $4\ 100 \pm 100$ – $3\ 300 \pm 100$; усть-мильская (бронзовый век) – $3\ 300 \pm 100$ – $2\ 400 \pm 100$; культурные комплексы раннего железного века – $2\ 400 \pm 100$ – 500 ± 100 л.н. Эта хронология использована в большинстве работ по археологии Якутии, вышедших в конце XX в. В последних публикаци-

ях Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой она представлена в несколько ином виде [Федосеева, 1999, с. 58–59; Мочанов, Федосеева, 2001, с. 32; 2002, с. 28]: сыалахская культура (неолит, $6,5$ – $5,2$ тыс. л.н.); белькачинская культура (неолит, $5,2$ – $4,1$ тыс. л.н.); ымыяхтакская культура (переходный этап от периода неолита к периоду бронзы, $4,1$ – $3,3$ тыс. л.н.); усть-мильская культура (период бронзы, $3,3$ – $2,5$ тыс. л.н.); культурные комплексы периода раннего железа ($2,5$ – $0,5$ тыс. л.н.). Сыалахская и белькачинская культуры в этой схеме отнесены к неолиту без уточнения их положения в шкале периодизации, ымыяхтакская определена как переходный этап от неолита к эпохе бронзы; нижняя граница сыалахской культуры отодвинута до отметки $6,5$ тыс. л.н., а культурных комплексов раннего железного века – до уровня $2,5$ тыс. л.н.

Огромное значение для корректировки хронологии ымыяхтакской культуры и культур бронзового и железного веков в Южной Якутии имело открытие и исследование в 1987–1997 гг. многослойного памятника Улахан Сегеленнях на р. Токко в бассейне р. Олёкмы (рис. 1, 7). На стоянке выявлено 15 культурных слоев. Слои XV–VIII относятся к ымыяхтакской культуре, VII – к бронзовому веку, VI–II – к эпохе раннего железа и средневековью. Получено 28 радиоуглеродных дат, часть которых до сих пор не опубликована. В связи с датированием культурных напластований памятника предложена следующая хронология культур неолита и эпохи ранних металлов Якутии [Алексеев, 1996а, с. 42, 49, 55, 70; 1996б, с. 18]: сыалахская (ранний неолит) – $6\ 200 \pm 100$ – $5\ 200 \pm 100$ л.н.; белькачинская (средний неолит) – $5\ 200 \pm 100$ – $4\ 100 \pm 100$; ымыяхтакская (поздний неолит) – $4\ 200 \pm 100$ – $3\ 500/3\ 300 \pm 100$; усть-мильская (бронзовый век) – $3\ 500/3\ 300 \pm 100$ – $2\ 500 \pm 100$; культурные комплексы раннего железного века – $2\ 500 \pm 100$ – $1\ 500 \pm 100$ л.н.

Данные радиоуглеродного датирования и интерпретация материалов, полученных в ходе раскопок стоянки Улахан Сегеленнях, позволили существенно скорректировать хронологию бронзового и раннего железного веков Якутии. Кроме того, предложено выделить из эпохи, ранее целиком относимой к раннему железному веку, период раннего средневековья с VI по XII в. н.э., во время которого сюда началась инфильтрация тюрksких этнических групп [Алексеев, 1996б, с. 28; Степанов, 2003].

Результаты и обсуждение

Нами проанализированы 92 радиоуглеродные даты, полученные по материалам 30 археологических памятников Якутии и близлежащих территорий (см. таблицу): 2 наиболее поздние – мезолитической сумнагинской культуры, 15 – сыалахской раннего неолита (включая дату стоянки Усть-Токко I, фиксирую-

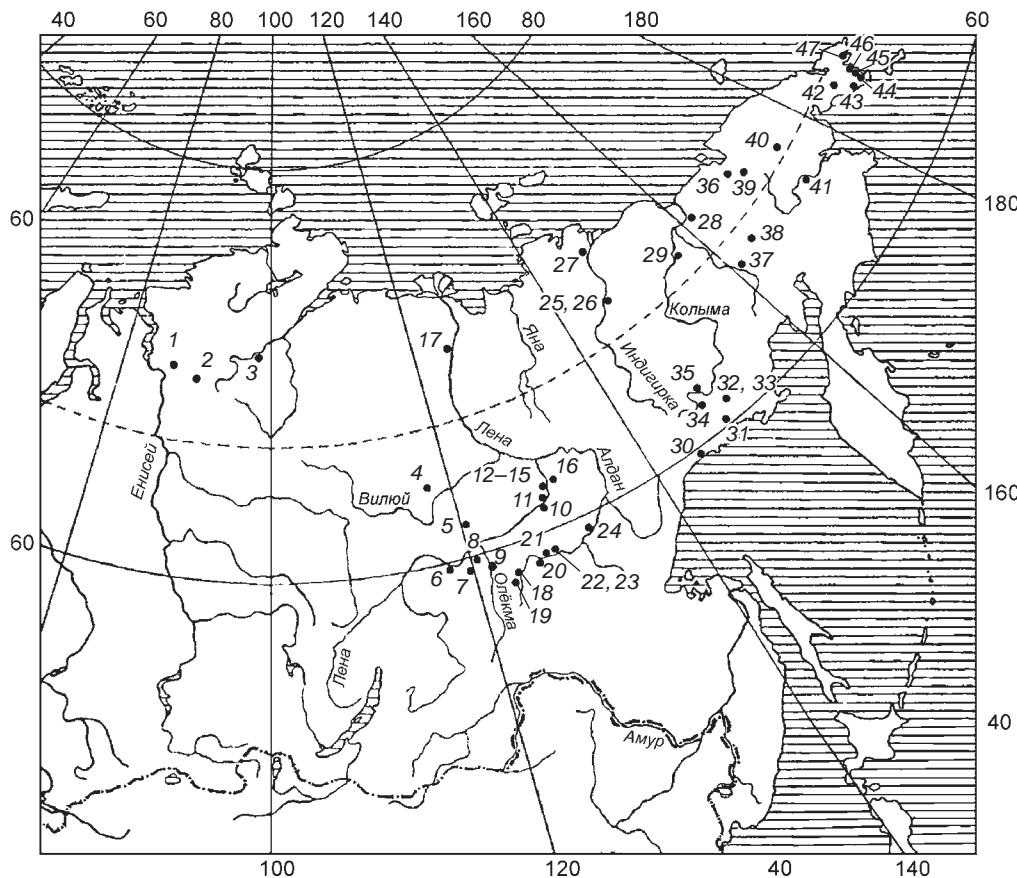

Рис. 1. Датированные радиоуглеродным методом археологические объекты п-ова Таймыр, Якутии, Северного Приохотья и Чукотки (упомянутые в статье).

1 – Усть-Половинка; 2 – Бытык; 3 – Абылая I; 4 – Талана II; 5 – Улахан-Хаергас II; 6 – пещера Хайыргас; 7 – Улахан Сегеленях; 8 – Усть-Токко I; 9 – Большая Кюсэ; 10 – Диринг-Юряхский могильник; 11 – Покровское погребение 2; 12 – Чучур-Муранский могильник; 13 – погребение Вилюйское Шоссе; 14 – погребение Областная Больница; 15 – погребение Нелегер; 16 – Маттинское погребение; 17 – Сиктах I; 18 – Усть-Чуга II; 19 – Алдакай I; 20 – Усть-Тимптон I; 21 – Сумнагин I; 22 – Тумулурское погребение; 23 – Тумулур; 24 – Белькачи I; 25 – Дениска-Юройэтз; 26 – Белая Гора; 27 – Бургулино; 28 – Родинское погребение; 29 – Помазкинский могильник; 30 – Кухутый III; 31 – Нил-Устье; 32 – Хуренджа V; 33 – Хуренджа VIII; 34 – Сибердик; 35 – Агробаза IV; 36 – Раучувагытын I; 37 – Озеро Среднее; 38 – Большой Нутенет II; 39 – Тытыль IV; 40 – Озеро Чировое; 41 – Усть-Бельский могильник; 42 – Теркэмкын I; 43 – Курупка II; 44 – могильник Марич V; 45 – Гетлянен III; 46 – Утаатап; 47 – Коолен III.

щую границу между слоями сыалахской и белькачинской культур), 10 – белькачинской среднего неолита (в т.ч. дата стоянки Усть-Чуга II, фиксирующая границу между слоями белькачинской и ымыяхтакской культур), 35 – ымыяхтакской позднего неолита (включая три даты памятников, расположенных на Чукотке, и одну, полученную на Таймыре), 4 – поздних памятников ымыяхтакской культурной традиции (в т.ч. две даты стоянки Раучувагытгын I, расположенной на Чукотке), 7 – усть-мильской культуры эпохи бронзы (включая дату для безынвентарной верхней прослойки слоя II стоянки Усть-Тимптон I и дату стоянки Сиктях I, интерпретированную некоторыми исследователями как относящуюся к раннему железному веку), 5 – других памятников бронзового века (в т.ч. дата погребения Областная Больница), 4 – памятников, от-

носящихся к неолиту в целом (включая дату Родинского погребения), 4 – смешанных комплексов позднего неолита и эпохи палеометалла, а также 6 наиболее ранних дат комплексов раннего железного века.

Ключевыми в определении нижней границы сумнагинской культуры и верхнего рубежа сыалахской являются радиоуглеродные даты слоев XVI и XX стоянки Сумнагин I, а также слоев VII и VIII памятника Белькачи I. Калибровка показывает, что дата $5\,970 \pm 70$ л.н. (ЛЕ-676) для низа слоя VII стоянки Белькачи I, относящегося к сыалахской культуре, с вероятностью 95,4 % ($\pm 2\sigma$) лежит в промежутке от 5040 до 4700 г. до н.э. Однако для слоя VIII, связываемого с сумнагинской культурой, есть более поздняя дата – $5\,900 \pm 70$ л.н. (ЛЕ-678) [Мочанов, 1977, с. 103]. Ю.А. Мочановым ранее отмечалось, что несоответ-

Радиоуглеродные даты памятников неолита и бронзового века Якутии

№ п/п	Памятник	Номер раскопа, слой, объект, глубина	Матери- ал для датиро- вания	Период, культур- ная при- надлеж- ность	Индекс даты	Дата, л.н. (от 1950 г.)	Калиброванная дата (±2σ, 95,4 %)	Источник
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Белькачи I	Слой VII, низ, кв. В-11	Уголь	СыК	ЛЕ-676	5 970 ± 70	5040–4700 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, рис. 1; Мочанов, 1977, с. 103, 110
2	Сумнагин I	Слой XX	?	СуК	ЛЕ-795	5 960 ± 60	5000–4710 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 43; Мочанов, 1977, с. 200
3	Белькачи I	Слой VIII, кв. Г-6	Уголь	СуК	ЛЕ-678	5 900 ± 70	4950–4580 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, рис. 1; Мочанов, 1977, с. 109
4	Сумнагин I	Слой XVI	?	СыК	ЛЕ-794	5 880 ± 60	4910–4580 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 43; Мочанов, 1977, с. 200
5	Сумнагин I	Слой XV	?	СыК	ЛЕ-739	5 720 ± 100	4780–4360 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 43
6	Сумнагин I	Слой XIII	?	СыК	ЛЕ-737	5 550 ± 60	4520–4260 гг. до н.э.	Там же
7	Таланда II	Слой VII, кв. В-3	Древес- сина	СыК	ЛЕ-1620	5 480 ± 70	4490–4070 гг. до н.э.	Мочанов и др., 1991, с. 47; Антипина, 1995, с. 17
8	Сумнагин I	Слой XI, кв. А-16	»	СыК	ЛЕ-875	5 400 ± 80	4370–4030 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 43
9	Сумнагин I	Слой XIV, кв. А-18	»	СыК	ЛЕ-877	5 400 ± 60	4350–4050 гг. до н.э.	Там же
10	Усть-Цуга II	Слой IV, остат. кв. А-3-6, Б-4-6, 118–145 см	Кость	БК	СОАН-6689	5 310 ± 115	4400–3800 гг. до н.э.	Воробьёв, 2007, с. 56, 75
11	Белькачи I	Слой VI, низ, кв. Б-32	Уголь	СыК	ЛЕ-656	5 270 ± 70	4320–3960 гг. до н.э.	Мочанов, 1977, с. 103; Мочанов, Федосеева, 1975, рис. 1.
12	Сиктых I	Верхний горизонт слоя VII	»	СыК	ИМ-530	5 220 ± 170	4400–3650 гг. до н.э.	Мочанов и др., 1991, с. 66
13	Сумнагин I	Слой XIIa, кв. А-15, 19	Древес- сина	СыК	ЛЕ-876	5 140 ± 80	4250–3700 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 43
14	Сумнагин I	Слой XII, кв. А-15-16	»	СыК	ЛЕ-873	5 100 ± 80	4050–3690 гг. до н.э.	Там же
15	Сумнагин I	Слой XIV	»	СыК†	ЛЕ-738	5 000 ± 60	3950–3660 гг. до н.э.	Чересов, 1988, с. 70; Алексеев, 1996a, с. 41, 49
16	Усть-Токко I	Граница слоев IV и V	»	СыК-БК	ИМ-824	5 000 ± 175	4250–3350 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, рис. 1; Мочанов, 1977, с. 103
17	Белькачи I	Слой V, кв. А-45	»	БК	ЛЕ-775	4 880 ± 90	3950–3350 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, рис. 1; Мочанов, 1977, с. 103
18	Большая Кюсэ	Слой V	?	БК	ИМ-458	4 800 ± 150	4000–3100 гг. до н.э.	Алексеев, 1987, с. 103; 1996a, с. 49
19	Сумнагин I	Слой XIV	Древес- сина	СыК†	ГИН-294	4 700 ± 100	3700–3100 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 43

Продолжение таблицы

			3	4	5	6	7	8	9
20	Сумнагин I	Слой XI	?	СыК	ЛЕ-736	4 670 ± 60	3640–3340 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 43	
21	Усть-Чуга II	Граница слоев III и IV, очаг, кв. Г-5, ок. 100 см	Уголь	БК-ЫК	СОАН-6688	4 355 ± 35	3090–2890 гг. до н.э.	Воробьев, 2007, с. 53	
22	Улахан Сегеленях	Слой XII, траншея, 140 см	Древесина	ЫК	ИМ-1017	4 258 ± 125	3350–2450 гг. до н.э.	Алексеев, 1996а, с. 37, 61; Кириллин, 1996, с. 248, 250	
23	Сумнагин I	Слой IX, средняя часть	Уголь	БК	ГИН-293	4 200 ± 100	3050–2450 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 44; Федосеева, 1980, с. 21	
24	Таланда II	Слой VI, средняя часть, кв. Г-4	»	БК	ЛЕ-1619	4 150 ± 50	2880–2580 гг. до н.э.	Мочанов и др., 1991, с. 47; Антилина, 1995, с. 17	
25	Сиктых I	Прослойка между горизонта-ми IV и V	»	БК	ИМ-556	4 120 ± 120	3050–2300 гг. до н.э.	Федосеева, 1980, с. 95; Аргунов, 1990, с. 57; Мочанов и др., 1991, с. 66	
26	Таланда II	Слой V, нижняя часть, очаг, кв. Г-1	»	БК	ЛЕ-1618	4 120 ± 60	2880–2560 гг. до н.э.	Мочанов и др., 1991, с. 47; Антилина, 1995, с. 17	
27	Пещера Хайыр-гас	Горизонт 2 (?), кв. Д-1, очаг, 1,45 м	»	Н	СОАН-4248	4 100 ± 90	2890–2460 гг. до н.э.	Степанов и др., 2003, с. 98, 110	
28	Улахан Сегеленях	Пикет 2, слой XI, 130 см	Древесина	ЫК	ИМ-1010	4 090 ± 150	3050–2200 гг. до н.э.	Алексеев, 1996а, с. 38, 61; Кириллин, 1996, с. 248, 250	
29	Улахан Сегеленях	Слой XI, кв. А-Б	»	ЫК	ГИН-8389	4 060 ± 100	2900–2300 гг. до н.э.	Неопубликованные данные	
30	Сиктых I	Слой IV, нижняя прослойка	Уголь	ЫК	ГИН-2340	4 020 ± 50	2860–2450 гг. до н.э.	Федосеева, 1984, с. 25–26; Мочанов и др., 1991, с. 66	
31	Таланда II	Слой III, нижний горизонт, очаг	»	ЫК	ЛЕ-1621	4 020 ± 50	2860–2450 гг. до н.э.	Федосеева, 1984, с. 25; Антилина, 1995, с. 17; Мочанов и др., 1991, с. 47	
32	Таланда II	Слой III, средний горизонт	Древесина	ЫК	ЛЕ-1624	3 980 ± 40	2580–2340 гг. до н.э.	Там же	
33	Сумнагин I	Слой X, средняя часть, кв. А-16-22	»	БК	ЛЕ-866	3 970 ± 100	2900–2150 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 44; Алексеев, 1996а, с. 49	
34	Таланда II	Слой II, низ, очаг	Уголь	ЫК	ЛЕ-1623	3 960 ± 40	2580–2340 гг. до н.э.	Федосеева, 1984, с. 25; Антилина, 1995, с. 17; Мочанов и др., 1991, с. 47	
35	Таланда II	Слой III, верхний горизонт	»	ЫК	ЛЕ-1622	3 940 ± 60	2580–2200 гг. до н.э.	Алексеев, 1996а, с. 38, 61; Кириллин, 1996, с. 248–249	
36	Улахан Сегеленях	Слой IX, низ, пикет 1, прослойка 15, 120 см	»	ЫК	ИМ-1014	3 920 ± 160	2900–1950 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 44; Федосеева, 1980, с. 21	
37	Сумнагин I	Слой VIII, нижняя часть, кв. Б-22, под очагом	»	ЫК	ЛЕ-858	3 900 ± 50	2560–2200 гг. до н.э.	Неопубликованные данные	
38	Маггинское по-гребение	Погребение, 10–15 см	Кость	Н	СОАН-4851	3 890 ± 30	2470–2280 гг. до н.э.		

39	Диринг-Юрх-ский могильник	Погребение II	»	ыК	ГИИ-4794	$3\ 840 \pm 50$	2470–2140 гг. до н.э.	Федосеева, 1988, с. 86; 1992, с. 102
40	Улахан Сегеленнях	Слой VIII, очаг, кв. Б-11	Уголь	ыК	ГИИ-8385	$3\ 840 \pm 70$	2480–2040 гг. до н.э.	Пеньков, 1999, с. 241
41	Чуур-Муранский могильник	Погребение IV, 25–40 см	»	ыК	ЛЕ-1025	$3\ 800 \pm 400$	3400–1200 гг. до н.э.	Федосеева, 1980, с. 81
42	Сумнагин I	Верх слоя IX, под очагом, кв. А-1-22	»	БК	ЛЕ-859	$3\ 750 \pm 50$	2310–2010 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 44; Федосеева, 1980, с. 21
43	Улахан Сегеленнях	Слой IX, пикет 1, пристойка 16, 125 см	Древесина	ыК	ИМ-1008	$3\ 750 \pm 260$	2900–1500 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 44; Федосеев, 1996а, с. 38, 61; Кириллин, 1996, с. 248–249
44	Улахан Сегеленнях	Слой VIII б, траншея, 90 см	»	ыК	ИМ-1013	$3\ 740 \pm 300$	3000–1400 гг. до н.э.	Там же
45	Улахан Сегеленнях	Слой IX, траншея, 115 см	»	ыК	ИМ-1012	$3\ 698 \pm 80$	2400–1850 гг. до н.э.	»
46	Улахан Сегеленнях	Слой IX, кв. Б-13	Уголь	ыК	ГИИ-8387	$3\ 650 \pm 80$	2300–1750 гг. до н.э.	Неопубликованные данные
47	Родинское погребение	Погребение	Кость	Н	ГИИ-5594	$3\ 600 \pm 60$	2140–1770 гг. до н.э.	Кистенёв, 1992, с. 73; Кащин, Калинина, 1997, с. 43
48	Улахан Сегеленнях	Пикет 2, слой VII, 95 см	Уголь	БВ	ИМ-1011	$3\ 570 \pm 140$	2600–1750 гг. до н.э.	Алексеев, 1996а, с. 69; Кириллин, 1996, с. 248–249
49	Улахан Сегеленнях	Слой IX–Х, кв. Е-1	»	ыК	ГИИ-8388	$3\ 570 \pm 80$	2140–1690 гг. до н.э.	Неопубликованные данные
50	Тумулур	?	ыК	?	3 540 ± 200	2500–1400 гг. до н.э.	Федосеева, 1980, с. 212	Федосеева, 1980, с. 212
51	Улахан Сегеленнях	Слой XIII, кв. 7	Древесина	ыК†	ГИИ-8390	$3\ 510 \pm 200$	2500–1400 гг. до н.э.	Неопубликованные данные
52	Сиктых I	Уголь	ыК	ИМ-529	$3\ 400 \pm 120$	2050–1400 гг. до н.э.	Федосеева, 1980, с. 55; Мочанов и др., 1991, с. 66	Федосеева, 1980, с. 21
53	Сумнагин I	Слой IV, нижняя пристойка кв. А-16-17	»	ыК	ЛЕ-874	$3\ 310 \pm 130$	1950–1300 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 44; Федосеева, 1980, с. 21
54	Раучувалыны I	Зачистка, 10–12 см	Кость	ыК†	МАГ-903	$3\ 300 \pm 600$	3400–100 гг. до н.э.	Ложкин, Трумле, 1990, с. 178
55	Вилюйское Шоссе	Погребение, 55 см	Кость	Н	СОАН-4247	$3\ 290 \pm 60$	1730–1430 гг. до н.э.	Дьяконов и др., 2003, с. 69
56	Улахан Сегеленнях	Слой XI, 130 см	Древесина	ыК†	ИМ-1051	$3\ 252 \pm 142$	1900–1100 гг. до н.э.	Неопубликованные данные
57	Алдакай I	Пол жилища 1	Уголь	БВ	СОАН-4730	$3\ 185 \pm 65$	1620–1310 гг. до н.э.	Воробьев, 2003, с. 46
58	Усть-Чуга II	Слой II, очаг, кв. Г-2-3, Д-2-3, 60–71 см	»	БВ	СОАН-6687	$3\ 145 \pm 75$	1610–1210 гг. до н.э.	Воробьев, 2007, с. 30

Окончание таблицы

			3	4	5	6	7	8	9
59	Улахан Сегеленнях	Пикет 1, слой VII, 80 см	Уголь	БВ	ИМ-1009	3 120 ± 120	1700–1000 гг. до н.э.	Алексеев, 1996а, с. 69; Кириллин, 1996, с. 248–249	
60	Абылаах I	Раскоп, верхний слой, кострище № 3, 7–13 см	»	ЫК	ЛЕ-790	3 100 ± 60	1500–1210 гг. до н.э.	Хлобыстин, 1998, с. 88	
61	Погребение Нелегер	Заполнение ямы, 25–30 см	»	УМК	СОАН-5117	3 100 ± 45	1500–1260 гг. до н.э.	Дьяконов, Иванова, 2003, 2006	
62	Помазкинский могильник	Раскоп, 67–69 см	?	ЫК	СОАН-3827	3 065 ± 65	1460–1120 гг. до н.э.	Кашин, Калинина, 1997, с. 23; Кашин, 2001, с. 81	
63	Усть-Токко I	Слой III	?	ЫК-ПМ	ИМ-831	3 060 ± 160	1700–900 гг. до н.э.	Черосов и др., 1986, с. 43; Черосов, 1988, с. 70	
64	Сикях I	Слой IV, верхняя прослойка	Уголь	ЫК†	ИМ-554	3 050 ± 95	1500–1020 гг. до н.э.	Федосеева, 1980, с. 95; Аргунов, 1990, с. 55; Мочанов и др., 1991, с. 66	
65	Улахан-Хаергас II	Верх культурного слоя	»	Н-ПМ	ИМ-862	3 050 ± 195	1750–800 гг. до н.э.	Черосов, 1988, с. 68	
66	Усть-Токко I	Слой III	?	ЫК-ПМ	ИМ-830	3 035 ± 120	1550–900 гг. до н.э.	Черосов и др., 1986, с. 43; Черосов, 1988, с. 70	
67	Усть-Токко I	Слой III	?	ЫК-ПМ	ИМ-823	3 000 ± 150	1600–800 гг. до н.э.	Там же	
68	Сумнагин I	Слой VII	Уголь	ЫК	ЛЕ-732	3 000 ± 80	1430–1010 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 44; Федосеева, 1980, с. 19	
69	Усть-Тимптон I	Раскоп 1, слой II (общий), верхний горизонт, траншея	»	ЫК	ЛЕ-909	3 000 ± 70	1420–1020 гг. до н.э.	Мочанов, 1977, с. 154; Федосеева, 1980, с. 31	
70	Областная Больница Бурултино	Разрушенное погребение, ок. 50 см	Кость	БВ?	СОАН-4250	2 960 ± 300	1900–400 г. до н.э.	Дьяконов и др., 2003, с. 66	
71		Стой III	Древесина	ЫК	ЛЕ-1003	2 955 ± 50	1370–1010 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 47	
72	Бурултино	Стой II	»	ЫК	ЛЕ-1002	2 950 ± 50	1370–1000 гг. до н.э.	Мочанов, Федосеева, 1975, с. 47; Федосеева, 1980, с. 132	
73	Белькачи I	Низ слоя II, очаг	Уголь	УМК	ЛЕ-666	2 930 ± 50	1310–980 гг. до н.э.	Федосеева, 1970, с. 133; Мочанов, 1977, с. 103; Эртюков, 1990, с. 30	
74	Улахан Сегеленнях	Слой VI	»	РЖВ↓	ИМ-1015	2 930 ± 110	1450–850 гг. до н.э.	Алексеев, 1996б, с. 12; 1999, с. 160	
75	Усть-Бельский могильник	Курган 15	»	ЫК	КрИл-244	2 920 ± 95	1400–900 гг. до н.э.	Диков, 1977, с. 136, 243; Гитулько, 2003б, с. 147	
76	Улахан Сегеленнях	Слой XIII, 165 см	»	ЫК†	ИМ-1050	2 903 ± 185	1700–500 гг. до н.э.	Неопубликованные данные	

77	Сумнагин I	Слой V, нижняя прослойка	?	УМК	ЛЕ-871	2 900 ± 70	1310–900 гг. до н.э.
78	Усть-Бельский могильник	Курган 15	Уголь	ЫК	РУЛ-186	2 860 ± 95	1310–820 гг. до н.э.
79	Озеро Чировое	Культурный слой	»	ЫК	ГИН-00	2 800 ± 100	1260–790 гг. до н.э.
80	Улахан Сегеленнях	Слой IX, очаг, кв. Ж-1	»	ЫК†	ГИН-8386	2 780 ± 120	1400–750 до н.э.
81	Раучуваалтын I	?	»	ЫКТ	МАГ-902	2 500 ± 100	820–390 гг. до н.э.
82	Погребение Непер	Шурф, 25–30 см	Кость	УМК	СОАН-4852	2 385 ± 75	800–200 гг. до н.э.
83	Покровское погребение 2	Разрушенное погребение	»	РЖВ	Beta-198197	2 220 ± 40	390–190 гг. до н.э.
84	Усть-Тимптон I	Слой II (общий), верх супеси, кв. И-3	Уголь	УМК	ЛЕ-830	2 200 ± 50	390–110 гг. до н.э.
85	Сумнагин I	Слой III, верхняя прослойка	?	УМК	ЛЕ-872	2 000 ± 40	110 г. до н.э.–90 г.н.э.
86	Улахан Сегеленнях	Слой IV, кв. В-12	Древесина	РЖВ↓	ГИН-8383	1 970 ± 50	110 г. до н.э.–140 г.н.э.
87	Улахан Сегеленнях	Слой V, очаг, кв. Г-Р-4-5	Уголь	РЖВ	ГИН-8384	1 900 ± 90	110 г. до н.э.–350 г.н.э.
88	Улахан Сегеленнях	Слой III, очаг, кв. Ж-12	»	РЖВ↓	ГИН-8382	1 840 ± 90	20 г. до н.э.–400 г. н.э.
89	Денисская-Юрийэтэ	Низ культурного слоя	»	ЫКТ	ИМ-1184	1 749 ± 164	100 г. до н.э.–650 г.н.э.
90	Сиктых I	Слой II	»	УМК-РЖВ?	ИМ-527	1 760 ± 130	50 г. до н.э.–600 г. н.э.
91	Тумулурское погребение	Заполнение ямы	»	РЖВ	ЛЕ-849	1 740 ± 50	130–420 г. н.э.
92	Белая Гора	Жилище, дно культурного слоя	Древесина	ЫКТ	ИМ-1185	1 705 ± 169	50 г. до н.э.–700 г. н.э.

Примечания: БВ – бронзовый век, БК – белькачинская культура, Н – неолит, ПМ – эпоха палеометалла, РЖВ – ранний железный век, СУК – сумнагинская культура, СыК – сынайская культура, УМК – усть-мильская культура, ЫК – усть-мильская культура, ЫКТ – ымыятахская культура, ЫКТ – ымыятахская культура традиция, ↑ – омоложенная дата, ↓ – удеревненная дата.

ствие дат ЛЕ-676 и ЛЕ-768 не выходит за пределы удвоенной среднестатистической ошибки [Там же, с. 110]. Калибровка показывает, что дата для слоя VIII находится в интервале 4950–4580 гг. до н.э. В таком случае верхний предел калиброванной даты ЛЕ-676 фиксирует нижнюю границу сыалахской культуры. Эти показатели более четко подкрепляются радиоуглеродными данными стоянки Сумнагин I [Мочанов, Федосеева, 1975, с. 43; Мочанов, 1977, с. 200]. Дата сыалахского слоя XVI – 5 880 ± 60 л.н. (ЛЕ-794), калиброванная – 4910–4580 гг. до н.э.; сумнагинского слоя XX – 5 960 ± 60 л.н. (ЛЕ-795), калиброванная – 5000–4710 гг. до н.э. Судя по всему, на Алдане сменина культур (сумнагинской на сыалахскую) произошла примерно в середине первой половины V тыс. до н.э.

В территориальном аспекте важной представляется дата верхнего горизонта слоя VII нижнеленской стоянки Сиктях I – 5 220 ± 170 л.н. (ИМ-530) [Мочанов и др., 1991, с. 66]. Калибровка для $\pm 1\sigma$ (68,2 % вероятности) указывает на то, что сыалахцы на нижней Лене появились в 4260–3800 гг. до н.э., т.е. на рубеже V–IV тыс. до н.э. Наиболее поздняя дата для чистых сыалахских комплексов получена по материалам слоя XI стоянки Сумнагин I – 4 670 ± 60 л.н. (ЛЕ-736) [Мочанов, Федосеева, 1975, с. 43]. Калибровка показывает, что она находится в интервале 3640–3340 гг. до н.э. Таким образом, нижняя граница сыалахской культуры датируется серединой первой половины V тыс. до н.э., а верхняя – серединой IV тыс. до н.э. Финал сумнагинской культуры четко фиксируется датой слоя XX стоянки Сумнагин I и относится к первой четверти V тыс. до н.э.

Серия радиоуглеродных дат получена в последние годы для культурных напластований многослойного памятника Усть-Чуга II (рис. 1, 18), открытого в 2003 г. С.А. Воробьёвым в верховьях Алдана*. Здесь зафиксирована наиболее ранняя дата для чистого комплекса белькачинской культуры, содержащегося в слое IV, – 5 310 ± 115 л.н. (СОАН-6689)**. Ее калибровка для $\pm 2\sigma$ указывает на 4400–3800 гг. до н.э., а для $\pm 1\sigma$ – на 4320–3990 гг. до н.э. Если дата достоверна, то белькачинцы появились на Алдане уже в конце V тыс. до н.э. Принимая во внимание дату ЛЕ-736, можно констатировать, что, по крайней мере, на Алдане белькачинская культура полностью сменила сыалахскую в середине IV тыс. до н.э. При этом допускается существование здесь носителей этих культур на протяжении ок. 600 лет. Наиболее поздняя дата для чистого белькачинского комплекса получена по углю из верхней части слоя IX стоянки Сумнагин I – 3 750 ± 50 л.н.

*Воробьёв С.А. Отчет об археологических раскопках многослойной стоянки Усть-Чуга II в полевой сезон 2006 года. – Нерюнгри, 2007. – 144 с. – Архив ОПИ ИА РАН.

**Там же. С. 56, 75.

(ЛЕ-859) [Мочанов, Федосеева, 1975, с. 44; Федосеева, 1980, с. 21]. Ее калибровка для $\pm 2\sigma$ указывает на 2310–2010 гг. до н.э., для $\pm 1\sigma$ – на 2280–2040 гг. до н.э.

Дискуссионным остается вопрос о культурной принадлежности Родинского погребения (рис. 1, 28), обнаруженного на нижней Колыме в 1980 г. Первооткрыватель погребения С.П. Кистенёв считал, что оно принадлежит племенам поздних белькачинцев, имевших контакты с ранними ымыяхтахцами, хотя радиоуглеродная дата, полученная по костям погребенного, несколько моложе верхней границы периода существования белькачинской культуры – 3 600 ± 60 л.н. (ГИН-5594) [1980, с. 87; 1992, с. 73]. В.А. Кашин и В.В. Калинина [1997, с. 43] прямо указывают, что Родинское погребение, скорее всего, принадлежит ымыяхтахцам, т.к., согласно материалам и датам слоя IV стоянки Сиктях I, в Якутском Заполярье в это время уже была ымыяхтахская культура. Судя по калибровке радиоуглеродной даты, погребение оставлено в период от 2140 до 1770 г. до н.э. Нужно отметить, что культурная принадлежность большинства якутских погребений неолита и эпохи палеометалла до конца не выяснена.

Для памятников ымыяхтахской культуры и ымыяхтахской культурной традиции на сегодняшний день получено 39 радиоуглеродных дат. Их калибровка позволяет утверждать, что нижняя граница ымыяхтахской культуры значительно древнее, чем предполагалось ранее. Наиболее ранней, судя по всему, является дата 4 258 ± 125 л.н. (ИМ-1017), полученная по древесине из слоя XII стоянки Улахан Сегеленнях на р. Токко [Алексеев, 1996а, с. 37, 61]. Возраст слоя хорошо согласуется с датами вышележащего горизонта XI 4 090 ± 150 л.н. (ИМ-1010) и 4 060 ± 100 л.н. (ГИН-8389). Калибровка даты ИМ-1017 для $\pm 2\sigma$ относит ее к 3350–2450 гг. до н.э., а для $\pm 1\sigma$ – к 3030–2630 гг. до н.э. Следовательно, ымыяхтахская культура распространилась в Южной Якутии не позднее середины III тыс. до н.э., а возможно и раньше, т.к. ниже слоя XII есть еще три горизонта этой культуры, даты по которым пока не получены (слой XIII датирован, но все даты явно «омоложенные» (см. таблицу)). Вероятнее всего, она появилась на данной территории на рубеже IV–III тыс. до н.э., а в середине III тыс. до н.э. распространилась на значительной части Якутии, в т.ч. на нижней Лене, судя по дате для нижней прослойки слоя IV стоянки Сиктях I – 4 020 ± 50 л.н. (ГИН-2340) [Мочанов и др., 1991, с. 66]. При этом племена ымыяхтахцев существовали с поздними белькачинцами на протяжении ок. 750 лет, на что указывает упомянутая выше радиоуглеродная дата 3 750 ± 50 л.н. (ЛЕ-859), полученная для верхней части слоя IX стоянки Сумнагин I.

Несмотря на достаточно большое количество дат для различных комплексов ымыяхтахской культуры,

по-прежнему остается много вопросов, в т.ч. такой важный, как ее принадлежность к определенному историческому периоду. В этой связи нужно отметить, что наиболее ранний датированный ымяхтахский комплекс с бронзовыми изделиями – Диринг-Юряхский могильник, возраст которого определен одной датой, полученной по кости, – $3\ 840 \pm 50$ л.н. (ГИН-4794) [Федосеева, 1988, с. 86; 1992, с. 102]. Ее калибровка для $\pm 2\sigma$ указывает на 2470–2140 гг. до н.э. Если дата достоверна, то распространение бронзы в Центральной Якутии началось очень рано – в конце III тыс. до н.э. Вместе с тем на территории Якутии это пока единственное свидетельство наличия столь древнего металла в ымяхтахских комплексах, которое сейчас однозначно не объясняется. Возможно, присутствие бронзы в погребальном инвентаре могильника является результатом товарообменных процессов в древности. Они фиксируются, например, по наличию в материалах неолитических памятников Якутии светлоокрашенного нефрита, происходящего из бассейна Витима [Алексеев и др., 2006]. Естественно, что металл тогда высоко ценился, и именно это явилось причиной разграбления могильника в древности.

Наиболее поздней для ымяхтахской культуры было принято считать радиоуглеродную дату стоянки на оз. Чировом (Восточная Чукотка) – $2\ 800 \pm 100$ л.н. (ГИН-00) [Диков, 1977, с. 121; Федосеева, 1980, с. 212], калиброванная – 1260–790 гг. до н.э. Тем не менее имеются радиоуглеродные даты для стоянок Дениска-Юройэтэ и Белая Гора на нижней Индигирке, представляющих ымяхтахскую культурную традицию, – $1\ 749 \pm 164$ л.н. (ИМ-1184) и $1\ 705 \pm 169$ л.н. (ИМ-1185) соответственно [Эверстов, 1999а, с. 53; 1999б, с. 56], – калибровка которых указывает на то, что эти стоянки существовали в первой половине I тыс. н.э., когда на основной части Якутии уже были комплексы раннего железного века. Последние даты поднимают вопрос о бытованиях в I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. в Якутском Заполярье особой культуры ымяхтахской традиции, существовавшей в Якутии наряду с культурами бронзового и раннего железного веков. Пока лишь единицы ымяхтахских памятников на севере Якутии датированы радиоуглеродным методом, и, возможно, часть известных на сегодняшний день ымяхтахских по облику комплексов Заполярья относятся к тому же времени. Подобное позднее «переживание» или «отставание» позднего неолита, и в частности ымяхтахской культуры, отмечается исследователями для территории Чукотки [Диков, 1993, с. 152; Слободин, 2001, с. 173].

Ранее считалось, что ымяхтахскую культуру в Якутии почти повсеместно сменила усть-мийская бронзового века. Самой ранней для этой культуры на сегодняшний день является дата $3\ 100 \pm 45$ л.н. (СОАН-5117), полученная для погребения Нелегер

(рис. 1, 15), найденного в окрестностях г. Якутска [Дьяконов, Иванова, 2003, 2006]. Ее калиброванный интервал для $\pm 2\sigma$ – 1500–1260 гг. до н.э. Для чистого усть-мийского комплекса наиболее поздней является дата верхней прослойки слоя III стоянки Сумнагин I – $2\ 000 \pm 40$ л.н. (ЛЕ-872) [Мочанов, Федосеева, 1975, с. 44; Мочанов, 1977, с. 196; Эртюков, 1990, с. 30]. Ее калибровка для $\pm 2\sigma$ указывает на интервал 110 г. до н.э. – 90 г. н.э. Судя по этому, усть-мийская культура просуществовала в Якутии до рубежа эр, а затем, по-видимому, трансформировалась в культуру раннего железа.

В керамический комплекс усть-мийской культуры, основой орнамента которого являются налепные валики, ранее включали как отдельный тип и керамику, украшенную «жемчужинами», вдавлениями и штампами. Автором классификации В.И. Эртюковым, тем не менее, оговаривалось, что «керамика с “жемчужинами” до сих пор не зафиксирована в чистых слоях эпохи бронзы, и поэтому ее отнесение к усть-мийской культуре пока условно» [1980, с. 94]. Такая керамика была найдена на памятниках Алдана (Усть-Чуга II (слой II), Сумнагин II, Угин I), Амги (Тангха I), средней Лены (Хонгсупор (Буотома), Немюгонцы) и Вилюя (Улахан-Эдье I и II, Усть-Чирку I, Сынгда (Тюнг) и Хоту-Туулаах) [Федосеева, 1968, с. 54, 110, рис. 14, 6; Козлов, 1980, с. 57, табл. II, 16; Мочанов и др., 1983, табл. 103, 8; 262, 20; 1991, табл. 1, 9; 7, 5; 25, 3, 12, 15; 29, 1, 3; 84, 2; 92, 6; Эртюков, 1980, с. 92, табл. II, 28, 29; 1990, с. 39–40, 57, 70, табл. 14, 2, 3, 6, 8; 17, 1]*. При раскопках на стоянке Улахан Сегеленнях (р. Токко, бассейн Олекмы) в культурном слое VII впервые четко выделен комплекс с вафельной керамикой, украшенной «жемчужинами», вдавлениями и штампами. Эта керамика хотя и несет черты ымяхтахской традиции (вафельное декорирование, слоистость теста, примесь шерсти и травы), существенно отличается как от «классической» ымяхтахской, так и от собственно усть-мийской. Ее наличие в данном регионе свидетельствует о влиянии прибайкальских и приенисейских культур бронзового века. Для слоя получены две радиоуглеродные даты – $3\ 570 \pm 140$ л.н. (ИМ-1011) и $3\ 120 \pm 120$ л.н. (ИМ-1009) [Алексеев, 1996а, с. 69]. Они показывают время первоначальной трансформации ымяхтахской культуры под воздействием мигрантов с юго-запада. Этот процесс происходил, скорее всего, в первой половине II тыс. до н.э.: калиброванный интервал первой даты ($\pm 2\sigma$) – 2600–1750 гг. до н.э., второй – 1700–1000 гг. до н.э.

К середине II тыс. до н.э. относится существование в бассейне Алдана поселения Алдакай I (рис. 1, 19),

*См. также: **Воробьев С.А.** Отчет об археологических раскопках... С. 21–29, табл. 28, 7, 11; 29, 1; 30, 3, 6.

материалы которого также отражают сложный процесс смешения поздних ымыяхтахцев с пришлыми племенами [Воробьёв, 2003, с. 46]. По углю с пола жилища 1 этого поселения была получена радиоуглеродная дата $3\ 185 \pm 65$ л.н. (СОАН-4730). Ее калибровка для $\pm 2\sigma$ указывает на 1620–1310 гг. до н.э. Этим же временем датируется культурный слой II стоянки Усть-Чуга II, содержащий вафельную керамику, украшенную «жемчужинами», штампами и вдавлениями*. По углю из очага для него получена дата $3\ 145 \pm 75$ л.н. (СОАН-6687), калиброванный интервал которой для $\pm 2\sigma$ 1610–1210 гг. до н.э.

Таким образом, радиоуглеродная хронология ымыяхтахских местонахождений северо-востока азиатской части России достаточно четко показывает, что эта культура появилась в Южной Якутии на рубеже IV–III тыс. до н.э., а к середине III тыс. до н.э. она распространилась на значительной части Якутии, включая ряд заполярных районов. Более чем полутора тысячелетий отрезок времени ранние ымыяхтахцы сосуществовали с поздними белькачинцами и создали культуру, которая приблизительно к XVII в. до н.э. охватывала обширную территорию в Северо-Восточной Азии. В первой половине II тыс. до н.э., особенно во второй ее части, в Якутию начали проникать носители культурных традиций Приамурья, Забайкалья и Прибайкалья. В результате миграций населения с юго-запада и смешения пришлых племен с ымыяхтахцами сформировалась культура, ярким показателем которой является керамика, украшенная «жемчужинами», штампами и вдавлениями. Хронология существования этой культуры пока до конца не ясна, но мы предлагаем назвать ее улахан-сегеленняхской. С конца II тыс. до н.э. со стороны Приамурья началась миграция носителей традиции балковой керамики, и к середине I тыс. до н.э. вплоть до Северного полярного круга, а местами и дальше на север, распространилась усть-мильская культура. Обе культуры (улахан-сегеленняхская и усть-мильская) испытали достаточно сильное влияние ымыяхтахской. Наиболее поздние северные ымыяхтахские памятники «классического вида» относятся к рубежу II–I тыс. до н.э., но в I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. в Якутском Заполярье сформировалась особая культура ымыяхтахской традиции, существовавшая в Якутии наряду с другими культурами бронзового и раннего железного веков. Ее мы предлагаем именовать сугуннахской, по названию эталонной нижнеиндигирской стоянки этого времени.

В последние годы в Санкт-Петербурге вышли работы, посвященные голоценовому каменному веку Северо-Восточной Азии и радиоуглеродной хроноло-

гии неолита Северной Евразии [Питулько, 2003б; Тимофеев и др., 2004]. В них приводятся списки радиоуглеродных дат археологических памятников Якутии, а также их интерпретация, включая калиброванные значения возраста. Появление таких публикаций свидетельствует об актуальности данного направления исследований. Тем не менее анализ вышеизложенных работ показал некоторые несоответствия и неточности, допущенные авторами. В наибольшей мере это относится к монографии «Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии» [Тимофеев и др., 2004]. Так, например, не ясно, почему даты сумнагинских комплексов включены в список радиоуглеродных дат по неолиту Сибири и Дальнего Востока и таблицу дат опорных памятников неолита Якутии, хотя авторами оговаривается, что сумнагинская (в тексте название дано как «сумнагирская») культура «относится к культуре мезолита, который мы здесь не рассматриваем» [Там же, с. 54]. В таблице значатся семь дат для культурных слоев алданских стоянок, относящихся к этой культуре (ЛЕ-857, ЛЕ-817, ЛЕ-678, ЛЕ-697, ЛЕ-698, ЛЕ-894, ЛЕ-910), и три – для безынвентарных слоев VIII, IX и XII вилуйской стоянки Таланда II (ЛЕ-1615, ЛЕ-1616, ЛЕ-1617) [Там же, с. 55]. Кроме того, сюда включены дата стоянки Сибердик, находящейся не на территории Якутии, и дата ЛЕ-817, отсутствующая во всех опубликованных списках радиоуглеродных дат памятника Белькачи I (см., напр.: [Мочанов, 1977, с. 103]). Последняя, судя по таблице [Тимофеев и др., 2004, с. 130], получена для слоя 24, хотя, как известно, такого культурного слоя на стоянке выделено не было. К нему же отнесена дата ЛЕ-775, на самом деле полученная для белькачинского слоя 5. Дата ссылахского слоя 6 этой стоянки $5\ 270 \pm 70$ л.н. (ЛЕ-656) обозначена как относящаяся к слою 4 и существенно «удревнена» – $5\ 720 \pm 70$ л.н. Так же неточно в таблице и списке указаны следующие даты: ЛЕ-676 для слоя 7 стоянки Белькачи I – $5\ 900 \pm 70$ л.н. (вместо $5\ 970 \pm 70$); ЛЕ-873 для слоя 12 памятника Сумнагин I – $5\ 400 \pm 80$ л.н. (вместо $5\ 100 \pm 80$); ЛЕ-1624 для слоя 3 стоянки Таланда II – $3\ 980 \pm 80$ л.н. (вместо $3\ 980 \pm 40$) [Там же, с. 55, 130, 131]. Естественно, что в результате калибровки этих дат получились неверные календарные интервалы. Много неточностей или опечаток имеется, кроме вышеперечисленных, в данных о номерах культурных слоев: дата ЛЕ-857 получена для слоя 40 стоянки Сумнагин I, а не 39, ЛЕ-859 – для восьмого, а не девятого; ЛЕ-876 – для слоя 12а, а не 19а того же памятника; ЛЕ-1615 – для безынвентарного слоя 10 стоянки Таланда II, а не 1, ЛЕ-1622 – слоя 2, а не 2–3, ЛЕ-1624 – слоя 2, а не 3 того же памятника. Нужно отметить также, что в списке указаны четыре даты стоянки Усть-Тимpton I, хотя авторы в тексте оперируют только двумя – ЛЕ-910 и ЛЕ-894, которые

*См. также: Воробьёв С.А. Отчет об археологических раскопках... С. 30.

опять-таки отнесены к сумнагинской культуре [Там же, с. 58, 130]. Тем более не ясен вывод о том, что «интервалы значений калиброванного календарного возраста для этих дат лежат в пределах 5 600–5 300 calBC, что соответствует периоду существования сыалахской (выделено нами. – А.А., В.Д.) культуры» [Там же, с. 58]. Тут же указано, что возраст стоянки Усть-Тимптон определяется двумя датами, хотя, как известно, для ее культурных напластований получено 13 дат (см.: [Мочанов, 1977, с. 149]).

На карте неолитических памятников Сибири и Дальнего Востока, имеющих радиоуглеродные даты [Тимофеев и др., 2004, с. 120, рис. VI, 29], неверно указано местонахождение некоторых стоянок, хотя для всех объектов в таблицах приводятся географические координаты. Например, стоянка Кухтуй (№ 72 на карте) обозначена не на побережье Охотского моря, а, как минимум, в 500 км восточнее – в материковой части; Белькачи I (№ 70) – не на берегу р. Алдан, а в Лено-Алданском междуречье. Кроме того, на территории Якутии обозначен пункт № 73, который в таблице значится как стоянка Аргобаза-4 [Там же, с. 131]. Такой стоянки в обозначенном на карте месте нет. Скорее всего, это досадная опечатка, т.к. Аргобаза-4 присутствует на карте за тем же № 73 там, где она должна быть, – в бассейне верхней Колымы, на территории Магаданской области. Опечатки есть и в тексте в названиях стоянок и культур. Наконец, не ясно, для чего проводится калибровка совокупностей дат, полученных на разновременных многослойных памятниках, в то время как не проявляется интерес к календарному времени существования отдельных культур.

В контексте нашей работы, бесспорно, заслуживает внимания статья В.В. Питулько [2003б], хотя калибровки радиоуглеродных дат в ней нет. Опубликован большой список радиоуглеродных дат для памятников Якутии, Таймыра, Чукотки и Северного Приохотья, приводятся диаграммы распределения дат археологических культур, а также сделано сопоставление с палеоклиматическими кривыми. На основе этого автор приходит к следующим основным выводам: 1) сыалахская, белькачинская и ымяяхтахская культурные традиции неолита Северо-Восточной Азии не везде сменяли друг друга в пределах региона, а сосуществовали на протяжении от 500 до 1200 лет на уровне локальных вариантов; 2) смена культурных традиций происходила в основном в результате изменений природно-климатической обстановки, т.е. эволюция неолитической культуры Северо-Восточной Азии в значительной мере была обусловлена внешними факторами, а не только культурно-миграционными; 3) сыалахская, белькачинская и ымяяхтахская культурные традиции представляют собой единую местную линию развития неолитической культуры.

Несомненно, выводы В.В. Питулько заслуживают внимания, и мы во многом согласны с ними, особенно в части, касающейся сосуществования культур неолита на определенных отрезках времени. Однако следует указать на неточности, допущенные в статье. Так, например, В.В. Питулько относит к сыалахской культуре даты приохотских памятников Хуренджя VIII и Сибердик, восточно-чукотской стоянки Коолень III, а также дату ЛЕ-1017, обозначенную как полученную для таймырской стоянки Озеро Глубокое со ссылкой на монографию Л.П. Хлобыстина [1998, с. 124]. Однако на данной странице эта дата не указана, зато она упомянута на с. 77 и характеризует комплекс памятника Усть-Половинка, относящийся к байкитской культуре. Также со ссылкой на монографию Л.П. Хлобыстина [1998, с. 118] приведена дата $3\ 660 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-883), обозначенная как белькачинская стоянки Маймече IV. Она действительно упоминается в книге, но на с. 74 и получена на памятнике Улан-Хада в Прибайкалье. Таким же образом к белькачинской культуре В.В. Питулько отнесены даты стоянок Сибердик, Хуренджя V, Агробаза IV, а также (по-видимому, ошибочно) упомянутые выше при обзоре монографии «Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии» образцы ЛЕ-910 и ЛЕ-894, датирующие сумнагинские комплексы памятника Усть-Тимптон I [2003б, с. 149]. Кроме того, в тексте статьи самой молодой сумнагинской датой названа $5\ 880 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-794), полученная для слоя XVI стоянки Сумнагин I, хотя в таблице она обозначена как сыалахская [Там же, с. 105, 148].

Что касается ымяяхтахской культуры, то В.В. Питулько отнес к ней даты памятников Северного Приохотья, Чукотки и Таймыра – Нил-Устье, Бытык, Теркэмкын I, Тытыль IV, Гетлянен III, Раучувагытгын I, Марич V, Большой Нутенеут II, Озеро Среднее, Утаатап и Курупка II (см. рис. 1). На наш взгляд, эти объекты не представляют собой «чистые» ымяяхтахские комплексы. Например, на стоянке Бытык с датами $3\ 980 \pm 60$ и $4\ 800 \pm 400$ л.н. керамика не содержит в тесте примеси органики, а все наконечники стрел имеют листовидную форму, что не характерно для ымяяхтахского инвентаря [Питулько, 2003а, с. 48, 49, рис. 4, 3, 4, 6]. То же можно сказать и о других упомянутых В.В. Питулько ранних «ымаяхтахских» памятниках. Так, М.А. Кирьяк, исследовавшая стоянку Тытыль IV, для которой получена дата $4\ 290 \pm 100$ л.н. (МАГ-1094), считает ее несмешанным комплексом позднего неолита, но не ымяяхтахской культуры, поскольку в нем присутствовала нехарактерная для последней керамика [1993, с. 45–56, табл. 60, 7–10]. С.Б. Слободин, описывая материалы стоянки Нил-Устье с датами от $4\ 970 \pm 70$ до $4\ 150 \pm 120$ л.н., отмечал смешанный характер комплекса, включающего материальные остатки среднего и позднего неолита и даже более позднего компонента [2001, с. 58].

Исследователи, работавшие на остальных упомянутых В.В. Питулько объектах, напрямую не относили их к ымыяхтахской культуре [Диков, 1993; Кирьяк, 1993, 2005; Слободин, 2001]. Исключение составляет только стоянка Раучувагытгын I, которую М.А. Кирьяк характеризовала как позднеымыяхтахскую в северном варианте [2005, с. 11]. Кроме того, В.В. Питулько почему-то относит к ымыяхтахской культуре очень позднюю дату $2\,200 \pm 50$ л.н. (ЛЕ-830), к тому же полученную для безынвентарной верхней прослойки слоя II стоянки Усть-Тимптон I [2003б, с. 147]. Ю.А. Мочанов [1977, с. 154] считал, что в этой прослойке могут быть найдены следы усть-мильской культуры эпохи бронзы. Также в таблице к ымыяхтахской культуре отнесены даты, полученные для слоя III стоянки Усть-Токко I, содержащего разновременный материал позднего неолита и эпохи палеометалла, и для памятника Улахан-Хаергас II – тоже смешанного комплекса неолита и эпохи ранних металлов [Черсов, 1988, с. 68, 70].

В результате включения дат вышеперечисленных памятников в хронологию конкретных культур неолита Якутии нижние границы сыалахской, белькачинской и ымыяхтахской культур «удревнились» соответственно на 1070, 1710 (!) и 710 лет, а верхние «омолодились» на 610, 90 и 600 лет, вследствие чего время существования этих культур увеличилось: сыалахской на 1680 лет, белькачинской – на 1800, ымыяхтахской – на 1310 лет.

Заключение

Радиоуглеродные даты памятников неолита и бронзового века Якутии при сопоставлении их с калибровочными кривыми позволяют предложить схему

календарной хронологии существования культур рассматриваемого времени. Во внимание берутся наиболее ранние и наиболее поздние калиброванные даты каждой культуры, усреднение крайних значений показывает следующее (рис. 2): сыалахская культура (ранний неолит) – 4870 ± 170 – 3490 ± 150 гг. до н.э. (продолжительность ок. 1380 лет); белькачинская (средний неолит) – 4100 ± 300 – 2160 ± 150 гг. до н.э. (ок. 1940 лет); ымыяхтахская (поздний неолит) – 2900 ± 450 – 1025 ± 235 гг. до н.э. (ок. 1880 лет); улахан-сегеленняхская культура керамики с «жемчужинами» (бронзовый век) – 2175 ± 425 – 1350 ± 350 гг. до н.э. (ок. 830 (?) лет); усть-мильская (бронзовый век) – 1380 ± 120 – 10 ± 100 гг. до н.э. (ок. 1370 лет); сугуннахская пережиточно-ымыяхтахская культура (бронзовый век) – 325 ± 375 г. н.э. (?).

Мы отдаём себе отчет в том, что с получением новых данных, при помощи как радиоуглеродного, так и дендрохронологического метода, изложенная схема может быть существенно скорректирована, особенно принимая во внимание малое количество дат для опорных памятников сыалахской и белькачинской культур, а также культур бронзового века. В целом культурная хронология неолита и бронзового века Якутии указывает на проблему существования в эти эпохи известных в культурологии маргинальных ареалов – территорий, на которых обнаруживаются черты соседствующих культур. Несмотря на обилие радиоуглеродных дат для ымыяхтахских памятников, остаются до конца не решенные вопросы, касающиеся их хронологии. На наш взгляд, эта культура изначально была поздненеолитической, но затем стала трансформироваться под воздействием мигрантов и дала начало, как минимум, трем культурам бронзового века Якутии: улахан-сегеленняхской, усть-мильской и сугуннахской.

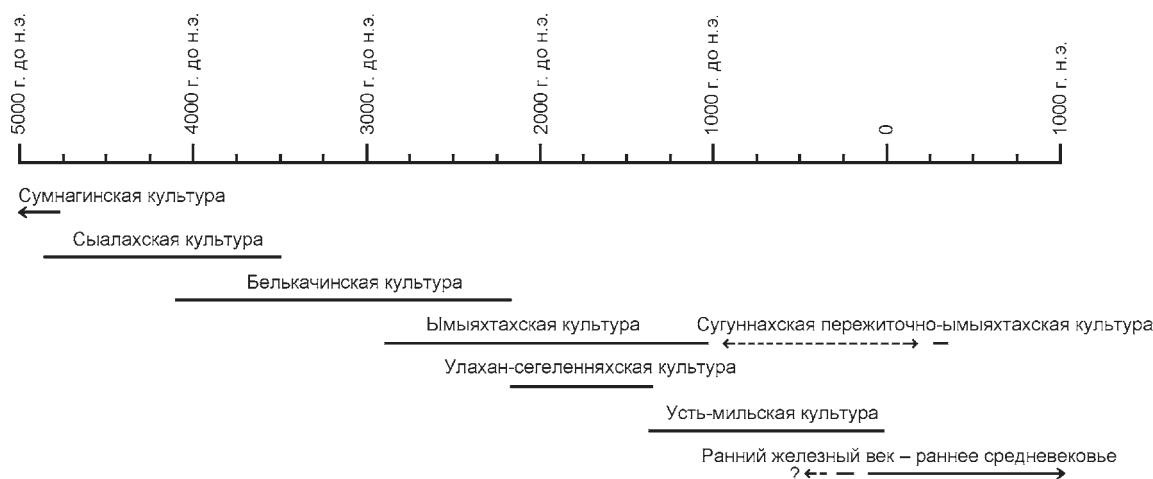

Рис. 2. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии.

Список литературы

- Алексеев А.Н.** Каменный век Олёкмы. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. – 128 с.
- Алексеев А.Н.** Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996а. – 144 с.
- Алексеев А.Н.** Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996б. – 96 с.
- Алексеев А.Н.** Основные этапы проникновения тюркских этнических групп на Среднюю Лену // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 157–164.
- Алексеев А.Н., Ветров В.М., Дьяконов В.М., Секерин А.П., Тетеңькин А.В.** Витимский нефрит в археологии Восточной Сибири // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2006. – Вып. 4. – С. 74–79.
- Антипина Н.В.** Каменный век Вилюя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск, 1995. – 20 с.
- Аргунов В.Г.** Каменный век Северо-Западной Якутии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 213 с.
- Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж. А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж.С., Джайл Э.Дж.Т.** Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 79–92.
- Воробьёв С.А.** Алдакай I – поселение эпохи бронзы в Южной Якутии // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 44–65.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 392 с.
- Диков Н.Н.** Азия на стыке с Америкой в древности (каменный век Чукотского полуострова). – СПб.: Наука, 1993. – 304 с.
- Дьяконов В.М., Иванова К.А.** Археологический комплекс бронзового века Нелегер III в Центральной Якутии // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Мат-лы Всерос. (с междунар. участием) 43-й археол.-этногр. конф. молодых ученых. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – С. 170–172.
- Дьяконов В.М., Иванова К.А.** Археологический комплекс Нелегер III – новый памятник усть-мильской культуры в Центральной Якутии // Древности Якутии: искусство и материальная культура: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 214–221.
- Дьяконов В.М., Шпакова Е.Г., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В.** Погребение Вилуйское Шоссе в Якутске: палеоантропологические характеристики и предварительная датировка // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 65–90.
- Кашин В.А.** Неолитическое захоронение детей на средней Колыме // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 78–81.
- Кашин В.А., Калинина В.В.** Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. – Якутск: Северовед, 1997. – 112 с.
- Кириллин А.С.** Многослойная стоянка Улахан Сегеленях на реке Токко // Археология Северной Пасифики. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 246–251.
- Кирьяк М.А.** Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. – М.: Наука, 1993. – 224 с.
- Кирьяк (Дикова) М.А.** Каменный век Чукотки (новые материалы). – Магадан: Кордис, 2005. – 254 с.
- Кистенёв С.П.** Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии: Тр. ПАЭ. – Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1980. – С. 74–87.
- Кистенёв С.П.** Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии: Тр. ПАЭ. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 68–83.
- Козлов В.И.** Новые археологические памятники Амги // Новое в археологии Якутии: Тр. ПАЭ. – Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1980. – С. 55–61.
- Константинов И.В.** Ранний железный век Якутии. – Новосибирск: Наука, 1978. – 128 с.
- Кузьмин Я.В., Алкин С.В., Оно А., Сато Х., Сакаки Т., Матсумото Ш., Оримо К., Ито Ш.** Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии. – Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 1998. – 127 с.
- Ложкин А.В., Трумпе М.А.** Систематизация радиоуглеродных датировок археологических памятников Магаданской области // Древние памятники Севера Дальнего Востока (новые материалы и исследования Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С. 176–179.
- Мочанов Ю.А.** Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. – М.: Наука, 1969. – 256 с.
- Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 263 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии (по материалам многослойной стоянки Сумнагин I) // Якутия и ее соседи в древности: Тр. ПАЭ. – Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1975. – С. 38–49.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Ноосфера и археология // Наука и техника в Якутии. – 2001. – № 1. – С. 28–33.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внутропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки: Докл. для междунар. Северного археол. конгр. (г. Ханты-Мансийск, 9–14 сентября 2002 г.). – Якутск: Изд. дом «Полярный круг», 2002. – 60 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М.** Археологические памятники Якутии: Бассейны Алдана и Олекмы. – Новосибирск: Наука, 1983. – 392 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г.** Археологические памятники Якутии: Бассейны Вилюя, Анабара и Оленёка. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
- Окладников А.П.** История Якутской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – 430 с.
- Пеньков А.В.** Костяные календари раннего железного века Якутии // Археология Северо-Восточной Азии: Астро-

археология. Палеометрология: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 229–241.

Питулько В.В. Ламские стоянки (Таймырский округ, Норильский район, оз. Лама) // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене: Сб. науч. ст. – СПб.: ГЕОС, 2003а. – С. 45–49.

Питулько В.В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене: Сб. науч. ст. – СПб.: ГЕОС, 2003б. – С. 99–151.

Слободин С.Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 202 с.

Степанов А.Д. Ранний железный век Якутии: проблемы исследования в свете новейших археологических открытий (1978–1988 гг.) // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 138–151.

Степанов А.Д. Эпоха раннего средневековья в Якутии (постановка проблемы) // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: Третья междунар. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 225–230.

Степанов А.Д., Кириллин А.С., Воробьев С.А., Соловьёва Е.Н., Ефимов Н.Н. Пещера Хайыргас на Средней Лене (результаты исследований 1998–1999 гг.) // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 98–113.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. – СПб.: Теза, 2004. – 157 с.

Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. – М.: Наука, 1968. – 170 с.

Федосеева С.А. Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии: Тр. ПАЭ. – Якутск: Кн. изд-во, 1970. – С. 128–142.

Федосеева С.А. Ымыяхтакская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.

Федосеева С.А. Ымыяхтакская культура Северо-Восточной Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 34 с.

Федосеева С.А. Диринг-Юряхский могильник (ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии: Сб. науч. тр. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1988. – С. 79–98.

Федосеева С.А. Диринг-Юряхский могильник (типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии: Тр. ПАЭ. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 94–104.

Федосеева С.А. Археология Якутии и ее место в мировой науке о происхождении и эволюции человечества: Очерки по дописменной истории Якутии: Тр. ПАЭ. – Якутск: ООО «Литограф», 1999. – 132 с.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 342 с.

Черосов Н.М. Памятники каменного века центральной части Приленского плато (Олекминский район ЯАССР) // Археология Якутии: Сб. науч. тр. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1988. – С. 54–71.

Черосов Н.М., Томская А.И., Лазарев П.А., Степанов А.Д. Палеоэкология и культурно-хозяйственный тип многослойной стоянки Усть-Токко I (Олекминский район ЯАССР) // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. (2–8 июня 1986 г., Улан-Удэ). – Улан-Удэ: Бурят. фил. СО АН СССР, 1986. – Ч. 2. – С. 42–46.

Эверстов С.И. Сугуннах – новая стоянка ымыяхтакской культуры на Индигирке // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1999а. – С. 40–54.

Эверстов С.И. Изображения на бересте и этническая идентификация ымыяхтакских памятников Индигирки (в свете новых археологических открытий) // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1999б. – С. 54–64.

Эртиков В.И. Основные типы керамики бронзового века Алдана // Новое в археологии Якутии: Тр. ПАЭ. – Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1980. – С. 88–94.

Эртиков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

Якутия и ее соседи в древности: Тр. ПАЭ. – Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1975. – 204 с.

УДК 903.9.

В.Е. Медведев

ГЛИНЯНЫЕ ШАРЫ С ОСТРОВА СУЧУ – МАТЕРИАЛЬНЫЕ САКРАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ЭПОХИ НЕОЛИТА

В 1970-е гг. в ходе исследований на о-ве Сучу в низовьях Амура (Ульчский р-н Хабаровского края) были найдены два орнаментированных шара из обожжённой глины. Они привлекли внимание исследователей необычной формой и богатством орнамента. Было высказано мнение об использовании шаров в качестве штампов для украшения сосудов. Исследуя шары и неолитические миниатюрные шарики с Амуром, а также «штамповидные» (дзёмонские) изделия, автор приходит к выводу о сакральности находок как предметном отражении мировоззренческой сущности создателей этих культовых атрибутов.

Ключевые слова: неолит Приамурья, сакральный предмет, спиральный орнамент, мировоззрение.

Введение

В 1972 г. по инициативе А.П. Окладникова экспедиционным отрядом Института истории, филологии и философии СО АН СССР под моим руководством были начаты продолжавшиеся до 1977 г. стационарные раскопки обширных неолитических поселений, находящихся на о-ве Сучу в районе с. Мариинского на нижнем Амуре. В 1992–1995 и 1997–2002 гг. исследованием этих памятников занимался Амуро-Уссурийский отряд Института археологии и этнографии СО РАН (три последних полевых сезона на острове работали совместно археологи ИАЭТ СО РАН и Государственного института культурного наследия Республики Корея) [Окладников, 1973; Деревянко, Медведев, 1996, 2002; Деревянко и др., 2003; Медведев, 1994, 2002; Medvedev, 1996; и др.]. В различных местах острова-памятника на площади свыше 2 700 м² было раскопано 20 жилищ, изучено также несколько святилищ, объединенных мной в единый культовый центр [Медведев, 2005].

Большая часть исследованных жилищ (десять полностью и четыре частично) относится к малышевской культуре раннего – среднего неолита. Шесть вскрытых жилищ и одно святилище наподобие жилого комплекса принадлежат вознесеновской культуре (поздний неолит). Полученный при раскопках многочисленный

вещественный материал (более 91 тыс. артефактов) очень важен для понимания многих составляющих культуры неолитической эпохи. Вместе с археологическими источниками, позволяющими воссоздать облик материальной жизни, технологию, хозяйственно-производственный и общественный уклад (каменные инструменты, керамические изделия, в т.ч. целые сосуды, прядлица, орнаменты, а также остатки самих жилищ) первобытных амурских обществ, в ходе исследовательского поиска выявлены исключительно ценные художественные и ритуально-обрядовые реалии: традиционные украшения в виде колец, бусины, различные по форме подвески (в т.ч. типа магатамы) и выразительные лабретки, объемные скульптурные зоо-, орнито-, ихтио- и антропоморфные изображения. Установлено, что для низнеамурского неолита характерны полизиконичность и полисемантичность художественных образов, запечатленные в антропоморфных двуполых (андрогинных) и антропозооморфных скульптурах, фигурах, а также петроглифах [Медведев, 2000, 2001].

Среди разнообразных образцов мелкой пластики, найденных на рассматриваемом памятнике, особое место занимают два глиняных орнаментированных шара. Они хорошей сохранности, привлекают внимание своим изяществом. Сначала изображения шаров

были опубликованы без сколько-нибудь детального анализа и истолкования [Okladnikov, 1981, fig. 82]. Впоследствии в специальной статье шары интерпретировались как штампы для орнаментирования глиняных сосудов [Абрамов, Березин, Глинский, 1984]. Мной было высказано несогласие с подобной трактовкой [Медведев, Мыльникова, 1993, с. 68].

Условия залегания шаров, их описание и культурно-хронологическая привязка

Оба шара найдены в северо-восточной части о-ва Сучу поблизости от его южного края, где в первой половине 1970-х гг. в раскопе I три жилища (В, Г, Д) были исследованы полностью и несколько частично [Деревянко и др., 2003, рис. 2]. В указанном месте памятника остатки жилищ типа полуземлянок, а также землянок не имеют характерных признаков ям-западин, хотя их основания-котлованы находятся в супеси и песке на значительной глубине. Жилищные комплексы располагаются на дне или пологих склонах сравнительно неширокого распадка, который тянется от низкого берегового участка внутрь острова. В результате склоновых процессов жилищные западины за прошедшие тысячелетия были полностью замыты.

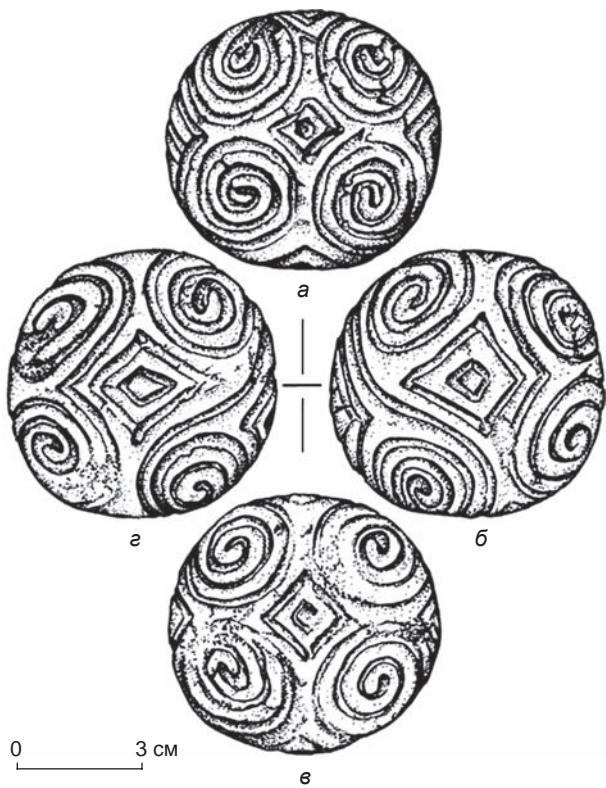

Рис. 1. Шар 1. Рисунок Ю.В. Табаревой.
а – вид «сверху»; б – «справа»; в – «снизу»; г – «слева».

Раскопочные работы в указанном месте, как, впрочем, на большинстве других площадок на Сучу, проводились сплошной площадью с охватом жилищ и прилегающих к ним пространств.

Шар 1*. Обнаружен в 1975 г. в жилище В. Это округлое в плане жилище – одно из наиболее крупных (диаметр до 17 м) и глубоких (ок. 3 м от современной поверхности) из раскопанных на острове. Его особенность определяется наличием вдоль стен котлована располагающихся наподобие амфитеатра ступенчатых (часто сильно размытых) уступов, служивших в прошлом, скорее всего, в качестве своего рода нар или полок. Шар залегал на одном из уступов непосредственно у стены жилища под развалом сосуда на глубине ок. 150 см от современной поверхности (кв. Н-52). В жилище примерно в тех же условиях обнаружены глиняные скульптурные изображения животных, в т.ч. медведя, а также птицы, орнаментиры в виде зубчатого колесика и другие изделия.

Находка представляет собой почти идеальный шар диаметром 6,3–6,7 см и весом 220 г. В отдельных местах шара имеются небольшие уплощения. Поверхность сильно заглажена, на нескольких участках со слабыми выбоинами и сколами – шероховатая, здесь видна структура темно-серого или темного глинистого теста с примесями мелкой дробленой или окатанной дресвы. Цвет поверхности неравномерный: от коричневого до темно-серого и даже черного. Изделие полностью орнаментировано с помощью стерженька-палочки или лопаточки с тупым закругленным концом. В процессе выглаживания были образованы желобчатые концентрические спирали (глубина 1,0–2,5 мм), которые составили негативный декор. На его фоне отчетливо выступает рельефно-валиковый позитивный рисунок или композиция из восьми характерных змеевидных спиралей, между которыми благодаря той же технике выглаживания, местами штампованием, образовано шесть ромбовидных фигур со слегка вогнутыми сторонами; в их расположении наблюдается определенная закономерность. Одна из этих фигур, наименьшая по размерам (длина 2 см), – почти равносторонний ромб, образованный четырьмя вмятинами-желобками. В центре его до обжига изделия было сделано округлое углубление диаметром до 5 и глубиной ок. 2,5 мм (рис. 1, а; 2, а). Если данную часть шара с ромбовидной фигурой и углублением внутри нее условно считать верхней, то в нижней на нем будут изображены два желобковых ромба, при этом один из них вписан в другой. Внутренний ромб показан несколько небрежно: одна из его сторон не обозначена (см. рис. 1, в; 2, в).

Остальные четыре геометрические фигуры располагаются соответственно с четырех сторон примерно

*В статье Б.А. Абрамова, Д.Ю. Березина и С.В. Глинского [1984] шар 1 обозначен № 2, а шар 2 – № 1.

Рис. 2. Шар 1. Фото В.Н. Кавелина.
а – вид «сверху»; б – «справа»; в – «снизу»; г – «слева».

на одинаковом расстоянии от «верхней» и «нижней» фигур. Три из этих четырех ромбов заметно крупнее первых (длина 3–3,5 см). Ромбы попарно вписаны один в другой, две их стороны более длинные, что определяет асимметричность фигур (см. рис. 1, б, г; 2, б, г). В углах двух «боковых» ромбов имеются небольшие округлые ямочки, оттиснутые концом орнаментира. Ямочки несколько удлиняют углы и придают ромбам заovalенные очертания. Четвертый ромб, «боковой», по размерам и форме примерно такой же, как и «верхний». У него внутри также имеется круглое углубление.

Шар 2. Обнаружен жителями с. Мариинского при ремонте колодца, находящегося в 13–15 м от раскопа I вниз по распадку в сторону Амура. Не исключено, что в указанном месте было неолитическое жилище, замытое, как и раскопанные рядом, рыхлым грунтом. Точную глубину залегания шара установить не удалось, известно лишь, что она была не менее 1–1,5 м. На этом уровне основными являются слоистые отложения желтого песка и супеси. Диаметр шара 6,3–6,6 см, вес 247 г. Он почти правильной круглой формы, в нескольких местах несколько уплощен. Поверхность преимущественно темно-коричневая, темно-бурая, в части шара – темная, почти черная; здесь она наиболее залощена, видимо, вследствие многочисленных соприкосновений с мягким предметом или ладонью человека. В целом шар 2, в отличие от шара 1, выглядит более гладким, как бы отполированным. Однако на его поверхности есть несколько ямочек-каверн диа-

метром 2–4 мм, образовавшихся уже после обжига в результате выпадения дресвы или комочеков шамота.

Орнамент на данном шаре отчетливо выраженный желобковый, но более простой. Двойные параллельные спиралевидные валики образованы тем же способом, что и валики на шаре 1, – выглаживанием закругленным концом инструмента, очевидно, в виде лопаточки (рис. 3, 4). В результате появились концентрические желобки (между ними валики), концы которых смыкаются на двух противолежащих «полюсах», образуя т.н. двойную спираль, меняющую направление в центре (см. рис. 3, а, в; 4, а, в). Спирали неровные, с разной степенью рельефности. Примечательно, что на одном «полюсе» желобки между валиками заметно глубже, чем на другом. На этих более рельефных валиках группами (по 5–8 шт.) имеются неглубокие, едва выделяющиеся оттиски прямоугольного штампа. Эти вертикальные (по отношению к «полюсам» шара) оттиски образованы на четырех валиках-витках, в нескольких местах они потеряли свою первоначальную форму, однако многие из них просматриваются вполне удовлетворительно. Этот декор, нанесенный поперек валиков-спиралей мелко-зубчатым штампом, можно назвать гребенчатым – каждый сохранившийся оттиск рассечен преимущественно четырьмя-пятью горизонтальными полосками. К сожалению, не все оттиски имеют четкие контуры и размеры, но характер их ритмичности (через 3–5 мм) зафиксирован уверенно. Если на шар смотреть «свер-

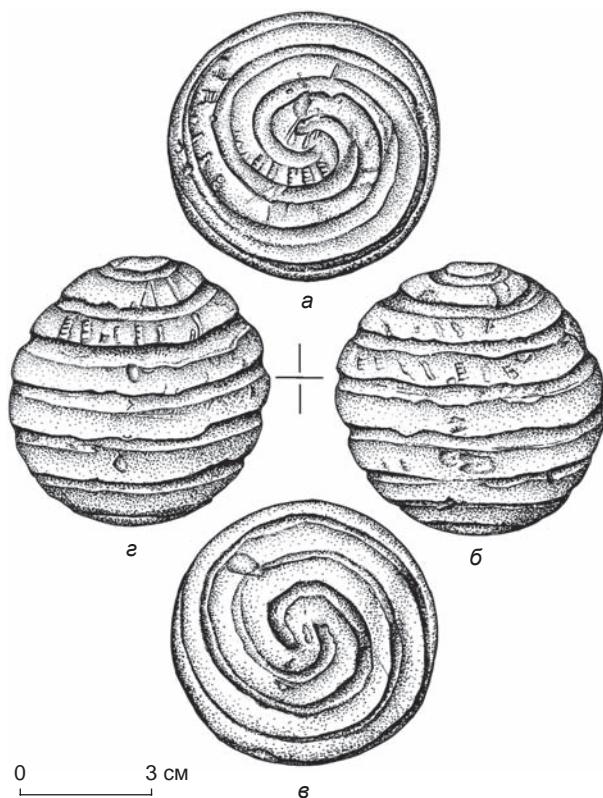

Рис. 3. Шар 2. Рисунок Ю.В. Табаревой.
а – вид «сверху»; б – «справа»; в – «снизу»; г – «слева».

ху», на «верхний полюс» (см. рис. 3, а; 4, а), то первую группу из шести-семи аморфных оттисков можно наблюдать в самом начале валиковой спирали. Еще четыре-пять оттисков-штрихов не без труда выделяются на второй параллельной валиковой спирали. Несколько дальше на этом же валике имеются еще семь-восемь вертикальных оттисков, из которых в трех сохранились горизонтальные полоски-вмятины. Примерно в 5 см от указанной группы оттисков на этом же валике отмечены еще шесть-семь подобных отпечатков, часть которых сохранила горизонтальные полоски (см. рис. 3, б, г; 4, б, г).

Таким образом, рассматриваемые шары имеют много общего. Находки близки по размерам, качеству и составу глинистого теста, цвету, технике декорирования, а также обжигу, благодаря которому изделия хорошо сохранились. Пожалуй, нельзя говорить лишь о полном тождестве орнаментов на шарах. Сходство в оформлении также прослеживается: спиральный желобковый декор является единственным на шаре 2, он же занимает значительную часть поверхности шара 1. Можно считать одинаковыми топографические и стратиграфические условия залегания шаров. Предметы были зарегистрированы в пределах одного поселения эпохи неолита, точнее, на его ограниченном периферийном участке, на котором все изученные жилища вместе с вещественным материалом, за исключением отдельных предметов из верхних слоев грунта, при-

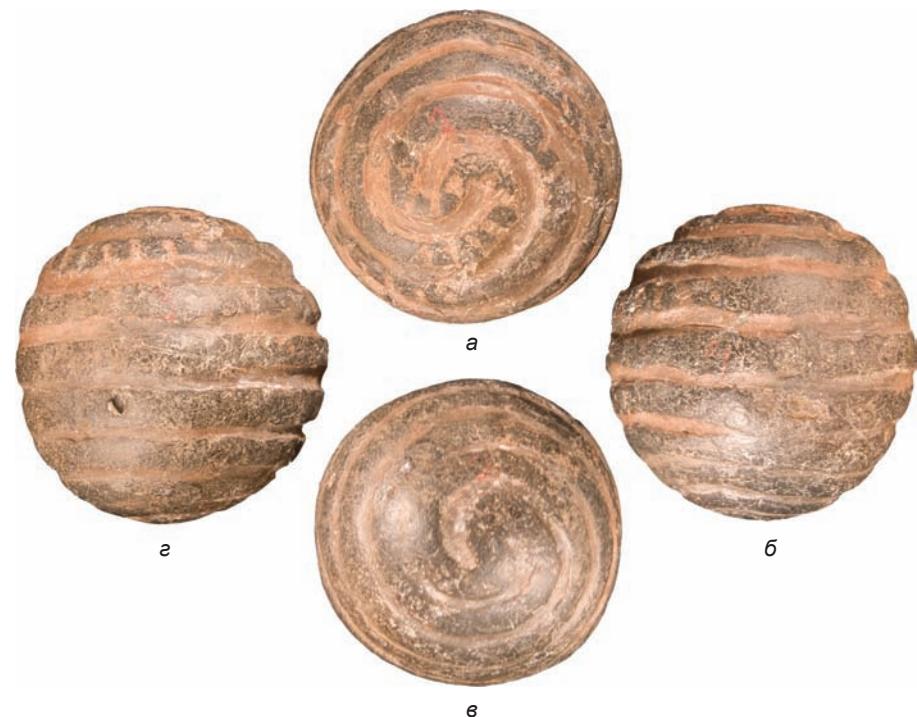

Рис. 4. Шар 2. Фото В.Н. Кавелина.
а – вид «сверху»; б – «справа»; в – «снизу»; г – «слева».

надлежат малышевской культуре. Шар 1, обнаруженный, как уже отмечалось, у стены жилища, был связан со слоем супесей – основным заполнением жилищного котлована. Шар 2 выявлен в подобных условиях, предположительно в пределах замытого жилища.

Для исследованных жилищ малышевской культуры на о-ве Сучу по древесному углю определено довольно много радиоуглеродных дат. В частности, для жилища В имеются две: $4\ 380 \pm 40$ л.н. (СОАН-1280) и $4\ 650 \pm 55$ л.н. (СОАН-1281). Есть также дата, полученная по углю, собранному рядом с жилищами В и Д, – $5\ 830 \pm 65$ л.н. (СОАН-843).

Итак, жилище В, в котором находился шар 2, можно датировать временем не позже начала III тыс. до н.э. Что касается соседних с ним жилищ, вскрытых в раскопе I, то они, судя по дате СОАН-843 и дате жилища Г $5\ 170 \pm 90$ л.н. (СОАН-1123), могли существовать еще раньше – в IV тыс. до н.э. Признавая культурно-сущностную близость рассматриваемых шаров, допустимо считать их возраст ориентировочно одинаковым – начало III тыс. до н.э. В целом же по возрасту указанные жилища соответствуют другим жилищам малышевской культуры, изученным на о-ве Сучу.

Шары – предметное воплощение религиозно-мифологических представлений неолитического человека

О том, что шары не могли использоваться при орнаментировании керамики, поскольку сами служили объектом декорирования, мы уже писали [Медведев, Мыльникова, 1993]. Не повторяя сказанного, остановлюсь на весьма существенных, как мне представляется, фактах, позволяющих развернуто аргументировать предложенную точку зрения.

Во-первых, авторы статьи о шарах [Абрамов, Березин, Глинский, 1984] при описании спирального орнамента, который характерен для керамики малышевской культуры, должны были обратить внимание на то, что все желобковые углубления, образующие спирали на сосудах этой культуры на о-ве Сучу, созданы с помощью прокатки зубчатого орнаментира. Поверхность желобков всегда покрыта скобковидными (чешуйчатыми) или угольчатыми оттисками, оставленными более удобным, можно сказать, маневренным орнаментиром, каким является зубчатый штамп-колесико (см., напр.: [Деревянко, Медведев, 2002, рис. 2, 6; Okladnikov, 1981, fig. 85, 89]). Такие керамические штампы-колесики постоянно фиксируются при раскопках малышевских жилищ. Они признаются одним из характерных элементов низнеамурского неолита; таких штампов особенно много найдено на о-ве Сучу. Понимая, что при нанесении орнамента желобки колец-спиралей должны были покрыться мелкими ритмичными углублени

ями, авторы публикации считают возможным полагать: «специально нанесенные на валик зубчатые оттиски» украшают внутреннюю поверхность желобков. При этом они оговариваются, что оттисков этих мало и различимы они слабо [Абрамов, Березин, Глинский, 1984, с. 67]. (Речь идет о шаре 2.) Вполне возможно, что зубчатых оттисков на валиках шара действительно было больше, во всяком случае на одном из его двух «полюсов» (на другом «полюсе» их, очевидно, вообще не было) (см. рис. 3, 4). Но если даже сделать такое допущение, то по облику этот довольно разреженный гребенчатый (или зубчатый) декор нельзя сопоставить с узором в виде сплошных угольчатых и скобковидных углублений на поверхности желобковых спиралей на малышевских сосудах.

Во-вторых, с учетом сказанного выше, в многочисленных коллекциях малышевской керамики (именно ей присущ желобковый спиральный декор на Амуре) вряд ли можно отыскать образцы, на которых этот орнамент соответствовал бы экспериментальным отпечаткам, полученным в результате прокатки шара 2 на пластилине [Там же, рис. 5]. Можно уверенно утверждать, что такой орнамент отсутствует. Нельзя, конечно, исключить, что где-то в древности могли быть шаровидные штампы, с помощью которых на отдельные участки сосудов наносился волнообразный орнамент [Молодин, 1990, с. 77]. Однако спиральный узор, который, к слову, нередко путают с такой графической формой, как лабиринт [Керн, 2007, с. 7], выполнить значительно сложнее, особенно в художественно богатых композициях, как правило, на крупных по размерам сосудах, относящихся к малышевской культуре.

В-третьих, такие характеристики наделенного сложным декором шара 1, как принадлежность к единому археологическому комплексу, размеры, форма, сходство теста и обжига, рисунок на всей поверхности и ее заглаженность, якобы позволяющие считать его, как и шар 2, орнаментальным штампом, не могут относиться к разряду презентативных. Суть в том, что все эти признаки нельзя связывать только с шарами-орнаментами – ими могут обладать также предметы иного назначения. У Б.А. Абрамова, Д.В. Березина и С.В. Глинского, вероятно, были сомнения относительно практического применения шара 1, потому что его экспериментальная прокатка не дала «близких аналогов в коллекции орнаментов низнеамурской неолитической керамики» [1984, с. 68]. Нередко кажущиеся похожими вещи при внимательном рассмотрении перестают быть таковыми. Определенную связь с анализируемыми шарами имеют т.н. изделия штамповидной формы, найденные на многих памятниках эпохи дзёмон в Восточной Японии (в т.ч. на о-ве Хоккайдо). Первоначально их называли грибковидными глиняными изделиями; высказывалось также предположение об использовании этих вещей в качестве серег (види

мо, с учетом в некоторых из них отверстия для подвещивания). Затем за данными находками закрепилось название «штамповидные глиняные изделия». Специальным исследованием названных артефактов занималась Мия Хироаки. Ею учтено ок. 250 изделий. Особенно ценные материалы найдены в центральной части Хоккайдо и преф. Иватэ и Миаги [Мия Хироаки, 1988, с. 75–76]. Предметы в зависимости от орнамента на поверхности расширенной «штамповой» части и их формы разделены на несколько типов. Первый тип, относящийся к концу среднего – началу позднего дзёмана, объединяет крупные, круглые в сечении, конусовидные «штамповидные» изделия, сильно расширенные на одном конце, имеющие гладкую поверхность (рис. 5, 1). Второй тип соответствует началу позднего дзёмана – изделия круглые в сечении, с углублением посередине и декором в виде спирали и концентрических кругов (рис. 5, 3, 6–9), иногда в форме слегка расширяющегося к одному концу стержня с накольчательным и линейным узором (рис. 5, 2). Третий тип «штамповидных» изделий представляет середину позднего дзёмана – с различными по форме расширенными «штамповыми» частями и соответствующими орнаментами. Значительное место среди них занимают предметы с овальной и ромбовидной «штамповой» частью, на поверхности которых оформлен желобковый узор в форме вписанных друг в друга ромбов с ямочным углублением в центре (рис. 5, 4, 5).

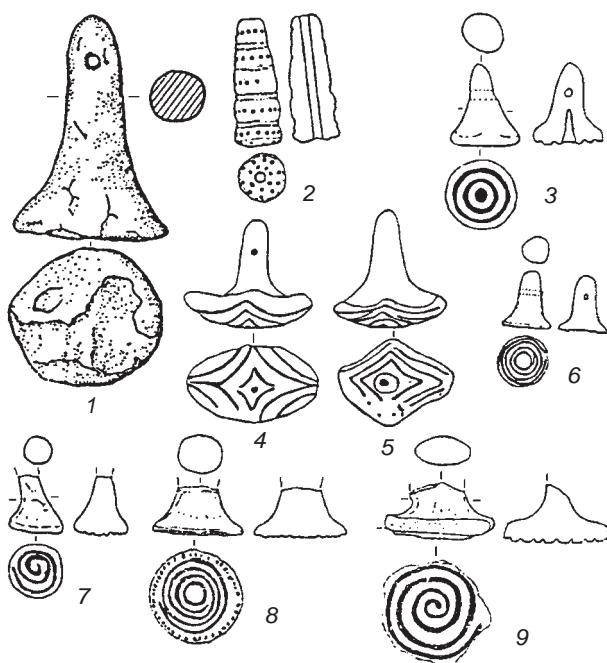

Рис. 5. Глиняные штамповидные изделия из памятников эпохи дзёмон на о-ве Хоккайдо (по: [Мия Хироаки, 1988, рис. 2, 3]).
1 – Баннагуро; 2, 3, 6–9 – Сузэхиро; 4, 5 – Осёро – Тодзё.
Масштаб различный.

Обращаясь к вопросу о функции штамповидных глиняных изделий, Мия Хироаки отмечает, что в случае практического применения основная их масса имела бы следы изношенности или повреждения. Однако количество находок с признаками эксплуатации относительно невелико; вероятно, рассматриваемые вещи не использовались в утилитарных целях. По мнению исследователя, штамповидные глиняные изделия отражают одну из сторон духовной культуры людей дзёманской эпохи. Предметы, появившиеся в конце среднего дзёмана (5–4 тыс. л.н.) и существовавшие до конца позднего дзёмана (4–3 тыс. л.н.), трактуются как амулеты или изделия, предназначенные для церемоний. Мия Хироаки подчеркивает, что орнаменты и формы «штамповой» части и «ствола» (удлиненного конического элемента) изобилуют мотивами, основная тема которых – детородные органы. В них заложены идеи плодородия, многодетности и легких родов, безопасной и удачной охоты – крайне важные для людей каменного века [Там же, с. 81–82].

О глиняных и каменных конических скульптурных изображениях в виде фаллоса-вульвы, относящихся к малышевской и кондонской культурам на Амуре, такого же содержания, что и дзёманские «штамповидные» изделия (в форме детородных органов или фаллосов-вульв), мной уже говорилось [2001, с. 82–83, 88–89]. Не останавливаясь на данном сюжете, назову два других глиняных скульптурных изображения, найденных в процессе раскопок жилищ малышевской культуры на о-ве Сучу.

Первое скульптурное изображение зафиксировано в 1993 г. в жилище 3 (рис. 6, 1). Предмет преимущественно светло-коричневого цвета, равномерного обжига. Представляет собой округлый в сечении стержень длиной до 7,9 и диаметром ок. 3 см, с обломанными концами, один из которых расширенный. «Верхний» обломанный конец, вполне возможно, был заужен или заострен. Поверхность расширенного конца (торца) гладкая, без орнамента. Предмет сопоставим с дзёманскими штамповидными изделиями (см. рис. 5, 1). Даже при неполной сохранности изображение можно считать фаллическим. Подобные фигуры выражают, как правило, единство фаллоса и вульвы.

Второе скульптурное изображение выявлено в 1995 г. в жилище 5 (см. рис. 6, 2). Изделие обломано. Сохранившаяся часть представляет собой круглый в сечении стержневидный предмет длиной 3,6 и диаметром 2,2 см светло-коричневого, местами чуть красноватого цвета. Обжиг ровный, в изломе терракота плотная, с небольшими ячейками-пустотами, образовавшимися в результате выгорания в глинистом тесте органических добавок. На поверхности сохранившегося торца трубкой оттиснуто желобковое кольцо. (Чтобы отвести возможные предположения об использовании торцевой части данного предмета в качестве

штампа, замечу, что оттиски точно такой же формы ни на керамике из жилища 5, ни на какой-либо другой керамике малышевской культуры (и вообще древней амурской) мне не известны.) Орнаментирована вся остальная поверхность изделия. Ниже края торца его опоясывают два параллельных выдавленных желобка. Немного более широкие парные волнистые желобки образуют, очевидно, основной формообразующий мотив орнаментальной композиции на боковой поверхности предмета. Парных или сдвоенных волнистых желобков было не менее двух, но на сохранившемся фрагменте видна только одна полная пара и элемент второй. Пространство между желобками полностью заполнено также парными короткими рядами наклонных, едва просматривающихся, по форме близких к прямоугольнику или ромбу оттисков, сделанных преимущественно трехзубчатой гребенкой.

Указанные предметы из жилищ малышевской культуры, к сожалению, плохой сохранности. Ввиду отсутствия признаков использования в утилитарных целях эти находки можно уверенно отнести к категории фаллических изделий. Вторая скульптурка вписывается в типологический ряд изображений фаллос-вульва. Первое скульптурное изображение из жилища 3 фактически полностью соответствует глиняным «штамповидным» изделиям первого типа, а второе – предметам второго типа дзёмана.

Нельзя не обратить внимание на то, что многие категории скульптурных изображений и некоторых других предметов дзёманской эпохи и малышевской культуры амурского неолита имеют большое внешнее сходство и, как установлено, одинаковое назначение. Они также близки друг к другу хронологически. «Штамповидные» изделия первого типа дзёмана датированы, как уже упоминалось, концом среднего – началом позднего периода, что соответствует ориентировочно 4 тыс. л.н. (примерно конец III тыс. до н.э.). Дата малышевского жилища 3 на о-ве Сучу по ^{14}C $4\,470 \pm 100$ л.н. (ГИН-8292); это первая половина III тыс. до н.э. Жилище 3 – одно из самых поздних среди изученных малышевских жилых комплексов. Тем не менее обнаруженное в нем скульптурное фаллическое изделие*, как видим, заметно древнее самых ранних «штамповидных» изделий – амулетов Японии. Подобные материалы – одно из свидетельств культурных связей, существовавших в эпоху неолита между материальным Приамурьем и Японскими островами. Многие компоненты, считавшиеся до недавнего времени дзёманскими, восходят к культурам начального, раннего и среднего неолита Нижнего Приамурья [Медведев,

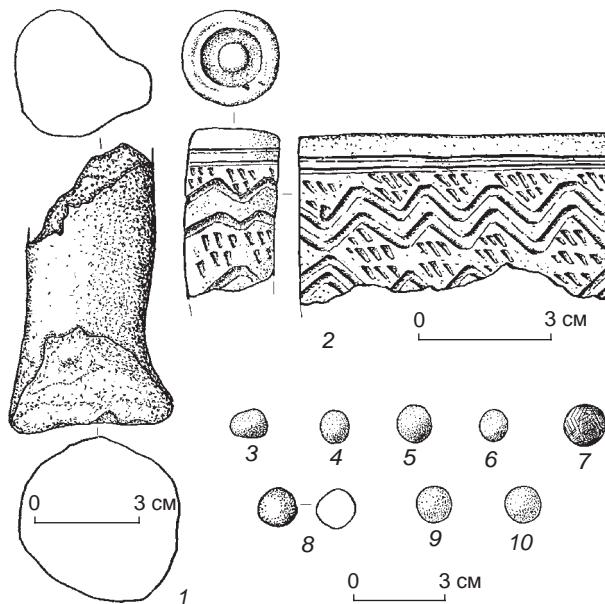

Рис. 6. Фаллические предметы (1, 2) и шарики (3–10) из жилищ малышевской культуры на о-ве Сучу.
1, 8 – жилище 3; 2 – жилище 5; 3–7 – жилище 27;
9, 10 – жилище 25.
1–6, 8–10 – глина; 7 – камень (халцедон).

2000, с. 64–66]. Все эти материалы, включая сведения по эпохе дзёман Японии, привлечены в данном случае в качестве примера для объективного истолкования реалий, кажущихся простыми и понятными, но в действительности наделенных глубоким смыслом.

Вернемся к глиняным шарам. Быть инструментами-орнаментирами, как показано выше, они не могли. Нельзя отнести их также к вещам, предназначенным, например, для игр. Подобные игрушки неизвестны, да и трудно вообразить данные находки в этом качестве. Тогда что же они собой представляют?

Обратимся к результатам исследований этнографических и археологических материалов – орнаментов древних культур и народов Севера и Дальнего Востока. Как показал анализ обширнейшего материала, т.н. кружковый орнамент, простой круг (иногда с точкой в центре), двойные концентрические круги являются, как правило, символами солнца. Считается, что круг – один из самых архаичных и универсальных символов народов мира, начиная с неолита [Иванов, 1963, с. 464–473]. Подобная дефиниция круга настолько распространена в историко-археологических изысканиях, что ее можно назвать хрестоматийной. Под кругом (круглым объемным изображением) с полным правом можно понимать анализируемые шары.

Керамический орнамент в виде колец или кружков нельзя считать характерным для малышевской культуры. В некоторых случаях кольца или кружки выступают отдельными элементами сложных декоративных

*Помимо представленного в данной работе фаллического изображения, в жилище 3 было найдено еще одно глиняное скульптурное изображение фаллоса-вульвы [Медведев, 2001, рис. 7, 4].

композиций с изображением стилизованных рыб, у которых глаза обозначены круглыми вдавлениями (к слову, семантически символы «глаз» и «солнце» иногда связаны между собой) [Там же, с. 466].

В малышевских жилищах и культовых центрах фиксируются каменные, чаще всего нефритовые, кольца, также ассоциирующиеся с солнцем (например, в святилище 2 культового центра у с. Вознесенского (нижний Амур) компактно залегали десять нефритовых колечек) [Медведев, 2005, рис. 10]. Каменные кольца зарегистрированы при раскопках памятников почти всех неолитических культур Нижнего Приамурья.

Принципиально важно, что на о-ве Сучу во многих малышевских жилищах найдены небольшие глиняные шарики, а в одном – каменный. Они, например, обнаружены в жилищах 3 (рис. 6, 8), 25 (рис. 6, 9, 10), 27 (рис. 6, 3–7). Глиняные шарики диаметром 1–1,2 см, с ровной гладкой поверхностью красно-серо-темного или желто-коричневого цвета. Каменный шарик (из халцедона красноватого цвета с желто-серыми разводами) правильной формы, диаметром 1,3 см, с тщательно зашлифованной гладкой поверхностью.

Присутствие в жилищах малышевцев круглых объемных глиняных, а также халцедонового изделий можно считать материальным проявлением солярного культа. Поклонение солнцу у носителей малышевской культуры выражалось, вероятно, в том, что предметы, символизирующие солнце, они носили в виде амулетов или хранили в пределах жилища. В число таких вещей входили плоские нефритовые кольца, небольшие глиняные или каменные шарики и сравнительно крупные шары.

Основным орнаментальным мотивом на шарах выступают спирали: двойная спираль, меняющая направление в центре на шаре 2; S-видная и пары спиралей, обращенных друг к другу «спинками» на шаре 1. Из дальневосточной этнографии хорошо известно, что в основе спирального декора – реалистическое изображение змеи. Например, около 100 л.н. у айнов отмечено бережное отношение к реалистическому змеевидному орнаменту. В чрезвычайных случаях, например при болезни, айны делали из травы кольцевидное изображение рептилии, которое называли божественным змеем. Змей у них ассоциировался с солнцем, диском. В коллекциях, собранных у айнанизированных нивхов на Сахалине, имеется круглая дощечка, по периметру которой вырезан круг, а в нем – «два спирально изогнутых змея». У айнов и нивхов эта дощечка имела название «божество солнца» [Штернберг, 1933, с. 571–572, табл. IV, 1]. Изображение змея у айнов располагается в самых важных местах, в священном углу жилища. Змею посвящаются молитвы, делаются жертвоприношения (если хотят узнать от него о причине болезни) и т.п. Змей выступает в роли самого

сильного духа-покровителя шамана, и наиболее могучими предстают шаманы, которые имеют его своим духом-покровителем [Там же, с. 573].

Разумеется, со временем существования малышевской культуры в религиозно-мифологических представлениях людей, обитающих в низовьях Амура и в прилегающих к нему регионах, произошла значительная трансформация, но некоторые основополагающие элементы сохранились. Например, к круглым объемным или плоским предметам с изображением змей-спиралей, с которыми ассоциируется обожествленное солнце – источник жизни, воплощение плодородия и добра, одинаково трепетное отношение проявляли как носители малышевской неолитической культуры, так и представители этнографической современности. (Напомню, что глиняный шар 1 лежал на уступе у стены жилища, судя по всему, в соусе или под ним.) Примечательно, что практически все культовые реалии в «домашних» неолитических святилищах на о-ве Сучу находились у стен жилищ или в углублениях пола (см., напр.: [Медведев, 2005, с. 50, 56]). С большой долей уверенности можно говорить об использовании данных предметов в культово-обрядовых действиях. Поверхность изделий заглажена и даже отполирована (особенно шар 2), это результат многократного соприкосновения с ладонью руки, теплом, мягкой вещью.

Можно сделать вывод, что глиняные шары, найденные на поселении малышевской культуры на о-ве Сучу, являются отражением солярного культа, воплощенного в предметных охранительных изображениях. Имеющийся на шаре 1 орнамент в виде простых ромбов или ромбов с ямочкой посередине и по углам семантически также принято интерпретировать как небесные светила; чаще всего это обозначение солнца [Иванов, 1963, с. 441].

Заключение

Малышевская культура, памятники которой в настоящее время известны на большой территории от низовий Уссури и вниз по долине Амура до его устья, датируется с VI–V тыс. до н.э. (юго-западная группа археологических объектов) до V – середины III тыс. до н.э. (северо-восточная группа). В материальной и духовной жизни ее представителей отмечены черты, не имеющие корней в предшествующих культурах Амурского региона, но получившие распространение в последующее время. Среди таких элементов – жилища в виде полуzemлянок и землянок большой площади (до 150–180 м²), глубиной выше 1,5 м (некоторые с несколькими ступенями-ярусами вдоль стен), характерные для северо-восточного ареала культуры. Широким технико-типологическим раз-

нообразием отличается каменный инвентарь. Редкое типологическое богатство и оригинальность орнаментики демонстрирует керамика. Многие сосуды малышевской культуры украшены рельефным желобковым меандром и различными вариантами спиралей. Подобного узора, выполненного зубчатыми орнаментами, не было на российском Дальнем Востоке ни до, ни после малышевской культуры. На глиняной утвари, прежде всего парадной, культовой, наряду с рельефным узором имеется плоский зооморфный и расительный декор, нанесенный ярко-красной краской чаще всего в верхней части, иногда на тулове.

Отчетливо выраженное своеобразие духовного мира малышевцев, их религиозно-мифологических представлений проявилось в не имеющих аналогов в дальневосточном неолите глиняных и каменных художественно-обрядовых реалиях, к которым относятся не только рассмотренные орнаментированные шары и небольшие шарики, но и лабретки, чуринги, полисемантические конусовидные скульптурные изображения фаллоса-вульвы и некоторые другие изделия [Медведев, 2000, с. 65]. У меня нет убежденности в том, что эти элементы духовной жизни людей попали к неолитическим обитателям данного района Приамурья извне. Такой орнаментальный мотив, как спираль, во всем богатстве его вариантов появляется в неолите нижнего Амура, зубчато-желобковая техника оформления практически не известна в древних культурах российского Дальнего Востока. Исследователями, главным образом Л.Я. Штернбергом и А.П. Окладниковым, приводились факты, доказывающие возможность инфильтрации в некоторые районы Дальнего Востока, прежде всего на нижний Амур, отдельных культурных элементов (например, спиральный (змеевидный) орнамент) из Южно-Тихоокеанского региона.

Проблема связей между культурами населения юга Тихого океана и российских южно-дальневосточных прибрежных морских и амурских территорий в эпоху неолита заслуживает, с учетом новых данных, специального всестороннего исследования. В какой-то степени помочь в ее решении могут охарактеризованные в данной работе орнаментированные шары, в чем-то напоминающие австралийские чуринги и чуринги с солярной символикой малышевской культуры с о-ва Сучу [Медведев, 2002, рис. 1, 1, 4, 5, 7].

Список литературы

Абрамов Б.А., Березин Д.Ю., Глинский С.В. Назначение керамических орнаментированных шаров с неолитического поселения о-ва Сучу (Нижний Амур) // Изв. СО АН СССР. – 1984. – № 1: Сер. ист., филол. и филос., вып. 1. – С. 63–68.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Остров Сучу – уникальный памятник археологии Дальнего Востока // Ар-

хеология Северной Пасифики. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 214–221.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. К тридцатилетию начала стационарных исследований на острове Сучу (некоторые итоги) // История и культура Азии: Мат-лы Междунар. научн. конф. (Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). К 70-летию В.Е. Ларичева. – Новосибирск, 2002. – Т. II. – С. 53–66.

Деревянко А.П., Чо Ю-Чжон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Хон Хён-У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Неолитические поселения в низовьях Амура: Отчет о полевых исследованиях на острове Сучу в 1999 и 2002 гг. – Сеул: ИАЭТ СО РАН, Гос. Ин-т культурн. наследия Республики Кореи, 2003. – 1117 с. (на рус. и кор. яз.).

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 500 с.

Керн Г. Лабиринты мира. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 432 с.

Медведев В.Е. Неолитическое святилище на Амуре // АО 1993 года. – М.: Ин-т археологии РАН, Мин-во культуры РФ, 1994. – С. 177–178.

Медведев В.Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 56–68.

Медведев В.Е. Проблемы истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 76–94.

Медведев В.Е. Амурские чуринги // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. – № 3. – С. 11–15.

Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 40–69.

Медведев В.Е., Мыльникова Л.Н. Штампы для орнаментации керамических сосудов из неолитических поселений нижнего Амура // Археологические исследования на Дальнем Востоке России. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. – С. 63–68, 95–98.

Мия Хироаки. Некоторые вопросы, касающиеся штамповидных глиняных изделий // Хоккайдо Кокогаку. – 1988. – Март. – С. 75–84 (на яп. яз.).

Молодин В.И. К вопросу о штампах для орнаментации древней керамики // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 76–80.

Окладников А.П. Новые данные по неолиту нижнего Амура // АО 1972 года. – М.: Наука, 1973. – С. 232–233.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орохи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.

Medvedev V.E. The Neolithic Settlement of Suchu Island in the Lower Amur Region (The Excavation of 1993) // J. of the Korean Ancient Historical Society. – 1996. – N 22. – P. 129–162 (на кор. яз.).

Okladnikov A. Ancient Art of Amur Region. – Leningrad: Aurora Art Publishers, 1981. – 160 p.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.05

Л.И. Авилюва

МОДЕЛИ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (энолит – средний бронзовый век)

Статья посвящена сравнительному анализу моделей древнего металлопроизводства на Ближнем Востоке (Анатолия, Месопотамия, Леванта и Иран) в V – начале II тыс. до н.э. Исследование основано на статистическом анализе авторских компьютерных баз данных по древним металлическим изделиям из меди/бронзы, золота, серебра и свинца. Предложен ряд параметров для характеристики региональных моделей металлопроизводства: динамика производства, распределение функциональных групп изделий, роль различных металлов в производстве, соотношение типов сплавов на медной основе. Выявляются общие закономерности зарождения и развития древней металлургии на Ближнем Востоке и особенности каждого региона и периода. Прослеживается связь между особенностями металлопроизводства и ступенями социально-экономического развития древних обществ.

Ключевые слова: Ближний Восток, энеолит, бронзовый век, металлопроизводство, базы данных, статистический анализ, сравнительный анализ.

Введение

Внимание исследователей все более привлекают проблемы зарождения ранней металлургии и металлообработки, распространения технологических и культурных инноваций, роли металла в развитии культурных и социальных процессов древности. Эпоха раннего металла (энолит и бронзовый век, V–II тыс. до н.э.) – время становления цивилизаций, интенсивного взаимодействия человеческих коллективов, передачи культурных и технологических достижений на огромные расстояния. В России и за рубежом бурно развиваются историко-металлургические исследования. Серия таких работ осуществлена в Институте археологии РАН [Авилюва, Черных, 1989; Chernykh et al., 1991; Chernykh, 1992; Авилюва, 1996, 2001, 2004, 2005, 2008; Авилюва, Антонова, Тенешвили, 1999; Авилюва, Орловская, 2001; Chernykh, Avilova, Orlovskaya, 2002; Avilova, 2008].

Изучение древних металлических изделий Ближнего Востока связано с концепцией металлургических провинций, сформулированной Е.Н. Черных [Chernykh, 1971]. В рамках этих историко-культурных и технологических систем древности развива-

лась технология горного дела, металлургии, металлообработки, вырабатывались стандарты производства, устанавливались контакты между различными, часто весьма удаленными друг от друга территориями и обществами, находящимися на разных уровнях развития [Chernykh, 1992, p. 140–171]. Циркумпонтийская металлургическая провинция (ЦМП) стала основой производственного и культурного развития в эпохи ранней и средней бронзы на широкой территории от Балкан, степей Восточной Европы и Кавказа до Ближнего Востока. Тезис о вхождении в ЦМП Анатолии, Западного Ирана, ряда территорий Восточного Средиземноморья был вначале высказан предположительно [Черных, 1974, p. 386], затем было детально изучено древнее металлопроизводство Анатолии, Северного Кавказа и Закавказья [Авилюва, Черных, 1989; Chernykh et al., 1991], а также Месопотамии [Авилюва, 1996], Леванта [Авилюва, 2001] и Ирана [Авилюва, 2004].

Концепция металлургических провинций соответствует направлению современных исследований макросистем древности [Kohl, 1987]. В настоящее время в Евразии выделяются три зоны со своими моделями металлопроизводства: передовые центры Ближнего Востока; скотоводческие культуры степей и лесосте-

пей – посредники в распространении новых технологий; консервативные культуры лесной зоны [Chernykh, Avilova, Orlovskaya, 2002]. Прогресс естественно-научных методов исследования, применение компьютеров для обработки массового материала, структурного анализа для изучения технологии [Рындина, 1998] открывают перспективы создания новых концепций развития древнего производства металлов.

Территориальные рамки статьи охватывают четыре исторических региона Ближнего Востока – Анатолию, Месопотамию, Иран, Левант. В этой зоне возникло древнейшее производство металла (изделия из меди известны здесь с IX–VIII тыс. до н.э.), сложились ранние цивилизации IV–III тыс. до н.э. Несомненно, в производстве и использовании металла в географически и культурно различных регионах должны были проявляться черты своеобразия. Цель работы – выявление общего и особенного в металлопроизводстве регионов, его характеристика средствами сравнительного анализа созданных нами специализированных компьютерных баз данных (БД) по древним металлическим изделиям. Исследование основано на материалах зарубежных публикаций, что связано со стремлением применить концепцию металлургических провинций к ареалу сложения древних цивилизаций, в той или иной степени воздействовавших на культурные процессы на территории современной России.

Хронологические рамки работы охватывают три периода, трактуемые в соответствии с историко-металлургической периодизацией, базирующейся на культурных и технологических критериях. Энеолит (МВ) соответствует позднему Убейду (в калиброванных радиоуглеродных датах 4500–3700 гг. до н.э.), ранний бронзовый век (РБВ) – Уруку и Джемдет Насру (3700–2700 гг. до н.э.), средний бронзовый век (СБВ) – раннединастическим центрам (РД 1–3), Аккаду, времени третьей династии Ура, правлению Хаммурапи (2700–1800 гг. до н.э.) [Авилова, Антонова, Тенешвили, 1999, табл. 1; Chernykh, Avilova, Orlovskaya, 2002, S. 83–84, Abb. 3]. В абсолютных цифрах это конец V – рубеж III и II тыс. до н.э. Основой хронологических сопоставлений послужили работы Дж. Меллартса [Mellaart, 1981], Е. Порады [Porada et al., 1992], М. Войт и Р. Дайсона [Voigt, Dyson, 1992].

Методика

Основой исследования являются базы данных по металлическим изделиям эпохи раннего металла. Их структура состоит из 53 полей (признаков), содержащих информацию о памятнике; комплексе, из которого происходит находка; категории и морфологии изделия, его датировке, материале (при наличии спектрального анализа – концентрации 11 химичес-

ких элементов: Sn, Pb, Zn, Bi, Ag, Sb, As, Fe, Ni, Co, Au), публикациях. Статистический анализ БД позволяет получить точные количественные и качественные характеристики производства в каждом регионе в определенный период и провести сопоставления с другими территориями по таким взаимосвязанным признакам, как распределение материалов по периодам; находок по функциональным классам (орудия/оружие, украшения, сосуды, предметы культового назначения, полуфабрикаты, литейные формы); доля различных металлов в производстве (медь/бронза, золото, серебро, свинец); рецептура сплавов на медной основе. В соответствии с результатами анализа строятся региональные модели металлопроизводства, затем они сопоставляются и определяется их соотношение с различными стадиями культурно-исторического и социально-экономического развития регионов.

На настоящий момент базы данных содержат информацию о 60 696 находках со 147 местонахождениями: по Анатолии – о 37 017 предметах из 62 памятников, по Месопотамии – 14 893 из 7, по Леванту – 5 500 из 65, по Ирану – 3 286 из 13. База данных по спектральному составу медно-бронзовых изделий включает 1672 анализа: Анатолия – 658, Иран – 518, Левант – 279, Месопотамия – 217.

Природные ресурсы

Природные ресурсы распределяются в рассматриваемой зоне неравномерно [Авилова, 2008]. Анатолия имеет богатые рудные запасы, особенно важны месторождения меди в районе Эргани Маден. Следов древних выработок здесь не обнаружено, хотя они, видимо, существовали: поблизости расположено неолитическое поселение Чайоню-тепеси VIII–VII тыс. до н.э. с многочисленными находками из самородной меди. Богатые медные и свинецодержащие серебряные руды в верховье Евфрата разрабатывались в урукский период. У северо-восточного побережья Анатолии также находится обширный район этих руд. Описаны медно-рудные разработки начала III тыс. до н.э. на Анатолийском плато. Следы добычи оловосодержащих руд в середине III тыс. до н.э. обнаружены на южных склонах Тавра, но поскольку руды здесь полиметаллические, то возможно, что они разрабатывались как источник золота или свинца и серебра, а не олова.

Иранское нагорье богато месторождениями металлов. Описаны древние разработки медных руд эпохи Урука (РД 2) в районе Вешнове.

Население Палестины было знакомо с медной рудой с VII тыс. до н.э. Зафиксированы древние свидетельства добычи меди начиная с IV тыс. до н.э. в расположенной между Мертвым и Красным морями

долине Вади Араба (районы Тимна и Фейнан). Район уникален по масштабам добычи и плавки руды: в Фейнане обнаружено 150–200 тыс. т медных шлаков [Hauptmann et al., 1992].

В Месопотамии нет источников минерального сырья, местное металлопроизводство базировалось на импорте. Шумерские тексты упоминают поставки металлов из «страны Маган» на территории современного Омана и др.; металл шел также из Анатолии и Ирана [Moorey, 1994, p. 247].

Сравнительный анализ региональных моделей металлопроизводства

1. Распределение материала по периодам (табл. 1; рис. 1). В Анатолии, Месопотамии и Леванте производство металла в МВ значительно менее 1 % БД, только в Иране оно составляет 5 %. При переходе к РБВ в Леванте и Месопотамии наблюдается скачкообразный рост числа находок – в 100 и более раз, тогда как в Анатолии и Иране оно увеличивается соответственно в 5 и 6 раз. Переход к СБВ отмечен возрастанием их количества в Анатолии почти в 100 раз, Месопотамии – в 25, Леванте – в 7, Иране – в 2 раза. В целом наиболее ярко выраженной скачкообразной динамикой распространения металлических изделий при переходе как от МВ к РБВ, так и от РБВ к СБВ

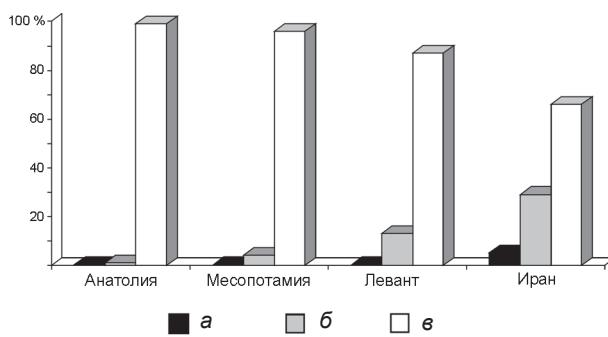

Рис. 1. Распределение материала по регионам и периодам.
а – МВ; б – РБВ; в – СБВ.

отличается Месопотамия. Противоположная картина в Иране: здесь наблюдается плавный рост производства от одного периода к другому.

В Иране и Анатолии традиция использования металла восходит к докерамическому неолиту (IX–VII тыс. до н.э.). Из этих регионов происходят и серии энеолитических металлических находок. В Палестине традиция использования металла формируется позже, в МВ. Интереснейшая картина складывается в Месопотамии, где источников металла и ранних свидетельств его использования нет, однако рост числа металлических изделий очень резкий от одного периода к другому, особенно от МВ к РБВ. Следовательно, в РБВ здесь было преодолено такое препятствие к развитию региона, как отсутствие собственных месторождений, и налажена система получения металла извне. Это оказалось возможным в условиях городской цивилизации Урука с ее обширными связями [Algaze, 1989; Авилова, Антонова, Тенейшвили, 1999].

Резкий рост числа находок в СБВ также связан с уровнем социального развития: в Месопотамии и Анатолии обнаружены царские некрополи (Ур, Аладжа-хейюк, Хорозтепе); клады драгоценных изделий, принадлежавших местным династиям (Троя, Э斯基япар); в Палестине – храмовые сокровища (Библ). Памятники такого типа неизвестны в Иране, хотя там имеются клады драгоценных металлических изделий и отдельные погребения социальной верхушки (Тепе Гиссар III).

2. Функциональные классы изделий. Материал разделен на девять классов в соответствии с функцией изделий. Класс 1 включает орудия труда и оружие (разграничение провести не всегда возможно), 2-й – украшения и детали костюма, 3-й – предметы конской упряжи, 4-й – детали защитного доспеха, 5-й – сосуды, 6-й – предметы культового назначения, 7-й – полуфабрикаты, 8-й – негативы изделий на литейных формах, класс 0 – неопределенные предметы, обломки. Наиболее многочисленными и значимыми являются классы 1 и 2 (табл. 1). Функциональное распределение материала связано с хронологией и типами памятников. Рассмотрим соотношение двух основных классов – орудий/оружия и украшений (табл. 1; рис. 2).

Таблица 1. Распределение металлических находок, учтенных в работе, по периодам

Регион	Всего находок	МВ	РБВ	СБВ	Орудия/оружие			Украшения		
					МВ	РБВ	СБВ	МВ	РБВ	СБВ
Анатолия	37 017 (100)	71 (0,2)	360 (1)	36 586 (99)	28 (39)	145 (40)	1 115 (3)	41 (58)	188 (52)	34 999 (96)
Месопотамия	14 893 (100)	6 (0,04)	580 (4)	14 307 (96)	4 (67)	53 (9)	469 (3)	2 (33)	439 (76)	13 434 (94)
Левант	5 500 (100)	4 (0,07)	701 (13)	4 795 (87)	3 (75)	366 (52)	1 313 (27)	–	181 (26)	1 990 (42)
Иран	3 286 (100)	160 (5)	952 (29)	2 174 (66)	114 (71)	86 (9)	1 105 (51)	34 (22)	846 (89)	750 (34)

Примечание: в скобках указаны проценты.

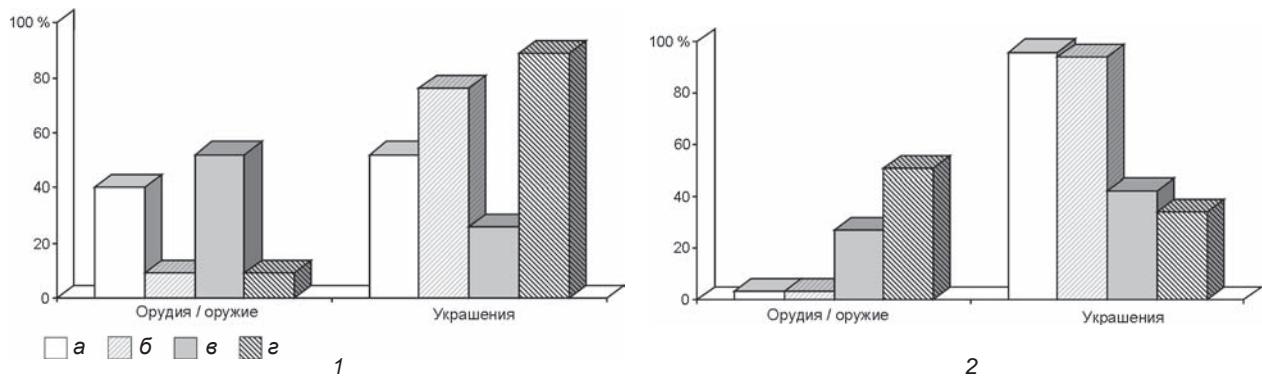

Рис. 2. Соотношение функциональных классов орудий/оружия и украшений в РБВ (1) и СБВ (2).
а – Анатолия; б – Месопотамия; в – Левант; г – Иран.

В наиболее многочисленной иранской коллекции МВ (160 находок) преобладают орудия/оружие. Характерно наличие крупных металлоемких орудий, а в раннее время – серии полуфабрикатов (слитки из Тепе Сиалка III и Тепе Габристана) [Авилова, Терехова, 2006]. В Анатолии, наоборот, украшений больше, чем орудий/оружия (небольшие предметы простых форм). В Месопотамии и Леванте при минимальном числе находок распределение невыразительно.

В РБВ появляются новые категории изделий (втульчатые топоры, черенковые копья). В трех регионах преобладают украшения, особенно в Иране, где в курганном могильнике майкопского типа Си Гирдан найдено 660 золотых бусин [Трифонов, 2000]. Концентрация украшений наблюдается и в Месопотамии, в основном за счет некрополя Тепе Гавры эпохи Урука с золотыми бусами, накладками и т.п. Эти черты показывают близость иранской металлургии к месопотамской и сближают ее с майкопской культурой на Северном Кавказе, где золотые украшения исчисляются тысячами [Мунчаев, 1975; Пиотровский, 1996]. Особенностью Южной Месопотамии является заметная доля свинцовых сосудов из могильника Ура периода Джемдет Наср. Единственный регион, где доминируют орудия/оружие, – Левант (52 %), украшения составляют менее 1/3 материала. Характерна высокая доля культовых предметов и марке-

ров высокого социального статуса (19 %), таких как «скипетры» и «короны» из клада Нахаль Мишмар [Bar-Adon, 1980].

В СБВ значительно расширяется морфология инвентаря: появляются втульчатые копья, черешковые стрелы, ряд типов топоров (с втулкой из раскованной обушной части, якореобразные, с парными отверстиями); широко распространяется металлическая посуда; наблюдается максимальное разнообразие украшений. Происходят важнейшие изменения в распределении материала. В Анатолии и Месопотамии подавляющее большинство находок относится к украшениям, а орудий/оружия всего 3 %. Преобладают украшения и в Леванте, хотя и не так сильно (42 %), орудия/оружие составляют около четверти коллекции. Лишь в Иране соотношение двух ведущих классов обратное – соответственно 34 и 51 %. Во всех регионах в СБВ наблюдается максимальное функциональное и морфологическое разнообразие: представлено от семи до девяти функциональных классов изделий.

3. Соотношение металлов (меди/бронза, золото, серебро, свинец) (табл. 2; рис. 3). В МВ во всех регионах распространены почти исключительно изделия из меди/бронзы, другие металлы представлены единичными находками: в Анатолии это серебряное кольцо (Бейджесултан XXXIV), в Месопотамии золотая фольга (Ур), в Северной Сирии свинцовый стержень

Таблица 2. Соотношение использовавшихся металлов

Регион	Всего находок	МВ				РБВ				СБВ			
		Cu	Au	Ag	Pb	Cu	Au	Ag	Pb	Cu	Au	Ag	Pb
Анатолия	37 017 (100)	70	–	1	–	333 (93)	1 (0,3)	16 (4)	4 (1)	2125 (6)	33997 (93)	396 (1)	33 (0,1)
Месопотамия	14 893 (100)	5	1	–	–	262 (45)	275 (47)	4 (1)	39 (7)	3694 (26)	6619 (46)	3984 (28)	–
Левант	5 500 (100)	3	–	–	1	532 (76)	18 (2)	151 (22)	–	3759 (78)	814 (17)	124 (3)	8 (0,1)
Иран	3 286 (100)	160	–	–	–	254 (27)	669 (70)	22 (2)	7 (1)	1825 (84)	180 (8)	111 (5)	21 (1)

Примечание: в скобках указаны проценты.

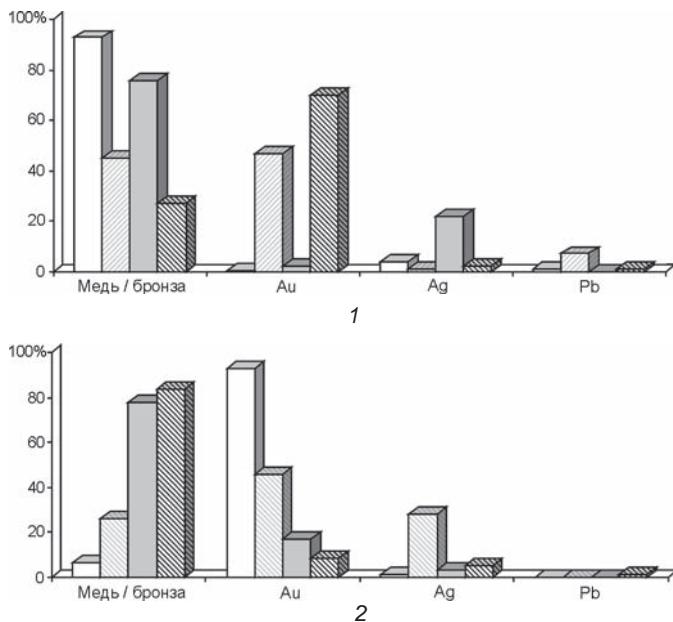

Рис. 3. Распространение различных металлов в РБВ (1) и СБВ (2).

Усл. обозн. см. рис. 2.

(Амук Е). Наиболее крупная иранская коллекция целиком состоит из медных и бронзовых предметов.

В РБВ проявляются значительные различия. В Анатолии по-прежнему 93 % материала составляет медь/бронза. В Иране на ее долю приходится менее трети коллекции, а доминирует золото (70 %). В Месопотамии его процент также весьма высок (47 %), а медь/бронза находится на втором месте (45 %). Отметим, что на Северном Кавказе в этот период также преобладают изделия из золота. В Леванте изменения не столь резкие: основой коллекции является медь/бронза (76 %), а ведущим драгоценным металлом – серебро (22 %).

В СБВ в трех регионах снова происходят сильнейшие сдвиги. Теперь в Анатолии доминирует золото. В Месопотамии тенденция к преобладанию драгоценных металлов получает дальнейшее развитие: они составляют 74 % материала. В Иране, наоборот, большая

часть находок изготовлена из меди/бронзы, доля драгоценных металлов падает до 13 %. Лишь в Леванте распределение остается стабильным.

Распространение драгоценных металлов демонстрирует четкую зависимость от массового производства украшений, помещавшихся в погребения социальной элиты и клады. Если многочисленность золотых украшений в могильнике Си Гирдан (РБВ, Западный Иран), в кладах и погребениях СБВ Анатолии согласуется с богатством минеральных ресурсов в регионах, то в Месопотамии показатели использования драгоценных металлов высоки (табл. 2), несмотря на отсутствие их месторождений. Так, в северомесопотамском телле Тепе Гавра из могильника РБВ происходит 262 золотых украшения. Сырье, несомненно, было привозным, т.к. памятник расположен на пересечении торговых путей. В поселенческих слоях Гавры, относящихся к СБВ, найдены всего два золотых украшения (погребения этого времени здесь неизвестны), поэтому нельзя сказать, продолжался ли подвоз золота на поселение в данный период.

В Южной Месопотамии ситуация иная. В некрополе Ура РБВ найдено всего 13 украшений, из них 4 серебряные серьги, золото отсутствует. В СБВ произошли кардинальные изменения: в Царском некрополе Ура обнаружено 6 600 золотых, 3 940 серебряных и лишь 2 999 медно-бронзовых изделий [Авилова, 2008, табл. 13, 14], что более чем в 4 раза меньше числа драгоценных вещей. Следовательно, в этот период поток импорта драгоценных металлов был направлен на юг Месопотамии. Таким образом, массовое производство и употребление золотых и серебряных изделий определяла не доступность источников сырья; столь же, если не более, важна была система доставки драгоценных металлов и меди.

4. Рецептура сплавов на медной основе (табл. 3). Для МВ существуют две представительные серии анализов: 42 по Анатолии и 69 по Ирану. В обоих регионах уже в это раннее время наряду с металлургически «чистой» медью, без искусственных добавок, приме-

Таблица 3. Соотношение использовавшихся меди и сплавов на медной основе

Регион	МВ				РБВ				СБВ			
	Всего анализов	Cu	Cu+As	Cu+Sn	Всего анализов	Cu	Cu+As	Cu+Sn	Всего анализов	Cu	Cu+As	Cu+Sn
Анатолия	42 (100)	26 (62)	13 (31)	1 (2)	127 (100)	19 (15)	95 (74)	10 (8)	489 (100)	63 (13)	250 (51)	155 (32)
Месопотамия	3 (100)	3 (100)	–	–	85 (100)	12 (14)	63 (74)	7 (8)	129 (100)	21 (16)	49 (38)	58 (45)
Левант	0	–	–	–	90 (100)	35 (39)	51 (57)	1 (1)	189 (100)	39 (20)	71 (38)	75 (39)
Иран	69 (100)	30 (44)	37 (53)	–	76 (100)	22 (29)	53 (70)	1 (1)	373 (100)	5 (1)	258 (69)	102 (28)

Примечание: в скобках указаны проценты.

нялся медно-мышьяковый сплав (рис. 4, 1). Вопрос о естественном или искусственном характере примеси мышьяка остается дискуссионным. Безошибочно определить это в каждом случае невозможно, т.к. содержание мышьяка в самородной меди может достигать 20 % [Maddin, Stech Wheeler, Muhly, 1980; Gale, Stos-Gale, Gilmore, 1985]. Массовые анализы показали, что его количество в бронзе зависит от функции изделия: украшения часто содержат до 20 %, орудия/оружие – ок. 5 % [Eaton, McKerrel, 1976, р. 175]. Многолетними исследованиями лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН было установлено, что границей концентрации, с которой начинаются искусственные сплавы, для мышьяка является обычно 0,5 % [Черных, 1966, с. 43].

В РБВ доля «чистой» меди в Иране и Анатолии значительно сокращается; повсеместно доминируют мышьяковые бронзы (57–74 %) [Авилова, 2008, табл. 48] (рис. 4, 2). Самый высокий показатель применения меди в Леванте. Мышьяковые бронзы Месопотамии и Ирана имеют специфическую общую черту: около половины анализов дают повышенное содержание никеля (более 0,3 %), что характерно для руд месторождения Талмесси в Иране [Pigott, 1999, S. 111–112] и Омана [Pernicka, 1995]. Примесь никеля часто встречается в майкопских бронзах [Черных, 1966, с. 38–39]. Как показали новые аналитические исследования, 53 % анализов выявили мышьяково-меди-никелевые сплавы, что согласуется с наличием на Северном Кавказе месторождений мышьяково-никелевых руд [Рындина, Равич, Быстров, 2008, с. 196–198, карта 1]. Этим фактом подчеркивается сходство, существовавшее в РБВ между изученными регионами, не только по морфологии изделий и широкомасштабному применению золота, но и по использованию определенных руд. Важная черта раннебронзовой металлургии Ближнего Востока – появление оловянных бронз (включая тройные сплавы Cu+Sn+As) – свидетельствует о поисках новых сплавов и начале освоения новых типов руд (кассiterит, стannит).

СБВ характеризуется дальнейшим падением доли изделий из «чистой» меди в Иране, где она практически исчезает, и в Леванте (рис. 4, 3). В Анатолии и Месопотамии ее использование остается на низком уровне. Применение мышьяковых бронз в трех регионах заметно снижается (38–51 %), и лишь в Иране они производятся в значительном объеме. По-прежнему около половины анализов мышьяковых бронз из Месопотамии и большинство из Ирана демонстрируют присутствие никеля.

Важной чертой металлургии СБВ является широкое внедрение оловянных бронз, в т.ч. тройных Cu+Sn+As. В Месопотамии они становятся ведущими. Наши данные согласуются с результатами Пенсильванского проекта [Tadmor et al., 1995, р. 142].

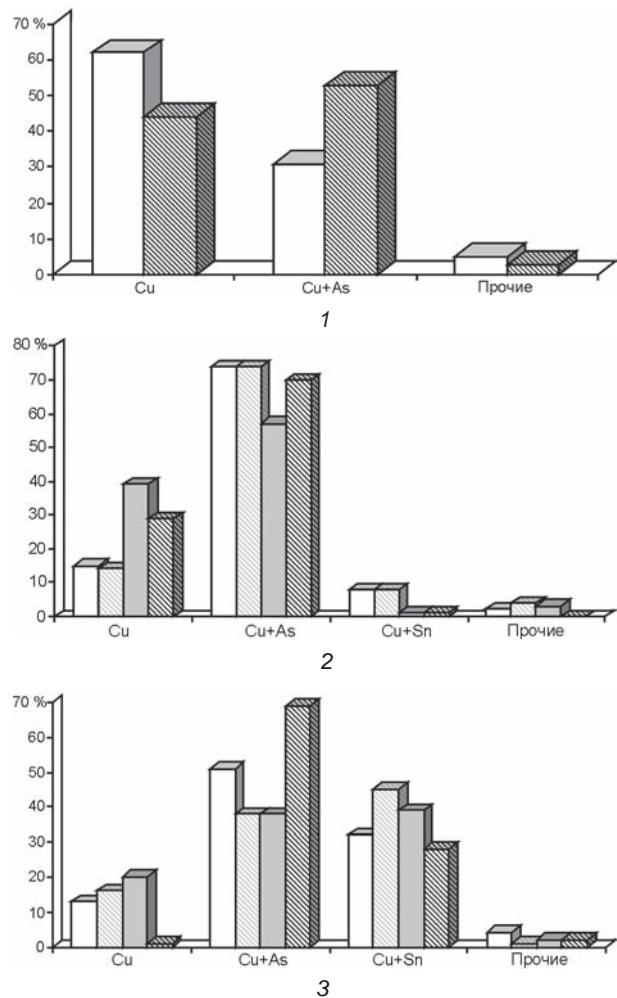

Рис. 4. Соотношение metallurgically «чистой» меди и сплавов на медной основе в МВ (1), РБВ (2) и СБВ (3). Усл. обозн. см. рис. 2.

Очевидно, что в этот период функционировала наложенная система доставки олова. Геологически вероятна его доставка в Месопотамию и Анатолию с территории современного Афганистана. Эта точка зрения распространена в литературе, хотя сведений о древней разработке афганских рудников нет. Источники олова упоминаются в шумерских текстах III тыс. до н.э.: страны Дильмун, Мелухха, Маган, Аратта, «оловянные горы», расположенные восточнее Месопотамии. Некоторые из них локализуются на южных берегах Персидского залива [Moorey, 1994, р. 298–300]. Уже упоминались следы добычи оловосодержащих руд в пункте Кестель (Турция). Разница во мнениях связана с тем, что древние разработки оловянных руд на Ближнем Востоке неизвестны. Однако они обнаружены в Средней Азии, в районах Бухары и Ферганы. Совместными исследованиями германских ученых и археологов Узбекистана и Таджикистана в долине Зеравшана выявлены крупные разработки оловянных

руд, датируемые по керамическому материалу и серии радиоуглеродных дат от среднего бронзового до раннего железного века (1800–800 гг. до н.э.). Поблизости располагались поселения горняков, относящиеся к андроновской культуре [Parzinger, Boroffka, 2003]. Здесь могли производить металл как для внутреннего рынка, так и для Ирана и/или Месопотамии, тем более что функционировала древняя система путей доставки лазурита из Бадахшана и Кызылкумов [Tosi, 1974].

Заключение

Наиболее существенной чертой раннего металлопроизводства на Ближнем Востоке является его глубокая древность. Для открытия самородной меди, овладения ее плавкой, а затем и выплавкой из руд здесь имелись две предпосылки: наличие природных ресурсов и традиция управления теплотехническими процессами, выработанная в ходе изготовления известковых и гипсовых обмазок [Pernicka, 1995].

Развитие производства металлических изделий начинается в энеолите (вторая половина V тыс. до н.э.) на территории Ирана и в меньших масштабах в Анатолии. Количество и морфологически представительная иранская коллекция МВ резко контрастирует с отсутствием металла в синхронных убейских памятниках Месопотамии. Видимо, ранняя металлургия Ирана связана с разработкой богатых минеральных ресурсов и развитием обмена между земледельцами Двуречья и населением гор Загра и Иранского плато. Формирование в Двуречье цивилизации городского типа с развитой системой ирригации, обменом на далекие расстояния, постройками общественного назначения [Антонова, 1998, с. 71–72] происходит на фоне растущей потребности в металле. Можно предположить, что именно с территории Ирана в период Убейда исходили технологические навыки, которые были восприняты и развиты в Месопотамии [Pigott, 1999, S. 107, 118]. В свете этого привычная «месопотамоцентрическая» модель культурного развития Ближнего Востока нуждается в определенном переосмыслении.

Качественный скачок в металлопроизводстве на раннем этапе эпохи бронзы тесно связан с процессами урбанизации и формирования ранних государств: резко возросла потребность шумерского общества в металле, установились интенсивные контакты с центрами его добычи и обработки на соседних территориях Ирана и Восточной Анатолии. Высокий спрос на металл стимулировал развитие производства и социальных отношений у населения Иранского и Анатолийского плато, побережья Персидского залива. В этот период Западный и Северо-Западный Иран, Восточная Анатolia составили единую систему с

mesopotamской цивилизацией. Там должны были появиться профессиональные металлурги, мастера металлообработки, ювелиры. Их продукция распространялась в виде товарных слитков [Авилова, Терехова, 2006] и готовых изделий, что способствовало выработке морфологических и технологических стандартов, функционировавших в ареале собственно урукских памятников и в обширной зоне от Северного Кавказа до Леванта, в той или иной мере затронутой влиянием урукской цивилизации.

Предгорные территории играли важную роль в развитии древнейших цивилизаций Ближнего Востока. Как доказал Н.И. Вавилов, производящее хозяйство, в т.ч. земледелие, зародилось не в аллювиальных долинах, а в предгорных зонах, где произрастают дикие предки культурных растений [Вавилов, 1987]. Из этих же зон происходят и древнейшие металлические находки (IX–VII тыс. до н.э.). В предгорьях обнаружены наиболее яркие комплексы металлических изделий эпохи Убейда (Сузы I) и Урука (некрополь Тепе Гавры в Северной Месопотамии, клад из Арслантепе VIA в Восточной Анатолии, майкопские древности на Северном Кавказе). По-видимому, это указывает на передовой характер развития предгорных зон в разных областях экономики.

Особую роль в отношениях земледельческих общин с горными племенами скотоводов и металлопроизводителей играли сельскохозяйственные продукты (зерно, масло). Земледельческим цивилизациям принадлежит и ряд интеллектуальных достижений: письменность, изобразительные мотивы; одежда, прически, украшения, служившие знаками общественного статуса. Такова схема отношений с соседями населения Египта и Месопотамии – крупнейших производителей продовольствия, где высокие урожаи позволяли создавать стратегический ресурс для обмена и способствовали широкому распространению многих элементов земледельческих цивилизаций.

Исследователи обмена на дальние расстояния указывают на то, что его объектами выступали не предметы утилитарного назначения, а престижные вещи, в т.ч. металлические. Эти изделия, в которых была заинтересована социальная верхушка, были заметным фактором эволюции от эгалитарного общества к иерархическому: они фиксировали сложившуюся систему рангов и административной организации в ранних государствах. Таким образом, дальние торговые связи, в т.ч. и обмен металлом, устанавливались и поддерживались в интересах общественной элиты. Особенности периода ранней бронзы заставляют связывать прогресс ближневосточной металлургии с новыми социальными потребностями и организационными возможностями сложных общественных структур с централизованной экономикой и политической властью.

В Месопотамии, Северной Сирии, Восточной и Юго-Восточной Анатолии развивалась социально-экономическая модель раннегородской и раннегосударственной цивилизации ближневосточного типа. Очевидна ее связь с природными условиями аридной зоны: повторявшиеся засухи требовали организации труда и контроля над распределением, накоплением, хранением продуктов. Начиная с позднего Убейда имеются свидетельства такого контроля элиты, а также фиксируются монументальные общественные постройки и святилища, встречаются экзотические вещи. В последующие эпохи (Урук, раннединастические центры, Аккад) признаки централизации и экспансии в месопотамском обществе четко выражены. Эту систему называют храмовой экономикой [Özdogan, 2002]. Ее появление стало своеобразным ответом на сложность физико-географических и историко-культурных условий. Эти факторы при постоянном росте населения имели ключевое значение для формирования централизованного контроля над земледельческими работами и ирригационными системами, потреблением, а также для создания резервов продовольствия. Запасы храмовых житниц могли использоваться при неурожае, для обмена, поддержания власти элиты, организации вооруженных отрядов. Рост городского населения и риск локальных неурожаев были среди причин, вынуждавших урукские общинны совершать дальние торговые экспедиции и основывать колонии далеко за пределами аллювиальной долины [Algaze, 1989]. Не случайно урукские поселения-колонии Арслантепе, Норшунтепе, Тепеджик, Тепе Габристан, Тепе Сиалк IV и др. расположены в рудных зонах – в Восточной Анатолии, Иране.

Сравнение региональных моделей металлоизготовления в раннем бронзовом веке свидетельствует о вхождении Северной Месопотамии, Восточной Анатолии, Западного и Центрального Ирана, Северного Кавказа, в какой-то мере Леванта в единую культурную зону [Андреева, 1979; Трифонов, 1987] с общей производственной традицией [Авила, 2008, с. 148–149]. Наибольшее сходство отмечается между Анатолией и Месопотамией с их скачкообразной динамикой использования металла при переходе от одного периода к другому, что, вероятно, связано с воздействием месопотамских городов-государств на своих западных соседей начиная с урукской эпохи и позже. Земледельческая цивилизация Месопотамии преодолела такое огромное препятствие для развития производства металлических изделий, как отсутствие источников минерального сырья, за счет его доставки извне в обмен на продовольствие. В Леванте скачкообразный процесс не столь очевиден. Иранской модели древней металлургии, наоборот, свойственно плавное развитие с постепенным ростом объема производства и чертами консерватизма

ма, выраженного в ведущей роли мышьяковой бронзы на протяжении всех рассматриваемых эпох.

Развитие производства металла в средний период бронзового века происходило на фоне взаимодействия ранних государств: раннединастических центров в Южной Месопотамии, раннегосударственных структур в Анатолии, Аккадской державы на севере Двуречья, эламских центров в Юго-Западном Иране. Во всех регионах отмечается социальная стратификация, монументальная городская архитектура с храмами и дворцами, комплексы ритуального характера, клады драгоценных вещей, серии культовых предметов. В морфологии инвентаря нарастают черты местного своеобразия. Единой культурно-производственной зоны уже не существовало, связи с Северным Кавказом были прерваны, и там происходило автономное развитие.

Список литературы

- Авила Л.И.** Металл Месопотамии в раннем и среднем бронзовом веке // Вестн. древней истории. – 1996. – № 4. – С. 68–81.
- Авила Л.И.** Древние бронзы Леванта // РА. – 2001. – № 1. – С. 15–26.
- Авила Л.И.** Древние бронзы Ирана. Энеолит – средний бронзовый век // КСИА. – 2004. – Вып. 216. – С. 3–14.
- Авила Л.И.** Металл Западной Азии (энеолит – средний бронзовый век) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – 2005. – Вып. 4. – С. 11–28.
- Авила Л.И.** Металл Ближнего Востока: Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. – М.: Памятники истор. мысли, 2008. – 229 с.
- Авила Л.И., Антонова Е.В., Тенейшили Т.О.** Металлургическое производство в Южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы // РА. – 1999. – № 1. – С. 51–66.
- Авила Л.И., Орловская Л.Б.** Историко-металлургические и радиоуглеродные базы данных по Циркумпонтийской металлургической провинции // КСИА. – 2001. – Вып. 211. – С. 23–29.
- Авила Л.И., Терехова Н.Н.** Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита – бронзового века // КСИА. – 2006. – Вып. 220. – С. 14–33.
- Авила Л.И., Черных Е.Н.** Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. – М.: Наука, 1989. – С. 31–83.
- Андреева М.В.** Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. – 1979. – № 1. – С. 22–34.
- Антонова Е.В.** Месопотамия на пути к первым государствам. – М.: «Вост. лит.» РАН, 1998. – 223 с.
- Вавилов Н.И.** Происхождение и география культурных растений. – Л.: Наука, 1987. – 327 с.
- Мунчаев Р.М.** Кавказ на заре бронзового века. – М.: Наука, 1975. – 415 с.
- Пиоторовский Ю.Ю.** Изделия из золота и серебра на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиоторовского: Тез. докл. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – С. 23–28.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 288 с.

Рындина Н.В., Равич И.Г., Быстров С.В. О происхождении и свойствах мышьяково-никелевых бронз майкопской культуры Северного Кавказа (ранний бронзовый век) // Археология Кавказа и Ближнего Востока. – М.: Тauc, 2008. – С. 196–221.

Трифонов В.А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. – 1987. – Вып. 192. – С. 18–26.

Трифонов В.А. Курганы майкопского типа в Северо-Западном Иране // Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Б.А. Латынина. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 244–264.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. – М.: Наука, 1966. – 144 с.

Черных Е.Н. Об основных этапах древнейшей металлургии меди на территории Болгарии (4 – начало 1 тыс. до н.э.) // Academia litterarum Bulgaria: Primus congressus studiorum Thracicorum. Serdicae. – Thracia, 1974. – Vol. 3. – P. 379–395.

Algaze G. The Uruk expansion: cross-cultural exchange in early Mesopotamian civilization // Current Anthropology. – 1989. – Vol. 30. – P. 571–608.

Avilova L.I. Regional models of metal production in Western Asia in the Chalcolithic, Early and Middle Bronze Ages // Trabajos de Prehistoria. – 2008. – Vol. 65, N 1. – P. 55–73.

Bar-Adon P. The cave of the treasure: The finds from the caves in Nahal Mishmar. – Jerusalem: Israeli Exploration Society, 1980. – 266 p.

Cernyh E.N., Avilova L.I., Barceva T.B., Orlovskaja L.B., Tenejsvili T.O. The Circumpontic metallurgical province as a system // East and West. – 1991. – Vol. 41, N 1–4. – P. 11–45.

Chernykh E.N. Earliest stage of metallurgy in Circumpontic zone // VIII Congres Internationale des sciences préhistoriques et protohistoriques. – Belgrade, 1971. – P. 1–12.

Chernykh E.N. Ancient metallurgy in the USSR: The Early Metal Age. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1992. – 416 p.

Chernykh E.N., Avilova L.I., Orlovskaya L.B. The Circumpontic metallurgical province: from unification to disintegration // Der Anschmitt: Anatolian metal II. – 2002. – Beih. 15. – S. 83–100.

Eaton E.R., McKerrel H. Near Eastern alloying and some textual evidence for the early use of arsenical copper // World Archaeology. – 1976. – Vol. 8, N 2. – P. 169–191.

Hauptmann A., Begemann F., Heitkemper E., Pernicka E., Schmitt-Strecker S. Early copper production at Feinan, Wadi Arabah, Jordan: The composition of ores and copper // Archaeomaterials. – 1992. – Vol. 6. – P. 1–33.

Gale N.H., Stos-Gale Z.A., Gilmore G.R. Alloy types and copper sources of Anatolian copper alloy artifacts // Anatolian Studies. – 1985. – Vol. 35. – P. 143–173.

Kohl Ph. The ancient economy, transferable technologies and the Bronze-Age world-system: A view from the Northeastern frontier of the Ancient Near East // Centre and periphery in the Ancient world. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1987. – P. 13–24.

Maddin R., Stech Wheeler T., Muhly J. Distinguishing artifacts made of native copper // J. of Archaeological Science. – 1980. – Vol. 7. – P. 211–225.

Mellaart J. The prehistoric pottery from the Neolithic to the beginning of EB IV, a. 7000–2500. – Oxford, 1981. – 386 p. – (BAR; N 98).

Moorey P.R.S. Ancient Mesopotamian materials and industries. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. – 414 p.

Ozdogan M. The Bronze Age in Thrace in relation to the emergence of complex societies in Anatolia and in the Aegean // Der Anschmitt: Anatolian metal II. – 2002. – Beih. 15. – S. 67–76.

Parzinger H., Boroffka N. Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien I. Die siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten // Archäologie in Iran und Turan. – 2003. – Bd. 5. – 328 S.

Pernicka E. Gewinnung und Verbreitung der Metalle in prähistorischer Zeit // Jahrbuch des romisch-germanischen Zentralmuseums Mainz. – 1995. – Bd. 37 (1). – S. 21–129.

Pigott V. A heartland of metallurgy: Neolithic/Chalcolithic metallurgical origins on the Iranian Plateau // Der Anschmitt: The beginnings of metallurgy. – 1999. – Beih. 9. – S. 107–120.

Porada E., Hansen D.P., Dunham S., Babcock S.H. The chronology of Mesopotamia, ca. 7000–1600 B.C. // Chronologies in Old World archaeology / Ed. by R. Ehrich. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. – P. 156–188.

Tadmor M., Kedem D., Begemann F., Hauptmann A., Pernicka E., Schmitt-Strecker S. The Nahal Mishmar hoard from the Judean desert: Technology, composition and provenance // Atiqot. – 1995. – Vol. 27. – P. 95–148.

Tosi M. The problem of turquoise in protohistoric trade on the Iranian plateau // Studi di Paletnologia, Paleoantropologia, Paleontologia e Geologia del Quaternario. – 1974. – Vol. 2. – P. 147–162.

Voigt M., Dyson R. The chronology of Iran, ca. 8000–2000 B.C. // Chronologies in Old World archaeology / Ed. by R. Ehrich. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. – P. 122–154.

УДК 903.2

А.Н. Чистякова

ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА ЛАКОВОЙ ЧАШКЕ ИЗ КУРГАНА № 20 В НОИН-УЛЕ (МОНГОЛИЯ)*

В 2006 г. российско-монгольской экспедицией при раскопках кург. № 20 в горах Ноин-Ула была найдена лакированная чашка. В статье предлагаются прочтение и перевод иероглифической надписи, состоящей из 46 иероглифов, вырезанных на дне изделия. По надписи определены дата изготовления, основа изделия, мастерская, в которой чашка была отреставрирована (усовершенствована?), а также должности и фамилии чиновников, руководивших производством чашки и контролировавших его. Чашка – классическое изделие эпохи Хань – была изготовлена в столичной мастерской Каогун (г. Чанъян), поставлявшей лаковые предметы китайскому императорскому двору.

Ключевые слова: династия Хань, Ноин-Ула, кург. № 20, лакированная чашка, иероглифическая надпись, мастерская Каогун, Чанъян, мастерская Сигун, округ Шу, мастерская Гунгуань, округ Гуанхань.

Введение

В 2006 г. российско-монгольской экспедицией в пади Сүцзүктэ в горах Ноин-Ула при раскопках кургана знатного хунну были обнаружены три лаковые чашки [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2006; Полосьмак и др., 2008; Polosmak, Tseveendordj, Bogdanov, 2007]. Они одинаковой формы, овальные, с двумя ушками-ручками, плоским дном. В донной части одной чашки по кругу вырезана надпись из 46 иероглифов. На внешней стороне по тулowi чашки киноварью изображены пары феников и облака.

Лаковая чашка с надписью находилась на дне деревянной погребальной камеры на глубине 18,35 м. Она лежала вверх дном (с обломанными ручками) на медном диске (вероятно, зеркале). Донышко в форме овала очень хорошо сохранилось. Максимальный диаметр 92,5 мм, минимальный – 51,2 мм; высота 4 мм. Толщина стенок чашки в среднем 4 мм. Поскольку стенки изделия повреждены, точную высоту установить трудно. Чашка подвергнута реставрации и консервации (рис. 1). Реставрационные работы выполнены сотруд-

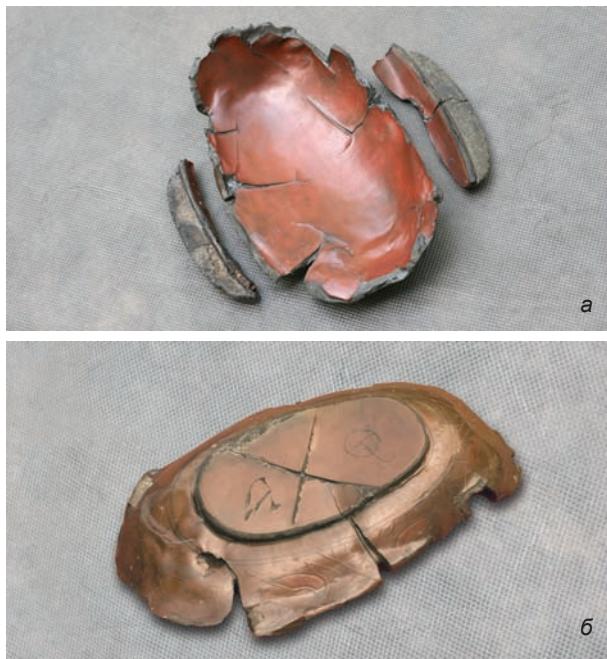
ником Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И.Э. Грабаря В.Г. Симоновым и сотрудником ИАЭТ СО РАН Л.П. Кундо.

Надписи на лаковых изделиях являются важным источником информации о месте и времени, самом процессе изготовления, а также о мастерях и чиновниках. Цель настоящей работы – сделать перевод надписи и определить культурную, временную и функциональную принадлежность чашки.

Характеристика находки

В Китае в периоды Чжаньго, Цинь и Хань одними из самых распространенных лаковых изделий были т.н. чашки бэй 杯. Они овальной формы, с плоским дном и парой ушек-ручек. Большинство исследователей называют такие изделия эрбэй 耳杯. В надписях на лаковых чашках с периода Чжаньго до времени династии Восточная Хань встречаются иероглифы поу (бэй) 柏 (柏), которые соотносят с современным иероглифом бэй 杯 – «чашка». По мнению специалистов, такие чашки предназначались для вина. Это подтверждается надписями на них: 君幸酒 цзюнь син цзю – «Вам счастливое вино». Однако на некоторых чашках

*Выражаем благодарность С.В. Алкину и С.А. Комиссарову за рекомендации, высказанные в ходе подготовки статьи.

Rис. 1. Лаковая чашка из кург. № 20 в Ноин-Уле после реставрации.

Рис. 2. Фрагмент орнамента «противостоящие фениксы» на чашке из кург. № 20 в Ноин-Уле.

встречаются надписи 幸食杯 *син ши бэй* – «чашки для счастливой еды», 君幸食 *цзюнь син ши* – «Вам счастливая еда». Они могли использоваться как для вина, так и для пищи [Хун Ши, 2006, с. 23–25].

Чашка, найденная в кург. № 20 Ноин-Улы, украсена изображениями четырех пар противостоящих фениксов и облаков (рис. 2). Чашки с аналогичным орнаментом типичны для погребений ханьского времени. Одна такая чашка была найдена в Китае в пров. Гуйчжоу [Сихань...], еще одна чашка, которая в настоящее время хранится в Государственном музее истории Монголии [*L'Asie des steppes...*, 2001, р. 147, pict. 128], обнаружена в Монголии в пади Цзу-

румтэ (горы Ноин-Ула). Орнамент из феников и облаков китайские исследователи называют *лэйфэнвэнь* 雷凤纹 – «фениксы и гром» или *юньфэнвэнь* 云凤纹 – «облака и фениксы». Данный сюжет получил распространение уже в период Чжаньго. Он встречается довольно часто на изделиях эпохи Хань. Подобные изображения облаков в работах китайских специалистов чаще всего называются *баюнь* 宝云 или *жуйюнь* 瑞云, что переводится как «драгоценные облака», «облака счастья». Облака являются связующим элементом орнамента, они объединяют фигуры птиц. Можно сказать, что облака являются хвостами феников. Это благопожелательная символика.

Расположение изображений птиц на чашке у китайцев соответствует их пониманию пространства. Можно выделить несколько сюжетов: пара противостоящих феников; пары феников, расположенные по кругу (по четырем сторонам света) в системе *у-син* 五行 – «пять элементов». Расположение композиций по кругу связано с восприятием пространства как пятивершинной модели построения мира: четыре стороны света и центр. По нашему мнению, изображение пары противостоящих птиц отражает дуальное восприятие мира и восприятие пространства в системе *инь-ян* 阴阳. Вариант композиции «пара феников и облака» при династии Хань – пара феников и предмет между ними. На находке из Ноин-Улы между фигурами феников располагаются скрещенные линии. Такие композиции В.В. Евсюков рассмотривает как птиц (животных) у Мирового дерева [1988, с. 48].

При династии Хань феникс был императорским символом. В повести Лин Сюаня «Неофициальное жизнеописание Чжао – Летящей ласточки» сам государь назван феником: «Знаки ханьской династии – огонь и добродетель, поэтому государь и есть Красный дракон или Красный феникс» [Пурпурная яшма..., 1980, с. 37]. В письменных источниках иероглиф *фэн* – «феникс» начинает употребляться в значении «императрица» или «женщина, связанная с императором». На предметах, принадлежащих императрице или наложницам, непременно изображался феникс или же название этих предметов включало слово «феникс».

Кроме того, феникс считался хранителем входа в страну бессмертных. В «Чу цы» – литературном памятнике южной традиции – Цюй Юань совершает путешествие *ю* на четверке драконов и феникса. Этот же мотив прослеживается в заключительном тексте цикла «Цзо бянь» Сун Юя: «справа – пышная роскошь Пурпурной птицы, а слева – изгибы колец Бирюзовового змея». М.Е. Кравцова предполагает, что путешествие *ю* – это странствие не живого человека, а души усопшего [1994, с. 142, 171]. Возможно, поэтому чашечки с таким орнаментом являлись сопроводительным инвентарем в погребениях.

Такое многообразие толкований неслучайно: в образе феникса – «главы всех птиц» – соединяются образы многих птиц. В результате «смешения» происходит наложение семантики. Образ феникса одновременно может символизировать «стража в стране бессмертных», «императрицу» и «императора». В эпоху Хань символ «феникс» окончательно оформился в качестве государственного. Поэтому его изображения присутствуют на предметах, изготовленных для императорского двора. Как отмечалось выше, на чашке из курга № 20 был не только орнамент, но и иероглифическая надпись. На большинстве ханьских лаковых изделий надписи отсутствуют. Если изделие было изготовлено в императорских мастерских или для императорского двора, то на нем должно быть клеймо или надпись.

Источники и методика исследования

Перевод надписи предполагает разработку переводческой гипотезы, интерпретацию языкового кода и верификацию перевода.

При создании переводческой гипотезы мы опирались на опубликованные материалы, представляющие несколько видов источников. Археологические источники – лаковые изделия с надписями династии Западная Хань, найденные в Китае, Монголии и Ко-ре (преф. Лолан), а также другие категории изделий с надписями. Письменные источники – «Ханьшу» («История династии Хань») и «Хоуханьшу» («История династии Поздняя Хань»), толковые словари на китайском языке: «Канси цзыдянь» [2006]; «Вэньбай дуйчжао “Шовэнь цзе цзы” ишу» [2000]; «Цыхай» [1999]. Первым собрал, опубликовал и проанализировал китайские лаковые изделия с надписями японский исследователь С. Умэхара. Его работа «Сина Кандай кинэммэй сикки дзусэцу», вышедшая в 1943 г., является библиографической редкостью, поэтому мы, к сожалению, не смогли обратиться к ней. Однако некоторые положения, касающиеся лаковых изделий и надписей на них, изложены в другом труде С. Умэхара – «Мо:ко Ноин-ура хаккэн ибуцу» [1960]. В ней приводятся две надписи на чашках из ноин-улинских курганов; в комментариях говорится, что в надписях указаны фамилии и должности чиновников, контролировавших производство, а также фамилия мастера, изготовившего изделия. С. Умэхара отмечает, что чашки с подобными надписями найдены в преф. Лолан [Там же, с. 30, 31]. Исследование надписей на лаковых изделиях было продолжено китайским исследователем Хун Ши [2005, 2006]. Он составил сводную таблицу лаковых предметов с надписями. Однако большая часть таблицы и описание мастерских – это материала С. Умэхара. Переводом надписи на деревянной лаковой шкатулке из могильника сюнну в пади Царам

(раскопки С.С. Миняева) занималась проф. М. Пираццоли-Серстевенс. Она выполнила перевод, опираясь на исследования С. Умэхары и Хун Ши [Pirazzoli-t' Serstevens, 2007, p. 56–58; Пираццоли-Серстевенс, 2008, с. 71–74].

Согласно «Трактату об узоре Земли» в «Ханьшу», при династии Хань управление производством лаковых предметов было в восьми округах 郡 цзюнь – Шу 蜀, Гуанхань 广汉, Хэнэй 河内, Хэнань 河南, Иншу 颖书, Наньян 南阳, Цзинань 济南 и Тайшань 泰山. Среди них наиболее известными были округа Шу и Гуанхань в Чэнду на территории современной пров. Сычуань. Они считались центрами производства лаковых изделий [Хун Ши, 2006, с. 170, 174]. Мастерская в окр. Гуанхань называлась Гунгуань 工官, в окр. Шу – Сигун 西工. «При Хань в столице существовали три государственные фабрики, производство которых было поставлено на службу исключительно императорской фамилии. Каогун-ши* производила мебель» [Елисеевф В., Елисеевф Д., 2007, с. 179]. В «Ханьшу» говорится, что изначально мастерская называлась Каогун-ши 考工室. При императоре Уди в Первый год Тайчу (104 г. до н.э.) она была переименована в Каогун 考工. Мастерская занималась в основном отливкой бронзовых изделий, оружия, деталей для колесниц и т.д., а также изготовлением лаковых вещей. Общее количество производимых в ней изделий было больше, чем в императорских мастерских, но лаковых – намного меньше. Если изделия предназначались для императорского двора, то иероглифы 乘輿 чэнъюй – «императорский экипаж», перен. «император» писали в самом начале надписи [Хун Ши, 2006, с. 190, 191, 193]. Каогун – это столичная мастерская. При династии Западная Хань столицей был г. Чанъань. Следовательно, можно считать, что мастерская Каогун находилась в Чанъане.

Округа Гуанхань, Шу и три мастерские Гунгуань, Сигун и Каогун отмечены не только в письменных источниках, но и в надписях на лаковых изделиях. В надписях также указана мастерская Гунгуан 供工. По мнению одних исследователей, это название поставщика сырья для мастерских, других – иная иероглифическая запись мастерской Каогун. Поскольку по структуре надписи на лаковых изделиях из мастерской Гунгуан и Каогун идентичны, возможно, это другая мастерская, тоже относящаяся к ведомству шаофу 少府 [Там же, с. 191]. При династии Хань сочетание иероглифов шаофу использовалось в значении «хранитель императорских одежд и драгоценностей, камермейстер» [Большой китайско-русский словарь (далее БКРС), 1984, т. 3, с. 356]. В комментариях к «Ши цзи» записано, что словом шаофу обозначалось налоговое ведомство, начальник налогового ведомства императорского двора. Должность шаофу была учреждена при Цинь. Шаофу

*Каогун-ши – вариант написания Каогунши.

являлся одним из высших сановников в периоды Цинь и Хань [Вяткин, Таскин, 1975, т. 2, с. 366, 446, 572].

По поводу надписей на изделиях М. Лёве пишет: «...кроме частных предприятий в I–II вв. существовали по крайней мере три мастерские, финансируемые правительством. Некоторые изделия вывозили за пределы страны, о чем свидетельствует стакан для вина. На стакане обозначен год изготовления изделия (55 г.), указано название мастерской – Куан хань* (она была расположена на территории совр. г. Чэнду). По надписям на изделиях можно составить список ремесленников, ответственных за различные процессы, связанные с грунтовкой, нанесением лака, золочением, раскрашиванием, гравированием или полировкой. Не менее информативны и надписи, обнаруженные на предметах, изготовленных на правительственные фабриках, где указаны имена чиновников, контролировавших деятельность изготовителей» [2005, с. 208–209].

Некоторые лаковые изделия, как отмечает М.В. Воробьев, снабжены надписями, сообщающими о месте и времени изготовления. Обычно это императорские мастерские в уездах Шу и Гуанхань в пров. Сычуань [1997, с. 294]. О том же пишет С.П. Фицджеральд: «...из захоронений в Лаклане** было извлечено более 200 лакированных предметов, большей частью раскрашенных. Многие надписаны и датированы периодом между 85 и 52 гг. до н.э. Надписи свидетельствуют, что их изготовили в Китае, на западе Сычуани, недалеко от Чэнду» [1998, с. 180]. На восьми лакированных изделиях (шкатулка хэ, блюдо пань и чашки эрбэй) из памятника Согамни в Лолане также имеются надписи – «4-й год Юаньши» [Хангук...].

Итак, на основе имеющихся источников можно построить гипотезу перевода ханьских надписей. Мы считаем, что в надписи на лаковых изделиях эпохи Хань должны указываться место (округ, мастерская), время (девиз правления императора), процесс изготовления, а также фамилии мастеров, выполнивших ту или иную работу, должности и фамилии чиновников, контролировавших производство. Необходимо выяснить, одинаковы ли надписи на всех типах лаковых изделий или структура надписи зависела от мастерской.

Методика перевода иероглифических надписей

Сопоставление надписей на различных лаковых изделиях эпохи Хань позволяет выделить два типа структур. Первый характерен для надписей на изделиях мастерских Сигун и Гунгуань в округах Шу и Гуанхань, пров. Сычуань. Надписи этого типа включают:

*Скорее всего, имелась в виду мастерская Гуанхань.

**Лолане.

1) девиз правления, как правило, с указанием года. Состоит из четырех иероглифов. Обязательно заканчивается иероглифом 年 нянь – «год»;

2) названия области и мастерской. После перечисления в конце стоит иероглиф 造 цао – «изготавливать», «производить» либо 作 zugun – «работать»;

3) три иероглифа: 繁 сю – «покрывать лаком», 月 月* – «нанести надпись», 畫 xua – «нанести орнамент»;

4) информацию о способе изготовления предмета;

5) показатель объема;

6) название изделия;

7) перечень, как правило, восьми этапов изготовления с указанием фамилий мастеров. В конце – иероглиф 造 цао – «изготавливать», «производить»;

8) перечень должностей пяти чиновников, ответственных за изготовление изделия, с указанием фамилий. В конце – иероглиф 主 чжу – «хозяин», «главный». Чиновники перечисляются в порядке понижения должности.

Иероглифическая схема выглядит так:

□□□** 年+□ 郡□□ 繁シ月畫□□... +容□升□□ 爰
(篇)[,] 素工 (фамилия мастера)[,] 繁工□ (фамилия мастера)[,] 上工□ (фамилия мастера)[,] 黄涂工□ (фамилия мастера)[,] 畫工□ (фамилия мастера)[,] 月工□ (фамилия мастера)[,] 清工□ (фамилия мастера)[,] 造工□ (фамилия мастера)[,] 造, 护工卒史□ (фамилия чиновника)[,] 長□ (фамилия чиновника)[,] 丞□ (фамилия чиновника)[,] 據□(фамилия чиновника)[,] 令史□ (фамилия чиновника) 主.

Второй тип структуры характерен для надписей на продукции столичных мастерских (в г. Чанъань) Каогун и Гунгун. Надписи этой структуры короче, чем надписи со структурой первого типа, и включают:

1) информацию о том, что изделие предназначено для императорского двора: иероглифы 乘輿 чэнъюй – «императорский экипаж», перен. «император»;

2) три иероглифа: 繁 сю – «покрывать лаком», 月 *** – «нанести надпись», 畫 xua – «нанести орнамент»;

3) информацию о способе изготовления;

4) название изделия;

5) показатель объема;

6) девиз правления, как правило, с указанием года.

Состоит из четырех иероглифов. Обязательно заканчивается иероглифом 年 нянь – «год»;

7) название мастерской. В отличие от предыдущей, данная структура содержит только фамилии двух мастеров: изготовившего (отреставрировавшего) изделие и нанесшего надпись (или орнамент красным);

*Чтение данного иероглифа неизвестно.

**Знаком □ обозначены изменяющиеся в надписи иероглифы.

***Чтение данного иероглифа неизвестно.

8) перечень должностей и фамилий чиновников, руководивших процессом производства. В конце – иероглиф **主** чжсу – «хозяин», «главный» или **臣** чэнь – «чиновник», «сановник»;

9) перечень должностей и фамилий чиновников, контролировавших процесс изготовления. В конце – иероглиф **省** шэн, реже – **主** чжсу. Чиновники перечислены в порядке повышения должности.

Иероглифическая схема надписи выглядит так:

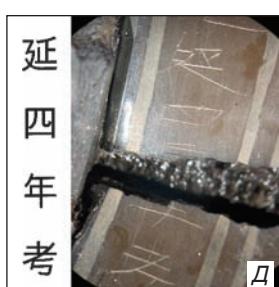
乘輿髹シ月畫□□… +容□升□□龠□□□年+□工
工造(繕)シ月工□ (фамилия мастера)[,] 佐臣□ (фамилия чиновника)[,] 奮夫臣□ (фамилия чиновника)[,]
掾臣□ (фамилия чиновника) 主(臣)[,] 右丞臣□ (фамилия чиновника)[,] 令臣(фамилия чиновника)省(主).

- A 乘輿髹
- Б シ月畫木黄
- В 耳一升十
- Г 六籥培元
- Д 延四年考
- Е 工二[工]通
- Ж 繕シ月工
- З 憲守佐臣
- И 文嗇夫臣
- К 勳掾臣
- Л 文臣右丞
- М 臣光令臣
- Н 譚省

1

2

Необходимо отметить, что с введением новых должностей или изменением статуса должности надпись корректировалась: вносились название новой должности или менялся порядок перечисления, что при неполной (поврежденной) надписи может помочь при датировке изделия.

На чашке из кург. № 20 в Ноин-Уле надпись практически не повреждена – имеется всего одно повреждение. При макросъемке иероглифы видны четко, хорошо читаются. Исключением является иероглиф на месте слома, но его легко восстановить по характерным чертам: «откидная влево», «горизонтальные» и «вертикальная», и с учетом структуры надписи и контекста это иероглиф **年** нянь – «год». Надпись на

Рис. 3. Иероглифическая надпись (1) и ее фрагменты (2) на лаковой чашке из кург. № 20 в Ноин-Уле.

чашке имеет структуру второго типа, она следующая (рис. 3):

乘輿髹シ月畫木黃耳一升十六籥棓 元延四年 考工二[工]通鑑シ月工憲 守佐臣文 喬夫臣勳 機臣文臣 右丞臣光 令臣譚省。

Комментарий к иероглифам и перевод надписи

乘輿 (乘輿) чэнъюй – «императорский экипаж», пе-рен. «император» [БКРС, 1984, т. 3, с. 783]. Это прямое указание на то, что изделие сделано в императорской мастерской. Ли Сюэцин, ссылаясь на мнение проф. Чэнь Чжи, отмечает, что в ханьское время сочетание чэнъюй чиновники использовали, когда называли императора или предметы, которые предназначались ему. Однако не совсем ясно, почему предметы, предназначенные для императора, находят на территории, которая ранее была периферией империи. Возможно, изделиями с данной отметкой награждали чиновников, или это были излишки из мастерской, которые распродавались местной администрацией [Ли Сюэцин, 1998, с. 72]. На многих лаковых изделиях, как отмечает Хун Ши, присутствуют два иероглифа – **乘輿** чэнъюй. У Цай Юна в записях ханьского времени «Дудуань» говорится, что колесницы, лошади, одежда и все предметы, принадлежавшие Сыну неба, назывались чэнъюй. Следовательно, изделия, в надписи на которых имеются эти два иероглифа, поставлялись ко двору императора [Хун Ши, 2006, с. 174].

髹 (休) сю (есть несколько близких вариантов написания). В «Шовэнь» он означает **漆** ци – «лак». В эпохи Цинь и Хань иероглиф мог выступать в значении как существительного «лак», так и глагола «покрывать лаком» [Ли Сюэцин, 1998, с. 72]. Согласно «Канси цзыдянь» и «Цыхай», иероглиф **髹** сю обозначает черно-красные лаковые изделия с преобладанием красного. В «Ханьшу» записано, что такие лаковые изделия изготавливали для императорского двора [Канси цзыдянь, 2006, с. 1623; Цыхай, 1999, с. 1914]. Хун Ши приводит другое толкование иероглифа из словаря «Шовэнь»: **сю** – «сок дерева, которым можно покрывать предметы». Им также отмечается, что в комментариях Яня к «Ханьшу» вещи, покрытые лаком, называются **сю**. Вероятно, **сю** – «первичное покрытие лаком изделия или нанесение лаковой основы». В отличие от **ци** **漆** – «покрытие лаком», **сю** означал, что слой лака очень тонкий [2006, с. 178–180].

シ月 – чтение данного знака неизвестно; исследователи интерпретируют и соотносят этот иероглиф с современными по-разному, в частности, с **彫** 丹, **シ丹**. Считается, что ранее иероглиф обязательно писали с графемой **シ** – «боковая вода». По мнению большинства специалистов, это иероглиф **雕** дяо, переводится

как «вырезать узоры». Сегодня среди исследователей нет единства по поводу толкования значения. Одни убеждены, что иероглиф **シ月** имеет значение «нанес надпись», другие – «поставить только что покрытую лаком чашку в сушку» (см.: [Ли Сюэцин, 1998, с. 72]). Хун Ши приводит еще несколько вариантов толкования иероглифа, относящихся к процессу производства лаковых вещей. Вариант первый – полировка изделия после нанесения орнамента; второй – процесс сушки лакового покрытия в темном помещении; третий – полировка изделия до блеска (после нанесения надписи или орнамента мастер еще полировал его); четвертый – покрытие красной киноварью; пятый – полировка изделия в процессе его изготовления. Однако Хун Ши, сопоставляя все иероглифы, приходит к выводу, что на изделиях написан знак **シ丹**, тесно связанный с иероглифом **丹** дань – «киноварь», «киноварный», «красный». По его мнению, сочетание **シ丹工** означает процесс нанесения красного лака. Характерно, что изделия, в надписи на которых не указан данный вид работ, не имеют красного лакового покрытия. Киноварь была дорогим красителем, и ее, скорее всего, использовали только для изделий, предназначенных для императорского двора, в надписи на которых были иероглифы чэнъюй [2006, с. 181–183, 185].

畫(画) хуа – «расписывать», «картина», «рисунок» [БКРС, 1983, т. 2, с. 47]. В эпоху Хань означал «наносить орнамент», по значению мало отличается от современных. Изделия, в надписи на которых указан данный вид работ, не орнаментированы [Хун Ши, 2006, с. 184].

Итак, три иероглифа, написанные вместе **髹シ丹畫** сю, □ (иероглиф, чтение которого на данный момент неизвестно), хуа обозначают, во-первых, три вида работ («первичное покрытие лаком изделия или нанесение лаковой основы», «нанесение надписи или покрытие красным лаком», «наносить орнамент»), во-вторых, последовательность их выполнения.

木 му – «дерево», «деревянный». Лаковые изделия делали в основном из папье-маше и дерева [Погребение № 2..., 2001, с 61–62]. Иероглиф **му** («дерево») в надписи указывает на то, что у лаковой чашки была деревянная основа.

黃耳 хуан эр – «желтые ушки», «покрывать позолотой» [Ли Сюэцин, 1998, с. 73]. Эти иероглифы присутствуют в надписях на изделиях (в частности, чашках) с бронзовыми вставками-ушками, покрытыми позолотой [Хун Ши, 2006, с. 185, 186].

一升十六籥(龠) и шэн шилю юэ – это мера объема в 1 шэн и 16 юэ. **升** шэн – мера объема для жидкостей или сыпучих тел, равная 1,04 л. **籥(龠)** юэ – мерка на 1 200 зерен проса, равная 0,01 шэн [БКРС, 1983, т. 2, с. 979; 1984, т. 3, с. 240]. Согласно «Шовэнь», шэн – это мера, равная 10 юэ. В комментариях говорится, что шэн мог быть равен 10 гэ. В древности

значения единицы измерения объема могли быть различными, например, шэн мог равняться 10 или 20 юэ [Вэньбай дуйчжао..., 2000, с. 1347]. В эпоху Хань 1 шэн был равен 10 гэ, 1 гэ – 2 юэ, или 200 мл [Чжунго...]. В комментариях к «Историческим запискам: Ши цзи» записано: шэн – старинная мера емкости для сыпучих и жидкых тел. В эпохи Чжаньго и Хань она составляла 340 г [Вяткин Р.В., Вяткин А.Р., Карпетянц, 2002, т. 8, с. 503]. Судя по надписи на обсуждаемой чашке, ее объем составлял примерно 360 мл. Скорее всего, это и был фактический объем, однако из-за повреждения стенок точно определить его невозможно.

棓 (棓, 杯) поу (ບົຍ) – «деревянное изделие», «чашка» [Хун Ши, 2006, с. 24].

元延四年Юаньянь сынянь – девиз правления: «4-й год Юаньянь». Соотносится с 9 г. до н.э. Годы под девизом царствования Юаньянь приходятся на 12–9 гг. до н.э. [БКРС, 1983, т. 1, с. 159].

考工 каогун – «главный надзиратель (инспектор) ремесленных работ» (должность в ведомстве императорских доходов при Хань) [Там же, 1984, т. 3, с. 499]. При династии Восточная Хань так обозначалась должность чиновника при дворе. В «Хоуханьшу» в разделе «Чиновники» записано, что каогун – это чиновник императорского двора, руководивший различными видами работ. Кроме того, Каогун – это еще и название мастерской, в которой изготавливалось в основном оружие. Мастерская относилась к ведомству чиновника 少府 shaofu. При династии Западная Хань чиновники в должности 侯 хоу также открывали частные мастерские (хранилища) [Цыхай, 1999, с. 1469].

После **考工** в надписи на чашке следует иероглиф, состоящий из двух горизонтальных черт (二). Если следовать аналогии с другими надписями и правилам грамматики, то это, скорее всего, второй иероглиф 工 gun – «работа», «работать».

繕 (缮) шань – «снимать копию», «чинить», «ремонтировать», «улучшать» [БКРС, 1983, т. 2, с. 466]. В «Шовэнь» шань переводится как «чинить, штопать одежду», «ремонтировать», «восстанавливать» [Вэньбай дуйчжао..., 2000, с. 1228]. Исходя из значения иероглифа шань, можно предположить, что в мастерской чашку либо ремонтировали, либо на нее нанесли надпись: в ней перечислены надзиратели и два мастера, другие мастера не указаны. В сводной таблице, приведенной Хун Ши, только на чаре цузнь из погребения Яоцылинь в надписи имеется иероглиф шань [2006, с. 165]. Следовательно, сочетание [工]通繕 gun Тун шань – можно перевести как «реставрировал мастер по фамилии Тун».

На ноин-улинской находке, в отличие от изделия с надписью, имеющей структуру первого типа, указаны всего два мастера: один, реставрировавший чашечку, и второй, сделавший надпись (или выполнивший красный орнамент), но это не следует считать свиде-

тельством сокращения цикла производства лакового изделия. По мнению Хун Ши, на рассматриваемой чашке указаны имена не всех мастеров, скорее всего, потому что в мастерской, где ее изготовили, не было такого четкого разделения труда, как в мастерских округов Гуанхань и Шу. Возможно, «по объему производства» и качеству лаковых изделий «наша» мастерская уступала мастерским округов Гуанхань и Шу. Однако изделия и тех, и других одинаковы по стилю и орнаменту: на чашечках, как правило, изображены красные парные фениксы. Изделия из мастерской Каогун были подражанием изделиям из императорских мастерских [Хун Ши, 2006, с. 193, 194].

После сочетания [工]通繕 на чашке по порядку перечислены ответственные лица. Необходимо отметить, что все должности были гражданские, а не военные. В ханьское время в списках должностей после начальника уезда (области) лин 令 указывались цзогуань 佐官, чэн 丞, юань 擇夫, сэфу 嚈夫 и т.д. В надписях на изделиях из мастерской Каогун должности чиновников названы в порядке от высших к низшим, а на изделиях из императорских мастерских Сигун и Гунгуань – от низших к высшим. Перечисление самих должностей могло строиться по-разному (возможно, менялся статус должности или способ записи не был установлен). Еще одно отличие надписей на изделиях из мастерской Каогун от надписей на продукции из округов Гуанхань и Шу: после названия должности был добавлен иероглиф 臣 – «чиновник» [Там же, с. 175, 191, 192].

В надписи на ноин-улинской чашке должности чиновников перечислены в следующем порядке:

佐臣—嗢夫臣—捺臣—右丞臣—令臣.

佐 цзо – «помощник», «чиновник», «младший», «низший» [БКРС, 1983, т. 2, с. 76]. Эта должность считалась базовой (низшей); как правило, цзо был помощником сэфу [Хун Ши, 2006, с. 175]. В надписи на чашке из кург. № 20 перед иероглифом цзо стоит иероглиф 守 шоу – «временно заменять», «представлять». Это свидетельствует о том, что в период Чжаньго, а также при династиях Цинь и Хань существовала система, предполагавшая возможность временной замены чиновника или исполнение обязанностей его представителем [Там же, с. 176]. Скорее всего, речь идет о временном исполнении обязанностей другим лицом. Данный иероглиф входит в сочетание 假守 цзяшоу и означает «временно занимать должность». Чиновник мог на какое-то время удаляться от дел, например, на время траура по родителям. В таком случае сочетание 守佐 шоуцзо переводится как «заместитель помощника надзирателя» или «представитель помощника надзирателя».

嗢夫 сэфу – «надзиратель», низшая должность чиновника до V в. н.э. [БКРС, 1983, т. 2, с. 670]. При династиях Цинь и Хань это мелкий провинциальный чиновник, который ведал гражданскими делами и налогами [Цыхай, 1999, с. 1443]. Он являлся ответ-

ственным лицом в *цзофу* 作府 – «ведомстве работ» [Хун Ши, 2006, с. 175].

掾 юань – «мелкий чиновник, помощник, канцелярист» [БКРС, 1984, т. 3, с. 844]. Должность введена в 82 г. до н.э. при династии Западная Хань в мастерских окр. Инчуань. Ее появление явилось отражением усиления контроля над мастерскими [Хун Ши, 2006, с. 175]. В «Шовэнь» *юань* – это «помощник», «левый помощник» [Вэнъбай дуйчжао, 2000, с. 1122].

Согласно схеме надписи, после знака должности *юань* следует иероглиф **主**чжу, который означает «управление», «руководство работой» [Хун Ши, 2006, с. 192]. Он завершает список чиновников, руководивших работой. Однако в надписи на чашке из кург. № 20 употреблен иероглиф **臣** чэнь. Скорее всего, это связано с тем, что рассматриваемую чашку не изготовили, а отреставрировали в мастерской *Каогун*.

丞 чэн – «помощник главы учреждения или уезда» [БКРС, 1983, т. 2, с. 50]. При династии Хань в уезде чэн был помощником начальника уезда [Цыхай, 1999, с. 206]. В надписях на изделиях из мастерской *Каогун* встречается должность *ючэн* 右丞 – «правый помощник», или «помощник правой руки». Учитывая аналогичные записи, в мастерских *Каогун* и *Гунгун* были должности *цзочэн* 佐丞 – «левый помощник» и *ючэн* 右丞 – «правый помощник», которые контролировали друг друга. В комментариях к «Хоуханьшу» отмечается, что в мастерских учреждалось по одной должности *ючэн* и *цзочэн* [Хун Ши, 2006, с. 190, 192]. При династии Хань *ючэн* – чиновник, который занимался приемом прошений и выдачей ссуд деньгами и зерном [БКРС, 1983, т. 2, с. 429]. В «Цыхай» *ючэн* – это наименование должности чиновника; там же говорится, что в «Шаншу» при династии Восточная Хань были должности *цзочэн* и *ючэн* [Цыхай, 1999, с. 2067, 2301].

令 лин – «начальник канцелярии, секретарь» [Там же, с. 754], как правило, уездного уровня.

省 шэн – «провинция, провинциальный центр» [Там же, с. 627]. Поскольку на рассматриваемой находке указаны только низшие чиновники и в конце списка стоит иероглиф *шэн* – «область», «провинция», а не *чжу* – «главный», можно предположить, что чашечка была сделана не в главной (императорской) мастерской. Нам известны две большие императорские мастерские: *Сигун* в окр. Шу и *Гунгуань* в окр. Гуанхань. Они находились в Чэнду (совр. пров. Сычуань). Иероглиф *шэн* в надписи, как отмечает Хун Ши, может означать «контроль за производством». Считается, что только чиновники до должности *юань* управляли производством, а чиновники выше рангом, например *лин* и *ючэн*, осуществляли контроль [2006, с. 192–193]. Кроме того, судя по «сжатости» надписи (в ней не указан полный процесс производства), чашечка была сделана в мастерской, подведомственной *шаофу* [Погребение № 2..., 2001, с. 61–62].

Необходимо отметить, что аналогичная по структуре надпись встречается не только на чашках эрбэй, но и на других китайских лаковых изделиях. Например, на чаре *цзунь* 尊, найденной в г. Юнчжоу пров. Хунань, в погр. № 2 [Там же, с. 55]; на блюде *пань* 盘 из Яочжуан, погр. № 102; на блюде *пань* 盘 из Шияньли, погр. № 201 [Хун Ши, 2006, с. 165, 168]. Надписи на этих находках различаются лишь девизами правления и фамилиями мастеров, чиновников.

Проведенный анализ иероглифов позволяет перевести надпись на лаковой чашке из кург. № 20 в Ноин-Уле следующим образом: «[Для] императорского двора [изготовлена] чашка бэй, покрыта лаком, с надписью и орнаментом. [Основа] из дерева, с желтыми ушками. Объем 1 шэн и 16 юэ. В 4-й год Юаньянь в мастерской *Каогун* [мастер] Тун отреставрировал. Сделал надпись (либо нанес орнамент красным лаком) [мастер] Сянь. Руководили – заместитель [помощника надзирателя] *цзочэн* Вэнь, [надзиратель] *сэфу* Сюнь. Контролировали – [помощник] *юань* Вэнь, [правый помощник начальника уезда] *ючэн* Гуан, [начальник канцелярии уезда] *лин* Тань».

Чашка с аналогичной надписью была найдена в кург. № 62 ханьского могильника Моцзуйцы, расположенного у г. Циляньшань в районе р. Цзамухэ, в 15 км к юго-западу от г. Уэй в пров. Ганьсу [Там же, с. 165]. В отличие от ноин-улинской, она изготовлена, а не отреставрирована в мастерской *Каогун* (в надписи присутствует иероглиф *цзао* – «изготавливать»). На ней указаны другие девизы правления и фамилии мастера и чиновников:

乘輿髹丹畫木黃耳一升十六籥棓 绥和元年 考工
工并造 丹工丰 护臣彭 佐臣伊 喬夫臣孝口守右丞臣
忠守令臣丰省。

«[Для] императорского двора [изготовлена] чашка-бэй, покрыта лаком, с надписью и орнаментом. [Основа] из дерева, с желтыми ушками. Объем 1 шэн и 16 юэ. В 1-й год Суйхэ в мастерской *Каогун* изготовил [мастер] Бин. Сделал надпись (либо нанес орнамент красным лаком) [мастер] Фэн. Руководили – [писец] ху Пэн, [помощник надзирателя] *цзочэн* И, [надзиратель] *сэфу* Сюо. Контролировали – представитель [правого помощника начальника уезда] *ючэн* Чжун, представитель [начальника канцелярии уезда] *лин* Фэн».

В ноин-улинских курганах, кроме вышеописанной чашки, в «царских» погребениях хунну были обнаружены еще две аналогичные лаковые чашки с иероглифическими надписями. Одна из них, найденная П.К. Козловым в 1924–1925 гг. в кург. № 6, хранится в Государственном Эрмитаже. Надпись была прочитана и опубликована С. Умэхарой [1960, с. 30]:

建平五年九月 工王潭经 画工获壺 天武省。

С. Умэхара не приводит перевод надписи, но поясняет, что девиз правления Цзяньпин приходится на

конец периода правления императора Айди династии Ранняя (Западная) Хань. Исследователь акцентирует внимание на том, что 5-го года Цзяньпин фактически не было, т.к. под данным девизом правления было всего четыре года [Там же, с. 30]. Действительно, период правления под девизом Цзяньпин соответствует 6–3 гг. до н.э. За ним – время под девизом правления Юаньшоу – 2–1 гг. до н.э. [БКРС, 1983, т. 1, с. 158–159]. С. Умэхара предлагает считать 5-й год Цзяньпин за 1-й год Юаньшоу и датировать его 2 г. до н.э. [1960, с. 30]. Хун Ши при рассмотрении даты на лаковых изделиях – «5-й г. Цзяньпин» – придерживается такого же мнения и датирует их 2 г. до н.э. [2006, с. 167].

Мы предлагаем следующий перевод надписи: «В 5-й год Цзяньпин 9-й месяц выполнил работу мастер Ван Таньцзин, нанес рисунок мастер Хоху, контролировал Тянью».

Перевод надписи из ноин-улинского курга № 6 до С. Умэхары был сделан А.Н. Бернштамом: «Сентябрь 5-го года Цянь Пин; изготовитель Ван Тан Чин, живописец Хую, изготовитель И, верховое наблюдение Бянь-У». А.Н Бернштам также утверждает, что дата «5-й г. Цзяньпин» соответствует 2 г. до н.э. [1937, с. 955]. Однако саму надпись он не приводит.

Сравнение переводов надписи выявило различия в прочтении иероглифов исследователями. Важно отметить, что структура надписи не соответствует ни одному из указанных типов. На данный момент она не имеет аналогов, поэтому трудно определить, в какой мастерской и для кого была изготовлена чашка из ноин-улинского курга № 6. Нами перевод надписи выполнен по надписи, опубликованной С. Умэхарой, но она, по нашему мнению, приведена не полностью или с искажением.

Еще одна чашка с надписью была найдена А.Д. Симуковым в 1927 г. в ходе раскопок одного из больших курганов в пади Цзурумтэ в горах Ноин-Ула. В 2008 г. нам удалось ознакомиться с этой находкой и скопировать сохранившееся на ней иероглифы (рис. 4). Надпись имеет структуру первого типа:

建平五年蜀郡西工乘輿髹シ月畫木黃耳棓容一升
十六籥 素工尊 椽工袁 上工壽 銅耳黃塗工宗 畵□*□
□□□ □工白 造工夫造 护工卒史巡守長克丞駿掾
豊守令史严主.

В надписи со структурой первого типа за иероглифом «рисунок» должны следовать иероглифы, обозначающие виды работ и фамилии их исполнителей. Мы не можем восстановить лишь фамилии мастеров (два иероглифа). Восстановленная по схеме надпись выглядит следующим образом:

建平五年蜀郡西工乘輿髹シ月畫木黃耳棓容一升
十六籥 素工尊 椽工袁 上工壽 銅耳黃塗工宗 畵工

Рис. 4. Фрагменты лаковой чашки из Государственного музея истории Монголии.

□シ月工□清工白 造工夫造 护工卒史巡守長克丞駿
掾豊守令史严主.

«В 5-й год Цзяньпин, в мастерской Сигун округа Шу [для] императорского двора [изготовлена] чашка бэй. Покрыта лаком, с надписью и орнаментом. [Основа] из дерева, с желтыми ушками. Объем 1 шэн и 16 юэ. Основу сделал [мастер] Цзунь. Нанес лаковую основу [мастер] Пуй, вторичное покрытие лаком – [мастер] Шоу, вставил желтые ушки и покрыл [позолотой] [мастер] Цзун, нанес рисунок □. Сделал надпись (либо нанес орнамент красным лаком) [мастер] □. Промыл лаковое изделие [мастер] Бай, руководил мастерской Фу. Следили за работой [писец] цзуши Сюнь, представитель [начальника уезда] чжсан Кэ, [помощник начальника уезда] чэн Цзюнь, [помощник] юань Ли, представитель [начальника канцелярии] линши Янь».

Что касается надписей в целом, то, по нашему мнению, при династии Хань они были универсальными и выполняли функцию своеобразных бирок для учета изделий. Основная информация, которая должна содержаться в них (без соблюдения последовательности): девиз правления (дата изготовления) + мастерская или место изготовления + характеристики изделия (например, объем, размеры, вес, мощность и т.п.) + изготовители + контролеры. Мы считаем, что с помощью данных иероглифических схем возможны переводы надписей на других изделиях эпохи Хань.

*Символом □ обозначена часть надписи, которая на момент ознакомления была утеряна.

Выводы

На сегодняшний день известны три чашки с иероглифическими надписями, найденные в «царских» курганах хунну в горах Ноин-Ула. Все названные чашки, вероятно, относились к тем регулярным приношениям, с помощью которых императорский двор откупался от хунну [Хун Ши, 2006, с. 219]. Можно с уверенностью констатировать, что они изготовлены в разных мастерских. Чашка из кург. № 20 была отреставрирована (усовершенствована) в мастерской *Каогун*, подведомственной *шаофу* и находившейся в столице Чанъянь, а чашка, найденная А.Д. Симуковым, была изготовлена в мастерской *Сигун* в окр. Шу. Все они одинаковые по форме, орнаменту (изображения фениксов) и датируются одним и тем же временем – Западная Хань.

Список литературы

- Бернштам А.Н.** Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. – 1937. – № 4. – С. 947–968.
- Большой китайско-русский словарь** (БКРС): В 4 т. – М.: Наука, гл. ред. вост. лит., 1983. – Т. 1. – 553 с.; 1983. – Т. 2. – 1101 с.; 1984. – Т. 3. – 1104 с.
- Воробьев М.В.** Корея до второй трети VII века: Этнос, общество, культура и окружающий мир. – СПб.: Центр «Петербургского востоковедения», 1997. – 432 с.
- Вэньбай дуйчжао** «Шовэнь цзе цзы» ишу («Шовэнь цзе цзы» с параллельным текстом на современном китайском языке с комментариями). – Чжэнчжоу: Чжунюань нунминь чубаньшэ, 2000. – 1607 с. (на кит. яз.).
- Вяткин Р.В., Вяткин А.Р., Карпетянц А.М.** Комментарии к Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи. – М: Издат. фирма «Восточная литература РАН», 2002. – Т. 8. – 510 с.
- Вяткин Р.В., Таскина В.С.** Комментарии к Сыма Цянь. Исторические записки: Ши цзи. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1975. – Т. 2. – 579 с.
- Евсюков В.В.** Мифология китайского неолита: По материалам расписей на керамике культуры яншаша. – Новосибирск: Наука, 1988. – 128 с.
- Елисеев Ф., Елисеев Д.** Цивилизация классического Китая. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 640 с.
- Канси цзыдянь.** – Шанхай: Шанхай шудянь чубаньшэ, 2006. – 2052 с. (на кит. яз.).
- Кравцова М.Е.** Поэзия древнего Китая. – СПб.: Наука, 1994. – 544 с.
- Лёве М.** Китай династии Хань: Быт, религия, культура. – М: ЗАО «Центрполиграф», 2005. – 224 с.
- Ли Сюэцин.** Сыхай сюньчжэн (Драгоценности, найденные по всей стране. Каталогизация и исследование артефактов). – Пекин: Изд-во Ун-та Цинхуа, 1998. – 295 с. (на кит. яз.).
- Пиракцоли-Серстевенс М.** Китайская надпись из элитного кургана сюнну в могильнике Царам // Археол. вести. – М.: Наука, 2008. – Т. 15. – С. 71–74.
- Погребение № 2** периода Западная Хань, провинция Хунань, г. Юнчжоу, у хребта Яоцзылин // Каогу. – 2001. – № 4. – С. 45–62 (на кит. яз.).
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цвээндорж Д.** Раскопки кургана хунну в горах Ноин-Ула, Северная Монголия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. 1. – С. 460–462.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Цвээндорж Д., Эрдене-Очир Н.** Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 77–87.
- Пурпурная яшма:** Китайская повествовательная проза I–VI веков. – М.: Худ. лит., 1980. – 366 с.
- Сихань** хэйци чжухуй лэйфэнвэн эрбэй (Черная лаковая чашка с «ушками» с орнаментом «гром и фениксы», с рисунком киноварью династии Западная Хань) – URL: <http://baike.baidu.com/view/1365980.html> (дата обращения: 1.10.2008).
- Сыма Цянь.** Исторические записки: Ши цзи. – Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1975. – Т. 2. – 579 с.
- Умэхара С.** Сина Кандай кинэммэй сикки дзусэцу (Каталог с комментариями лаковых изделий с надписями годов эпохи Хань, Китай). – Киото: Куванабунсэйдо, 1943. – 76 с. (на яп. яз.).
- Умэхара С.** Мо:ко Ноин-ура хаккэн ибуцу (Археологический памятник, найденный в Ноин-Уле, Монголия). – Токио: То:ё бунко, 1960. – 301 с. (на яп. яз.).
- Фицджеральд С.П.** Китай. Краткая история культуры. – СПб.: Евразия, 1998. – 456 с.
- Хангук** кымсокмун чонхап ёнсан чжонбо сисытхем (Единая виртуальная информационная система по корейским надписям, высеченным на изделиях из камня, металла и т.д.) // URL: http://gsm.nricp.go.kr/_third/user/frame.jsp?View=search&No=4&ksmno=7569 (дата обращения: 01.10.2008).
- Хун Ши.** Изготовление и управление производством лакированных изделий периодов Чжаньго, Цинь и Хань // Каогу сюэбао. – 2005. – № 4. – С. 381–409 (на кит. яз.).
- Хун Ши.** Чжаньго, Цинь, Хань цици яньцзю (Исследование лакированных изделий периодов Чжаньго, Цинь и Хань). – Пекин: Вэньчубаньшэ, 2006. – 273 с. (на кит. яз.).
- Цыхай.** – Шанхай: Цышу чубаньшэ, 1999. – 2611 с. (на кит. яз.).
- Чжунго** лидай лячжи яньбянь цзяньбяо (Краткая таблица изменения значений мер в истории Китая) // URL: <http://www.guoxue.com/history/dulianghen/liang.html> (дата обращения: 1.10.2008).
- L'Asie des steppes d'Alexandre le Grand à Gengis Khan: Catalog.** – P.: Réunion des Musées Nationaux, 2001. – 203 p.
- Pirazzoli-t'Serstevens M.A.** Chinese Inscription from a Xiongnu Elite Barrow in the Tsaraam Cemetery // The Silk Road. – 2007. – Vol. 5, N 1. – P. 56–58.
- Polosmak N.V., Tseveendordj D., Bogdanov E.S.** Noin-Ula № 20 Tomb // International symposium in celebrations of the 10-th anniversary of MON-SOL Project. – Seul: National Museum of Korea, 2007. – P. 155–176.

УДК 903.29

И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис

ПЛАСТИНЧАТЫЕ КОНСКИЕ НАЛОБНИКИ ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

В статье рассматриваются пластинчатые налобники, предназначенные для защиты коня в бою. Выделяются два их типа: первый – с круглой выпуклой верхней частью, украшенной концентрическими окружностями, и трапециевидной вытянутой нижней с прогнутыми сторонами; второй – с симметричными веерообразно расширенными концами и прогнутыми сторонами. Новые археологические материалы позволили ограничить время бытования этих налобников второй половиной IV – началом III в. до н.э. Впервые публикуется комплекс из кургана у станицы Пластуновской, который важен не только для датировки налобников, но и для решения вопроса о времени появления т.н. «вотивных кладов», или «странных» комплексов. Он является самым ранним из всех известных «вотивных кладов». Вероятно, именно здесь, в Прикубанье, в сиракской среде зародился этот обряд, а впоследствии, в связи с рейдами сарматских племен, распространился в Северо-Западном Причерноморье.

Ключевые слова: меоты, сарматы, налобник, удила, амфора, хронология.

В Прикубанье сейчас можно выделить несколько типов бронзовых пластинчатых налобников, входивших в состав конской упряжи. Мы остановимся на двух, которые не раз привлекали внимание исследователей. Первый тип (рис. 1) – налобники с круглой верхней частью и трапециевидной вытянутой нижней с прогнутыми сторонами, веерообразно расширяющейся книзу. Верхняя часть обычно имеет рельефную выпуклость, иногда с отверстием в центре, и украшена концентрическими окружностями. Налобники этого типа различаются степенью прогнутости боковых сторон и деталями оформления верхней части. Выделяются два варианта: с полукруглыми выступами, украшенными циркульным орнаментом, и без них. Второй тип (рис. 2, 1, 2) – налобники с симметричными веерообразно расширенными концами и прогнутыми сторонами. Они различаются по степени прогнутости и ширине, наличию или отсутствию орнамента. Налобники обоих типов предназначались для защиты коня в бою. Их средняя длина 34–37 см.

Впервые такие налобники были найдены в Закубанье во время грабительских раскопок Д.Г. Шульца [Отчет..., 1907, с. 129–130]. Причем в первой публикации эти предметы были правильно определены как «лошадиные налобники», возможно, потому что они

лежали на черепах лошадей. А.П. Манцевич усомнилась в атрибуции Д.Г. Шульца и попыталась доказать, что пластины являются украшениями щитов «фракийского» типа [1958, с. 462]. Опубликовав близкую по форме бронзовую пластину (налобник первого типа) из Вольно-Аульских курганов, В.Б. Виноградов интерпретировал ее как нагрудную деталь для усиления кожаного панциря, а пластину (налобник второго типа) из Ханкальского погр. 45 датировал IV в. до н.э. и связал с покрытием щита [1972, с. 128, 129, рис. 4, 5; 34, 4]. В.Ю. Мурzin и Е.В. Черненко доказали, что пластины из Никополя, Вольно-Аульских курганов и из коллекции Д.Г. Шульца являются конскими налобниками [1980, с. 158–163]. В дальнейшем этот вывод подтвердился обнаружением таких пластин на черепах лошадей.

Б.Б. Пиотровский налобники из коллекции Д.Г. Шульца связал с Келермесскими курганами [1955, с. 43]. Вслед за ним В.Ю. Мурzin и Е.В. Черненко также отнесли их к кругу келермесских древностей. Налобники из Никополя, как и из Вольно-Аульских курганов и коллекции Д.Г. Шульца, они датировали временем не позже VI в. до н.э. Авторы обосновали дату сходством никопольских налобников с таковыми из Кармир-Блура и Малого кургана в Мильской степи и более чем вероятной, по их мнению, связью пластин

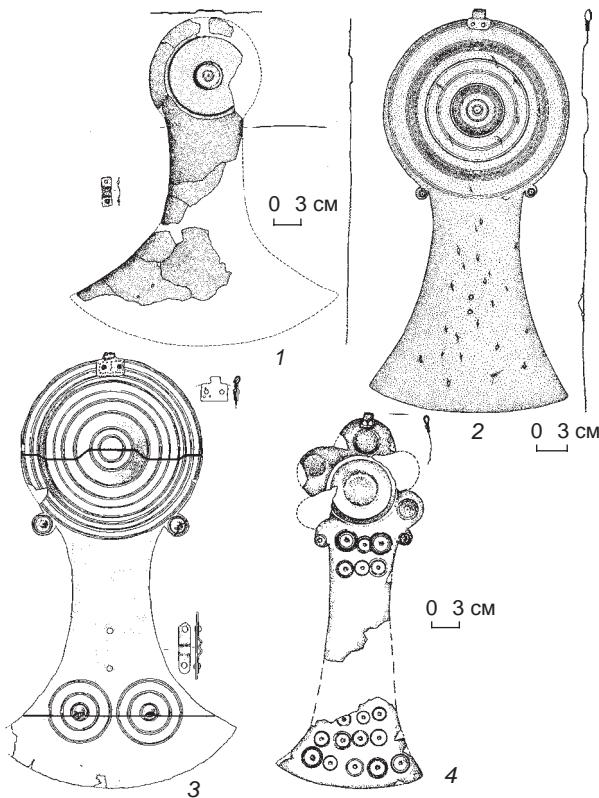

Рис. 1. Бронзовые пластинчатые налобники первого типа.
1 – могильник Черный Лес, разрушенное погребение; 2 – Кореновский курган, разрушенное погребение; 3 – Краснодарское водохранилище, случайная находка; 4 – могильник Новолабинского IV городища, погр. 50.

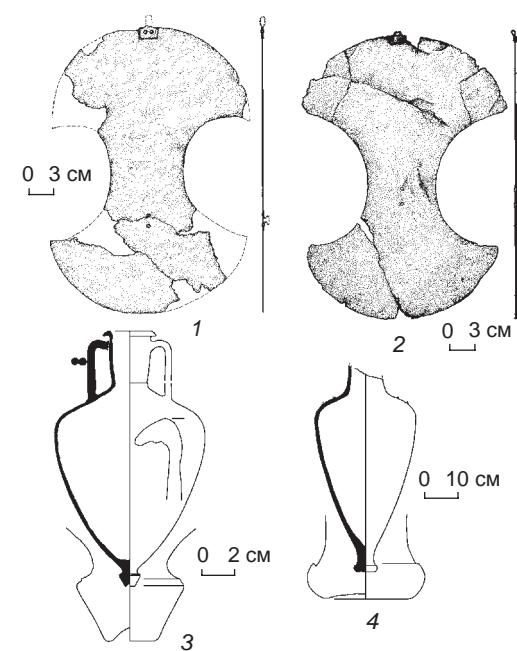

Рис. 2. Бронзовые пластинчатые налобники второго типа (1, 2) и амфоры (3, 4).
1, 3, 4 – могильник Старокорсунского городища № 2, погр. 238в;
2 – Прикубанский могильник, случайная находка.

из коллекции Д.Г. Шульца с Келермесскими курганами [Мурзин, Черненко, 1980, с. 163–164, примеч. 33]. Однако эту связь исследователи не смогли доказать. Более того, как ими отмечалось, налобники из Кармир-Блура и Малого кургана в Мильской степи не являются точными аналогами никопольских [Там же, с. 159]. Л.К. Галанина в работе, посвященной анализу конской упряжи из Келермесских курганов, поставила под сомнение келермесское происхождение пластин из коллекции Д.Г. Шульца [1983, с. 54, примеч. 35].

Найденные в 1988 г. в Прикубанье бронзовые налобники первого типа также заставили усомниться в их принадлежности к скифской арханке. И тогда по просьбе И.И. Марченко Л.К. Галанина уточнила место обнаружения налобников из коллекции Д.Г. Шульца. Оказалось, что они были найдены у станицы Царской (ныне Новосвободной) и с раннескифскими Келермесскими курганами не связаны. Тогда же И.И. Марченко предложил датировать все налобники первого типа второй половиной IV в. до н.э. [1988, с. 7; 1996, с. 77]. В своей монографии Л.К. Галанина, еще раз уточнив, что пластины из коллекции Д.Г. Шульца были найдены у станицы Новосвободной, исключила их из келермесских древностей и приняла эту дату [1997, с. 30]. Однако в томе «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время», вышедшем в свет в 1989 г., бронзовые налобники все еще чисились в составе находок из Келермесских курганов [Петренко, 1989, табл. 88, 5, 6]. Эта работа оказалась наиболее доступной для исследователей, которые не занимаются археологией Кубани. Так, в статье по хронологии памятников Южного Зауралья А.Д. Таиров отнес бронзовые налобники второго типа из Большого Климентовского кургана к стадии В (вторая половина VI – середина V в. до н.э.), придерживаясь их старой датировки [2004, с. 3, рис. 6, 54, 55].

Аналогичные материалы из могильника № 2 Татарского городища под Ставрополем исследователи комплекса «надежно» датировали по сопровождающему инвентарю IV – концом III/началом II в. до н.э. [Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Прокопенко, 2000, с. 42–44]. Основанием для этого послужили ручки родосских амфор, найденные в насыпи кургана. Одна из них, с клеймом фабриканта Аристарха, отнесена авторами к 220–180 гг. до н.э. [Там же, с. 46]. Если считать, что ручка амфоры дает «надежную» дату для комплекса с налобниками, то тогда и надо датировать их этим временем, исключив IV в. до н.э. Однако ручка происходит из насыпи кургана и может быть связана с тризной более позднего времени. Во всяком случае, все приведенные авторами аналоги удил, варворки и налобников относятся к IV в. до н.э.

Большинство налобников первого типа происходят с территории Северного Кавказа: Новосвободная (2 экз.), Пластуновская, Кореновск, Чернолесский могильник, Новониколаевский I, кург. 30 Начерзинского,

кург. 7 Говердовского, могильник у селища № 5 хут. Ленина (3 экз.), некрополь Старокорсунского городища № 2, случайная находка с Краснодарского водохранилища, могильник Новолабинского IV городища (8 экз.), Татарский могильник № 2 (3 экз.), Вольно-Аульский курган. Два пункта находятся на Украине: Никополь (2 экз.) и курган у с. Чистенькое (Крым). Налобников второго типа известно намного меньше: Новосвободная (2 экз.), Прикубанский могильник, могильник Старокорсунского городища № 2, Ханкальский могильник и Большой Климентовский курган в Южном Зауралье (2 экз.). Как видно, наибольшее количество налобников происходит с территории Прикубанья. К уже введенным в научный оборот находкам следует добавить еще не опубликованные или мало известные исследователям.

Налобник первого типа был найден в насыпи разрушенного в 1952 г. кургана на территории Кореновского сахарного завода № 2*. Еще один происходит из Новониколаевского I курганныго могильника (раскопки А.Н. Гея) [Каменецкий, 1989, табл. 99, 3]. Бронзовые налобники первого типа из погребений 65, 111, 240 грунтового могильника у селища № 5 хут. Ленина, обнаруженные на черепах лошадей (раскопки О.П. Кулаковой 1980–1981 гг.), принадлежат комплексам, которые были датированы по амфорам типов Солоха-1, Усть-Лабинский и др. второй половиной IV в. до н.э. [Аптекарев, 1982, с. 46]. В настоящее время амфоры с грибовидным венцом и кубаревидной ножкой отнесены к кнайдскому производству и датируются первой четвертью – серединой IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 101–104, табл. 71, 72]. К сожалению, коллекция предметов из могильника у селища № 5 не доступна исследователям, а большая ее часть утрачена. Подобный налобник находился на черепе лошади в разрушенном погребении могильника Черный Лес (см. рис. 1, 1). В комплексе имеются миска IV в. до н.э. и удила со строгими крестовидными насадками, концы которых загнуты в виде шипов (тип I по И.И. Марченко) [Марченко, 1996, с. 72, рис. 20а]. Новые материалы из меотских погребений (некрополь Старокорсунского городища № 2, Прикубанский могильник) позволяют уточнить время бытования удил этого типа. В Прикубанском могильнике они встречены с амфорами как первой четверти IV в. до н.э., так и конца IV – начала III в. до н.э., а в Старокорсунском самое позднее погр. 44в с такими удилами датируется по клейму на синопской амфоре началом III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005а, с. 223–224].

Восемь налобников первого типа известны также по материалам раскопок Г.Е. Беспалого на участке грунтового могильника IV Новолабинского городища [Раев, Беспалый, 2006, табл. 13, 2; 19, 2, 3; 24, 2,

3; 28, 10; 31, 3; 32, 5]. В погр. 10 вместе с налобником была найдена амфора [Там же, табл. 13, 3], не имеющая аналогов, но, по мнению С.Ю. Монахова (устное сообщение), ее можно отнести к началу III в. до н.э. Из погр. 50 происходят два налобника первого типа. Один из них обычный, другой отличается оформлением верхней части в виде пятилепестковой розетки и дополнительным орнаментом из гравированных кружков в нижней (см. рис. 1, 4) [Там же, табл. 28, 10; 31, 3]. Е.А. Беглова считает этот налобник финальным в развитии первого типа и датирует его началом III в. до н.э. [2008, с. 42]. В погребениях 10 и 50 вместе с налобниками находились также нащечники псевдоаттических шлемов с объемными изображениями, которые позволили Б.А. Раеву отнести данные комплексы к началу III в. до н.э. [2007, с. 379–381].

Во всех (за исключением одного) комплексах Новолабинского могильника были встречены удила со строгими крестовидными насадками, концы которых раскованы в лопасти с шипами (рис. 3, 3, 5). Раньше, в связи с малым их количеством, удила с такими насадками рассматривались И.И. Марченко как разновидность типа I, хотя и отмечалось, что они появились позже насадок с загнутыми в виде шипов концами [1996, с. 72]. Теперь, когда их число увеличилось, удила с насадками, концы которых раскованы в лопасти с шипами, можно выделить в отдельный вариант типа I. К тому же появились и более надежные хронологические индикаторы. Так, в погр. 239в могильника Старокорсунского городища № 2 вместе с такими удилами были встречены две амфоры круга Коса конца IV – начала III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2007, с. 72] (см. рис. 2, 3, 4), а амфоры Книда и Коса из погр. 103 Прикубанского могильника датируются четвертой четвертью IV в. до н.э. Поэтому на данный момент наиболее обоснованной датой для рассматриваемых удил можно считать четвертую четверть IV – начало III в. до н.э. В погр. 50 Новолабинского могильника найдены удила как с такими насадками, так и с шипами на крестовидных псалиях (тип II, вариант 1а по И.И. Марченко), ранее датировавшихся первыми тремя четвертями III в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 72–73] (рис. 4, 1). Сейчас можно расширить рамки бытования псалиев данного типа* до первой четверти или даже до первой половины II в. до н.э. на основании их наличия в погр. 140 могильника Тенгинского-1 (рис. 4, 2) [Беглова, 2002, с. 159, рис. 1, 2, 6; 2004, с. 104, рис. 9, 4–6], которое датируется этим временем по импортной посуде [Беглова, 2004, с. 95–97].

Е.А. Беглова предложила, на наш взгляд, вполне обоснованную относительную хронологию бронзовых нагрудников, проанализировав их орнаментацию. Но ее

*В настоящее время хранится в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике без инвентарного номера.

*Е.А. Беглова неправильно определила тип псалиев (I вместо типа II варианта 1а по И.И. Марченко) и, соответственно, их дату [2004, с. 98].

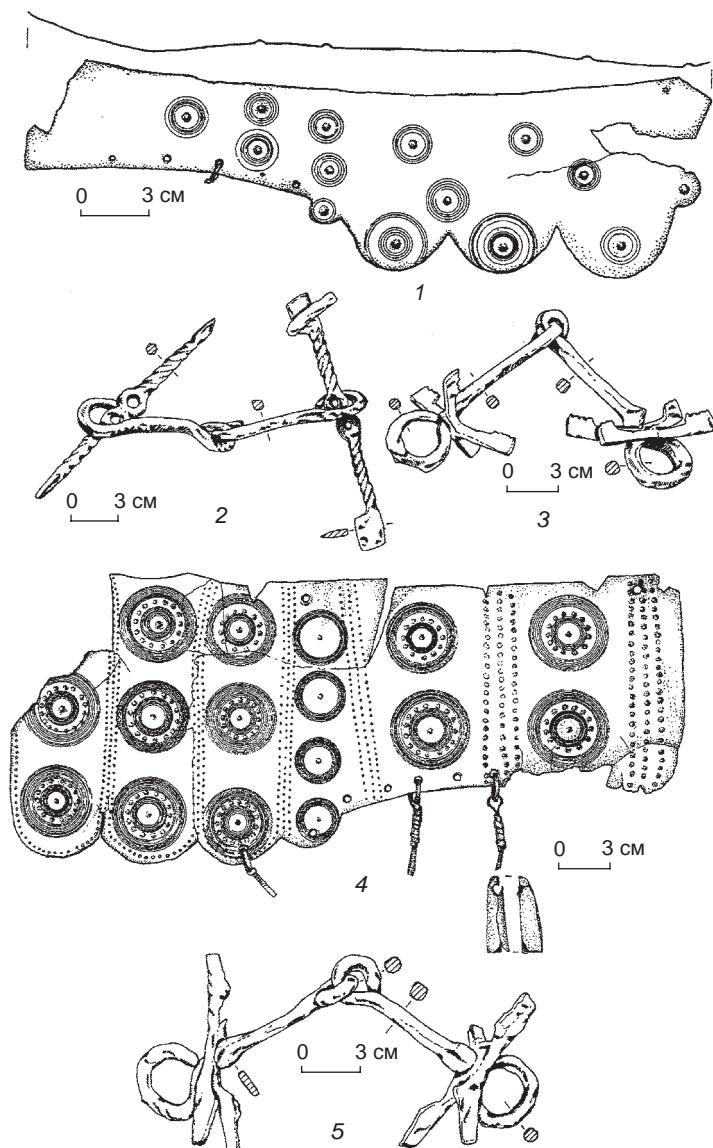

Рис. 3. Бронзовые пластинчатые нагрудники (1, 4) и железные удила (2, 3, 5) из могильника Новолабинского IV городища.
1–3 – погр. 10; 4, 5 – ситуация 3.

схема требует уточнений и корректировки. Исследовательница пишет, что «поверхность наиболее ранней из пластин (курган у г. Никополя) украшена рельефными концентрическими кругами, нагрудники из п. 10 Новолабинского могильника и могильника № 2 Татарского городища [Кудрявцев и др., 2000] орнаментированы только гравированными концентрическими кругами, на прочих экземплярах, более поздних (Новолабинский могильник, п. 50, ситуация 3, 4, склеп № 1 Васюриной Горы, Тенгинский грунтовый могильник, п. 140), гравированный циркульный орнамент сочетается с пуансонным» [Беглова, 2008, с. 42–43]. Однако никопольские пластины орнаментированы гравированными концентрическими кругами [Мурзин, Черненко, 1980, с. 155],

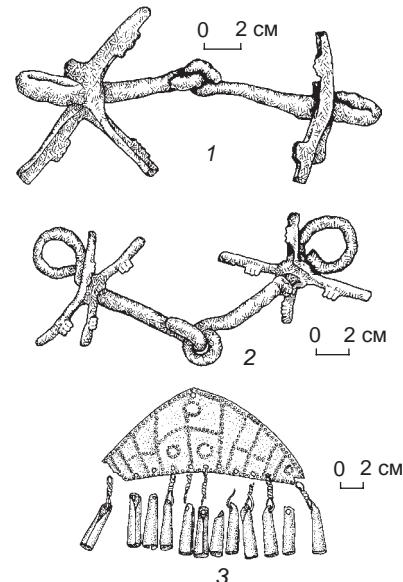

Рис. 4. Железные удила с крестовидными псалиями (1, 2) и бронзовый налобник (3).
1 – могильник Новолабинского IV городища, погр. 50; 2, 3 – Тенгинский могильник, погр. 140.

поэтому их не стоит выделять в особую группу*. Кроме того, к ранним относится нагрудник из погр. 21 Новолабинского могильника, а вот из поздней группы необходимо исключить погр. 50 этого могильника, т.к. в нем отсутствовал нагрудник. Ни в описании захоронения, ни на рисунках вещей нет никаких указаний на его наличие [Раев, Беспалый, 2006, с. 30–34].

Предложенная Е.А. Бегловой относительная хронология нагрудников подтверждается еще и взаимовстречаемостью с ними налобников и отдельных типов удил. С ранними нагрудниками (см. рис. 3, 1) найдены налобники первого типа и удила с насадками, концы которых раскованы в лопасти с шипами (см. рис. 3, 3), а с поздними (см. рис. 3, 4) – только удила с шипами на крестовидных псалиях (см. рис. 3, 5; 4, 1, 2), и ни разу не встречены налобники первого типа. В то же время в наборах конской сбруи из Тенгинского могильника присутствуют декоративные налобники другой формы (см. рис. 4, 3), генетически не связанные с теми, что служили для защиты коня.

Интерес представляет комплекс из насыпи кург. 2 у станицы Пластуновской (раскопки А.А. Нехаева в 1977 г.). В него входили бронзовый налобник первого типа (рис. 5, 1); шесть пар железных удил, три из которых имели строгие крестовидные насадки типа 1 (рис. 5, 10–15); две пары железных и одна бронзовых

*Е.А. Беглова ввела в заблуждение фотографии не очень хорошего качества в статье В.Ю. Мурзина и Е.В. Черненко.

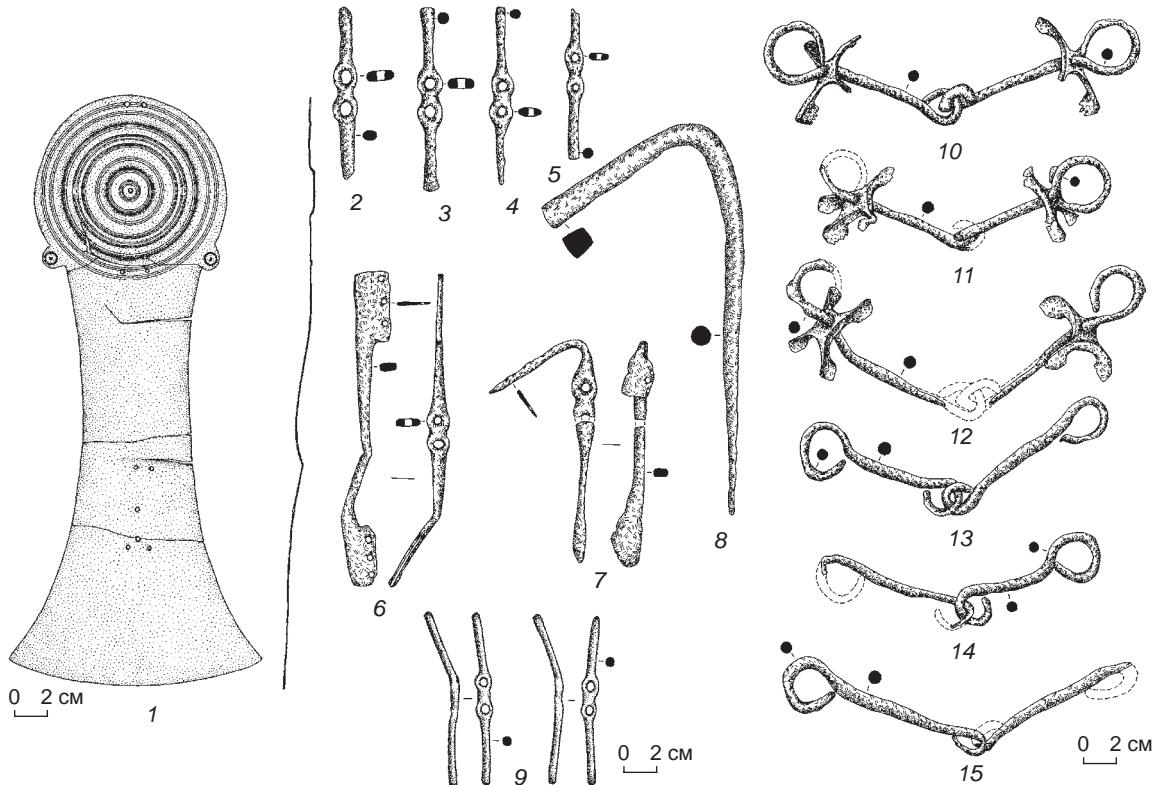

Рис. 5. Предметы из Пластуновского кургана.

1 – бронзовый пластинчатый налобник первого типа; 2–5 – железные стержневидные псалии; 6, 7 – железные псалии с раскованными концами; 8 – железный штырь; 9 – бронзовые стержневидные псалии; 10–12 – железные удила с крестовидными насадками; 13–15 – железные удила.

стержневидных псалиев с восьмеркообразным расширением (рис. 5, 2–5, 9). Особо нужно отметить пару железных псалиев с раскованными в лопасти концами, в которых сделано по три отверстия для подвешивания каких-то украшений (рис. 5, 6, 7). В погр. 10 Новолабинского IV могильника однотипные псалии, но с крученым стержнем, также сочетаются с удилами с крестовидными насадками типа 1 (см. рис. 3, 2, 3). Комплекс из кург. 2 у станицы Пластуновской был датирован второй половиной IV в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 77]. Сейчас, учитывая уточненную хронологию удил с насадками, концы которых раскованы в лопасти с шипами, эту дату можно скорректировать в рамках четвертой четверти IV – начала III в. до н.э.

Комплекс из Пластуновской важен не только для датировки налобников, но и для решения вопроса о времени появления т.н. вотивных кладов, или «странных» комплексов. Е.Ф. Редина и А.В. Симоненко, рассматривая такие комплексы конца II – I в. до н.э., отметили, что они не являются погребальным инвентарем. Кроме отсутствия останков человека, на это указывает, в частности, количество удил – от двух до шести пар [Редина, Симоненко, 2002, с. 85]. Комплекс из Пластуновской является самым ранним из всех известных «вотивных кладов». Вероятно, именно здесь, в Прикубанье, в си-

ракской среде зародился этот обряд, а впоследствии, в связи с рейдами сарматских племен, распространился в Северо-Западном Причерноморье.

Из семи налобников второго типа только один – из погр. 238в могильника Старокорсунского городища № 2 – встречен с хорошо датированными вещами. Здесь найдены косская (?) амфора и средиземноморская амфора неустановленного центра производства (см. рис. 2, 3, 4), которые позволяют датировать погребение концом IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2007, с. 71, рис. 11, 3, 4; 14, 1]. Налобник из Прикубанского могильника, несмотря на то что он найден вне комплекса, можно отнести к IV – началу III в. до н.э., т.к. время существования некрополя, определенное по более чем 300 амфорам различных типов, охватывает именно этот период*, хотя амфоры конца IV – начала III в. до н.э. из исследованных погребений составляют минимальный процент от тех, которые датируются разными четвертями IV столетия.

*Раньше время функционирования Прикубанского могильника определялось нами в пределах IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005б, с. 166], однако последние исследования С.Ю. Монахова по уточнению времени бытования ряда амфор из этого памятника позволили расширить его хронологические рамки до начала III в. до н.э.

Таким образом, основная часть налобников происходит с территории Северного Кавказа, причем главным образом из Прикубанья, где они найдены в 13 памятниках*. За пределами этой территории они встречены только на шести археологических объектах. Такая концентрация налобников в Прикубанье дает основание предположить их местное, т.е. меотское, происхождение. Следует также отметить, что наибольшее количество пластинчатых налобников и все известные на сегодняшний день пластинчатые налобники были найдены в Закубанье, как и все удила с шипами на крестовидных псалиях. Возможно, это связано с функционированием здесь локального центра по производству конской сбруи.

Список литературы

Аптекарев А.З. К вопросу о центрах импорта керамической тары на Среднем Прикубанье во второй половине IV – III в. до н.э. // XII Крупновские чтения. – М.: Наука, 1982. – С. 46–47.

Беглова Е.А. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. – М.: Гос. музей Востока, 2002. – Вып. 3. – С. 157–168.

Беглова Е.А. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // OPUS: Междисциплинарные исследования по археологии. – М.: Ин-т археологии РАН, 2004. – Вып. 3. – С. 88–107.

Беглова Е.А. Парадный конский набор IV–II вв. до н.э. из Предкавказья и Украины // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). – Владикавказ: Изд-во Сев.-Осетин. ин-та гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказ. науч. центра РАН, 2008. – С. 41–45.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.): Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. – 389 с.

Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы по материалам Келермесских курганов // АСГЭ. – 1983. – № 24. – С. 32–55.

Галанина Л.К. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. – М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 1997. – 269 с.

Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 224–251. – (Археология СССР).

Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Прокопенко Ю.А. Комплекс предметов конского убора позднескифского вре-

*Два налобника первого и второго типов, которые, вероятно, происходят из Прикубанья, были выставлены для продажи на сайте: www.ancienttouch.com

мени из могильника Татарского городища города Ставрополя // Донская археология. – 2000. – № 2. – С. 40–47.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2005а. – Вып. 5. – С. 219–324.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвертая кубанская археологическая конференция. – Краснодар: Символика, 2005б. – С. 162–167.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 70–150.

Манщевич А.П. Бронзовые пластины из Прикубанья // Исследования в честь на академ. Д. Дечев. – София: Наука, 1958. – С. 459–468.

Марченко И.И. Сарматы степей правобережья нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э.–III в. н.э. (по материалам курганных погребений): Автoreф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1988. – 19 с.

Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений нижней Кубани). – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1996. – 336 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. – М.: Саратов: Киммерида: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2003. – 352 с.

Мурzin В.Ю., Черненко Е.В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. – Киев: Наук. думка, 1980. – С. 155–167.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 г. – СПб.: [Тип. Главн. упр-ния уделов], 1907. – 185 с.

Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 216–223. – (Археология СССР).

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур: Результаты раскопок 1951–1953 гг. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1955. – Т. 3. – 74 с.

Раев Б.А. Вторичное использование элементов античного доспеха варварами Прикубанья // ANTIQVITAS AETERNA: Поволжский антиковедческий журнал. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2007. – С. 375–389.

Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. – Ростов н/Д: Изд-во Южн. науч. центра РАН, 2006. – 109 с.

Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца II–I в. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2002. – Вып. 2. – С. 78–96.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: Проблемы хронологии: Докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар: [Б.и.], 2004. – С. 3–21.

УДК 903'1

О.Н. Корочкива

ПАХОМОВСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ*

Пахомовская культура, распространенная в пределах лесостепного Тоболо-Иртышья, входит в массив культур андронойдной общности, сложившихся на северной окраине андроновского мира в результате взаимодействия местного и пришло-го андроновского населения. На западе ее территории была ограничена ареалом черкаскульских комплексов, на юге – ранних алексеевско-саргаринских, на востоке – памятников ордынского типа и новочекинского варианта сузгунской культуры. Культурное своеобразие передают специфические черты в орнаментике посуды, оригинальные типы вещей, особенности погребальной обрядности и устройства поселений. Хозяйство реконструируется как многоотраслевое, сочетавшее элементы присваивающей и производящей экономик. Есть основания считать, что носители пахомовской культуры, наряду с другими, явились проводниками производящих форм хозяйства в таежный мир; именно с ними здесь появились лексические заимствования из индоевропейского словаря. Время существования культуры с учетом характера ее основных связей (черкаскульская и ранняя фаза алексеевско-саргаринской культуры) определяется в рамках XIV–XIII вв. до н.э.

Ключевые слова: бронзовый век, Западная Сибирь, пахомовская культура, андронойдная общность.

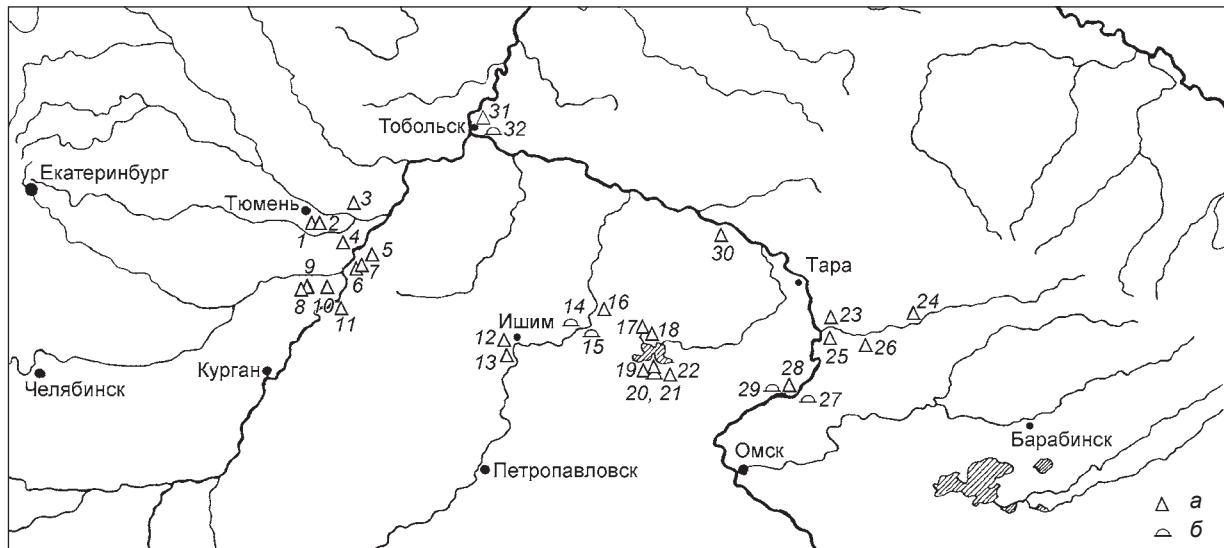
Введение

Пахомовская археологическая культура выделена в конце 1980-х гг. на основе материалов, полученных экспедициями Уральского университета (Екатеринбург) при раскопках поселений и могильников позднего бронзового века в Тоболо-Иртышском междуречье [Корочкива, 1987; Корочкива, Стефанов, Стефанова, 1991; Евдокимов, Корочкива, 1991]. Обособление этих материалов в массиве тоболо-ишимско-иртышских древностей было вполне прогнозируемо. К тому времени уже были выделены черкаскульская культура в лесостепном Зауралье, еловская в лесостепном Приобье, сузгунская в южно-таежном Тоболо-Иртышье, которые исследователи объединяли в рамках андронойдной общности. Памятники андронойдного облика в Среднем Приишимье и Прииртышье (поселения Пахомовская Пристань I, Инберень IV, могильники Абатский, Лихачевский) открыли несколько позже и первое время, в силу их немногочисленности и ярко

выраженного андроновского колорита, воспринимали как андроновские комплексы поздней стадии развития [Генинг и др., 1970; Корякова, Стефанов, 1981].

Ситуация изменилась в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда наряду с Уральским университетом в работу включились вновь открытые археологические центры Омска и Тюмени. В лесостепном Тоболо-Иртышье развернулись масштабные изыскания, которые существенно изменили состояние источниковой базы и, соответственно, представление о характере и динамике культурогенеза в эпоху поздней бронзы. В Заводоуковском и Упоровском районах екатеринбургские археологи исследовали многослойные поселения Ново-Шадрино VII, Ук III и VI, стратифицированные материалы которых дали основание для выделения промежуточного пласта между комплексами андроновской общности и бархатовскими межовско-ирменского горизонта. На ряде поселений была надежно зафиксирована синхронность притобольских андронойдных и черкаскульских артефактов, обнаруженных в одном археологическом контексте. Своебразие притобольских андронойдных керамических материалов на фоне давно известных и, в общем, легко распознаваемых черкаскульских и сузгунских

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 06-01-00037а «Бронзовый век Урала и Западной Сибири: преемственность, новации, взаимодействия».

Rис. 1. Расположение памятников пахомовской (1–29) и сузгунской (30–32) культур.

1 – Мысовские стоянки; 2 – стоянки на Андреевском озере; 3 – Борки; 4 – Черемуховый Куст; 5 – Имбиряй; 6 – Ук III; 7 – Ук VI; 8 – Ботники; 9 – Ольховка; 10 – Щетково; 11 – Ново-Шадрино VII; 12 – Пахомовская Пристань I; 13 – Клепиково; 14 – Лихачевский могильник; 15 – Абатский; 16 – Ир II; 17, 18 – Усть-Логатка; 19 – Крутинка II; 20 – Усть-Китерьяма IV; 21 – Усть-Китерьяма V; 22 – Калугино; 23 – Прорва; 24 – Новочекино III; 25 – Алексеевка XXI; 26 – Юрты; 27 – Батаково XXI; 28 – Инберень IV; 29 – Черноозерье II; 30 – Чудская Гора; 31 – Сузун II; 32 – Потчеваш.

a – поселение; *b* – могильник.

явилось существенным аргументом в пользу выделения новой археологической культуры андронойдной общности – пахомовской [Корочкива, 1987; Корочкива, Стефанов, Стефанова, 1991]. Поселение Пахомовская Пристань I было раскопано в 1960-х гг. на Ишиме [Евдокимов, Корочкива, 1991] (рис. 1). Его срединное положение на карте Тоболо-Иртышского междуречья, характерный облик керамики, однослойность вполне соответствовали статусу эталонного памятника.

Общая характеристика культуры

Керамика. Она определяет специфику археологических комплексов пахомовской культуры и представлена довольно крупными коллекциями поселенческой и небольшими сериями погребальной посуды. В большинстве своем это плоскодонные сосуды горшечной или горшечно-баночной формы с невысокой шейкой, плавно переходящей в слегка раздутое тулово. В поселенческих наборах встречаются вытянутые по вертикали экземпляры с маленьким дном и широким устьем, но их немного; единичны округлодонные и узкогорлые емкости (рис. 2, 8, 37), сосуды с поддонами (рис. 3, 34). Как правило, орнамент покрывает только верхнюю треть сосудов и располагается по основным ярусам (шейка, переходная зона от шейки к тулову, плечики), иногда украшена придонная часть. Керамика из погребений покрыта орнаментом сплошь (см. рис. 2, 33, 34; 3, 34, 36–39) и производит впечатление более нарядной;

на ней заметно акцентированы андроновские элементы – ленточные зигзаги, меандры, треугольники. Деление на «нарядную» (украшенную сложными геометрическими узорами) и «ненарядную» (покрытую простым монотонным орнаментом), столь характерное для андроновской посуды предшествующего времени [Стефанов, Корочкива, 2000, с. 56], в пахомовских комплексах сохраняется, но несколько меняется соотношение этих групп: сосудов, в декоре которых доминируют геометрические элементы андроновского стиля, становится как будто больше. Основу монотонного орнамента составляют бордюры из разнонаклонных отпечатков гладкого, реже гребенчатого штампа, горизонтальной елочки (см. рис. 2). Иногда такие бордюры разделены рядами маленьких круглых ямок или вдавлений. Свообразие пахомовской керамике придают узоры на основе косой сетки из ленточных меандровидных и геометрических фигур (треугольников разной конфигурации, ромбов), именно они сближают ее с федоровской. Треугольники обычно обрамлены «бахромой» (см. рис. 3, 1, 2, 5, 7, 8, 14, 34) – деталь, которая в федоровском декоре является свидетельством позднего происхождения изделия, а в пахомовском становится типичной. Эти керамические комплексы сближает также сходный прием оформления переходной от шейки к тулову зоны каннелированием (см. рис. 2, 7, 14). Разница заключается в том, что на пахомовской посуде узкие и широкие желобки нередко «заполнены» частыми прямыми или наклонными отпечатками гребенчатого либо гладкого штампа (см. рис. 3, 1–4, 13, 14, 17, 28). Отметим этот элемент

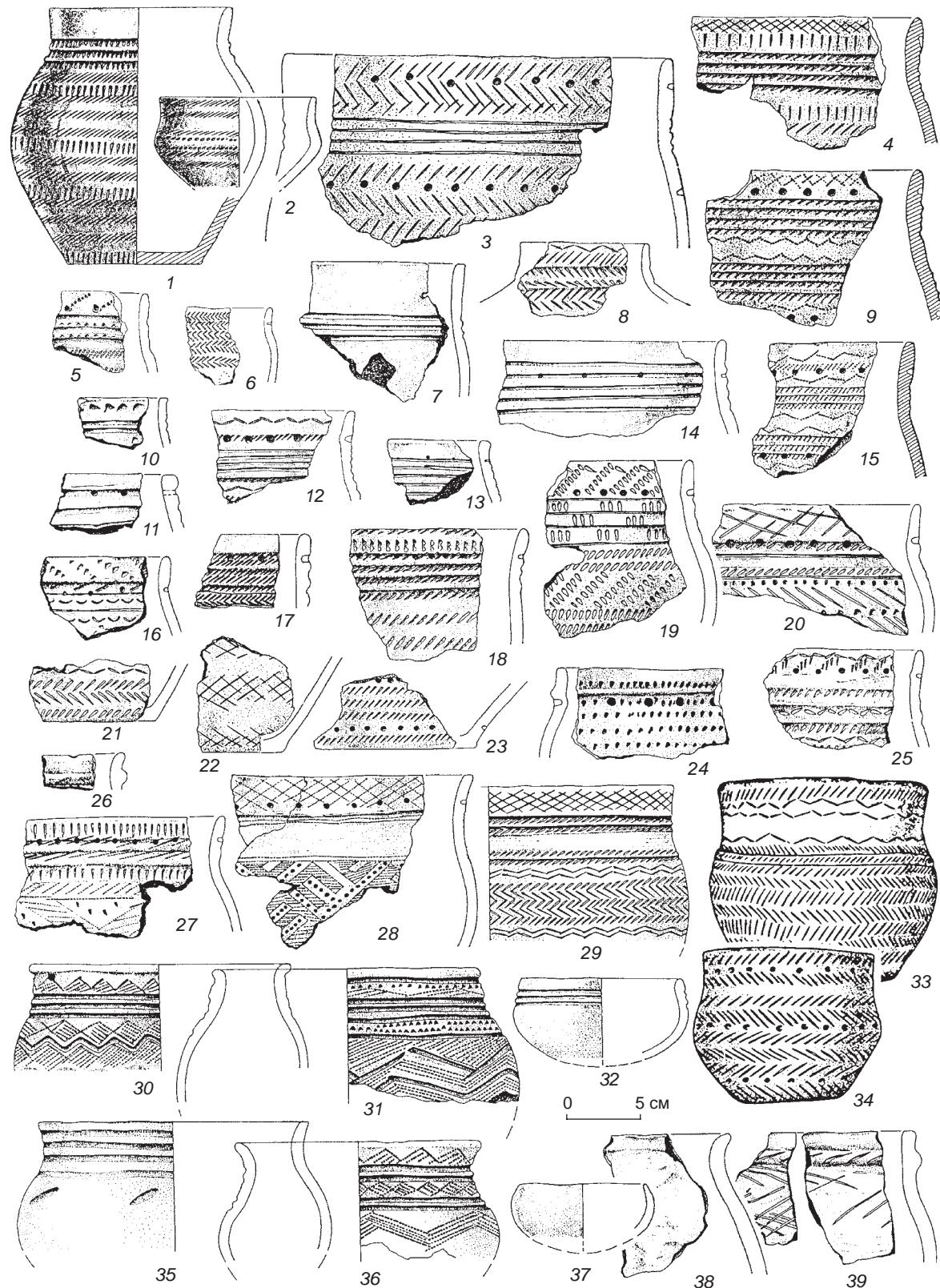

Рис. 2. Керамика с памятников пахомовской культуры.

Пахомовская: 1–4, 9, 15 – Инберень IV; 5–8, 10–12, 13, 16, 18–26, 32, 37 – Пахомовская Пристань I; 14, 17, 27–29 – Ново-Шадрино VII; 33, 34 – Черноозерье I; инокультурная: 30, 31, 35, 36 – черкаскульская, Ново-Шадрино VII; 38, 39 – алексеевско-сарганинская, Ир II.

Рис. 3. Пахомовская керамика.

1–9, 11 – Инберен IV; 10, 19, 26–32, 35 – Ново-Шадрино VII; 12, 15, 22, 23 – Ир II; 13, 14, 16–18, 20, 21, 24, 25 – Пахомовская Пристань I; 33, 34, 36, 37 – Черноозерье II; 38–40 – Лихачевский могильник.

как один из индикаторов пахомовской орнаментики. Нередко широкими желобками образованы формованные валики (см. рис. 2, 17, 25, 27). В ряде случаев переходная от шейки к тулову зона оформлена в виде неорнаментированной полосы (см. рис. 2, 28, 29, 33; 3, 29), что находит принципиальное соответствие в алакульской декоративной схеме, но особенно характерно для т.н. смешанных алакульско-федоровских комплексов. Специфическими элементами являются «решетка» (см. рис. 2, 4, 9, 20, 22, 28, 29), вдавления углом штампа (см. рис. 3, 13, 17, 35), диагональные «лесенки», выполненные в виде отрезков лент (см. рис. 3, 7, 37) или поясков вдавлений (см. рис. 2, 5, 16, 19, 25). Особый колорит пахомовской керамике придают маленькие круглые ямки; ими подчеркнуты контуры меандра и нижняя линия шейки

(см. рис. 2, 19, 24, 28; 3, 19, 21, 30, 31), из них составлены разделительные пояски монотонного елочного орнамента. Нечастыми, но чрезвычайно выразительными и показательными являются бордюры из «скобок» (см. рис. 2, 16; 3, 19). Фигурные «скобки», ямки гораздо более характерны для сузунских комплексов [Мошинская, 1957, с. 120–125; Лесное Тоболо-Иртышье..., 1995, табл. III]; на пахомовской посуде их заметно меньше, но именно они свидетельствуют об участии таежного компонента в сложении этой культуры.

Вещевой набор. Он включает преимущественно изделия из кости, глины; каменных артефактов совсем немного. Среди костяных предметов – наконечники стрел с черешком и без, проколки, шилья, шпатели, концевые вкладыши для лука (рис. 4, 1–4, 15–20, 27).

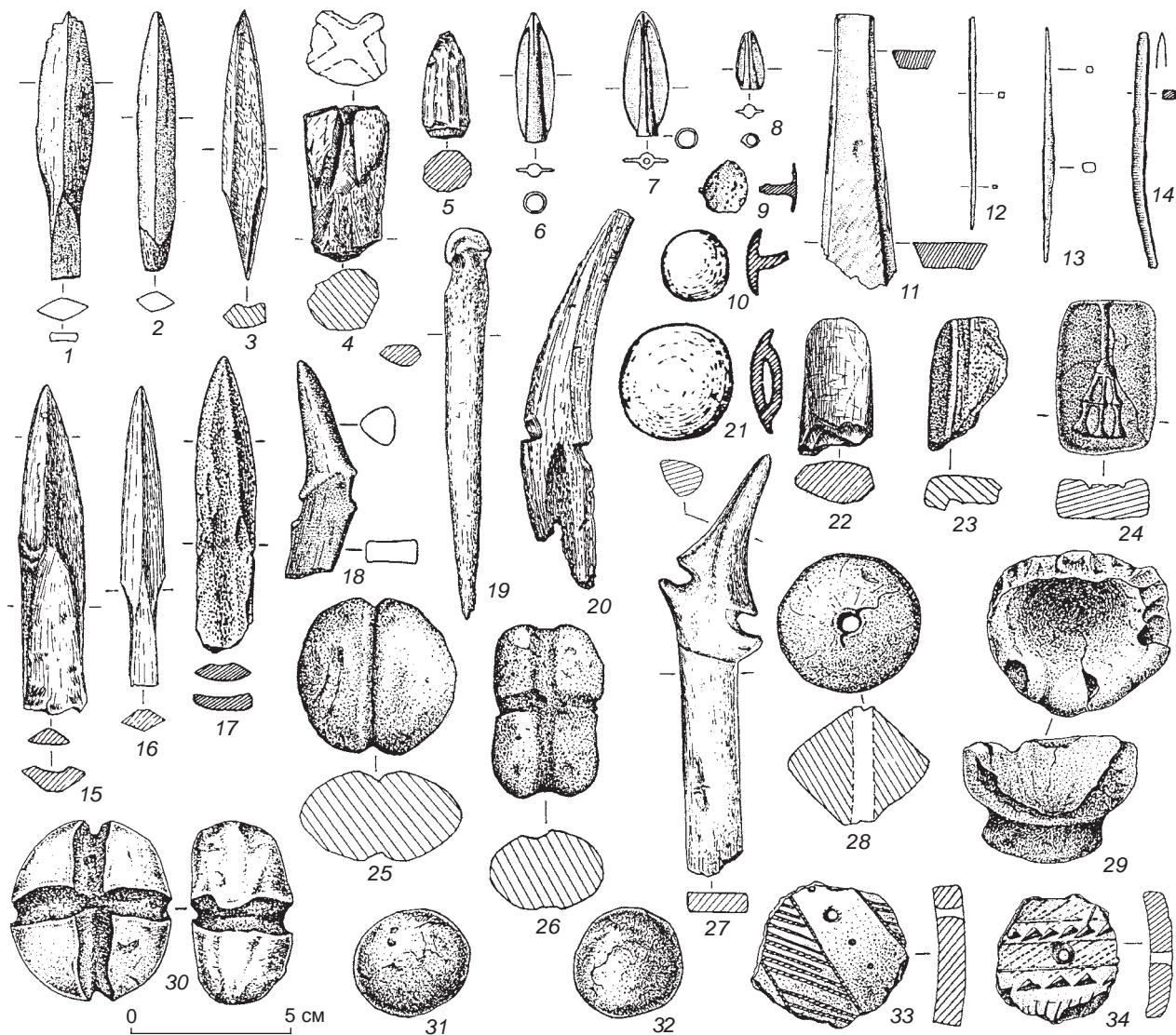

Рис. 4. Инвентарь пахомовской культуры.

1, 2, 13, 17–19, 23, 33 – Пахомовская Пристань I; 3–5, 15, 16, 20, 22, 25–32, 34 – Ново-Шадрино VII; 6–8, 11, 12 – Ир II; 9, 14, 24 – Инберерь IV; 10, 21 – Черноозерье II.
1–5, 15–20, 22, 27 – кость; 6–14, 21 – бронза; 23–26, 28–34 – глина.

Много глиняных грузил, типичных еще для андроновского времени, – овально или округло-уплощенных с одним или двумя перекрещивающимися желобками (рис. 4, 25, 26, 30). Сугубо пахомовским атрибутом являются биконические грузила с отверстием в центре (рис. 4, 28). Среди глиняных предметов отметим шарики диаметром 4–5 см (рис. 4, 31, 32), которых в слоях поселения Ново-Шадрино VII найдено ок. 20. Характерной находкой являются массивные глиняные диски-«лепешки». Предметов, свидетельствующих о бронзолитейном производстве, немного: обломки ошлакованной керамики и тиглей, бронзовые шильцы, выпукло-вогнутые бляшки со штырьком, бляшка с петелькой и форма для отливки ажурного украшения, втульчатые двухлопастные наконечники стрел (рис. 4, 6–14, 21, 24, 29).

Жилища. Их остатки раскопаны на поселениях Ново-Шадрино VII и Ук III в Притоболье, Пахомовская Пристань I в Приишимье, Инберень IV, Алексеевка XXI в Прииртышье. Сведениями о количестве строений на территории одного поселка мы не располагаем, т.к. полностью исследованных поселений нет. Мало о чем говорит и число фиксируемых на поверхности впадин, поскольку их бесспорная пахомовская принадлежность не установлена и, кроме того, некоторые сооружения в рельфе не прослеживаются. Есть также основания предполагать наличие на территории поселков заброшенных построек, о чем свидетельствуют мощные зольники в их котлованах. Судя по планиграфии впадин и вскрытым в раскопах объектам, жилища располагались довольно близко друг к другу, на расстоянии 6–10 м. Постройки имели квадратные или прямоугольные котлованы площадью 80–100 м², углубленные в материковую почву на 0,2–0,6 м. На Пахомовской Пристани I из трех раскопанных жилищ два имели короткие коридорообразные выходы, обращенные к реке, а одно – длинный с довольно просторным тамбуром 3×3 м. Внутри располагались от 2 до 6–11 очагов. Судя по большому количеству ям от столбов, постройки имели каркасно-столцовую конструкцию. Хозяйственные сооружения (ямы, колодцы) жители предпочитали выносить за пределы жилых объектов.

Зольники. Они являются примечательной особенностью поселений пахомовской культуры. На Пахомовской Пристани I это небольшие кучи золы, которые сохранились около очага в жилище 3. На поселении Ново-Шадрино VII зольники имели вид мощных платформ площадью до 30 м², толщиной 0,2–0,6 м, насыпанных в одном случае в котловане заброшенного жилища, в другом – на древней поверхности в понижении между двумя постройками. Толща золы вмещала большое количество костей животных, керамики, изделий из глины и кости, комков обожженной глины. В зольнике между двумя жилищами обнару-

жены разрозненные скелетные остатки 14 чел. Части скелетов детей, взрослых мужчин и женщин покончились на слое золы светло-серого цвета и были засыпаны толстым слоем белой золы. Человеческие останки найдены в жилище 1 Пахомовской Пристани I: фрагменты одного черепа лежали на дне ямы 1 у северо-западной стены котлована, еще один череп и кости – около южной стенки. Захоронения людей обнаружены на поселениях Усть-Китерьма IV, Алексеевка XXI [Полеводов, Труфанов, 1997; Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997]. Все отмеченные случаи уникальны и требуют индивидуального анализа. Однако их очевидная повторяемость, при всем разнообразии археологических контекстов, заставляет считать захоронения на поселениях одним из характерных проявлений пахомовской культуры.

Погребальная обрядность. Помимо упомянутых выше «поселенческих» захоронений, ее отражают также немногочисленные и большей частью разрушенные погребения, обнаруженные при раскопках курганов раннего железного века Нечунаевского (одно погребение) на Тоболе, Лихачевского (две могилы) на Ишиме и единственного собственно пахомовского могильника Черноозерье II на Иртыше (четыре погребения и две могильные ямы). Погребальные камеры устраивались или в довольно глубоких ямах (0,5–0,7 м в материке), иногда с заплечиками [Генинг, Стефанов, 1991, рис. 1], или в мелких углублениях в темноокрашенном почвенном горизонте. Трудно сказать что-либо конкретное о характере надмогильных конструкций, но определенно это не были крупные по объему насыпи. Остальные известные в лесостепной полосе погребения – на поселениях Алексеевка XXI, Усть-Китерьма IV, могильниках Усть-Китерьма V и Батаково XXI – атрибутируются как сузунские [Полеводов, 2003, с. 9]. Забегая немного вперед, отметим, что в данном случае это большой роли не играет, т.к. безусловно родственные и тесно связанные пахомовская и сузунская культуры демонстрируют близкую систему погребальной обрядности. Особенностью упомянутых погребальных комплексов является вторичный характер захоронений. На поселении Усть-Китерьма IV обнаружены одиночное погребение ребенка (в скорченном положении на боку со слегка подогнутыми ногами) и коллективное захоронение, по крайней мере, 10 чел. Их останки представлены неполными костяками: верхняя часть посткраниального скелета кремирована почти полностью, нижняя – в меньшей степени. Костяки лежали в два ряда, черепами на север и северо-запад. В кург. 2 могильника Усть-Китерьма V обнаружены останки, как минимум, 37 чел. Частично кремированные или обожженные костяки, представленные преимущественно фрагментами черепа и костей конечностей, располагались двумя компактными группами. При захоронении костям пыта-

лись придать подобие анатомического порядка; черепа ориентированы на северо-восток. По вторичному обряду совершено захоронение в кургане могильника Батаково XXI [Погодин, Полеводов, Плещков, 1997] в Прииртышье: череп и кости конечностей погребены в камере на уровне древней поверхности.

К сожалению, сведения об известных погребальных комплексах в литературе предельно скучны, информации для возможных реконструкций недостаточно. Однако вряд ли мы ошибемся, предположив, что погребальная практика населения андронойдной общности тоболо-иртышской лесостепи предусматривала разнообразные сложные церемонии предпохоронного, похоронного и послепохоронного циклов. Одной из ее ярких особенностей являлся существовавший обычай выставления (экскарнации) и последующих вторичных парциальных захоронений в специальных склепах или индивидуальных могилах. Обнаруженные на поселениях останки людей можно рассматривать как свидетельство нетипичного обращения с умершими и как варианты временных или постоянных погребений. Практика вторичных захоронений в лесостепной полосе Западной Сибири имеет глубокие корни. На могильнике усть-таргасской культуры Сопка-2/3, За такие погребения составляют 84,2 % [Молодин, 2001, с. 108]. Вторичные погребения зафиксированы в некрополях сейминско-турбинского типа: Ростовка [Матющенко, Синицына, 1988, с. 64–65], Сопка-2 [Молодин, 1985, с. 80–81], Староалейка-2, Цыганкова Сопка-2 [Кирюшин, 1987], Телеутский Взвоз [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 69–72].

Специально отметим минимализм погребального инвентаря. В усть-китерьминском склепе с 37 погребенными было всего два горшка. Из четырех погребений Черноозерья II только в одном находились три сосуда, в остальных – по одному. В двух черноозерских могилах найдены бронзовые бляшки.

Учитывая мощный андроновский компонент в составе пахомовской культуры, логично было бы ожидать его проявления в обрядовой практике. Но из всех зафиксированных ее особенностей, пожалуй, только скорченное положение на боку вызывает андроновские ассоциации. Однако и такие погребения представляют собой вторичные захоронения. По-видимому, приоритетными для носителей пахомовской культуры стали местные традиции погребальной практики. В этом смысле пахомовская культура существенно отличается от соседней черкаскульской, которая почти в полном объеме наследует федоровскую погребальную обрядность.

Хозяйство. Оно реконструируется как многоотраслевое, сочетающее элементы присваивающей и производящей экономик [Косарев, 1984, с. 115]. Судя по остеологическим остаткам и многочисленным орудиям охотничьего и рыболовного промысла

на поселении Ново-Шадрино VII, значительное место в хозяйстве отводилось охоте и рыболовству. Доля костей диких животных составила 22,6 % от общего количества костных остатков. Среди охотничьих трофеев преобладали лось (44,5 %), косуля (29,3 %), кабан (18,4 %). Охотились также на лисиц, медведей, зайцев, росомах, бобров, птиц. В стаде домашних животных преобладали лошади (42,7 %) и крупный рогатый скот (36,8 %); по сравнению с андроновским периодом значительно снизилась доля мелкого рогатого скота (20,5 %). Увеличение роли лошади является следствием приспособления придомового скотоводства к особенностям климата подтаежной зоны и отражает общую тенденцию этого времени. Мелкий рогатый скот в данных ландшафтно-климатических условиях теряет свое экономическое преимущество. К сожалению, в нашем распоряжении крайне мало остеологических определений для других памятников пахомовской культуры, но допускаем, что состав стада домашних животных мог варьировать. Точно так же иным могло быть соотношение охоты и скотоводства в хозяйстве населения различных районов. Об этом свидетельствуют данные поселения Пахомовская Пристань I [Смирнов, 1975, с. 37–38], в материалах которого кости диких животных отсутствуют. Примеры возросшей роли охоты и рыболовства в хозяйстве носителей пахомовской культуры вполне согласуются с предполагаемым участием в сложении этой культуры таежного компонента.

Территория, генезис, связи и время культуры.

Основные пахомовские памятники расположены в пределах северной лесостепи Тоболо-Иртышья (см. рис. 1). На западе территории распространения культуры, скорее всего, была ограничена ареалом черкаскульских комплексов, на юге – ранних алексеевско-саргаринских. Сложно сказать, насколько далеко она простиралась на восток. Допускаем, что за Иртышом в составе близких пахомовским андронойдных образований, к которым, по-видимому, можно относить памятники ордынского типа [Матвеев, 1993, с. 90–101] и новочекинского варианта сузгунской культуры [Молодин, 1985, с. 143–155], возникали иные культурные конфигурации. Понимание специфики этого региона во многом зависит от современной оценки еловской культуры. Мы склонны рассматривать ее в ряду лесостепных, а не таежных образований. После публикации материалов Старого Сада [Молодин, Нескоров, 1992], доирменских комплексов могильника Еловский II [Матющенко, 2004], выделения памятников ордынского типа в лесостепном Приобье [Матвеев, 1993, с. 93–112] и корчажкинской культуры в Алтайском Приобье [Кирюшин, 1986] складывается впечатление о более протяженном восточном шлейфе лесостепных андронойдных культур. При всем сходстве механизмов сложения они являли собственный вариант пост-

андроновской линии развития, который во многом зависел от характера аборигенной культуры, региональных особенностей «андроновской колонизации», состава миграционных групп андроновцев.

Довольно сложным, как это ни покажется странным, представляется вопрос о северных соседях носителей пахомовской культуры. Вслед за М.Ф. Косаревым [1981, с. 84–86] и многими другими коллегами мы предполагаем, что речь должна идти о каком-то образовании общности культур с гребенчато-ямочной керамикой, однако какой именно культуры, пока не установлено. Мы даже не представляем, насколько плотно была заселена территория южно-таежного Тоболо-Иртышья в начале бронзового века. Существующие на сегодняшний день схемы культурно-хронологической периодизации эпохи бронзы в таежной зоне Западной Сибири удовлетворительного ответа на этот вопрос не дают [Кокшаров, 2006]. На позднем этапе пахомовской культуры ее северным соседом являлась сузгунская – по сути, дочерняя.

Формула сложения культур андронойдной общности, на первый взгляд, кажется простой и очевидной: это результат взаимодействия местной и пришлой андроновской культур [Косарев, 1981, с. 111–112]. Однако стоит принять к сведению, что накануне основной культурный фон в лесостепном регионе отражали синкетические, уже андронойдные образования, если можно так выразиться, первого порядка [Генинг, Стефанов, 1993, с. 85]. Таким образом, речь должна идти о дальнейшей трансформации андронойдной культуры под воздействием определенного влияния групп таежного населения.

К середине II тыс. до н.э. андроновские переселенцы прочно освоили лесостепные земли, занятые в начале бронзового века носителями ташковской культуры в Притоболье, кротовской на Иртышье*. Аккультурации проходили достаточно интенсивно, о чем свидетельствуют памятники черноозерско-томского варианта, отражающие процессы взаимодействия кротовской и андроновской культур [Косарев, 1981, с. 129; Генинг, Стефанов, 1991]. Есть основания полагать, что далеко не все группы местного населения оказались готовыми к тесной интеграции. По мнению исследователей, вследствие «андроновской колонизации» были оттеснены на восток [Ковалева, 1988, с. 45] или на север [Косарев, Галкин, 1993, с. 54–55] носители ташковской культуры. М.Ф. Косарев в этой связи обратил внимание на отсутствие примеров сочетания накольчато-отступающей техники и элементов андроновского геометризма [2004, с. 131]. По-ви-

димому, наиболее восприимчивыми в Притоболье к новым тенденциям оказались носители гребенчато-ямочной керамической традиции, чье наследие в керамике пахомовской культуры ощущается явственно. Андроновская линия развития в этот период, вероятно, обеспечивалась преимуществами новой системы жизнеобеспечения, основанной на приодном скотоводстве. Экстенсивный характер экономики, направленной на освоение новых пастбищ и территорий, во многом определил ориентацию креолизированного «андронойдного» населения лесостепной полосы на север. Земли, лежащие к югу, к тому времени были заняты потомками носителей алакульской и федоровской культур. По-видимому, именно контакты с обитателями южно-таежной зоны явились одним из факторов дальнейших культурных трансформаций и формирования пахомовской культуры. Об участии в ее сложении таежных культур свидетельствуют характерные «лесные» заимствования в орнаментике, ощущимый крен хозяйства в присваивающие отрасли экономики, антропологические данные [Зубова, 2007].

Инокультурные проявления в пахомовских материалах представлены в различных районах по-разному. В Притоболье в составе керамической коллекции с поселения Ново-Шадрино VII присутствуют сосуды черкаскульской культуры (см. рис. 2, 30, 31, 35, 36). Типичные черкаскульские элементы встречаются на керамике с ишимских и иртышских поселений (см. рис. 3, 6, 15). Свидетельства контактов с южными соседями в виде находок алексеевско-саргаринской культуры зафиксированы в материалах поселения Ир II на Ишиме [Косинская, 1984] и Жар-Агач на Иртыше [Генинг, Стефанов, 1993]. Гораздо больше примеров присутствия пахомовской керамики в слоях алексеевско-саргаринских памятников. Складывается впечатление, что более инициативной стороной во взаимодействии носителей этих культур выступали как раз предтаежные коллективы [Лесное Тоболо-Иртышье..., 1995, с. 119]. Связи с северными соседями, видимо, носили системный характер, обусловленный дальнейшим освоением северных территорий и включением их в зону производящего хозяйства. Археологическим подтверждением этого процесса является феномен сузгунской культуры.

Вопрос о соотношении пахомовских и сузгунских комплексов является, пожалуй, наиболее спорным и обсуждаемым. Проблема формулируется просто: это разные культуры или этапы одной? О правомерности ее постановки свидетельствует трудность в расчленении сузгунских и пахомовских комплексов. Особенно эта проблема актуальна для лесостепного Прииртышья. Ситуация здесь отличалась более динамичными процессами, близостью к другим очагам культурогенеза (культуры ирменская, алексеевско-саргаринская, с крестовой керамикой).

*Мы затрудняемся дать оценку ситуации на Ишиме, допускаем, что это время здесь характеризуют, помимо известных одновско-крохалевских комплексов, также логиновские и кротовские древности.

Итак, культуры или этапы? Если исходить из хроностратиграфии региона, то, скорее всего, речь должна идти о культурах, т.к. основные циклы формирования и развития этих образований не совпадали. Пахомовская культура – следствие поэтапного и постепенного освоения группами андроновского населения лесостепных районов; сузгунская – результат трансляции достижений андроновской системы жизнеобеспечения на север носителями пахомовской культуры [Там же, с. 115–116].

К моменту окончательного оформления сузгунской культуры в южной тайге в лесостепи, откуда исходил первоначальный «андронойдный импульс», установка уже кардинально изменилась. Здесь вследствие интенсивных процессов заключительной фазы развития Евразийской металлургической провинции, обусловленных близостью к более динамичному степному региону, произошел разрыв связей предшествующего времени. Определяющие культурные взаимодействия, реализовавшиеся ранее по линии север–юг, установились в пределах ландшафтно-культурных зон (лес, лесостепь, степь); период стабилизации сменился периодом дифференциации и раздробленности. В то время как в южно-таежном Тоболо-Иртышье – основной территории распространения сузгунской культуры – происходили процессы консолидации, в лесостепном регионе единый андронойдный массив распался на локальные образования, приуроченные к бассейнам основных рек. В Притоболье этот период характеризуют поселения бархатовской культуры; на Ишиме – памятники типа Чупино и Кучум-Горы, представляющие итог взаимодействия и тесной интеграции родственных культур – сузгунской, бархатовской, красноозерской; в Прииртышье – ирменские и ирменско-сузгунские комплексы. Хронологию сузгунской культуры определяют контакты с носителями ирменской, бархатовской, крестовой керамики, гамаюно-иткульской культур.

Заключение

Таким образом, пахомовская культура, распространенная в пределах лесостепного Тоболо-Иртышья, сложилась в результате освоения этой территории группами андроновского населения. Она принадлежит андронойдной общности стабильной фазы позднего бронзового века. Волны «андроновской колонизации» в лесостепном регионе проходили через плотно заселенные места и вовлекали в свою орбиту самые разнообразные культуры. Но суперстратный «андроновский импульс» в каком-то смысле выравнивал культурную среду, приводил ее к общему знаменателю, возможно, и общему языку. Отсюда впечатление общего андроновского фона эпохи бронзы в Западной

Сибири, который в целом обеспечили именно андронойдные культуры. Есть основания считать, что в т.ч. носители пахомовской культуры явились проводниками производящих форм хозяйства в таежный мир; именно с ними здесь появились лексические заимствования из индоевропейского словаря. Не располагая данными радиоуглеродных анализов, воспользуемся установленным фактом пахомовско-саргарицких контактов, соответствующих ранней фазе развития общности культур с валиковой керамикой, и рискнем предположить, что пахомовская культура существовала в XIV–XIII вв. до н.э. [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, с. 100; Черных, 2007, рис. 5, 10].

Список литературы

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 12–51.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андронойдной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1991. – С. 52–60.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 67–111.

Евдокимов В.В., Корочкива О.Н. Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 1991. – С. 50–63.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4. – С. 92–102.

Зубова А.В. Одонтологическая характеристика населения Западной Сибири в эпоху развитой и поздней бронзы // Северная археология в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 254–263.

Кириюшин Ю.Ф. Лесостепной Алтай в эпоху поздней бронзы и раннекорабельном веке // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. / под ред. Ю.Ф. Кириюшина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1986. – С. 75–79.

Кириюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1987. – С. 100–125.

Кириюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкун А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 333 с.

Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. – С. 29–47.

- Кокшаров С.Ф.** Север Западной Сибири в эпоху раннеподольской культуры // Археологическое наследие Югры. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 41–67.

Корочкина О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1987. – 26 с.

Корочкина О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург, 1991. – Вып. 20. – С. 70–92.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И. Городище Инберень IV на Иртыше // СА. – 1981. – № 2. – С. 178–196.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 287 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 245 с.

Косарев М.Ф. Миграция как модель исторического процесса по сибирским археолого-этнографическим материалам // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: Ин-т археологии РАН, 2004. – С. 123–136.

Косарев М.Ф., Галкин В.Т. Поселение Юргаркуль III в Нижнем Притоболье // КСИА. – 1993. – Вып. 209. – С. 50–58.

Косинская Л.Л. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1984. – С. 45–55.

Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы) / Т.М. Потемкина, О.Н. Корочкина, В.И. Стефанов. – М.: ПАИМС, 1995. – 205 с.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. – 182 с.

Матюшенко В.И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – 68 с.

Матюшенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западно-сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения. 1990: (Мат-лы конф.). – М., 1992. – Ч. 1. – С. 93–97.

Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1957. – № 58. – С. 114–135.

Погодин Л.Л., Полеводов А.В., Плешков Е.А. Курганный могильник Батаково XXI – новый погребальный памятник сузгунской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Мат-лы науч. конф. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1997. – С. 121–126.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 22 с.

Полеводов А.В., Труфанов А.Я. О погребальном обряде сузгунской культуры // Россия и Восток: Археология и этническая история: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. – Омск: Ом. фил. Объед. ин-та истории, филологии и философии, 1997. – С. 19–23.

Смирнов Н.Г. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // Вопр. археологии Урала. – Свердловск, 1975. – Вып. 13. – С. 32–41.

Степанов В.И., Корочкина О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Полиграфист, 2000. – 108 с.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1997. – С. 162–191.

Черных Е.Н. Каргалы. – М.: Языки славян. культуры, 2007. – Т. 5: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – 200 с.

Материал поступил в редакцию 29.01.08 г.

УДК 903.27

Ю.Н. Есин

СТЕЛА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ «СОЛНЦЕГОЛОВОГО» БОЖЕСТВА НА РЕКЕ ТУИМ В ХАКАСИИ

**(К 120-летию экспедиции на Енисей Общества древностей Финляндии
под руководством И.Р. Аспелина)***

Статья посвящена каменной стеле в северной части Минусинской котловины, впервые обнаруженной в ходе экспедиции Общества древностей Финляндии в 1887–1889 гг. Рассматривается история изучения этого памятника. Приводится описание стелы и места ее расположения, обосновывается принадлежность к ранней группе окуневского искусства, датируемой концом III тыс. до н.э. Основное внимание уделено проблеме интерпретации изображения на стеле. Наиболее перспективным видится междисциплинарный подход, опирающийся на разработки в области филологических наук и семиотики. Структура изображения на стеле сопоставляется с принципами построения древних вербальных текстов ритуального назначения, в которых широко использовались эпитеты и метафоры. Стела интерпретируется как своего рода визуальный гимн, ориентированный на восхваление божества. Изобразительными средствами он воспроизводит мифopoэтические формулы, употреблявшиеся в параллельно существовавших текстах устной традиции, до нашего времени не дошедших.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Минусинская котловина, эпоха бронзы, окуневская культура, наскальное искусство, стелы.

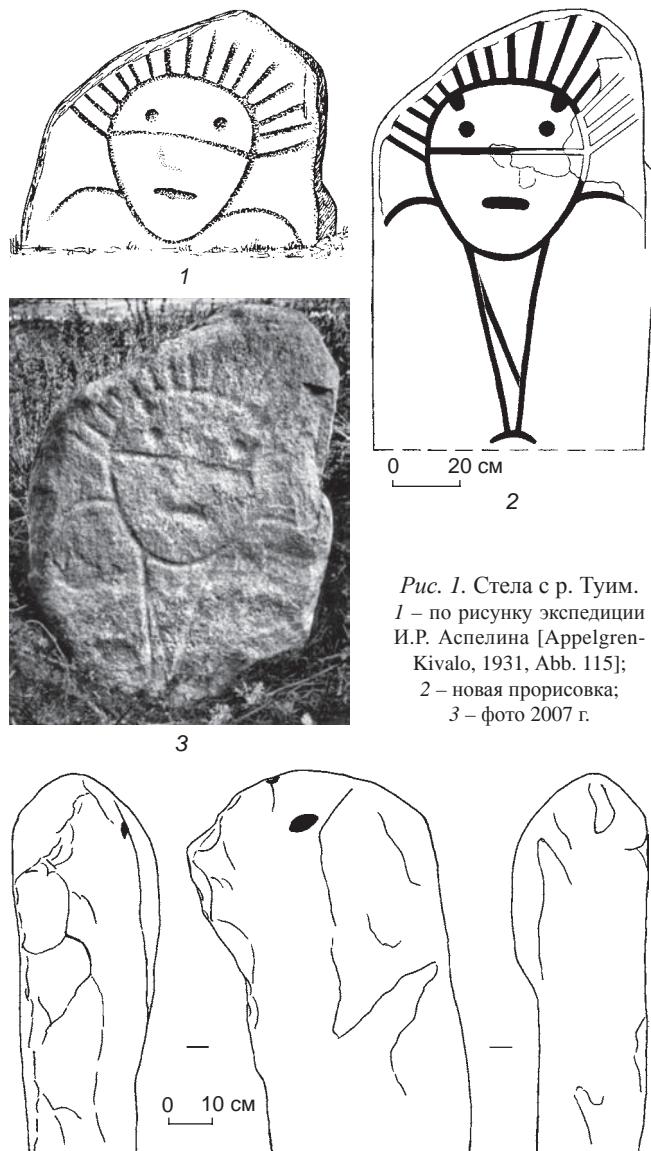
История изучения

История изучения каменных стел Минусинской котловины насчитывает уже почти 300 лет. Впервые они стали известны европейской науке еще в начале XVIII в. и с тех пор привлекают к себе неизменное внимание. Важный вклад в изучение этих памятников внесла экспедиция Общества древностей Финляндии, работавшая в степях Енисея в 1887–1889 гг. Ее инициатором и руководителем был доктор философии, первый государственный старший археолог Финляндии Иоганн Рейнгольдович Аспелин. Итоги этой экспедиции получили самую высокую оценку как в финской, так и в российской науке [Salminen, 2003, р. 271–278; Уйно, 2005, с. 83; Вадецкая, 1973, с. 130–132; Белокобыльский, 1986, с. 79; и др.]. Материалы изучения финскими учеными каменных стел сохраняют свое значение и в настояще время. Это прежде всего обусловлено двумя обсто-

ятельствами: достаточно высокой точностью сделанных рисунков, превосходящей качество рисунков не только их предшественников и современников, но и исследователей начала XX в.; утратой ряда стел в процессе хозяйственного освоения Минусинской котловины.

К числу памятников, известных только по рисункам экспедиции 1887–1889 гг., до недавнего времени относилась интересная стела с изображением верхней части антропоморфной фигуры с 16 отходящими от головы лучами и горизонтальной линией между глазами и ртом (рис. 1, 1). Она была обнаружена И.Р. Аспелиным в 1887 г. возле улуса Верхне-Долгий Маяк в ограде кургана на древнем могильнике. В научный оборот находка введена в 1931 г. [Appelgren-Kivalo, 1931, S. 9, Abb. 11]. В 1925 г. этот памятник, не зная об открытии финнов, осмотрел и описал известный российский археолог С.А. Теплоухов [1926, с. 94]. В том же году курган со стелой был раскопан крестьянами. Найденные ими вещи (керамический сосуд в виде вымени с четырьмя сосками-ножками, каменный фаллический пест, бронзовые украшения) поступили к С.А. Теплоухову и ныне хранятся в Государственном Эрмитаже [Членова,

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 07-01-63507а/Т) и Совета по грантам Президента РФ (МК-1015.2007.6).

*Рис. 1. Стела с р. Туим.
1 – по рисунку экспедиции
И.Р. Аспелина [Appelgren-
Kivalo, 1931, Abb. 115];
2 – новая прорисовка;
3 – фото 2007 г.*

берегу р. Туим, на юго-западной окраине современного пос. Шира. Стела установлена в качестве углового камня в кургане переходного карасук-тагарского времени (X–VIII вв. до н.э.). Могильник с этим курганом в середине XX в. попал в зону застройки поселка. Насыпь распахана, каменные конструкции частично утрачены. Примерно в 80 м к северо-северо-востоку, на другом кургане того же могильного поля, находится еще одна древняя стела, не замеченная предыдущими исследователями (рис. 2). Она выполнена из светлого серо-коричневого песчаника и представляет собой грубое скульптурное изображение головы хищного зверя. Сверху имеется небольшая лунка, продолговатым сколом обозначен глаз.

Описание стелы

Стела, открытая И.Р. Аспелиным, изготовлена из светло-серого крупнозернистого песчаника. Ширина камня 0, 95 м, толщина 0, 24, высота скопированной части 1, 35 м. Лицевая сторона обращена на юг. Стела была дважды повреждена. Первый раз – создателями кургана, забравшими камень с находившегося где-то поблизости святилища эпохи ранней бронзы и использовавшими его в качестве строительного материала. Они стесали наклонно верхнюю часть стелы, что привело к утрате концов ряда лучей. Это было сделано, чтобы придать ей форму, традиционную для угловых камней курганов Минусинской котловины I тыс. до н.э. Данное повреждение фиксирует и рисунок экспедиции И.Р. Аспелина. Изменение формы и повреждение изображения в процессе создания погребальной конструкции является одним из аргументов, свидетельствующих против мнения И.Р. Аспелина о том, что стелы создавались для погребений, на которых они обнаружены [Appelgren-Kivalo, 1931, S. 13–15]. Первоначально верхняя часть стелы, подобно другим окуневским памятникам, имела прямые углы либо полукруглую форму.

Последующее повреждение произошло уже после того, как курган попал в зону застройки пос. Шира, т.к. рисунком финской экспедиции и фотографией 1970-х гг. не зафиксировано. В это время была сколота часть лицевой стороны стелы, что привело к утрате нескольких лучей и фрагмента контура лика с левой его стороны. Однако благодаря рисунку экспедиции И.Р. Аспелина утраченные детали можно реконструировать. При контактном копировании черным сухим красителем на тонкую белую бумагу изображение стелы удалось уточнить. В частности, были выявлены силуэтные полуovalы над глазами, выбитый под ликом треугольник, направленный вершиной вниз,

1972, табл. 41, 24–29; Вадецкая, 1986, с. 103]. После публикации Я. Аппельгрена-Кивало стела становилась объектом внимания в целом ряде работ [Грязнов, 1950, рис. 14, 1; Липский, 1970, рис. 1, д; Вадецкая, 1980, табл. XXXII, 3; Кызласов Л.Р., 1986, рис. 145, 2]. Поскольку небольшой улус Верхне-Долгий Маяк не был зафиксирован на картах XIX в., то местонахождение памятника оставалось не вполне ясным, считалось лишь, что это долина р. Ебра. Между собой находки И.Р. Аспелина и С.А. Теплоухова не сопоставлялись и до последнего времени рассматривались как разные стелы [Вадецкая, 1980, с. 86].

Вновь найти памятник помогла фотография, сделанная в 1970-х гг. одним из жителей пос. Шира. Автор совместно с Н.В. Леонтьевым обнаружил и скопировал стелу (рис. 1, 2). Она находится на западном

размеры которого в процессе создания изображения были скорректированы в сторону увеличения длины, о чем свидетельствует сохранившаяся наклонная линия внутри. На вершине треугольника расположена дуга концами вниз. Еще две такие же дуги примыкают к нижней части лица на уровне рта. Наличие некоторых деталей (ямок, обозначающих ноздри, кружков по бокам лица), показанных на опубликованной ранее прорисовке по фотографии 1970-х гг. [Leont'ev, Kapel'ko, 2002, N 3], не подтвердилось. В нескольких местах на лицевой стороне стелы обнаружены остатки красной краски, однако в желобках, где краска могла бы сохраниться лучше всего, ее нет. Это позволяет предположить, что в эпоху ранней бронзы лицевая сторона стелы (или, как минимум, лицо) была окрашена в красный цвет, а выбитые желобки изображения оставлены белыми.

Структура изображения и датировка

При сравнительном анализе изображения на стеле оно распадается на ряд простых элементов (знаков), являющихся единицами окуневского изобразительного языка. Таких элементов восемь: 1) овал, образующий контур лица; 2) горизонтальная линия, разделяющая овал на два яруса; 3) круг, используемый для обозначения глаз; 4) силуэтный полуовал над каждым кругом; 5) горизонтальный вытянутый овал в нижнем ярусе лица; 6) прямые линии сверху лица; 7) треугольник или угол под лицом; 8) дуги на вершине треугольника и по бокам лица.

Структура изображения связывает туимскую стелу с окуневской культурой Минусинской котловины конца III – начала II тыс. до н.э. Ранее Н.В. Леонтьевым на основании типологического анализа окуневских ант-

ропоморфных изображений в развитии окуневского искусства было выделено три хронологических пласта [1978, с. 89–91]. В рамках этой схемы рассматриваемое изображение должно быть отнесено к раннеокуневской (тасхазинской) группе, о чем свидетельствует его принадлежность к тому же изобразительному языку, который представлен рисунками на плитах кургана Тас-Хазаа (рис. 3).

Хронологическая схема Н.В. Леонтьева получает все большее обоснование. Так, погребения, где встречаются плиты с рисунками раннеокуневского облика (Тас-Хазаа, Уйбат-5 и др.), по своей конструкции, инвентарю и другим чертам отличаются от погребальных памятников с изображениями классической группы (Черновая-8, Верхний Аскиз-1 и др.). В ряде случаев стратиграфическое соотношение указанных типов памятников свидетельствует о более молодом возрасте последних [Лазаретов, 1997, с. 36–37]. Помимо этого, раннеокуневский возраст лицов с теми же стилистическими признаками, что и на туимской стеле, подтверждается фактами переиспользования плит с такими рисунками для создания изображений классической и поздней группы [Есин, 2000; Лазаретов, 1997, с. 35; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 202, 292]. К числу последних находок такого рода относится стела в с. Усть-Сос с лицом раннеокуневского стиля в середине камня, переиспользованная для нанесения изображения классической группы на широкой стороне плиты (рис. 4, 1). Неоконтуренный трехглазыйлик классической группы изображен и между лучей раннеокуневского на фрагменте стелы в Ширинском р-не Республики Хакасии (рис. 4, 2). Немаловажно также, что в большей мере сходство с рисунками за пределами Минусинской котловины обнаруживает раннеокуневский пласт, а стиль изображений классической и поздней групп более самобытен.

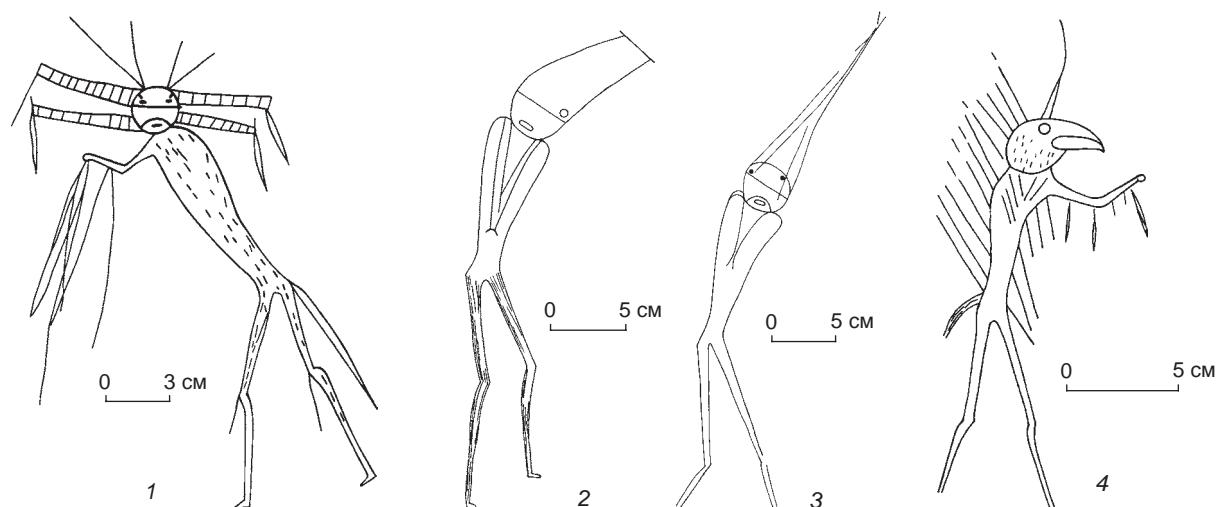

Рис. 3. Гравированные изображения на плитах из кургана Тас-Хазаа.

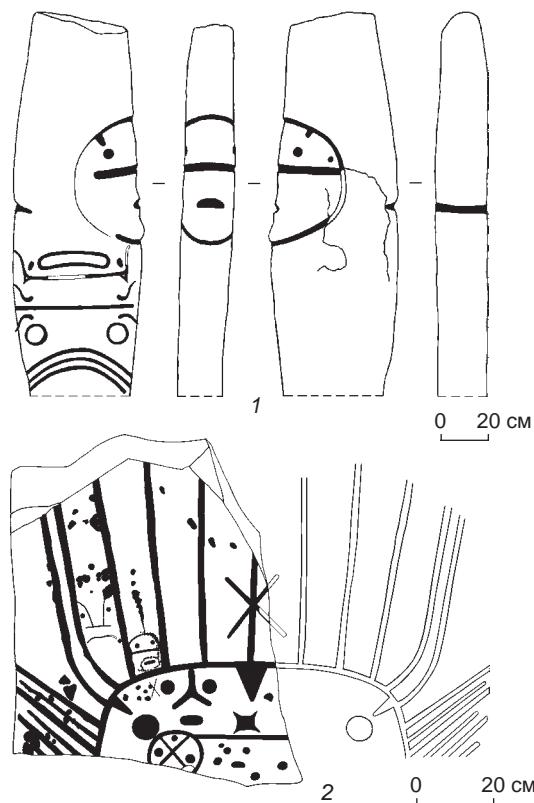

Рис. 4. Палимпсесты на окуневских стелах.

1 – Усть-Сос; 2 – Ширинский р-н Хакасии.

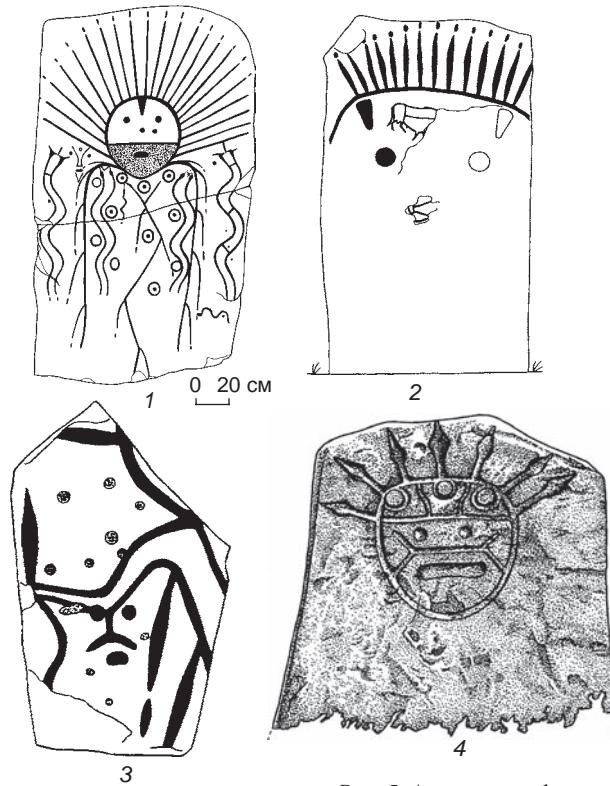

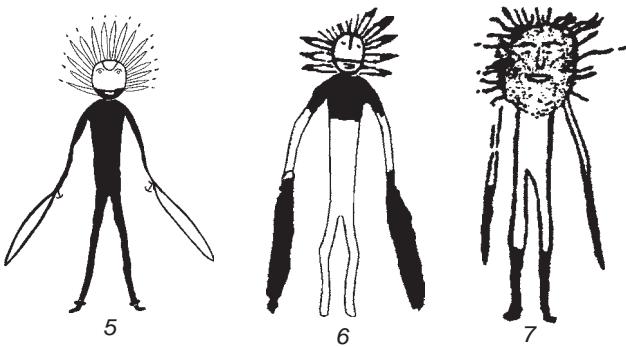
Рис. 5. Антропоморфные изображения с лучами на голове.

1–4 – Минусинская котловина: 1 – Анхаков, 2 – оз. Шира [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 179], 3 – Есино [Там же, № 269], 4 – Соленоозерное [Там же, № 169]; 5–7 – Алтай: 5, 6 – Каракол [Кубарев, 1988, табл. XIII, 1, 2], 7 – Озерное [Кубарев, 1998, рис. 5].

Интерпретация

Вполне очевидно, что правила, по которым сочетаются изобразительные элементы на рассматриваемой стеле, принадлежат к языку описания человека (антропоморфному коду). В контексте антропоморфного кода овал отождествляется с человеческим лицом и головой, круги – с глазами, полуовалы – с бровями, вытянутый горизонтально овал – со ртом, горизонтальная линия – с раскраской или татуировкой на лице, прямые линии – с длинными волосами, дуги по бокам лица – с плечами, треугольник – с воротом зашитой одежды. Однако для этих элементов значение в контексте антропоморфного кода не является единственным. Несомненно, например, что характерные для раннеокуневского стиля полуовалы или треугольники в верхней части лица (см. рис. 3, 1; 4; 5, 1, 2; 6, 3) своей формой моделируют не брови, а что-то иное. Кружки на месте глаз, если рассматривать их сами по себе, тоже вовсе не обязательно обозначают именно глаза. Треугольник, аналогичный «вороту зашитой одежды», встречается на груди изображений хищных птиц и в качестве головного убора у других антропоморфных персонажей (см. рис. 3, 2, 3). У некоторых раннеокуневских фигур длинные линии могут отходить не только от головы, но и от туловища (рис. 3, 4) или головного убора. Кроме того, с точки зрения антропоморфного кода непонятно отсутствие шеи. Правильный яйцевидный овал не вполне соглашается с реальной формой головы.

Подобные противоречия между конфигурацией отдельных изобразительных элементов и реалиями человеческого облика типичны для подавляющего большинства окуневских антропоморфных изображений. На них уже обращали внимание различные исследователи, правда, применительно прежде всего к более сложным окуневским ликам классической группы. Предложено несколько основных объяснений этого факта: на окуневских стелах изображен не антропоморфный персонаж, а схема мироздания [Мартынов,

1983, с. 20, 30; Кызласов И.Л., 1987]*; не человек, а другое существо (например, стилизованные головы типа китайского Тао-те [Киселев, 1948, с. 98], развернутая на плоскости голова хищного зверя [Кожин, 1980, с. 205–206] или рыбы [Заика, 1991]); не реальные лица, а маски шаманов [Леонтьев, 1978, с. 108; и др.]; не внешний облик антропоморфного божества, а его ритуальная сущность, «душа» [Подольский, 1988, с. 164; 1997, с. 182]. Из перечисленных объяснений актуальность на современном этапе изучения окуневского искусства сохраняют первое и последнее. Заслуживает внимания то, что, несмотря на расхождения в интерпретации элементов изображения, оба подхода соотносят их с частями мироздания и рассматривают сам лик как образ первосущества, части тела которого стали основными объектами природы [Подольский, 1988, с. 160; Кызласов И.Л., 1987, с. 130]. Тем не менее и эта гипотеза уязвима, т.к. противоречие между формой изобразительных элементов и реалиями человеческого облика характерно не для одного, а почти для всех типов ликов, изображающих разных богов окуневского пантеона. Совершенно очевидно, что все они не могли иметь отношение к возникновению мира.

Чтобы разобраться в проблеме интерпретации образа туимской стелы, необходимо разделить ее на две самостоятельные задачи: во-первых, выяснить собственное значение образующих человеческую фигуру элементов в контексте окуневского изобразительного языка; во-вторых, объяснить смысл отождествления моделируемых этими элементами объектов с частями тела человека. Первая задача может быть решена при помощи метода выявления и анализа изобразительных метафор, предполагающего разделение собственного (моделируемого собственной структурой, денотативного) и контекстного значения элементов. Применение такого метода обусловлено широким использованием ассоциативных отождествлений в древности, зафиксированных как письменными, так и изобразительными материалами [Есин, 2005, с. 116–117; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 26–33]. Решение второй задачи лежит в плоскости изучения прагматики изобразительного памятника.

Анализ элементов изображения на стеле с р. Туим начнем с яйцевидного контура головы. Такая форма типична для многих окуневских антропоморфных ликов, особенно классической группы. О существовании у нее самостоятельного значения свидетельствует наличие яйцевидных овалов без деталей антропоморфного лика, а также рисунков на отдельных камнях такой формы. Анализ яйцевидных изображений на

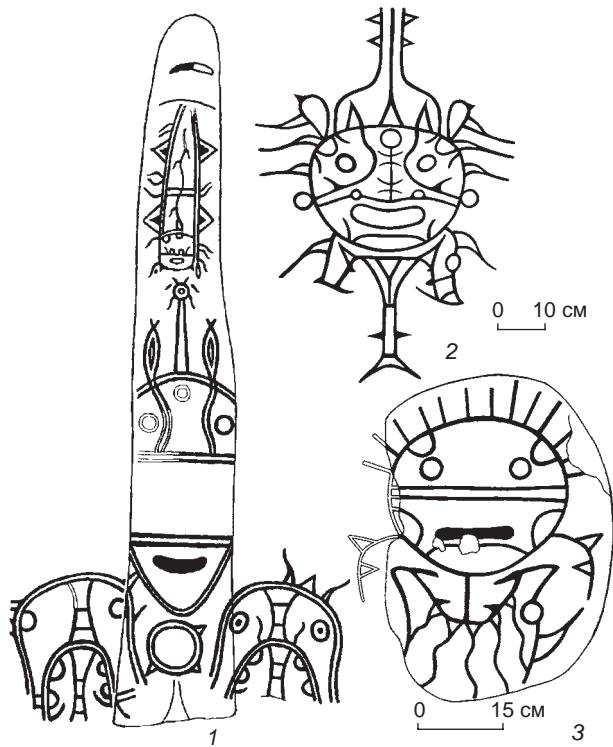

Рис. 6. Окуневские изображения с пастью хищника на месте плеч.

1 – Усть-Бюрь [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 111];
2 – Аскиз, развертка на плоскости изображения, выбитого на камне яйцевидной формы; 3 – Тибик [Там же, № 277].

стелах классической группы окуневского искусства, обладающих более сложной изобразительной структурой, позволил сделать вывод о связи этой формы с образом Мирового яйца, из верхней части которого возникло небо, а из нижней – земля [Леонтьев, 1997, с. 223; Есин, 1999, с. 145]. Типологически схожие представления о Мировом яйце зафиксированы в индоевропейской, финно-угорской, китайской мифологии (Ригведа, X, 121; Калевала, I) [Топоров, 1967; Рак, 1998, с. 16; Бодде, 1977, с. 379–381].

Возможность сопоставления горизонтальной линии между глазами и ртом с раскраской лица подтверждается фактами обнаружения следов от полос краски на черепах из окуневских погребений. Однако это не объясняет смысла данного изобразительного элемента. Его интерпретация возможна в контексте мифологической метафоры, отождествляющей голову с Мировым яйцом. В этом случае горизонтальная линия разделяет две половины яйца и две противопоставленные половины мира. Символом Нижнего мира предстает рот, т.к. его функция (поглощение различных объектов и возможность отрыгивания) подобна функции земли (поглощение и порождение различных объектов). Примеры подобного осмыслиния рта, отождествляемого со входом в иной, подземный мир и используемого как символ

*См. также: Савенков И.Т. Разные бабы. Курганный камень с символической головой. – Минусинск, 1910. – Архив Минусинского регионального краеведческого музея. Оп. 2. Д. 73. С. 1–2.

этой части мироздания, сохранились в ряде древних письменных текстов (Рамаяна, VI, 60, 67; Исаия 5: 14) [Антонова, 1990, с. 102; Кызласов И.Л., 1987, с. 129, 130]. Верхний мир символизируют глаза, т.к. их функция неразрывно связана со светом. Можно привести ряд примеров отождествления зрения с небесным светом. Например, в древнегреческой литературе это демонстрируют выражения «светлый взгляд», «светлые очи» [Фрейденберг, 1978, с. 233]; как источник света описываются глаза Шивы – если они закрыты, Вселенная погружается во мрак [Невелева, 1975, с. 47]; глаза богов в мифах народов разных языковых семей отождествляются со светилами (Пуруша, Варуна, Зевс, Пань-Гу, Ра и т.д.); и др. Различные варианты кружков, изображаемых в верхней части окуневских ликов, вполне могут моделировать своей формой не глаза, на который они мало похожи, а именно светило.

Собственное значение прямых линий над головой раскрывается при рассмотрении их в ряду других вариантов изображения персонажа. В частности, в некоторых случаях возле концов линий нанесены точки или черточки. Такие же линии порой отходят и от туловища фигуры (см. рис. 3, 4; 5, 1, 3). Данные факты не находят объяснения с точки зрения антропоморфного кода. Поэтому значение «волос» связано лишь с одним конкретным контекстом прямой линии и отражает лишь один уровень интерпретации этого элемента. Ранее некоторыми исследователями уже предлагалось линии над головой интерпретировать как солнечные лучи, а сам лик отождествлять с солнечным диском [Липский, 1970, с. 163; Кызласов Л.Р., 1986, с. 218]. Данная интерпретация вполне вероятна, т.к. сравнение солнечных лучей с волосами отражено в нескольких мифopoэтических традициях (Ригведа, X, 37: 9; 139: 1) [Махабхарата..., 1974, с. 108, 109; Формозов, 1969, с. 210]. В этом случае линии передают исходящее от божества сияние. Характерно, что на стеле с р. Туйм лучи расположены только в верхней части лица, которая в космологическом контексте связана с Верхним миром. Лучи являются самым характерным признаком бога солнца в древнеиндийской мифopoэтической традиции. Для него типичны такие эпитеты, как «Владыка лучей», «Владыка жарких лучей», «Владыка тысячи лучей», «Лучащийся блеском», «Златовласый» и др. [Невелева, 1975, с. 89]. Отождествление головы с солнцем тоже встречается в древнеиндийском эпосе [Махабхарата..., 1974, с. 233, 235]. Возможно, окуневский персонаж, атрибутом которого было большое количество расходящихся от головы лучей, также является божеством солнца.

На некоторых окуневских рисунках форма линий на голове моделирует не волосы-лучи, а, вероятно, каменные наконечники копий и стрел (см. рис. 5, 2). Во всяком случае, наконечник именно такой формы изображен у копья-змеи, которое держит в руке есинская солнцеголовая фигура (см. рис. 5, 3) [Леонтьев,

Капелько, Есин, 2006, с. 38]. Такую же форму имеют многие каменные наконечники окуневской культуры. На других, более поздних стелах сверху лика расположены изображения бронзовых наконечников копий (см. рис. 5, 4), аналогичных по форме реальному изделию, найденному в одном из погребений [Кызласов Л.Р., 1986, рис. 178]. Отождествление луча света с колющим метательным оружием тоже имеет параллели в целом ряде культур. Например, в иранских языках одно и то же слово обозначает стрелу и солнечный луч, в фольклоре селькупов молния – огненная стрела, у бурят представление о молнии связано с наконечником копья или стрелы, многочисленные отождествления копья, дротика и стрелы с лучом света и молнией представлены в древнеиндийском эпосе, встречаются в Ригведе и т.д. (Ригведа, I, 168: 5; Рамаяна, VI, 102) [Махабхарата..., 1974, с. 194, 221, 223, 232; Ожередов, 1999, с. 87–89; и др.]. Знаки, моделирующие каменный наконечник копья или стрелы преувеличенных размеров, у изображений раннеокуневского облика с территории Минусинской котловины и Горного Алтая есть не только на голове, но и в руках или вместо рук (см. рис. 3, 1, 4; 5, 5–7). Ранее некоторые исследователи такие изобразительные элементы на концах рук считали бычьими хвостами [Кубарев, 1988, с. 101] или листьями растений [Мартынов, 1996, с. 192]. Однако по форме (а на плитах могильника Каракол и по цвету) они полностью идентичны знакам на голове. У одного из горно-алтайских изображений копья-руки растут прямо из головы, раскрывая прямое отождествление с лучами (см. рис. 5, 7).

Тождественность солнечных лучей и копий указывает на воинственный характер персонажа. С этим согласуется оформление туловища солнцеголового божества, изображенного на одном окуневском керамическом сосуде, в виде «решетки», которая, по мнению Е.Д. Паульса, сопоставима с костяными латами из могильника Ростовка [1997, рис. 4, с. 127]. Воинственный характер божества солнца отражен в ряде древних мифов: например, в древнешумерском эпосе солнце побеждает чудовищ; с различными врагами оно сражается в древнеегипетских мифах; в Ригведе и древнеиндийском эпосе бог солнца побеждает тьму, болезни, врагов, к нему обращаются с просьбой охранять людей (Ригведа, X, 158: 1; 170: 1–2], ему приписывается обладание крепким сверкающим панцирем [Махабхарата..., 1974, с. 102, 105]. Преувеличенный размер наконечника демонстрирует сокрушительную силу оружия солнца. Отождествление копья в руке есинской солнцеголовой фигуры со змеей подчеркивает смертоносность этого оружия (см. рис. 5, 3). В виде змеиного жала раздаиваются лучи, отходящие от головы подобного божества на Шалаболинской писанице [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 20, 3]. Две крупные змеи изображены по бокам фигуры солнечного божества на стеле в улусе Анхаков

(см. рис. 5, 1). Они интересны тем, что контур каждой образован двумя изображениями змей, соединенными поперечными линиями. У всех показано жало. Этот прием позволяет выразить удвоенную и даже утроенную силу двух змей, их особую опасность. Подобно солнечным лучам они излучают сияние. Возможно, эти змеи тоже являются оружием солнечного божества и функционально равнозначны копьям.

В ряде случаев линии разной формы с черточками у окончания имеются у фигур божеств, сочетающих признаки человека и птицы. Они изображены вместо птичьих крыльев и хвоста или замещают перья [Кубарев, 1988, рис. 32]. Такой контекст указывает на существование мифологической метафоры «солнечные лучи – оперение птицы». Эта метафора, возможно, использовалась также и при изображении наголовья некоторых солнечных божеств. Она тесно связана с другим мифологическим отождествлением – божества и птицы. Наиболее наглядно об этом свидетельствуют некоторые рисунки на плитах могильника Тас-Хазаа, сочетающие тело человека с головой хищной птицы (см. рис. 3, 4), а также фигуры хищных птиц, наделенные атрибутами антропоморфных персонажей. С отождествлением божества и птицы, видимо, связана и такая стилистическая особенность раннеокуневского искусства, как отсутствие рук у многих вполне реалистичных антропоморфных изображений (см. рис. 3, 2, 3). Вероятно, вместо рук подразумевались птичьи крылья, сложенные на спине. В нескольких случаях крылья показаны в развернутом виде [Леонтьев, 1978, рис. 2, 2; Кубарев, 1988, рис. 32, 68]. Представление различных богов в образе птиц имеет самое широкое распространение в мире. В различных культурных традициях, в т. ч. в ведийской, с птицей (соколом) отождествлялось и солнце (Ригведа, VII, 63: 5).

Дуги, расположенные по бокам лика на туимской стеле, в контексте антропоморфного кода имеют значение «плечи». Однако дуга в окуневском искусстве используется и в иных позициях, указывающих на моделирование этим знаком других объектов. У некоторых антропоморфных изображений на плитах могильника Тас-Хазаа она выделяет нижнюю часть лика, связанную с Нижним миром, землей (см. рис. 3, 1, 3). С учетом этого, вероятно, прав Н. В. Леонтьев, предложивший, что дуги по бокам солнечного лица могут символизировать холмы или горы [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 50]. Типологически они подобны двум горам, между которыми традиционно изображался бог солнца в шумеро-аккадском искусстве Передней Азии (горы восхода и заката). Космологические отождествления головы и плеч (наряду с отождествлением туловища с телом хищной птицы) во многом объясняют очень важный стилистический признак раннеокуневских антропоморфных фигур – отсутствие специально показанной шеи, «вдавленность» головы в плечи.

На одной из окуневских стел классической группы дуга прочерчена на месте кисти руки. Поскольку в других случаях в этой же позиции изображается пасть хищника, то дуга может являться схемой широко раскрытым пасти [Есин, 2005, рис. 2]. Эта гипотеза подтверждается другими окуневскими изображениями классической группы, у которых по бокам лика выбиты две реалистичные пасти хищника (см. рис. 6, 1) или две половины его головы, являющиеся составными частями единого образа (см. рис. 6, 2). Но существовало ли такое значение дуги в раннеокуневской изобразительной традиции?

На раннеокуневской стеле у ручья Тибик на дугах по бокам лучистого лика находятся два противоположно ориентированных треугольника. Один из них может быть соотнесен с рогом на голове зверя, а другой – с клыком в его пасти (см. рис. 6, 3). Сам солнечный лик расположен на кончике языка зверя, голова которого реалистично изображена снизу. Такая композиция допускает двоякое объяснение: зверь заглатывает или отрыгивает солнце. Другой вариант аналогичной композиции представлен на окуневской стеле в улусе Анхаков (см. рис. 5, 1). Под солнечным лицом находится схематичное изображение змеи, раскрытая пасть которой, как и на стеле у ручья Тибик, расположена на месте треугольного ворота одежды, а внутри нее выбит кружок с точкой в середине, возможно символизирующий светило. Такая композиция сопоставима с представлениями многих народов о периодическом проглатывании каким-либо хищником солнца, объясняющим смену дня и ночи. Дуги плеч солнечного божества на стеле в улусе Анхаков специально не выделены и не наделены признаками пасти, но прямо под ними выбиты парные реалистичные змеи с высунутым жалом, указывающие на близкий смысл этой части фигуры. В ритмичных изгибах змеиных тел имеются кружки, аналогичные, кстати, некоторым вариантам изображения глаз окуневских ликов. Это может символизировать цикличность появления и исчезновения солнца на небе. Иным выражением той же идеи является горизонтальное изображение змеи в нижней правой части анхаковской стелы. Ее туловище имеет два дугообразных изгиба, аналогичных форме плеч солнечного божества. Под одним из них выбит кружок, символизирующий солнце. Таким образом, окуневские изображения увязывают представления о периодическом пребывании солнца под землей с образами гор на востоке и западе мира и змеи или мифического хищника. Рассмотренные раннеокуневские стелы свидетельствуют о том, что сложные изображения на месте плеч и туловища окуневских антропоморфных фигур классической группы не появились внезапно, а имели свою предысторию. Однако структура рисунка на туимской стеле не позволяет однозначно судить о возможности отождествления дуг-плеч с пастью непосредственно на этом памятнике.

Если две дуги по бокам рассматриваемого лика действительно связаны с пастью мифического хищника, то треугольник между ними соответствует его языку. Аналогичный треугольный язык с дугой на конце изображен в пасти зверя на яйцевидном валуне в с. Асиз (см. рис. 6, 2). Вместе с тем очевидно, что в обоих случаях треугольник моделирует не форму языка, а что-то иное. В окуневском искусстве собственное его значение связано с образом горы, т.к. существуют самостоятельные изображения треугольников, олицетворяющих две мифические горы Верхнего и Нижнего мира, одна из которых направлена вершиной вверх, а другая – вниз [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 42]. Таким образом, треугольник на туимской стеле может соотноситься не только с вырезом на одежде антропоморфного божества и с языком хищника, но и с горой Нижнего мира. В этих контекстах дуга на конце треугольника тоже получает разные значения: в зооморфном она соответствует развилке на конце змейного языка, вместо которой порой изображалась голова змеи; в космологическом может обозначать нижнюю границу неба или серп луны.

Определенный смысл был заложен в количестве лучей на голове божества, изображенного на туимской стеле. О том, что оно не случайное, свидетельствуют те же 16 лучей на голове некоторых фигур каракольской культуры Горного Алтая (см. рис. 5, 5; [Кубарев, 1988, рис. 31]), родственной окуневской. В одной композиции противопоставлены персонажи с 16 и 8 лучами на голове [Там же, рис. 43], что позволяет связывать значение числа 16 с удвоением 8. По предположению Н.В. Леонтьева, изучавшего сакральные, устойчиво повторяющиеся числа в окуневском искусстве, 8 может быть связано с восьмилетним календарным циклом окуневцев. Он подобен тому, что использовался в III тыс. до н.э. в Передней Азии и был нацелен на согласование счета времени по луне и по солнцу [Леонтьев, 2000, с. 146–147]. В пользу календарного значения числа лучей на туимской стеле свидетельствуют и другие варианты изображения подобного персонажа. Например, у ряда окуневских фигур количество лучей равно 11 [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 5] либо кратно этому числу, т.е. 22 (рис. 5, 1) или 33 [Там же, рис. 7]. Число 11 соответствует количеству дней, на которые солнечный год длиннее лунного. Для согласования счета времени по луне и по солнцу каждый второй год по тому же лунно-солнечному календарю вводили дополнительный 13-й месяц, состоявший из 22 дней, а за три солнечных года расхождение достигало уже 33 дней. Таким образом, линии на голове персонажа такого типа могут не только изображать солнечные лучи, отождествляться с длинными волосами, наконечниками стрел или копий, перьями птицы, змеями, но и символизировать определенные единицы времени (в разных случаях разные – дни, месяцы, годы).

Заключение

Как показал проведенный анализ, в структуре изображения на стеле, открытой в 1887 г. И.Р. Аспелиным, совмещены элементы, передающие разные объекты, несовместимые с точки зрения формальной логики. Такое сочетание типично и для других окуневских изображений. Оно, несомненно, было намеренным и характеризует творческий метод их создателей. Это сочетание является результатом использования метафорических отождествлений (в первую очередь, космологического характера) и делает план содержания изображения многозначным и многоуровневым. Данный принцип построения изобразительного текста находит аналогии в архитектонике древних художественных текстов на естественном языке, широко использовавших при описании богов устойчивые мифологические метафорические отождествления и эпитеты. При этом наибольшее сходство имеется с эпохально и функционально близкими ведийскими гимнами и немного более молодым, но сохранившим очень архаичные мифопоэтические формулы древнеиндийским эпосом.

Смысл отождествления частей человеческой фигуры с различными объектами связан с pragматикой изображения. Подобно ведийским гимнам [Елизаренкова, 1999, с. 5–7], окуневские стелы создавались для установления контакта с божеством в ходе ритуала. И в Ведах, и в окуневском искусстве широкое использование метафор решает задачу восхваления изображаемого божества через перечисление важнейших деталей его облика и атрибутов и отождествление их с объектами космического масштаба. При этом деталь или атрибут может отождествляться с двумя и более объектами. Цель восхваления – привлечь внимание божества, завоевать его благосклонность, укрепить его силу и в ответ добиться исполнения желаемого. Видимо, в окуневской традиции, подобно ведийской, само перечисление (изображение) эпитетов и атрибутов божества было важной частью ритуала его почитания, имело большую pragматическую ценность. Как и в окуневском искусстве, в Ведах некоторые метафоры и эпитеты упоминались лишь в связи с одним богом или группой богов, другие использовались при обращении к различным богам.

Важнейшей особенностью ведийских гимнов является их многозначность, возможность нескольких интерпретаций одного образа, игра смыслами. Считалось, что именно наличие скрытого смысла, стоящего за легко доступным, придает гимну красоту и обеспечивает его действенность. Это порождало стремление к постоянному совершенствованию и усложнению формы передачи канонических сюжетов. Аналогичные представления, вероятно, могли стать одной из главных причин удивительной вариативности окуневских изображений, вызывающей у некоторых исследователей даже сомнения в их принадлежности к одной культуре.

ре. Такому объяснению соответствует и общее направление развития изображений на окуневских стелах: от относительно простых ранних к предельно сложным классическим и теряющим реализм поздним.

В одной из работ М.Л. Подольского, первым обратившего серьезное внимание на возможность сопоставления окуневского искусства и Ригведы, была высказана мысль, что «жанр, к которому относятся окуневские шедевры, можно определить метафорически как гимны ... обретшие зрячую форму» [1997, с. 193]. Проведенный выше анализ, основанный на методе выявления и изучения изобразительных метафор, позволяет говорить об этом с большей уверенностью. Есть достаточные основания оценивать изображения на окуневских стелах как визуальные гимны, которые, вероятно, использовались параллельно с поэтическими, дополняя их в процессе ритуала. Показанные атрибуты и изобразительные метафоры соотносились с устойчивыми эпитетами и мифопоэтическими формулами, являясь их олицетворением. При этом изобразительные гимны, видимо, не были простой иллюстрацией поэтических, а представляли собой еще один, самостоятельный канал воздействия на богов (наряду с речевым воздействием, принесением жертвы, магией), повышавший эффективность ритуала. Возможно, именно этим был обусловлен необычайный расцвет изобразительной деятельности у носителей окуневской культуры.

Предлагаемое типологическое сравнение изображений на окуневских стелах с гимнами Вед помимо эпохальной и функциональной близости, сходства на уровне принципов построения имеет и другие основания – близость хозяйственного типа и образа жизни их создателей, южные и юго-западные параллели многих черт окуневской культуры. Эта культура не была изолированной и автохтонной. Она представляла северо-восточную периферию обширной центрально-азиатской культурной области, а в определенной мере является частью еще более широкой общности ранних скотоводческих культур Евразии. Родственные ей культуры существовали в Горном Алтае, Туве и Монголии. Наскальные изображения, напоминающие лики окуневских божеств, распространены в северо-западных районах Китая и далее к югу вплоть до верховий р. Инд [Francfort, 1991]. Культура в Минусинской котловине сформировалась в результате миграции сюда нового европеоидного населения со скотоводческим хозяйством. Скотоводство и подвижный образ жизни были и в основе культуры создателей ведийских гимнов. Не исключено также, что истоки окуневского и индоарийского скотоводства могут восходить к одному очагу одомашнивания животных [Подольский, 1988, с. 167; 1997, с. 180]. Следовательно, и ритуально-мифологические представления окуневцев были частью более широкого явления центрально-азиатского и даже евразийского масштаба.

К сожалению, источников, относительно полно и системно отражающих ритуально-мифологический пласт ранних скотоводческих культур Евразии той далекой эпохи, очень мало. Основными до сегодняшнего дня являются тексты Ригведы и Авесты, оставленные народами, проживавшими на территории Северного Индостана и Иранского нагорья. Они сохранились благодаря силе устной традиции и раннему появлению там письменности. Однако для реконструкции культуры народов Центральной Азии эти тексты могут привлекаться лишь отчасти и только в сопоставительном аспекте. Кроме того, устный и письменный способы передачи информации, на которых построены данные источники, наряду с положительными моментами имеют и свои недостатки, например, не позволяют наглядно представить облик богов и их атрибутов, предметов и черт материальной культуры, упоминаемых в текстах. В этом отношении окуневские стелы приобретают совершенно особое культурно-историческое значение. Во-первых, они наиболее полно отражают ритуально-мифологические представления ранних скотоводов восточной части евразийской степи. Во-вторых, стелы являются изобразительными памятниками, т.е. принадлежат к типу источников, отличному от письменных текстов Ригведы и Авесты. Это тоже очень важно, т.к. позволяет взглянуть на культуру с принципиально иной точки зрения, понять и в буквальном смысле увидеть иные ее аспекты. В-третьих, памятники окуневского искусства более достоверно и объективно запечатлели культурно-историческую реальность, ее состояние в различные отрезки времени, чем сопоставимые письменные тексты из Ирана и Индии, поскольку не подвергались модернизации и изменениям, неизбежным при передаче информации от поколения к поколению в рамках устной традиции. В-четвертых, изучение изобразительных метафор позволяет реконструировать общее содержание поэтических метафор и эпитетов, использовавшихся в параллельно существовавших текстах устной традиции, до нашего времени не дошедших. Выявление таких метафор в перспективе позволит провести их сравнительно-историческое изучение и приблизиться к решению проблемы языковой принадлежности окуневцев. Все это делает окуневское наскальное искусство исключительно важным источником по истории и культуре древних бесписьменных народов как Саяно-Алтая, так и всей Центральной Азии, источником, сопоставимым по значению с Ригведой индоариев и Авестой древних иранцев.

Список литературы

- Антонова Е.В.** Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. – М.: Наука, 1990. – 285 с.
Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 168 с.

Бодде Д. Мифы древнего Китая // Мифологии древнего мира. – М.: Наука, 1977. – С. 366–404.

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Изв. лаборатории археологических исследований. – Кемерово: Кем. гос. пед. ин-т, 1973. – Вып. 6. – С. 91–159.

Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 37–87.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. – 1950. – Т. 12. – С. 128–156.

Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 240 с.

Есин Ю.Н. О семантике окуневских изваяний // Мартыновские краеведческие чтения (1989–1999). – Минусинск: Март, 1999. – С. 144–148.

Есин Ю.Н. Изваяние из с. Верхний Аскиз и проблема хронологии окуневского искусства // Вестн. Сиб. ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – № 3. – С. 18–21.

Есин Ю.Н. О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2 (22). – С. 114–128.

Занка А.Л. К интерпретации окуневских изображений // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск: [Б.и.], 1991. – Т. 2. – С. 30–33.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 364 с. – (МИА; № 9).

Кожин П.М. О каменных изваяниях Хакасско-Минусинских степей // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 199–210.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Озерного (каракольская культура Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 277–289.

Кызласов И.Л. Лик Вселенной (к семантике древнейших изваяний Енисея) // Религиозные представления в первобытном обществе. – М.: [Б.и.], 1987. – С. 127–130.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 296 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19–64.

Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 88–118.

Леонтьев Н.В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 222–236.

Леонтьев Н.В. Сакральные календарные мотивы в окуневском искусстве // Тр. Междунар. конф. по первобытному искусству. – Кемерово: Никалс, 2000. – Т. 2. – С. 143–149.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. – 236 с.

Липский А.Н. К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 163–173.

Мартынов А.И. Растительная символика на изваяниях окуневской культуры // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1983. – С. 19–33.

Мартынов А.И. Археология: учебник. – М.: Вышш. шк., 1996. – 415 с.

Махабхарата. Рамаяна. – М.: Худож. лит., 1974. – 606 с.

Невелева С.Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). – М.: Наука, 1975. – 118 с.

Ожередов Ю.И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. – С. 77–119.

Паульс Е.Д. Два окуневских памятника на юге Хакасии // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 123–127.

Подольский М.Л. «Душа быка» на окуневских стелах // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1988. – С. 159–169.

Подольский М.Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 168–201.

Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зорастризм). – СПб.; М.: Журн. «Нева»; Летний сад, 1998. – 560 с.

Теплоухов С.А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. – Л.: Гос. рус. музей, 1926. – С. 88–95.

Топоров В.Н. К реконструкции мифа о Мировом яйце (на материале русских сказок) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. – 1967. – Вып. 198. – С. 82–98. – (Тр. по знаковым системам; вып. 3).

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. – М.: Наука, 1969. – 255 с.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Наука, 1978. – 605 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Уйно П. Исследования финских археологов на территории Минусинской котловины в XIX – начале XX вв. // Мартыновские краеведческие чтения (2003–2004 гг.). – Минусинск: Минусин. регион. краевед. музей им. Н.М. Мартынова, 2005. – Вып. 3. – С. 80–84.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei. 1887–1889. – Helsingfors: Finnische altertumsgesellschaft, 1931. – 47 S., 72 Taf.

Francfort H.-P. Note on some bronze age petroglyphs of Upper Indus and Central Asia // Pakistan Archaeology. – 1991. – N 26. – P. 125–135.

Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F. Steinstelen der Okunev-Kultur. – Mainz: von Zabern, 2002. – 238 p. – (Archäologie in Eurasien; Bd. 13).

Salminen T. Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisissa arkeologiassa 1870–1935 // Suomen Muinaismuisto-yhdistyksen Aikakauskirja. – Helsinki, 2003. – Vol. 110. – 278 s. (with English summary: Lands of conquest. Russia and Siberia in Finnish archaeology. 1870–1935).

УДК 902.26

Е.П. Крупочкин

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ*

Работа посвящена изучению опыта совместного использования ГИС-технологий и данных дистанционного зондирования (ДЗ) для создания археологических карт. В ходе исследований решена главная задача: разработана и опробована технология цифрового картографирования археологических памятников. Подготовлены цифровые картографические слои для могильников Юстыд, Уландрык I и II, Сары-Габо. Для них созданы цифровые модели рельефа, которые использованы для анализа систем расселения, территориальной организации хозяйства и аналогичных реконструкций. Подготовлена цифровая картографическая основа, включающая картографическую базу данных и идентификационные характеристики памятников. Показана возможность использования ДЗ для решения задач археологии. Усовершенствованы и отработаны алгоритмы автоматизированного дешифрирования мультиспектральных снимков для целей распознавания, фиксации и описания археологических объектов и их атрибутов. Полученные материалы и результаты съемок (топографическая и космическая сканерная съемка) представлены в наиболее распространенных форматах ГИС MapInfo Pro и ArcView.

Ключевые слова: цифровое картографирование археологических памятников, ГИС-технологии, дистанционное зондирование в археологии, сканерная съемка, дешифрирование мультиспектральных снимков.

Введение

Одна из самых острых проблем сибирской археологии – отсутствие детальной археологической карты Алтая. Для ее разработки важное значение имеют вопросы, связанные с развитием концепции геоинформационного картографирования в археологии; созданием единой методики, позволяющей получать археологические карты требуемого масштаба и территориального охвата; внедрением в археологические исследования единых стандартов и форматов цифровых картографических данных и др. При современном уровне развития геоинформатики и методов дистанционного зондирования (ДЗ) возможно оперативное построение археологических карт с высокой точностью, детальностью и достоверностью. В настоящей работе рассматривается опыт

совместного использования ГИС-технологий и данных дистанционного зондирования (ДЗ) для создания археологической карты для участка Чуйского бассейна.

В территориальном плане объектом наших исследований является Юго-Восточный Алтай – долины рек Юстыт, Уландрык, Барбургазы (рис. 1). Район отличается своеобразными горно-степными ландшафтами. Данную территорию не без основания считают археологическим заповедником нашей страны. Здесь сосредоточено множество культурно-исторических памятников разных эпох. Среди них наибольшую известность получили курганы скифского времени. Однако вплоть до 1960-х гг. Юго-Восточный Алтай оставался белым пятном для археологов: не было раскопано ни одного кургана [Кубарев, 1987, 1991]. С 1970-х гг. активно стали проводиться исследования большого числа курганов рядового населения в Чуйской степи [Кубарев, 1987, 1991, 1992]. Но до сих пор Юго-Восточный Алтай, и в частности территория Чуйского бассейна, недостаточно изучены, т.к. изыскания велись в пределах отдельных территориальных участков и могильников.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-01-00470а «Древние кочевники Алтая: структура, функционирование и развитие систем расселения (I тыс. до н.э.)».

Рис. 1. Долина р. Уландрык. Фото Е.П. Крупочкина.

Рис. 2. Олений камень. Правый берег р. Юстыт.
Фото И.Ю. Слюсаренко.

Причем большинство могильников и тем более обособленно стоящие археологические объекты (херексыры, ритуальные оградки, каменные насыпи и т.д.) до настоящего времени не имеют четкой географической и координатной привязки.

Представленная работа является результатом совместных исследований Дендрохронологического отряда Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) и географического факультета Алтайского государственного университета (г. Барнаул). Главная цель исследований – разработка технологии цифрового картографирования археологических памятников на примере Чуйского бассейна. Процесс

картографирования предполагает фиксацию археологических объектов, составление цифровых топографических планов могильников, подготовку и корректировку цифровых моделей рельефа, геодезическую проверку ориентации курганов на ранее исследованных могильниках (Уландрык, Юстыд, Барбургазы и др.) для анализа ориентационных свойств памятников. Актуальность темы работы определяется, с одной стороны, отсутствием четко отработанной технологии цифрового картографирования археологических памятников, а с другой – развитием и необходимостью внедрения новых методов геоинформатики и дистанционного зондирования в сферу археологии.

Материалы и методы

Рассмотрим методические аспекты картографирования памятников на примере археологического микрорайона «Юстыд». Археологические изыскания в долине р. Юстыт начались в конце 60-х гг. XX в. Наиболее существенные из них проведены Алтайским отрядом под руководством Н.М. Зинякова и Восточно-Алтайским отрядом Североазиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР под руководством В.Д. Кубарева [Быкова, 2002]. За период с конца 1960-х до начала 1980-х гг. были открыты и исследованы целые могильники и отдельные курганы (Юстыд I–XXII), зафиксированы памятники железноделательного производства, гончарные мастерские, оленные камни на правом берегу р. Юстыт (рис. 2). Однако проблема картографирования культурно-исторических памятников Юстыда по-прежнему осталась нерешенной.

В 2004 г. свое решение данной проблемы предложила бельгийская группа исследователей Гентского университета [Goossens et al., 2006]. Съемка производилась по правому берегу р. Юстыт от родника Калан до основной дороги, ведущей в пос. Кокоря (рис. 3). В ходе работы решались задачи: 1) разработать и апробировать методику картографирования археологических объектов, основанную на использовании ДДЗ спутниковой системы CORONA; 2) зафиксировать и нанести на единую карту все отмеченные объекты эпох бронзы, железа и средневековья; 3) дополнить список всемирного наследия Юнеско объектами археологии Юго-Восточного Алтая.

Главной задачей в ДДЗ с точки зрения археологических изысканий является распознавание образов на снимке, т.е. процесс дешифрирования, предполагающий использование специальных пакетов программ (таких как Photomod, ENVI и др.) и геоинформационных систем, поддерживающих работу с растровыми изображениями (MapInfo Pro, ArcGIS и др.) [Крупочкин, 2004]. Исходные негативы снимков имеют, как правило, ряд искажений, вызванных различными причи-

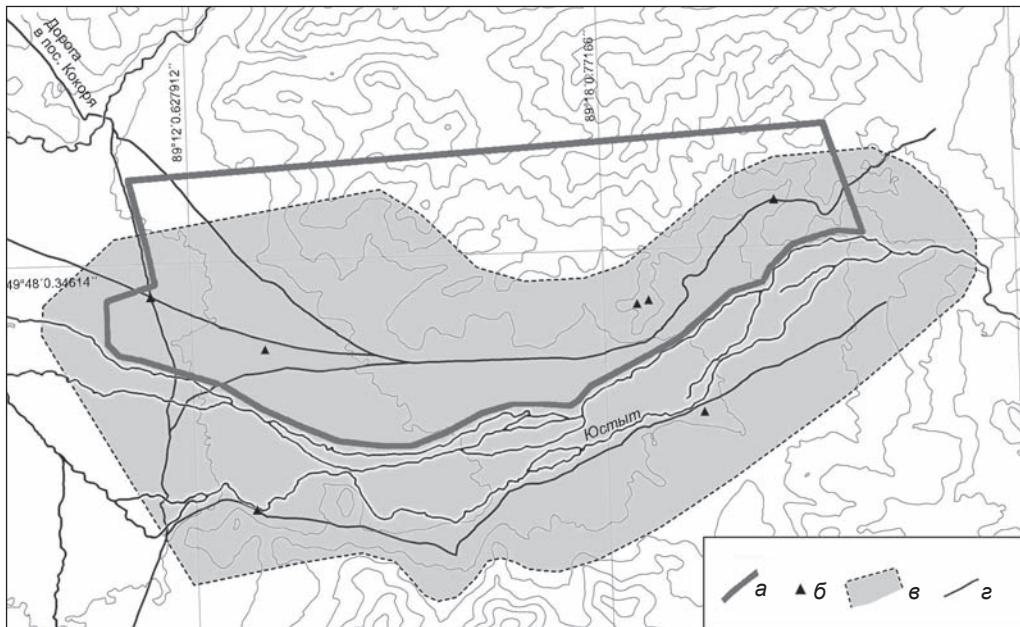

Рис. 3. Схема картографического покрытия археологического микрорайона «Юстыд».
а – территория GPS-съемки бельгийской группы исследователей (2004 г.); б – GPS-точки; в – район исследований Дендрохронологического отряда ИАЭТ СО РАН (2005–2008 гг.); г – полевая дорога.

нами (колебанием траектории движения спутника, изменением расположения датчиков и др.). Поэтому космоснимки не могут непосредственно использоваться в ГИС без предварительной фотограмметрической обработки и трансформации (ортотрансформирование, калибровка, привязка к геодезической системе координат и др.) Результатом этих работ являются снимки, подготовленные в ортогональной проекции (без плановых искажений), которые можно использовать в крупномасштабных археологических исследованиях.

Одна из основных операций трансформации снимка заключается в координатной привязке. Для уточнения пространственных координат в полевых условиях была сформирована сеть контрольных GPS-точек (см. рис. 3) и выбраны географически устойчивые во времени пункты. Для считывания координат использовались три системы: C-Nav (геодезическая система высокого класса точности), 12-канальный карманный приемник Garmin (точность позиционирования 5–10 м) и Motorola Oncore VP (точность позиционирования 15–30 м). Большой эффект был достигнут первой системой, гораздо более дорогостоящей. Две другие можно применять в ряде случаев для обработки изображений только тех объектов, размеры которых составляют от 2 м и больше.

Как показали исследования бельгийцев, наилучшие результаты могут быть получены при использовании космических снимков со спутников Quickbird и Ikonos (с разрешением 0,6 и 1,0 м) (рис. 4). Однако для этого желательно использовать автономную дифференциальную GPS-систему типа C-Nav [Goossens et al., 2006].

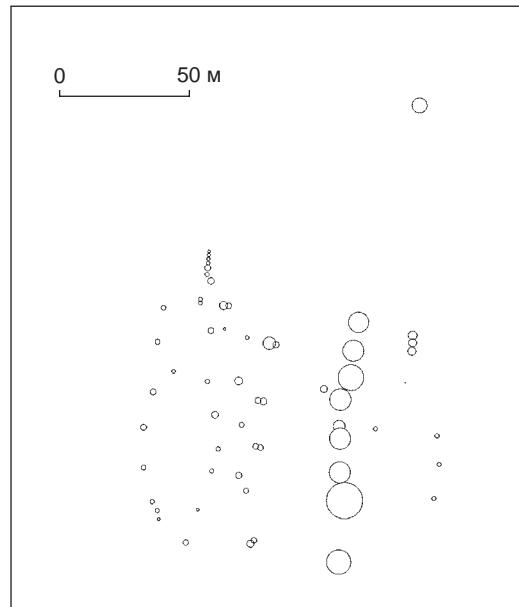

Рис. 4. Топографический план могильника Юстыд XIII. Фрагмент из общего плана бельгийских исследователей [Goossens et al., 2006].

Проблема составления цифровых археологических карт памятников решалась нами с помощью более экономичной технологии. Начальный этап исследований включал рекогносцировку, которая сопровождалась комплексным археологическим и физико-географическим описанием местности (левый и правый берега участка долины р. Юстыт) непосредственно в

поле. Фиксация координат объектов производилась с помощью двух GPS-навигаторов Garmin Etrex (± 5 м) и Garmin Map Cx60 (± 2 м). При этом учитывались факторы, влияющие на точность спутниковых наблюдений: механические препятствия, отражающие объекты, радиопомехи, влияние рефракции и т.д.

Следующий этап – тахеометрическая и теодолитная съемки могильников. Первая отличается от второй прежде всего скоростью выполнения работ, не требующих прокладывания теодолитного хода. Съемка производилась с помощью высокоточного теодолита 2Т5К. Одновременно составлялся абрис местности, на котором фиксировались снимаемые объекты с элементами рельефа. К сожалению, исследуемая нами территория не охвачена государственной геодезической сетью (ГГС). К тому же станции ГГС, созданные по советским стандартам ГУГК, и тем более отраслевые постепенно «накапливают» суммарное смещение абсолютных координат удаленных пунктов до многих десятков метров [Постнов, Вергунов, 2003]. Кроме того, свободное передвижение по территории было ограничено двумя фак-

торами: во-первых, она является пограничной зоной, а во-вторых, представлена весьма сложными участками рельефа. Поэтому географическую привязку снимаемых площадок мы выполняли по трем точкам (станция и две дополнительные крайние точки, расположенные по диагонали площадки), координаты которых фиксировались при помощи GPS-приемника. В дальнейшем в процессе камеральной обработки данных полевых съемок, а также для составления цифровых топографических планов местности использовались программные пакеты и модули: Credo DAT, ГИС MapInfo Pro, ГИС-приложение «Spatial Analyst» для ArcView (рис. 5). Для передачи данных с GPS и обеспечения совместимости ГИС-форматов все представленные картографические материалы были подготовлены в универсальной геоцентрической системе WGS-84 (разработана в 1984 г. и используется в настоящее время в радионавигационной системе Navstar). Для Республики Алтай большинство топографических карт составлено в поперечно-цилиндрической проекции Гаусса–Крюгера СК-42. Из числа картографических проекций, наиболее часто употребляемых в ГИС по ряду основных параметров квазигеоида, самой близкой к СК-42 является проекция WGS-84, чем и обоснован ее выбор.

Наряду с составлением топографических планов и археологических карт осуществлялась подготовка и корректура цифровых моделей рельефа (ЦМР)* могильников и других модельных площадок [Крупochкин, 2007]. Наиболее распространенными способами организации и представления ЦМР являются растровые модели данных и основанная на сети триангуляции (TIN) особая модель пространственных данных, аппроксимирующая рельеф многогранной поверхностью с высотными отметками в узлах треугольной сети. Методы и алгоритмы создания и обработки ЦМР применимы и к иным физическим или статистическим рельефам и полям: погребенному рельефу (в археологии), барическому (в климатологии) и т.п.

В современной геоинформатике и картографии различают цифровые модели высот (Dem-1) и производные от них – рельефа (Dtm). В этом случае под Dtm понимается совокупность производных от рельефа морфометрических показателей. Необходимость различия связана отчасти с наименованием и содержанием американского стандарта на ЦМР (Dem-2) [Баранов и др., 1999].

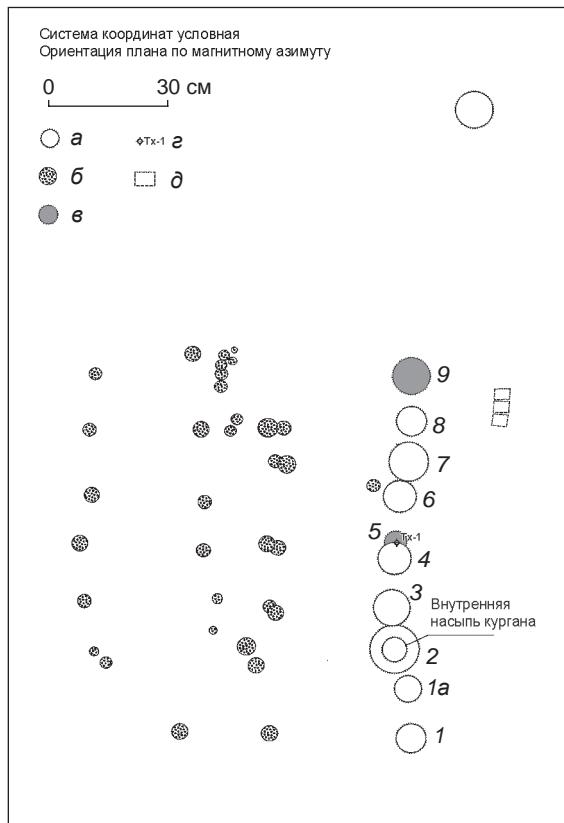

Рис. 5. Топографический план могильника Юстыд XIII по данным полевых съемок, выполненных в 2005–2008 гг. Дендрохронологическим отрядом ИАЭТ СО РАН.

a – нераскопанный курган; *b* – раскопанный курган; *c* – планиметрическая выкладка; *g* – контрольная точка планово-высотной съемочной сети; *d* – тюркская оградка.

*ЦМР – средство цифрового математического представления трехмерных пространственных объектов (поверхностей, рельефов) в виде трехмерных данных как совокупности высотных отметок и иных значений аппликат (координаты Z) в узлах регулярной сети с образованием матрицы высот, нерегулярной треугольной сети (TIN) либо как совокупности записей горизонталей или иных изолиний [Баранов и др., 1999].

При создании цифровых моделей рельефа нами использовались два источника данных: отметки высот, фиксированных в GPS Waypoints-точек и расчетные значения абсолютных высот пикетов, полученные в ходе камеральной обработки результатов тахеометрической съемки. Для решения технической задачи моделирования и визуализации ЦМР использовался функциональный подход, предполагающий описание рельефа некоей функцией, аппроксимирующей с помощью другой функции:

$$\sum_{i=1}^N V_i V_i Z_{\min}, \text{ где } V_i - \text{углы на-} \\ \text{клона поверхности, } \sum_{i=1}^N V_i Z_{\min} - \text{функционал. Аппро-}$$

ксимация позволяет исследовать числовые характеристики, качественные (морфологические) и количественные (морфометрические) свойства рельефа территории. Для решения этой задачи необходимо

$$\text{выполнение условия } \sum_{k=1}^N [P(X_k Y_k) - f(x_k y_k)] = \min,$$

где $[f(x_k y_k) = Z]$ – дифференцирующая функция. Поскольку результат должен быть представлен в виде карты, координаты в плане (X, Y) были заменены географическими координатами ($\chi; \phi$). Пересчет в географическую систему координат производился путем проецирования осей координатной системы, где Гринвичский меридиан представлен как $\chi = X$, а линия экватора как $\phi = Y$.

Геодезическая проверка ориентации курганов производилась по ранее исследованным могильникам Юго-Восточного Алтая (Уландрый, Юстыд, Барбургазы и др.). Ее суть заключается в определении географических азимутов осей срубов с учетом измеренного магнитного азимута и магнитного склонения, определяемого по топографической карте. Для установления сезонности захоронений важной информацией является закрытость горизонта. Чем выше этот показатель, тем больше географический азимут восхода Солнца. Измерения закрытости горизонта производились для каждого кургана с помощью теодолита с точностью до минуты. Даты восхода и захода Солнца на конкретный год определялись с помощью программы Redshift по методике, предложенной Н.И. Быковым [Быков, Быкова, 2003; Быков и др., 2004].

Сравнительный анализ двух подходов, представленных в первом случае широким использованием радионавигационной системы Navstar и высокоточных GPS-станций, а во втором – комбинированием традиционных методов съемки с ГИС-технологиями и данными дистанционного зондирования, позволил сделать определенные выводы.

1. Необходимо оценить возможность замены (полной или частичной) полевого метода наблюдения и съемки археологических памятников дистанционным. Для этого требуется оценка соотношения цены заказа

новой космической съемки (либо получения архивных материалов) на интересующую территорию и общей предполагаемой стоимости исследований.

2. Следует учитывать технические параметры съемочной аппаратуры (сенсора) и характеристики предлагаемых космических снимков. Прежде всего нужно обращать внимание на пространственное и радиометрическое разрешение снимка, уровень фотограмметрической обработки, предполагающей выполнение процедур: ортотрансформирования (устранение искажений на снимке, вызванных расчлененностью рельефа), геометрической и радиометрической калибровки (устранение влияния различий освещенности, обусловленных геометрией съемки; устранение дефектов изображения; компьютерная коррекция яркостных значений снимка; расчет калибровочных коэффициентов и др.), преобразования фотограмметрической системы координат снимка в геодезическую и др.

3. Детальное изучение современных условий проведения космической съемки и наблюдаемые тенденции к удешевлению материалов ДЗ позволяют рекомендовать более широкое использование космических снимков для обеспечения массовых археологических исследований культурно-исторических памятников.

Предпочтительность использования методов ДЗ и математико-картографического моделирования для решения задач археологии определяется широким спектром возможностей:

- получения картографического материала с разрешенной (по сравнению с топографическими картами сопоставимого масштаба) нагрузкой;
- заказа снимков значительного пространственного охвата;
- получения и анализа цифрового изображения небольшой площади (до 25 км²);
- картографирования археологических памятников, которые обычно не показаны на топографических или других специальных картах и планах либо показаны с недостаточной точностью и детальностью;
- объективизации на основе математико-картографических моделей (поля плотности древнего населения, карты динамики и «ретроспективного прогноза») реконструкции хода исторических процессов;
- изучения этапности и форм расселения древнего человека, а также датирования захоронений с помощью астрономо-геодезической информации и фитоиндикационного метода;
- составления цифровых археологических планов и тематических карт;
- поиска и идентификации новых археологических объектов с помощью алгоритмов автоматизированного дешифрирования;
- пространственного 3D- и анимационного моделирования археологических комплексов в их взаимосвязи с природной и антропогенной средой и др.

Путем сопоставления полевых наблюдений и данных дешифрирования по мультиспектральному снимку Quickbird (участок долины р. Юстыт) были получены определенные результаты. Рассмотрим технологические принципы и основные этапы дешифрирования. С учетом имеющейся информации на снимке нами был определен приоритетный способ дешифрирования, основанный на использовании не только RGB-каналов (R – красный, G – зеленый, B – синий), но и инфракрасного (IR). Это объясняется: отсутствием в настоящий момент панхроматического изображения с высоким или относительно высоким (2,01 м) разрешением; особенностями ландшафтов «монгольского типа», где четко можно выделить морфоструктурные элементы памятников (кольца, контуры оградок, структурные элементы херексуров, платформы и оградки отдельно стоящих курганов, возвышения и западины и т.п.); отсутствием данных стереосъемки, которые позволили бы значительно усилить поиск и выявить возможности типологизации археологических памятников на основе трехмерного математико-картографического моделирования рельефа исследуемой территории.

За основу классификации принято изображение, полученное в ближнем инфракрасном спектре, т.к. имеющийся у нас снимок характеризуется узким оптическим диапазоном: от 0,48 до 0,83 мкм. Преобразование исходного изображения из IR-диапазона осуществлялось с помощью общего индекса растительности – NDVI. На первом этапе выполнялось преобразование по классам канала IR по отношению к Red (красному) по формуле $NDVI = IR + Red / IR - Red$.

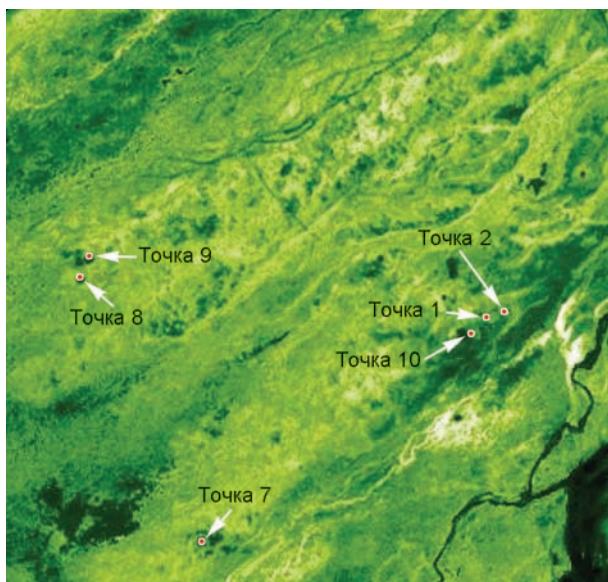

Рис. 6. Фрагмент синтезированного изображения, полученного в результате обработки исходного космического снимка с помощью алгоритма «Гаусса–Лапласа».

На полученным в результате обработки снимке светлые участки соответствуют большему значению индекса, что означает более активную вегетацию. Следует обратить внимание, что при расчетах вегетационных индексов для анализа растительности мы получаем не абсолютные значения, а относительную оценку определенного свойства растительности. На обработанном снимке видны лишь территориальные различия, т.е. где активность вегетации выше, а где ниже.

На втором этапе применялись алгоритмы управляемой классификации полученного снимка. С помощью сравнительного анализа результатов дешифрирования были определены наиболее эффективные алгоритмы, позволяющие выделить на фоне общей мозаики характерные локальные участки, показывающие расположение как отдельных курганов, так и их совокупностей в виде цепочек по преобладающим осям направлений (север–юг, юго-запад–северо-восток). Принцип работы алгоритмов основан на использовании математических операторов «Гаусса–Лапласа» и «Фильтр переменных», которые предназначены для сглаживания изображения (удаления «шумов») и подчеркивания границ объектов.

На снимке, обработанном с помощью алгоритма «Гаусса–Лапласа» (рис. 6), четко видны контуры памятников. По прямым и косвенным дешифровочным признакам ясно, что точка 7 представляет собой курган с каменной насыпью. Границы насыпи размыты. Слоны кургана задернованы, однако темные полосы показывают наличие участков с незадернованными камнями либо однородным грунтом. Темный цвет в центре кургана означает отсутствие растительности, что подтверждают полевые наблюдения (наличие нескольких микроям со средней глубиной 30 см). В юго-западной части цвет преобладающего класса спектра не выделяется на общем фоне. Отсюда можно предположить, что здесь внешний контур объекта нарушен. Как показали полевые наблюдения, в этой части кургана действительно наблюдается разброс материала (рис. 7).

Алгоритм «Фильтр переменных» также позволил выделить несколько объектов на мультиспектральном снимке. К примеру, четко выделяется цепочка пазырыкских курганов с направлением оси юго-восток–северо-запад (рис. 8, точки 20–21). Однако определить наличие отдельных археологических объектов практически невозможно в силу плохо выраженных демаскирующих признаков, а также из-за небольших размеров самих курганов в цепочке (от 2 до 5 м в диаметре). Другие методы классификации снимка, удаляющие «шумы» и улучшающие качество изображения, положительных результатов не показали. Поэтому для аналогичных условий поиска и координатной фиксации археологических объектов можно рекомендовать алгоритм «Фильтр переменных», т.к. он позволяет найти

и отобразить на мультиспектральном снимке структурные элементы, выраженные в морфологическом плане, но «скрытые» для обычного визуального дешифрирования.

Интересный результат показал алгоритм построения гиперспектрального куба – «3D Cube». Трехмерная функция «3D Cube» позволила выполнить мультиспектральный анализ с созданием синтезированного файла, который можно анализировать как в пространственном отношении, так и в спектральном (имеется в виду вычисление статистических параметров яркостных значений пикселей полученных матриц изображения). В результате применения данной функции получено комбинированное изображение с объемным эффектом, далее путем соединения каналов RGB – псевдогиперспектральный трехмерный куб. Применение алгоритма «Build 3D Cube» показало значительную эффективность анализа по отношению к бинарному (черно-белому) изображению, а также к снимку в диапазоне RGB от 0 до 255 (цветное изображение или черно-белое с 256 вариантами градаций серого).

На полученном снимке улучшены демаскирующие признаки археологических объектов (форма, размеры, тон и т.д.) (рис. 9); с их помощью без особых затруднений можно выделить херексы, расположенные на открытых участках местности вдоль полевых дорог. Определяемы размеры насыпей, планиметрия (расположение в плане), морфология (внешняя структура поверхности). Так, например, на одних объектах наблюдается значительное превышение в центре херексура, выраженное в рельфе, на других – существенные понижения (западины), что может означать провал внутренней конструкции погребения либо перенос материала. На объектах 16 и 17 четко видны западины в центрах. На периферии выделяется внешний пояс, сложенный предположительно из крупных камней, образующих различаемый контур.

Дальнейшая обработка снимка предполагает применение уже известных и разработку новых способов автоматизированного дешифрирования, основанных на принципах и подходах управляемой классификации, т.е. создание обучающих алгоритмов, которые программа использует для автоматического поиска и выделения классов «по образцу». Для повышения эффективности цифрового картографирования памятников необходимо разрабатывать и совершенствовать методы математико-картографического моделирования. Решение подобных задач возможно путем создания ЦМР снимаемых площадок.

Рис. 7. Курган, соответствующий координатам точки 7 космического снимка.
Фото Е.П. Крупочкина.

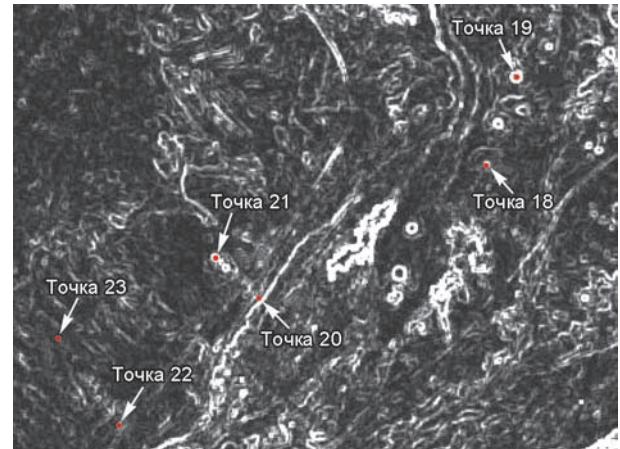

Рис. 8. Фрагмент синтезированного изображения, полученного в результате обработки исходного космического снимка с помощью алгоритма «Фильтр переменных».

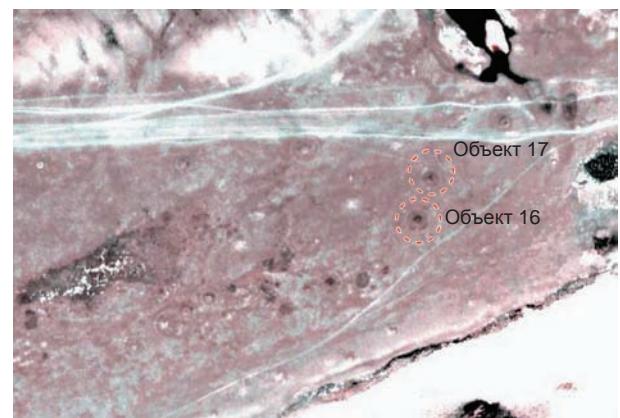

Рис. 9. Фрагмент синтезированного изображения, полученного в результате обработки исходного космического снимка с помощью функции «Build 3D Cube».

Результаты и выводы

В ходе исследований получены цифровые картографические материалы по археологии Юго-Восточного Алтая (Чуйская котловина). В частности, подготовлены цифровые картографические слои для могильников Юстыд, Уландрыйк I и II, Сары-Габо. Для них созданы цифровые модели рельефа, которые могут быть полезны для анализа систем расселения, территориальной организации хозяйства и аналогичных реконструкций.

Работа выполнялась параллельно с составлением топографических планов. В процессе создания электронных карт отрабатывались и совершенствовались система условных обозначений, способы картографического изображения археологических памятников, алгоритмы автоматизированного дешифрирования мультиспектральных снимков.

Проведен комплекс работ по геоинформационному картографированию археологических памятников на примере археологического микрорайона «Юстыд». Подготовлена цифровая картографическая основа, включающая картографическую базу данных и идентификационные характеристики памятников. Исходными материалами для формирования ГИС «Юстыд» послужили результаты GPS-картирования и инструментальной съемки памятников 2005–2007 гг., а также результаты дешифрирования мультиспектрального космического снимка Quickbird верхнего участка долины реки. Полученные данные представлены в наиболее распространенных форматах ГИС MapInfo Pro и ArcView.

Выполнена геодезическая проверка ориентации курганов на ранее исследованных могильниках в долинах Уландрьика и Юстыда для анализа ориентационных свойств памятников. В полевых условиях с помощью теодолита измерены углы закрытости горизонта, что важно при определении сезона захоронений.

Проведенные в 2005–2008 гг. экспедиционные работы в долине Юстыда позволили:

- выявить и описать археологические и физико-географические особенности памятников по ключевым площадкам;
- сопоставить полученные предварительные результаты дешифрирования имеющегося космического снимка с ожидаемыми;
- оценить относительную погрешность примененных алгоритмов и определить дальнейшую направленность научных исследований для совершенствования способов и алгоритмов дешифрирования.

Учитывая все еще довольно значительную стоимость космических снимков высокого разрешения, целесообразно использовать их комплексно, т.е. не только для определения местоположения и размеров

объектов, но и для составления цифровых моделей рельефа, анализа ландшафтной структуры и др., что будет повышать их экономическую эффективность.

Список литературы

Баранов Ю.Б., Берлянт А.М., Капралов Е.Г., Кошкарев А.В., Серапинас Б.Б., Филиппов Ю.А. Геоинформатика: Толковый словарь основных терминов. – М.: ГИС-Ассоциация, 1999. – URL: <http://www.gisa.ru/geoinfoslovar.html> (дата обращения: 15.01.2008).

Быков Н.И., Быкова В.А. Ориентация погребенных людей в курганах скифской эпохи как источник историко-географической информации // География и природопользование Сибири. – 2003. – Вып. 6. – С. 214–226.

Быков Н.И., Быкова В.А., Панюшкина И.П., Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическая и геодезико-астрономическая оценка последовательности сооружения курганов в могильниках пазырыкской культуры Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 258–264.

Быкова В.А. История археологической изученности бассейна Чуи // География и природопользование Сибири. – 2002. – Вып. 5. – С. 245–255.

Китов А.Д. Компьютерный анализ и синтез геоизображений. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 220 с.

Крупчакин Е.П. Геоинформационный подход к картографированию археологических памятников (на примере территории Республики Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 2. – С. 218–222.

Крупчакин Е.П. Опыт использования ГИС-технологий для решения задач картографирования археологических памятников // Северная Евразия в антропогене: человек, палеоэкология, геоэкология, этнология и антропология: Мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посвященной 100-летию со дня рождения М.М. Герасимова. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 312–321.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрьика. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.

Постнов А.В., Вергунов Е.Г. Основы геодезического обеспечения археологических исследований с применением спутниковых навигационных приемников. – Новосибирск: Свет, 2003. – 160 с.

Goossens R., De Wulf A., Bourgeois J., Gheyle W., Willems T. Satellite imagery and archaeology: the example of CORONA in the Altai Mountains // J. of Archaeological Science. – 2006. – N 33. – P. 745–755.

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ

УДК 947:940.1+630.561.1.24

В.С. Мыглан, И.Ю. Слюсаренко, А.Ю. Майничева

СПАССКАЯ ЦЕРКОВЬ ИЗ ЗАШИВЕРСКА: ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Статья посвящена теме датирования уникального памятника деревянного зодчества эпохи русской колонизации Сибири – Спасской церкви из заполярного города Зашиверска. Впервые для исследования церкви использован дендрохронологический анализ. Этот метод, основанный на изменчивости прироста годичных колец деревьев, позволяет получить наиболее объективные даты с точностью до года. Изучена рекордная по представительности выборка образцов от 95 бревен из разных стенок и венцов в каждом помещении церкви. Для установления календарных дат использованы обобщенные древесно-кольцевые хронологии, полученные по живым лиственницам в прилегающем к памятнику районе. Исходя из установленных дат рубки деревьев, сохранивших подкорковое кольцо, можно говорить о том, что основная масса древесины была заготовлена в период 1709–1711 гг. Само строительство здания могло происходить либо в это же время, либо сразу после 1711 г. Нельзя исключать и того, что некоторые бревна с более ранними датами сначала входили в состав предшествующей конструкции и позже были вновь использованы для строительства настоящей Спасской церкви из Зашиверска.

Ключевые слова: памятники деревянного зодчества, Сибирь, история, архитектура, дендрохронология.

Введение

Среди немногочисленных сохранившихся до сегодняшних дней памятников деревянного зодчества эпохи русской колонизации Сибири Спасская церковь из Зашиверска занимает выдающееся место (рис. 1, 2). Перевезенная в 1971–1972 гг. с берегов р. Индигирки (рис. 3) в Новосибирск и позже восстановленная здесь, она стала центральным экспонатом Историко-архитектурного музея Института археологии и этнографии СО РАН. Обобщающие результаты археологических и исторических изысканий, характеристика архитектурно-строительных особенностей уникальной шатровой церкви подробно изложены в капитальной работе А.П. Окладникова, З.В. Гоголева и Е.А. Ащепкова [1977]. Однако неясными остались многие вопросы, связанные со временем сооружения церкви и ее последующей историей. Этот аспект наиболее подробно затронут в ряде недавно изданных работ, где авторы предложили свои версии ответов, осно-

ванные на анализе комплекса разнообразных данных: письменных и графических источников, результатов археологических раскопок и натурного обследования здания [Курилов, Майничева, 2005, с. 29].

В то же время бросается в глаза, что до сих пор среди использованных методов и подходов не был задействован наиболее очевидный (поскольку речь идет о постройке из дерева) – дендрохронологический анализ, основанный на фиксации изменчивости годичного прироста древесины и позволяющий датировать события с высоким временным разрешением (год, сезон) [Шиятов и др., 2000, с. 15]. Применительно к деревянным архитектурным памятникам этот метод помогает наиболее точно и надежно решать широкий круг вопросов: от подтверждения или уточнения даты их строительства до восстановления полной картины строительной истории на протяжении длительных отрезков времени, а также реконструировать многочисленные аспекты деревообработки и строительного дела [Черных, Сергеева, 1997, с. 109].

Богатый опыт использования дендрохронологического анализа при изучении русских архитектурных памятников XV–XX вв. в северных областях Европейской России получен в Институте археологии РАН. В лабо-

*Исследования проведены при финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-06-00429) и РГНФ (проект № 08-01-18094).

Рис. 1. Спасская церковь из Зашиверска с колокольней. Вид с северо-востока. Фото В.П. Мыльникова.

Рис. 2. Спасская церковь из Зашиверска. Вид с юго-востока. Фото Д.А. Майничева.

ратории естественнонаучных методов была разработана специальная программа подобных исследований, которая в настоящее время охватывает сотни построек [Черных, Сергеева, 1997; Черных, 1996, 2001; Черных, Карпухин, 2006]. Как отмечала Н.Б. Черных, долгие годы продвигавшая эту работу, «всестороннее исследование деревянных памятников архитектуры (включающее и реставрацию культовых построек) в последние годы уже не мыслится без применения методов дендрохронологии» [Черных, Сергеева, 1997, с. 109].

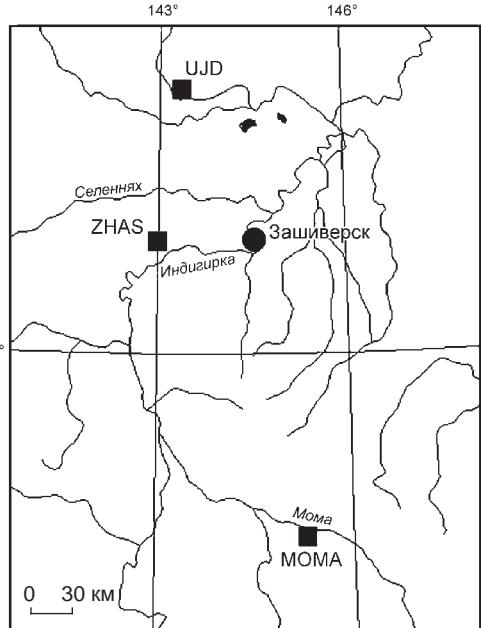

Рис. 3. Расположение Зашиверска и районов, для которых получены обобщенные древесно-кольцевые хронологии (UJD, ZHAS, MOMA).

Некоторые сибирские архитектурные памятники также послужили объектами дендрохронологических исследований. Это прежде всего Казымский острог, где была проведена пионерная для своего времени работа по датировке двух башен и других построек [Комин, 1980]. В последние годы активность в области датирования архитектурных памятников Урала проявляют специалисты из лаборатории дендрохронологии Института экологии растений и животных УрО РАН в г. Екатеринбурге. Ими, например, по годичным кольцам получены даты для культовых и гражданских построек XVIII в. на территории г. Верхотурия [Горячев, 1997, 1998].

Таким образом, давно назрела необходимость детального дендрохронологического исследования Спасской церкви из Зашиверска.

Материалы и методы

Основой для выполнения дендрохронологического анализа послужили образцы древесины от бревен Спасской церкви из Зашиверска, отобранные в 2006 г. в Музее под открытым небом ИАЭТ СО РАН научными сотрудниками В.С. Мыгланом (СФУ) и И.Ю. Слюсаренко (ИАЭТ СО РАН), а также спил, взятый Н.Д. Оводовым в 1971 г. с северной стороны храма*.

*Авторы выражают признательность А.П. Бородовскому, предоставившему информацию о местонахождении спила.

Таблица 1. Результаты перекрестной датировки образцов древесины Спасской церкви из Зашиверска

Номер образца	Название образца	Кольцо (год)		Коэффициент корреляции	<i>m</i>	σ	Примечание		
		Центральное	Периферийное						
1	2	3	4	5	6	7	8		
<i>Четверик: северная стенка</i>									
1	C—I—1	1513	1697	0,66	0,35	0,32			
2	C—I—2	1416	1653	0,65	0,39	0,50			
3	C—I—4	1398	1668	0,72	0,41	0,29			
4	C—I—5	1480	1701	0,66	0,36	0,30			
5	C—I—6	1428	1699	0,72	0,41	0,28			
6	C—I—7	1347	1700	0,73	0,45	0,19			
7	C—II—1	1465	1688	0,64	0,36	0,55			
8	C—II—2	1401	1666	0,68	0,44	0,53			
9	C—II—3	1422	1625	0,61	0,41	0,51			
10	C—II—4	1444	1697	0,68	0,42	0,18			
11	C—II—5	1430	1690	0,61	0,37	0,20			
12	C—II—6	1412	1668	0,71	0,39	0,31			
13	C—II—7	1382	1687	0,69	0,45	0,35			
14	C—(I-II)—8	1379	1675	0,60	0,44	0,31			
15	C—(I-II)—9	1458	1595	0,58	0,39	0,10			
16	Bp—C—(I-II)—1	1386	1620	0,70	0,42	0,48			
17	Bp—C—(I-II)—2	1576	1690	0,58	0,45	0,32			
18	Bp—C—(I-II)—3	1452	1687	0,57	0,47	0,21			
19	Bp—C—(I-II)—4	1315	1601	0,60	0,41	0,45			
20	Bp—C—(I-II)—5	1387	1673	0,76	0,53	0,29			
21	Bp—C—(I-II)—6	1379	1626	0,63	0,54	0,37			
22	Bp—C—(I-II)—7	1359	1668	0,63	0,50	0,26			
<i>Трапезная: северная стенка</i>									
23	C—III—2	1457	1665	0,52	0,50	0,19			
24	C—III—3	1411	1682	0,69	0,36	0,40			
25	C—III—4	1499	1695	0,74	0,32	0,41			
26	C—III—5	1374	1693	0,64	0,42	0,35			
27	C—III—6	1385	1674	0,69	0,43	0,32			
28	C—III—7	1512	1694	0,65	0,40	0,54			
29	C—III—8	1435	1693	0,67	0,42	0,23			
30	C—III—9	1440	1702	0,67	0,38	0,23			
31	Bp—C—III—1	1433	1690	0,64	0,40	0,27			
<i>Северная сторона церкви</i>									
32	Спил 1971 г.	1450	1709	0,65	0,40	0,41	Сохранилось подкорковое кольцо		
<i>Западная стенка</i>									
33	3—I—1	1464	1687	0,72	0,42	0,17			
34	3—I—2	1419	1678	0,66	0,46	0,37			
35	3—I—4	1438	1656	0,66	0,30	0,38			
36	3—I—5	1379	1685	0,68	0,42	0,28			
37	3—I—6	1415	1684	0,62	0,46	0,15			

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
38	3—I—7	1347	1700	0,76	0,44	0,19	
39	3—(I-II)—8	1416	1648	0,71	0,36	0,45	
40	3—(I-II)—9	1387	1668	0,62	0,41	0,40	
41	3-II—1	1466	1675	0,71	0,39	0,16	
42	3-II—2	1435	1653	0,61	0,48	0,32	
43	3-II—3	1446	1682	0,80	0,40	0,28	
44	3-II—4	1438	1660	0,70	0,35	0,39	
45	3-II—5	1550	1697	0,65	0,46	0,10	
46	3-II—6	1468	1686	0,62	0,43	0,25	
47	3-II—7	1376	1698	0,77	0,41	0,21	
48	Вр—3—(I-II)—2	1500	1683	0,71	0,37	0,50	
49	Вр—3—(I-II)—3	1468	1675	0,72	0,41	0,19	
50	Вр—3—(I-II)—4	1535	1709	0,68	0,45	0,30	
51	Вр—3—(I-II)—8	1502	1709	0,50	0,48	0,13	
52	Вр—3—(I-II)—9	1440	1666	0,68	0,48	0,26	
<i>Трапезная: южная стена</i>							
53	Ю—I—3	1501	1665	0,62	0,48	0,12	
54	Ю—I—4	1450	1694	0,65	0,32	0,24	
55	Ю—I—5	1561	1698	0,77	0,41	0,14	
56	Ю—I—6	1436	1692	0,73	0,37	0,27	
57	Ю—I—7	1584	1699	0,63	0,36	0,18	
58	Вр—Ю—I—1	1597	1709	0,79	0,38	0,24	Образец взят изнутри
59	Вр—Ю—I—2	1549	1708	0,75	0,37	0,33	То же
60	Вр—Ю—I—3	1517	1699	0,71	0,51	0,15	»
<i>Четверик: южная стена</i>							
61	Вр—Ю—II—1	1458	1691	0,71	0,46	0,31	»
62	Вр—Ю—II—2	1590	1701	0,50	0,39	0,08	»
<i>Перегородка между трапезной и четвериком</i>							
63	П—3	1511	1689	0,55	0,45	0,34	
64	П—4	1413	1695	0,70	0,44	0,29	
65	П—5	1440	1693	0,70	0,45	0,21	
66	П—6	1512	1706	0,71	0,32	0,14	
67	П—7	1442	1694	0,68	0,46	0,36	
68	Вр—П—2	1489	1704	0,75	0,45	0,26	Образец взят изнутри
69	Вр—П—3	1440	1700	0,64	0,45	0,40	То же
70	Вр—П—4	1504	1706	0,72	0,41	0,42	»
71	Вр—П—5	1455	1705	0,75	0,39	0,20	»
<i>Восьмерик (все образцы взяты изнутри здания)</i>							
72	3—8	1523	1711	0,67	0,40	0,23	Сохранилось подкоровое кольцо
73	3—9	1484	1706	0,57	0,50	0,19	То же
74	3—11	1498	1696	0,69	0,50	0,21	
75	Ю3—4	1547	1708	0,60	0,38	0,20	Сохранилось подкоровое кольцо
76	Ю3—5	1497	1685	0,46	0,34	0,22	То же

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
77	Ю3–11	1523	1710	0,72	0,40	0,15	
78	Ю–5	1525	1710	0,61	0,36	0,28	Сохранилось подкоровое кольцо
79	Ю–11	1565	1711	0,72	0,42	0,14	
80	ЮВ–6	1523	1709	0,68	0,47	0,23	Сохранилось подкоровое кольцо
81	ЮВ–11	1481	1709	0,67	0,57	0,34	То же
82	В–6	1483	1711	0,65	0,49	0,10	»
83	В–7	1536	1711	0,68	0,42	0,21	»
84	CB–6	1437	1704	0,63	0,53	0,27	
85	CB–8	1515	1711	0,64	0,41	0,34	Сохранилось подкоровое кольцо
86	CB–10	1499	1704	0,67	0,41	0,34	
87	C–4	1549	1711	0,68	0,40	0,24	Сохранилось подкоровое кольцо
88	C–7	1586	1702	0,56	0,67	0,10	То же
89	C–10	1572	1709	0,72	0,45	0,08	
90	C3–7	1523	1711	0,54	0,47	0,16	Сохранилось подкоровое кольцо
91	C3–9	1558	1703	0,68	0,47	0,13	
92	C3–11	1468	1699	0,55	0,46	0,14	
Апсиса: южная стена							
93	Ю–2	1466	1710	0,64	0,43	0,16	Образец взят изнутри

Примечания: t – коэффициент чувствительности; σ – стандартное отклонение; при обозначении бревен использовались следующие сокращения: С, З, Ю, В – начальные буквы сторон света, Вр – образцы, взятые от уровня крыши, П – перегородка между трапециевидной и четвериком; бревна восьмерика обозначены согласно металлическим бляшкам на них.

Значительную трудность при отборе образцов вызвала невероятная твердость древесины (лиственница), что в ряде случаев не позволяло взять образцы с намеченных участков бревен, приводило к разрушению не только периферийных колец, но и самого керна. Несмотря на это, в результате проведенной работы для камеральной обработки удалось отобрать материал с 95 бревен, из которых два позднее не были учтены. Таким образом, наша выборка является рекордной по представительности, если учесть, что в обычной практике количество образцов от одного объекта редко превышает 25–30 шт. [Черных, 2001, с. 115]. Для того чтобы сделать анализ максимально детальным, материал для исследования отбирался от разных стендок и венцов в каждом помещении церкви. По архитектурным элементам здания образцы распределились следующим образом (табл. 1): четверик – 22 из северной стенки, 2 – из южной; трапециевидная – 9 из северной стенки, 20 – из западной, 8 – из южной; перегородка между четвериком и трапециевидной – 9; восьмерик – 21; апсида – 1 (расположение большинства образцов показано на рис. 4, 5).

Имея в виду получение точных дат валки деревьев («порубочные даты»), самое пристальное внимание при отборе образцов мы уделяли наличию последнего

кольца, образовавшегося при жизни дерева. Поэтому выбирались участки бревен без видимых следов повреждения поверхности или с явными признаками внешнего кольца (остатки коры и пр.). Как показало исследование, лучше всего такие кольца сохранились у бревен внутри помещения, особенно в чердачной, непосещаемой части здания, поскольку здесь они были в наибольшей степени защищены от атмосферных и прочих воздействий.

В лабораторных условиях поверхность образцов защищалась скальпелем. Измерение ширины годичных колец производилось от центра к периферии на полуавтоматической установке LINTAB-2 с точностью 0,01 мм. С целью установления календарных (абсолютных) дат для отдельных образцов и в целом сооружения были использованы обобщенные древесно-кольцевые хронологии, полученные по живым деревьям лиственницы: ZHAS (*Larix sibirica* Ldb, 1591–1991 гг., 67°27' с.ш., 142°37' в.д.), UJD (*Larix sibirica* Ldb, 1369–1991 гг., 68°41' с.ш., 143°16' в.д.), МОМА (*Larix sibirica* Ldb, 1311–1945 гг., 65°53' с.ш., 145°18' в.д.)*. Эти хронологии характеризуют прирост деревьев

*Взяты из базы данных лаборатории «Структура годичных колец» Института леса СО РАН и [Schweingruber, 2006].

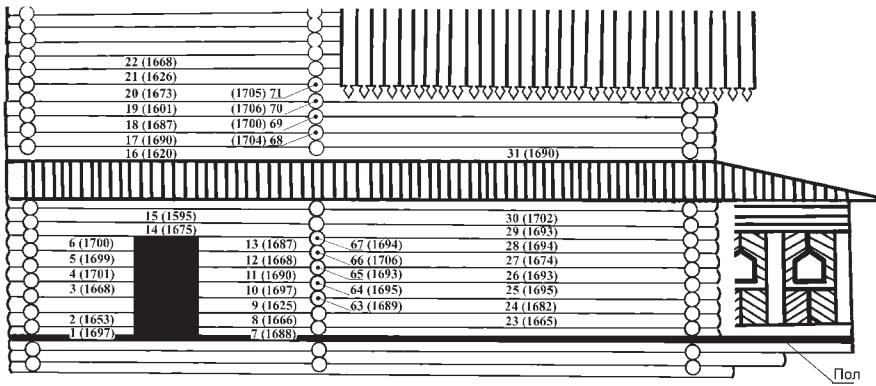

Рис. 4. Фрагмент фасада (без галерей) с северной стороны.

Нумерация и даты образцов согласно табл. 1.

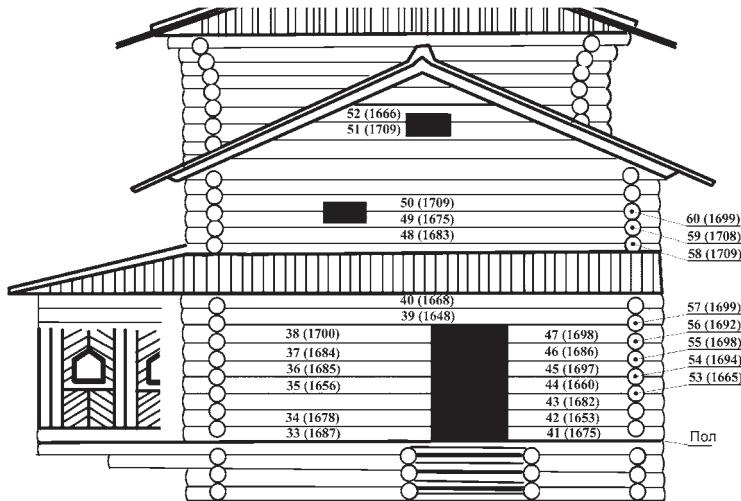

Рис. 5. Фрагмент фасада (без галерей) с западной стороны.

Нумерация и даты образцов согласно табл. 1.

ев в прилегающем к памятнику районе (см. рис. 3). Кросскорреляционный анализ был выполнен в специализированном пакете для дендрохронологических исследований DPL [Holms, 1984], графическая перекрестная датировка – в программном пакете TSAP V3.5 [Rinn, 1996] с визуальным сопоставлением кривых изменчивости абсолютных и индексированных значений радиального прироста, расчеты и графические иллюстрации – в программе «Statistica 6.0».

Результаты и обсуждение

Посредством сочетания кросскорреляционного анализа и графической перекрестной датировки измеренные индивидуальные серии прироста были датированы относительно друг друга и обобщенных древесно-кольцевых хронологий ZHAS, UJD, MOMA (табл. 1).

Для оценки изменчивости индивидуальных рядов применялись такие показатели, как коэффициент

чувствительности [Ferguson, 1969] и стандартное отклонение. Первый характеризует относительную величину погодичной изменчивости прироста, второй – ее амплитуду. Контроль качества датировки был выполнен в программе COFECHA. Высокие значения коэффициента чувствительности (среднее 0,40) и межсерийного коэффициента корреляции (среднее 0,67) свидетельствуют о присутствии в изменениях ширины годичных колец четкого климатического сигнала и указывают на высокую степень согласованности прироста индивидуальных серий. Привязка последних к абсолютной временной шкале достигалась путем их перекрестного датирования относительно обобщенных древесно-кольцевых хронологий UJD и MOMA (рис. 6).

В результате проведенной работы были определены календарные годы, соответствующие сохранившимся на образцах внешним годичным кольцам. Однако далеко не всегда последние периферийные кольца отражают годы рубки деревьев («порубочные даты»), использованных при строительстве церкви. У подавляющего большинства образцов после последнего фиксируемого кольца неизвестное количество наружных колец было утрачено по тем или иным причинам.

Из 93 исследованных бревен наличие подкорового слоя надежно отмечается всего у 14 (15 % от общего числа), из которых 13 из восьмерика и одно из северной стенки (спил 1971 г., взятый при разборе церкви). Из 14 деревьев с установленным годом рубки 10 были свалены в период 1709–1711 гг. А всего на эти годы приходится 17 образцов (18 %). В то же время, оценивая распределение периферийных колец по десятилетиям (рис. 7), отметим, что на 1700–1711 гг. приходится 36,5 % (34 образца), а на 1690–1699 гг. –

25 % (23 образца). То есть в последний 20-летний интервал попадает более 60 % дат.

Анализ распределения дат по помещениям церкви показал следующее. Для апсиды имеется единственная дата – 1710 г.; для четверика наиболее поздня – 1701 г.; для трапезной – 1709 г.; для перегородки между четвериком и трапезной – 1706 г., для восьмерика – 1711 г. Наибольшее количество самых поздних дат рубки деревьев (1709–1711 гг.), как указывалось выше, связано с восьмериком. В то же время присутствие в нем бревен с «порубочными датами» 1685, 1702 и 1706 гг. (образцы 73, 76, 88) свидетельствует о том, что при строительстве церкви применялись либо сухостойные деревья, либо бревна, заготовленные в более ранние годы или использованные вторично.

Как уже отмечалось, у большей части анализируемых образцов последние прижизненные кольца утрачены. Это объясняется целым рядом причин, среди которых выветривание поверхности бревен в суровых условиях Индигирки, возможный их сплав по реке, разборка и перевозка в Новосибирск, хранение в течение ряда лет и новая сборка на территории Музея под открытым небом. Для выяснения, какое количество колец могло быть потеряно в результате различных внешних воздействий, был проведен ряд последовательных измерений по нескольким радиусам спила, взятого в 1971 г. (образец 32) и сохранившего последнее прижизненное кольцо (на одном участке присутствовали фрагменты коры). Полученные результаты показали, что разница между радиусом, содержащим подкорковое кольцо (1709 г.), и последними периферийными кольцами прочих радиусов (без явных следов повреждений на внешней стороне) может достигать 10–18 лет. Таким образом, по крайней мере, для части бревен их более ранние даты, приходящиеся на последние десятилетия XVII – первые годы XVIII в., с учетом выявленной разницы должны быть откорректированы, тогда количество дат, близких к периоду 1709–1711 гг., возрастет. Можно утверждать, что в этот период велась заготовка большей части древесины для Спасской церкви из Зашиверска, а само строительство могло начаться либо в те же годы, либо сразу после 1711 г.

Существует предположение, что Зашиверский острог до 1700 г. располагался в устье р. Момы, а роль культового здания играла небольшая часовня. После 1700 г. основные сооружения старого острога, включая часовню, перенесли ниже по течению Индигирки путем сплава по реке. На новом месте часовня была сначала существенно перестроена, а затем вошла в состав здания Спасской церкви [Курилов, Майничева,

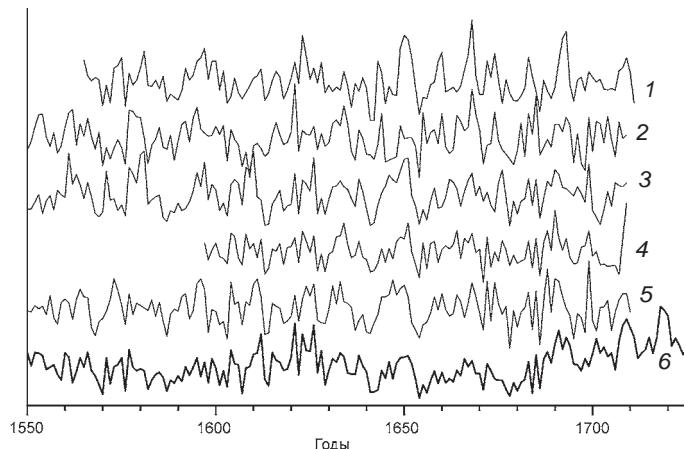

Рис. 6. Пример перекрестной датировки индивидуальных серий относительно обобщенной хронологии МОМА.

1 – образец 79; 2 – 80; 3 – 32; 4 – 58; 5 – 93; 6 – МОМА.

Номера образцов согласно табл. 1.

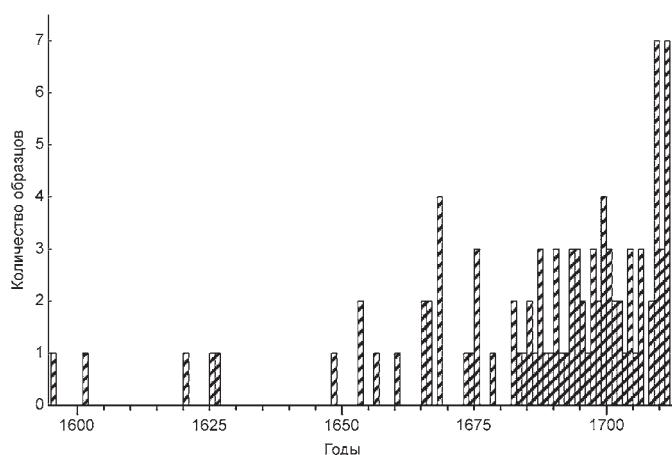

Рис. 7. Гистограмма распределения периферийных колец.

2005, с. 40–43]. Представляло интерес проверить это предположение, проанализировав, насколько прирост образцов из церкви (соответственно, район происхождения древесины) согласуется с привлеченными нами обобщенными древесно-кольцевыми хронологиями, полученными для участков, близких к Зашиверску и расположенных по линии север–юг, в т.ч. в нижнем течении р. Момы (см. рис. 3). Проведенное сопоставление индексов прироста показало: наибольшая синхронность кривых (вследствие воздействия общих внешних условий) наблюдается именно с хронологией МОМА (табл. 2). Это позволяет сделать вывод о том, что место заготовки деревьев, использованных для постройки церкви, находилось выше по Индигирке от Зашиверска. Данный факт имеет два возможных объяснения.

1. Первоначально острог действительно мог находиться в устье р. Момы, а затем был разобран и сплавлен на р. Индигирку. В этом случае объяснение полу-

Таблица 2. Значения парного коэффициента корреляции между индексированной древесно-кольцевой хронологией Зашиверской церкви и индексированными обобщенными хронологиями

Хронология	Период	Коэффициент корреляций	N
MOMA	1375–1711 гг.	0,81	337
UJD	»	0,42	337
ZHAS	1591–1711 гг.	0,20	121

Примечание: N – объем использованной выборки (количество лет); $p < 0,05$, все значения коэффициентов корреляции значимые.

Часть наличие групп более ранних дат бревен церкви в интервале 1660–1690-е гг. Хотя наружные кольца у данных бревен отсутствуют, можно предположить, что их датировка последними десятилетиями XVII в. связана не столько с потерей колец, сколько с заготовкой древесины именно в этот период и использованием ее в постройке, предшествовавшей собственно церкви.

2. Древесину для строительства храма заготавливали значительно выше по течению, а затем сплавляли вниз по реке. О такой возможностикосвенно свидетельствуют впечатления участников экспедиций 1969–1971 гг.: глядя на мощные лиственничные бревна, из которых была срублена церковь, они отмечали, что «такие деревья не растут в лесотундре у Зашиверска. Их сплавили, должно быть, издалека, с верховьев Индигирки» [Окладников, Гоголев, Ащепков, 1977, с. 39]. Об отсутствии подходящей строительной древесины на месте современного расположения Зашиверска говорят и свидетельства путешественников XVII в.: «От Зашиверска... леса редеют и вся страна представляет одно необозримое озеро... Здесь кроме мха, неизменной корявой лиственницы, еще меньшего тальника и воды ничего нет» (см.: [Там же, с. 48–49]).

Заключение

Исходя из установленных для Спасской церкви дат рубки деревьев, сохранивших подкорковое кольцо, можно говорить о том, что основная масса древесины была заготовлена в период 1709–1711 гг. Само строительство здания могло происходить либо в это же время, либо сразу после 1711 г. В любом случае, во всей весьма многочисленной выборке не было зафиксировано ни одной даты позднее 1711 г. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что при возможных перестройках для четверика, восьмерика и трапезной церкви использовали уже имеющиеся бревна. Нельзя исключать и того, что часть бревен с более ранними датами сна-

чала входила в состав предшествующей конструкции и позже была использована для строительства настоящей Спасской церкви из Зашиверска.

Список литературы

Горячев В.М. Датировка образцов древесины из археологических раскопок на территории Николаевского монастыря г. Верхотурья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – Вып. 1. – С. 166–174.

Горячев В.М. Некоторые итоги датировки остатков деревянных строений из археологических раскопов на территории г. Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – С. 6–13.

Комин Г.Е. Дендрохронология Казымского городка // Историко-архитектурный музей под открытым небом: принципы и методика организации. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 121–126.

Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 96 с.

Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск: древнерусский заполярный город. – М.: Наука, 1977. – 212 с.

Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. – М.: Ноx, 1996. – 216 с.

Черных Н.Б. Дендрохронология архитектурных памятников Карелии // КСИА. – 2001. – Вып. 211. – С. 113–120.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. Застройка «старого города» Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Ивановский монастырь) // РА. – 2006. – № 1. – С. 157–163.

Черных Н.Б., Сергеева Н.Ф. Дендрохронология архитектурных памятников на севере России (бассейн Северной Двины и Онеги) // РА. – 1997. – № 1. – С. 109–124.

Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М. Методы дендрохронологии: учеб.-метод. пособие. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. – Ч. 1: Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации. – 80 с.

Ferguson C.W. A 7104-year annual tree-ring chronology for Bristlecone pine, *Pinus aristata*, from the White Mountains, California // Tree-Ring Bull. – 1969. – Vol. 29, N 3/4. – P. 3–29.

Holms R.L. Dendrochronological Program Library/Laboratory of Tree-ring Research. – Tucson: The University of Arizona, 1984. – 51 p.

Rinn F. TSAP V3.5: Computer program for tree-ring analysis and presentation. – Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. – 269 p.

Schweingruber F. Zhaschiviersk, Moma River. – 2006. – URL: <http://www.ncdc.noaa.gov/paleo/treering.html>

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391

А.В. Бауло

«АРЛЕКИН» – ОСТЯЦКИЙ ИДОЛ

В статье рассматривается использование одного из видов иноэтнических атрибутов в традиционной культуре хантов и манси в XVII–XXI вв. – объемной скульптуры (преимущественно русской): привозных игрушек, статуэток, фигурной фарфоровой и стеклянной посуды. В результате исследования установлено, что главным образом эта скульптура применялась для изображения фигур божеств и духов-покровителей, в меньшей степени она входила в обрядовую сферу с магическими целями или в качестве временного замещения жертвы. Бытование русской «игрушки» в традиционной культуре обских угров является достаточно ярким фактом этнокультурного взаимодействия на севере Западной Сибири в Новое и Новейшее время.

Ключевые слова: атрибут, божество, обряд, магия, ритуал, игрушки.

Этнографию издавна привлекали «чудеса и диковинки»; внимание к необычному в культуре другого народа до сих пор подогревает интерес исследователей. Изучая святыни манси и хантов, описывая в них традиционные атрибуты, выполненные носителями культуры (жертвенные покрывала, маски медвежьего праздника, деревянные изваяния божеств, шаманские бубны и др.), неожиданно наталкиваешься на русскую детскую игрушку – солдатика, лошадку, лягушку и даже обычный стеклянный шарик для новогодней елки. Что делают эти «вещи праздника» среди суровых, безмолвных и подчас мрачноватых атрибутов древней языческой религии?

В данной статье мы поговорим об использовании в XVII–XXI вв. в обрядах обских угров иноэтнической (преимущественно русской) объемной скульптуры: привозных игрушек, статуэток, фигурной фарфоровой и стеклянной посуды*. Главным образом эта скульпту-

ра применялась у манси и хантов для изображения фигур божеств и духов-покровителей, в меньшей степени она входила в обрядовую сферу с магическими целями или в качестве временного замещения жертвы.

К концу XVII в. относится характерное сообщение о происшествии, случившемся на Оби на судне экспедиции посланника И. Идеса: по его словам, пришедшие остыки увидели нюренбергскую игрушку – медведя с заводным механизмом, «когда накручивали пружину, медведь бил в барабан, качал головой из стороны в сторону и закатывал глаза...». Как только остыки увидели это, они сейчас же совершили все обычные для верующих обряды, стали из всех сил танцевать в его честь, мотать головами, свистеть и шипеть. Они приняли эту игрушку за настоящего... шайтана и говорили: «...Будь у нас такой шайтан, мы бы его всего обвесили соболями и черными лисицами». Они спросили также, не продадим ли мы им эту вещь...» [Идес, Бранд, 1967, с. 99]. Другой участник экспедиции, А. Бранд, вспоминал этот случай несколько по-иному: остыкам показали несколько игрушек с заводным механизмом, в их числе оказался барабанщик, который бил палочками по барабану, поворачивал голову и закатывал глаза. Когда «барабанщик» доиграл, остыки... начали чмокать губами, бить себя по голове, бросаться на землю и почитали его как... своего шайтана... Затем им был показан такой же медведь, который стоял на задних лапах и бил в барабан... И этому медведю

*Материал для статьи собран в следующих поселках: Ясунт, Хошлог, Хурумпауль, Ломбовож, Турват, Халлауль, Кимкъасуи, Новый (все – манси), Тутлейм, Юхан-курт (ханты) Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного окр. (ХМАО); Пашторы, Ванзеват (ханты) Белоярского р-на ХМАО; Вытвожгорт, Нимвожгорт, Овгорт, Хорьер, Карвож, Машпан, Вершина Войкара, Анжигорт, Шурышканы (ханты) Шурышканского р-на Ямало-Ненецкого автономного окр. (ЯНАО); Зеленый Яр (ненцы, ханты) Приуральского р-на (ЯНАО).

остяки оказали божеские почести, но... дали понять, что им больше по душе... барабанщик. Они... попросили отдать им барабанщика... за ... большие деньги» [Там же, с. 115].

В XIX в. «инородцы стали приобретать у зырян и русских простые детские игрушки и признавать их за изображения богов»; подобные вещи делали на заказ или покупали на Ирбитской ярмарке [Гондатти, 1888, с. 7, 16]. К концу XIX в. относится сообщение о том, что один из представителей мансийской семьи Бахтиаровых в верховьях р. Лозьвы просил этнографа И.Н. Глушкина привезти оловянную или вообще металлическую фигурку лошади, необходимую vogулам для молений [Глушкин, 1900, с. 72].

Для обозначения собственных богов ханты и манси чаще всего использовали приобретенные у купцов фигурки антропоморфов, всадников, коней, медведей, лягушек и птиц.

Антропоморфы. В фондах Тобольского музея хранится детская медная игрушка «арлекин» (ТМ КП 16169, поступила в 1898 г.). Она изображает человека в китайской цилиндрической шляпе; к рукам и туловищу приделаны бубенчики круглой формы. Согласно музейной описи, «арлекин» использовался осятками в качестве идола [Дунин-Горкевич, 1911, с. 47] (рис. 1). «Старинная деревянная русская кукла», служившая изображением семейного духа-покровителя обских

Рис. 1. «Арлекин» – осятский идол.

угров, находится в фондах МАЭ (кол. № 1864-18) [Прыткова, 1971, с. 101].

В Ясунте дух-покровитель манси Хозумовых был выполнен в виде большой антропоморфной фигуры: туловище представлено синим халатом, голова – свернутым красным платком с надетым поверх шлемом. Внутри халата в сиреневом платке находилась серебряная с позолотой статуэтка, изготовленная в Тобольске в начале XIX в.: мужчина в колоколовидной шапке, сюртуке с высоким воротником, широким поясом и штанах; руки согнуты в локтевых суставах, левая поднята вверх, правая опущена к бедру. Данная поза и расположение рук напоминают движения мужчин, исполнявших на медвежьем празднике пляску богатырей. Шапка могла быть понята как шлем, серебряный же (по сути священный) облик фигурки, видимо, не оставлял сомнений у манси, что перед ними предок-богатырь. Таким образом, внешняя схожесть и материал, из которого была изготовлена статуэтка, позволили ей органично войти в состав культовой атрибутики манси. Еще одна тобольская серебряная статуэтка начала XIX в. в виде стоящего на восьмиугольном основании мужчины в парчовом халате выполняла роль семейного духа-покровителя хантов р. Полуй; фигурка была одета в несколько миниатюрных суконных халатов [Бауло, 2004, с. 74]. В пос. Суеватпауль Свердловской обл. в чемодане* на чердаке старого дома была обнаружена фарфоровая статуэтка танцующей девушки в одежде из семи платков; по косвенным данным фигурка могла ассоциироваться с обликом Калтась-эквы – главного женского божества манси [Окно..., 2003, с. 81] (рис. 2)**. В Хурумпауле в сундук была положена стеклянная новогодняя игрушечка в виде девушки в сарафане; назначение ее неизвестно (ПМА***, 1985 г.).

Практика использования игрушек в ритуальных целях описана и у северных селькупов: шаман Н.А. Агичев, проживавший в 1954 г. на оз. Вынга-Пур в Пуревском р-не, устроил недалеко от своего жилища святилище, где под лиственницей стояло несколько деревянных изваяний мучивших его духов. Позже к ним прибавились купленные в магазине детские куклы, ставшие для шамана также вместилищем духов. Выезжая в районный центр пос. Тарко-Сале или в пос. Харампур, он возил их с собой в лодке [Прокопьев, 1981, с. 45–46].

*Культовая атрибутика в святилищах манси и хантов обычно хранится в сундуках либо (на современном этапе) чемоданах; традиционно эти вместилища называют священными или святыми. Все упоминаемые далее в тексте чемоданы и сундуки относятся к этой категории.

**Благодарю директора Югорского музея истории и этнографии О.В. Малоземову за предоставленную фотографию статуэтки.

***Полевые материалы автора.

Рис. 2. Фарфоровая статуэтка танцующей девушки – один из обликов мансийской богини.

Рис. 3. Изображение божественного Вэрта.

Всадники. Ряд сыновей верховного бога *Нумиторума* в мифологии обских угров – всадники, «мужчины на лошади»: «Верховьев Иртыша мужчина», «Священного города мужчина», «Середины Сосьвы мужчина» [Молданова, 1999, с. 148], но прежде всего это *Мир-сусне-хум* – «Мир озирающий человек» (он же *Ас-тый-ики*, *Вэрт*, *Урт-ики*, *Мир-вантты-хэ*, *Али-хум* и др.), культурный герой, «младший сынок». *Мир-сусне-хум* покровительствовал человеку с момента появления его на свет. Естественно, почитание этого божества было распространено у обских угров повсеместно. Считалось, что он живет «на юге», в Троицких юртах – неподалеку от места слияния Оби и Иртыша. Для обычного человека (рыбака, охотника, оленевода) было важно постоянное, каждодневное благорасположение к себе со стороны Небесного всадника. Именно с этим связано обязательное наличие в каждом доме жертвенного покрывала с изображениями скачущего всадника или конных статуэток. Нередко последние оказывались русскими игрушками из папье-маше и дерева.

В июле 1934 г. в окружной газете писали о казымском ханте П.К. Молданове, в доме которого «хранился маленький конь, а на спине его верхом сидел маленький мужичок (кукла)» (см.: [Ерныхова, 2003, с. 84]). В Ломбовоже в доме потомка мансийских князцов П.Е. Шешкина среди многочисленной и весьма богатой культовой атрибутики главным фетишем являлось

изображение *Мир-сусне-хума* в виде всадника из папье-маше и дерева – кавалериста на белом коне, в красном мундире с эполетами и черном кивере. Хозяева повязали ему вокруг шеи «шарф» из полоски красного шерстяного сукна [Гемуев, 1990, с. 74–76]. Три скульптурных изображения наездника выполняли роль фигуры божества *Вэрта* в домашних святилищах в Тутлейме. В 1997 г. здесь была описана следующая фигурка: конь на деревянной подставке с четырьмя колесиками и всадник в красно-синей шапке, зеленом мундире, синих брюках с красными лампасами [Бауло, 2002, с. 18]. Вторая фигурка была передана жителями поселка в Березовский краеведческий музей: всадник изображен в белых мундире и брюках; лампасы, эполеты и воротник мундира – красные; на голове – высокая шапка. Хозяева «принярядили» своего божественного покровителя в накидку из куска пестрой ткани, к шее коня прикрепили низку крупного бисера с медным бубенчиком на конце (рис. 3). Третья фигурка представляла мужчину в черной повозке, запряженной лошадью (ПМА, 2006 г.). В Пашторах на чердаке дома в большом сундуке находилось изображение *Вэрта* в виде всадника из папье-маше и дерева – детской пищалки [Там же, с. 60]. Еще две фигурки всадников из того же материала (в синем и красном мундирах), обозначавшие божество *Мир-вантты-хэ*, были описаны в составе поселковой культовой атрибутики в священном амбарчике Нимвожгорта (ПМА, 2003, 2006 гг.).

Рис. 4. Изображение *Отыр-пыга* – «Сына богатыря».

Рис. 5. Резиновая лошадка, представляющая коня Небесного всадника.

Бога-всадника почитали и в виде металлических конных статуэток. В.Н. Чернецовым опубликована фотография такой статуэтки европейской работы, служившая у манси изображением *Mir-susne-huma* [1939, с. 35]. Образ *Отыр-пыга* – «Сына богатыря» в домаш-

нем святилище Т.И. Номина на р. Северная Сосьва был передан медной или оловянной фигуркой всадника в кивере, с саблей на боку, попирающего двухголового змея; к всаднику была привязана белая лента (рис. 4) [Гемуев, Бауло, 1999, с. 72]. В Юхан-курте основой одного изображения семейного духа-покровителя служила фигурка лошади, другого – мужчины; внешнее облакение фигур – надетые один на другой халаты. Лошадка на подставке была отлита из олова, мужская фигурка – из свинца, при этом ноги – из серебра. Фигурка всадника ранее была припаяна к спине лошади. Некачественный припой стал причиной разъединения двух частей; в результате их по отдельности использовали как сердцевину фигур духов [Бауло, 2002, с. 32]. Металлический всадник как основа фигуры божества (возможно, *Mir-susne-huma*) в одежде из трех платков был обнаружен на чердаке старого дома в пос. Суеват пауль Свердловской обл. [Окно..., 2003, с. 81].

«Лошадки». Культа коня в XVII–XXI вв. у обских угров, видимо, не существовало; достоверных сведений об этом мы не имеем. Конь почитался или выделялся среди других животных только как составная часть образа Небесного всадника. Было принято не только приносить коня в жертву, но и подносить фигурки лошадок в дар младшему сыну верховного бога.

В мансиjsком святилище *Xонт-торума* в бассейне р. Кемпаж в комплексе предметов, связанных с почитанием *Mir-susne-huma*, хранился его «конь» – русская фигурка животного из папье-маше. Белый конь был покрыт кусочком зеленой ткани, концы которой завязаны у него на груди [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 72]. Лошадки из папье-маше на подставке с колесиками (XIX в.) обозначали верховое животное *Aли-хума* в доме О.Н. Шесталовой в Новинских юртах [Гемуев, 1990, с. 159], в домашнем святилище И.В. Албина в Ломбовоже (ПМА, 2006 г.), в одном из домов Тутлейма (ПМА, 2007 г.), в священном амбарчике в Машпане (ПМА, 2008 г.). Фигурки коней на подставках (вторая половина XX в.) хранились в чемоданах Н.С. Навьюхова в Тутлейме, Е.Д. Молдановой в Ванзевате, на крышке сундука на чердаке дома Ю.А. Молданова в том же поселке, в сундуке Д.И. Лельхова в Пашторах [Бауло, 2002, с. 16, 38, 40, 60]. Среди культовых атрибутов в священном амбарчике недалеко от Хорьера описана резиновая лошадка, обмотанная красным шерстяным шнуром с нанизанными медными кольцами и перстнями (рис. 5); с ней соседствовала плохо сохранившаяся фигурка из папье-маше, напоминавшая ослика (ПМА, 2006 г.). Большая игрушечная лошадка на подставке с колесиками стояла перед ящиками и чемоданом на чердаке дома П.Н. Худи в Зеленом Яре (ПМА, 2002 г.) (рис. 6).

Медведь. *Ем-вож-ики/Ялпус-ойка* – «Старик священного города» считался мифическим предком фратрии *Пор*, основу которой составило доугорское

Рис. 6. Игрушечная лошадка в домашнем святилище на чердаке дома.

(уральское) население Приобья; его почитали в облике медведя. Манси и ханты относятся к медведю как к потомку небесного божества, духу-покровителю, мифическому, историческому и культурному герою, предку фратрии, духу-помощнику шамана, блюстителю клятвы, охранителю границы среднего и нижнего мира и др. [Шмидт, 1989]. Изображения *Ялпус-ойки* хранились в ряде мансийских селений на Северной Сосьве (Нирузпауль, Верхнее Нильдино, Анеево) [Kannisto, 1958, с. 212; Гемуев, 1990, с. 125]. В некоторых случаях для обозначения божества использовали винные бутылки (см., напр.: [Шухов, 1916, с. 32]) емкостью 0,7 и 0,5 л в виде сидящей фигуры медведя; на одном из встреченных экземпляров был указан год выпуска – 1888. Эти бутылки обматывали платками, кусками ткани, вешали на горлышико низки медных колец и т.п. Такие изображения *Ялпус-ойки* встречены в составе культовой атрибутики в Мувгорте (здесь медведь относился к семейным духам-покровителям хантов Лонгортовых), Вытвожгорте, Вершине Войкара (рис. 7), Юхан-курте, Карвоже (ПМА, 2001–2003, 2007 гг.). Интересно, что во время обряда бутылку использовали и по прямому назначению: из нее в серебряную стопку наливали водку, которую в первую очередь подносили изображению божества.

В Вершине Войкара среди семейных культовых атрибутов находилась детская картонная плоская фигурка медведя в связке из лент и куска медвежьей шерсти. Столь необычный дар был также связан с почитанием божества в облике медведя (ПМА, 2006 г.).

Лягушка. Одной из дочерей верховного бога *Нуми-торума* (старшей сестрой Среднесосьвинского богатыря) считалась *Хангласам-най-эква*. У нее было семь дочерей, три из которых жили в юртах на Оби. Иногда богиню-покровительницу называли *Нарацнай*, *Порыхпан-эква* («лягушка»), *Хал-эква* («между

Рис. 7. Фигура высшего божества в облике медведя.

Рис. 8. Пластмассовая лягушка – воплощение семейного духа-покровителя.

кочек женщина»); в частности, она выступала тотемом рода Пуксиковых из селения Хангласам [Гондатти, 1888, с. 27; Чернецов, 1939, с. 26; Источники..., 1987, с. 36, 239–240]. Владения *Хангласам-най-эквы* простирались на весь бассейн верхнего течения Северной Сосьвы; она считалась хозяйкой ценных пушных зверей – соболя, горностая, бобра и выдры [Ромбандеева, 1993, с. 57]. Богиню-покровительницу на р. Тап звали *Нярс-най-эква*; она была похожа на лягушку [Kannisto, 1958, S. 167]. Записана информация о хранении в XX в. изображения лягушки в рост человека в специальном амбаре и принесении ей жертвы [Соколова, 1971, с. 216]. В домашних святилищах для

обозначения этого божества использовали детские игрушки. В чемодане Н.С. Новьюхова в Тутлейме среди домашних фетишей хранилась резиновая фигурка лягушки, завернутая в платок; считалось, что она приносит удачу в охоте и рыбалке. Игрушка олицетворяла покровительницу Тутлейма *Пажит нэ* [Бауло, 2002, с. 16]. Большая пластмассовая (рис. 8) и маленькая резиновая лягушки, одетые в платки, выполняли роль семейных покровительниц в доме Г.Н. Худи в Зеленом Яре (ПМА, 2002 г.).

Птицы. Многие божества у обских угров имели орнитоморфный облик. Особо почитались в качестве предков-покровителей локальных групп филин, орел, трясогузка, чайка, гагара. Гусиная ипостась была присуща *Калтац-экве* и *Mир-сусне-хуму* [Гемуев, Сагалеев, 1986; Мифология..., 2001; и др.]. По материалам В.Н. Чернецова, на святилище *Иипыг-ойки* – «Филина-старика» недалеко от Халпауля его воплощением являлась фарфоровая фигурка совы фабрики М.С. Кузнецова, завязанная в белый платок вместе с монетами [Источники..., 1987, с. 206]. Фарфоровая солонка-утка производства той же фабрики хранилась в сундуке на чердаке дома Анямовых в Хурумпауле; в данном случае в ней видели опять же «филина» – поселкового духа-покровителя (ПМА, 1999 г.). В другом доме этого поселка серебряная фигурка утки находилась в числе вложений, составлявших сердцевину изображения *Калтац-эквы* [Гемуев, 1990, с. 48]. В Турвате в чемодане лежали три небольшие антропоморфные фигуры, выполненные из хлопчатобумажной ткани светлых тонов; их длина не превышала 30 см. Голова одного из фетишей представляла узел из нескольких платков, в котором находилась серебряная фигурка гуся работы тобольского мастера середины XIX в. [Гемуев, Бауло, 1999, с. 17]. В культовом амбарчике около Хорьера глиняная птичка-свистулька (работа русского ремесленника второй половины XIX в.) служила основой фигуры

семейного духа-покровителя; одежды для нее сшила хантыйская мастерица (ПМА, 2006 г.). В Кимкъясях в 1999 г. в сундуке Гындыбинах одним из главных атрибутов была детская игрушка-пищалка рубежа XIX–XX вв. – пять раскрашенных гусей из папье-маше на деревянной подставке; хозяева обвязали игрушку лентой с медными кольцами [Там же, с. 149]; к моменту нашего посещения домашнего святилища в 2006 г. две фигурки гусей были утеряны (рис. 9).

Временное замещение жертвы. Еще один вариант использования русской «игрушки» в обрядах обских угров связан с т.н. времененным замещением жертвы. Дело в том, что наилучшей жертвой божествам считалось животное, при этом *Мир-сусне-хуму* полагалось жертвовать коня, а другим фигурам угorskого пантеона – оленя (бычка, овцу, петуха и пр.). Подобная жертва часто была обременительна для семейного бюджета, да и далеко не все манси и ханты имели лошадей и оленей, а в летний период последние находились на горных пастбищах Урала. Вместо жертвы можно было положить в «святой» сундук ее имитацию – вырезанную из бересты (картона) фигурку животного; человек, обращаясь к богу с просьбой, давал клятву зарезать лошадь или оленя при первой возможности; берестяные фигурки после жертвоприношения полагалось выбрасывать, но на практике чаще всего они продолжали храниться среди культовых атрибутов [Kannisto, 1958, s. 314]. В исключительных случаях в качестве временного замещения жертвы использовали металлические статуэтки, приобретенные у купцов. Возможно, к этому виду жертвы относятся медные лошадка-замочек и олень, составлявшие вместе с серебряной уткой (см. выше) основу фигуры *Калтац-эквы* в Хурумпауле [Гемуев, 1990, с. 48]. Именно так предположительно можно объяснить нахождение в одном месте сразу трех статуэток: изначально *Калтац-экве* в облике гусыни были поднесены как временное замещение жертвы фигурки лошадки и оленя; через какое-то время (по-видимому, в следующем поколении хозяев святилища, когда первоначальный смысл жертвы забылся) группа из трех предметов стала основой для формирования фигуры богини. К категории временной жертвы следует отнести большую медную статуэтку оленя (предположительно вторая половина XIX в.), обвязанную шерстяным шнуром с медными кольцами, которая хранилась у хантов в Шурышках [Бауло, 2004, с. 146], а также массивное литое медное изображение лошади из Хошлога (рис. 10). Эта фигурка лошадки с колокольчиком на шее вместе с серебряным блюдцем московской работы 1830 г., медными и серебряными монетами 1840–1890-х гг. была завернута в шелковый платок (ПМА, 2008 г.). Таким образом, временную жертву семейному духу-покровителю увеличили за счет

Рис. 9. Игрушка «Гуси» из домашнего святилища манси.

Рис. 10. Медная лошадка.

дополнительных подношений. При этом соседство фи́гурки животного и серебряного блюдца могло быть отголоском древнего обычая подносить (и вкушать) мясо жертвенного животного только на металлической посуде, о чём писал В.Н. Чернецов [1947, с. 120].

Магические обряды. Последний из рассматриваемых в статье вариантов использования игрушек и бытовой скульптуры связан с преподнесением их божествам с магическими целями, в основном для обеспечения благоприятного промысла и успешного ведения хозяйства. В Ломбовоже в сундуке манси находилось скульптурное изображение человека, идущего за мулом (?), выполненное из жести (предположительно рубеж XIX–XX вв.). Фигурку животного обмотали шерстяным шнуром (рис. 11) и поднесли семейному духу-покровителю с просьбой о сохранности стада, при этом понимались все домашние животные: корова, овцы и лошадь (ПМА, 2006 г.). В Юхан-курте на рубеже XIX–XX вв. семейному божку были пожертвованы металлические рыбки (по-видимому, футляры для хранения иголок с надписью «Знак любви») – благополучие местного населения всецело зависело от рыбного промысла (ПМА, 2008 г.) (рис. 12).

* * *

Мы рассмотрели практически все известные варианты использования у манси и хантов игрушек, металлических статуэток и фигурной посуды для обозначения божеств и духов-покровителей, в каче-

Рис. 11. Жертвенный дар духу-покровителю с просьбой о сохранности стада.

Рис. 12. Металлические рыбки – залог успешного рыбного промысла.

стве временного замещения жертвы или жертвенного дара с магической целью. Два подобных случая зафиксированы у ненцев: в пос. Зеленый Яр на р. Пойлу они проживают среди северных хантов, заключают с ними браки и заимствовали многие особенности религиозной практики.

Можно выделить несколько причин бытования подобных «диковинок» в традиционной культуре обских угров. Во-первых, основой вхождения игрушек, статуэток и фигурной посуды в обрядовую сферу чаще всего было их совпадение с обликом одного из божеств: всадника, медведя, птицы, лягушки. Именно совпадение; точное видовое определение изображенного в игрушке персонажа не играло ключевой роли. Важна, к примеру, птичья ипостась (в сказаниях вогулов рубежа XIX–XX вв. фигурируют «крыльями летающие» и «ногами

бегающие» духи-покровители [Kannisto, 1958, s. 130]), а филин это или утка – не было главным для включения статуэтки в разряд культовых атрибутов даже при почитании в качестве тотемного предка определенного вида птицы (орла, чайки, филина и пр.)*.

Необходимо напомнить, что в обрядовой практике обских угров еще в эпоху средневековья использовались металлические статуэтки – местные (уральские) полые бронзовые фигурки животных и птиц, а также поступившие с Востока серебряные скульптурные изображения (слона, головы чудовища, девушки с головой антилопы в руках и др.) [Анучин, 1893; Сокровища..., 1996; Бауло, 2004]. Русская «игрушка» продолжила эту традицию.

Во-вторых, согласно канону, большинство манси и хантов не имели права изготавливать культовые атрибуты; только «посвященные» лица могли заниматься поделкой бубнов, жертвенных покрывал, деревянных изваяний и пр. Но нужда в фетишиах – личных или семейных – была постоянной. Поэтому за символическую плату (обязательно!) заказывали «божка» другому человеку [Гемуев, 1990, с. 168] или же покупали «божка»-игрушку у проезжего купца.

В-третьих, у ряда локальных групп обских угров существовал запрет на изготовление фигур высших божеств. По информации А. Каннисто, вогулы верховьев Лозьвы могли делать (фактически вырезать из дерева) только изображения лесных духов *менквов*, но не духов-покровителей (*пупыг*) или *Mir-susne-huma* [Kannisto, 1958, s. 208]. В этом случае хорошим подспорьем выступала русская «игрушка».

Превращая покупные изделия в изображения собственных божеств, манси и ханты дополняли их необходимыми деталями: шарфами и накидками, лентами, медными кольцами, одевали в платки и платья, т.е. адаптировали бытовые вещи к религиозной сфере. Вхождение русской «игрушки» в традиционную культуру обских угров является достаточно ярким фактом этнокультурного взаимодействия на севере Западной Сибири в Новое и Новейшее время.

Список литературы

Анучин Д.Н. Древний серебряный остьяцкий идол, изображающий слона // Археологические известия и заметки. – 1893. – № 3/4. – С. 1–9.

Бауло А.В. Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 92 с.

*Подобная ситуация характерна и при использовании в ритуальной сфере образцов древнего бронзолитейного производства: в двух статуэтках – медведя и мелкого пушного зверька – ханты увидели своего тотемного предка – волка (ПМА, 2005 г., Анжиорт, Шурышкary).

Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 160 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культовые места. XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Глушков И.Н. Чердынские вогулы // Этнографическое обозрение. – 1900. – Т. 15, вып. 2. – С. 15–78.

Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.: [Тип. Потапова], 1888. – 91 с.

Дунин-Горкевич А.А. Тобольский Север. – Тобольск: [Губерн. тип.], 1911. – Т. 3. – 51 с.

Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. – 160 с.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай. – Иркутск: Наука, 1967. – 404 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – 280 с.

Мифология манси / А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская, А.М. Сагалаев, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 196 с.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. – 261 с.

Окно в мифологическое время: Сибирский шаманизм XIX–XXI вв.: каталог выставки. – М.: Трилистник, 2003. – 128 с.

Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. – Л.: Наука, 1981. – С. 42–68.

Прыткова Н.Ф. Один из источников изучения одежды народов Сибири // Сб. МАЭ. – 1971. – Т. 27. – С. 101–112.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. – Сургут: Северный дом, 1993. – 208 с.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Сб. МАЭ. – 1971. – Т. 27. – С. 211–238.

Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.

Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. – 1939. – № 2. – С. 20–42.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 113–134.

Шмидт Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1989. – 18 с.

Шухов И. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Том. гос. музея. – 1916. – Вып. 26. – С. 1–57.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // Mémoires de la Société Finno-ougrienne. – Helsinki, 1958. – Vol. 113. – 444 s.

УДК 391

Г.В. Любимова

«ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ» В СОВРЕМЕННЫХ НАРОДНО-ПРАВОСЛАВНОЙ И СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЯХ СИБИРИ*

В статье рассматриваются процессы адаптации традиционных для Сибирского региона христианских конфессий (прежде всего народного православия и старообрядчества) к происходящим изменениям окружающего мира. Особое внимание уделяется такому явлению, как «техническая эсхатология», связанному с наделением техники эсхатологическим значением, когда распространение технических новшеств – новых средств транспорта, связи, предметов бытовой техники и пр. – расценивается носителями традиционного религиозного сознания как непосредственный признак наступающих или уже наступивших «последних времен». Источниковой базой исследования послужили многолетние полевые сборы автора, а также опубликованные сочинения крестьянских писателей-старообрядцев, где в категориях православной веры дается оценка новым реалиям современной жизни и в первую очередь достижениям науки и техники XX в.

Ключевые слова: народное православие и старообрядчество Сибири, традиционный эсхатологический миф, апокалиптические образы, современные достижения науки и техники.

Введение

Одной из причин трансформации традиционного религиозного сознания является быстрое изменение окружающей человека предметной среды, в т.ч. появление новых средств транспорта, связи, предметов бытовой техники и прочих технических новшеств. Будучи характерным отражением нарастающих процессов глобализации, динамичное развитие традиционных СМИ, а также взрывное распространение новейших (спутниковых, электронных и пр.) технологий неизбежно ведут к формированию единого для всего постиндустриального общества информационного пространства [Рогозина, 2006, с. 476]. Вместе с тем «новые глобальные реалии», по оценкам специалистов, радикально видоизменяют наиболее консервативные структуры социального сознания и поведения – традиции, обычаи, а также религиозно-обрядовые практики [Жвитиашвили, 2003, с. 6]. В этой связи особый интерес приобретает вопрос о том, что происходит в современных условиях с куль-

турами, ориентированными на сохранение традиций, как они адаптируются к стремительным изменениям окружающего мира.

Одним из способов осмыслиения происходящих перемен носителями религиозного сознания становится наделение техники не только сакральным, но и эсхатологическим значением. Распространение технических новшеств расценивается при этом как непосредственный признак приближения «последних времен». Данное явление, получившее в научной литературе название «техническая эсхатология» [Ахметова, 2004, § 2.3], рассматривается в статье на материалах народно-православной и старообрядческой традиций Сибири. Источниковой базой исследования послужили полевые сборы автора, а также опубликованные сочинения крестьянских писателей-старообрядцев, в которых в категориях православной догматики дается оценка новым реалиям современной жизни, в т.ч. достижениям науки и техники XX в.

Эсхатологический миф в контексте отечественной истории XX в.

Традиционная структура «универсального эсхатологического мифа» включает в себя образы глобального

*Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2010 годы)» (проект РНП.2.2.1.1/1822) Рособразования, при поддержке РГНФ (проект № 08-01-00333а).

Рис. 1. Семья староверов Усинско-Урянхайского края. Начало XX в. (АРЭМ, 1135–49).

искажения миропорядка, всеобщего разложения культурных норм и правил, а также неминуемых бедствий, которые постигнут человечество в преддверии конца мира [Петров, 2004, с. 46]. При этом один из главных мотивов подобных повествований связан с появлением необычных предметов. На поздних этапах развития эсхатологической теории таковыми выступают разного рода технические новшества [Panchenko, 2001].

Первые признаки «технической эсхатологии» как отличительной черты массового религиозного сознания в отечественной истории относятся к 1920–1930 гг., которые характеризовались модернизацией всех сторон крестьянской жизни, что, соответственно, сопровождалось коренной ломкой традиционного мировоззрения. Происходившие изменения, как уже отмечалось, затронули глубинные основы мировосприятия человека, в т.ч. привычную для него предметную среду: появились новые, невиданные ранее предметы быта, орудия труда, средства транспорта и связи. Так, впервые услышав передачу из радиорепродуктора, многие сельчане, по свидетельству информаторов, открешивались от него, как от дьявольского наваждения; увидев самолет, называли его железным чертом. Нередко люди попросту боялись новой сельхозтехники, в частности первого трактора, полагая, что он *истопчет всю землю и отравит всю атмосферу* (ПМА*, 1998, 2000 гг., Новосибирская обл., Алтайский край).

Ярким примером старообрядческой литературы, в которой технике придается эсхатологическое значение, являются сочинения енисейского писателя-ста-

ровера И.Н. Жарикова. Возникновение сети железных дорог, телефона, телеграфа, строительство электростанций, изобретение самолета и прочих технических достижений возводится автором в ранг знамений, позволяющих судить о приближении «окончательного сражения Апокалипсиса» [Зольникова, 2006, с. 225]. В тех же категориях оценивались политические и социально-экономические катаклизмы эпохи, когда принудительное насаждение колхозов, массовое разорение церквей, а также раскулачивание наиболее крепкой и зажиточной части сельского населения отождествлялось крестьянами с наступлением конца света.

Представления о «последних временах», характерные для всех христианских конфессий, наиболее полное воплощение получили в старообрядческом мировоззрении. Именно «реальные факты кровавых преследований старообрядцев от царя Алексея Михайловича до Сталина», под-

черкивает Н.Н. Покровский, заставляли крестьянских мыслителей творчески разывать «традиционнейшую христианскую эсхатологию» [Духовная литература..., 1999, с. 11–12]. И если ранние эсхатологические построения староверов были сосредоточены в основном на полемике с иерархами православной церкви о времени Второго пришествия, природе антихриста и пр., то последующая эволюция эсхатологического мифа выдвинула на первый план иные сюжеты и образы, связанные с осмысливанием новых форм социальной жизни, включая роль технических инноваций в обществе.

Обретение спасения в старообрядческом мировоззрении традиционно предполагало уход из мира антихриста *во темные леса, во далекие пустыни, во глубокие пещеры*. Наиболее последовательное развитие идеи эскапизма, как отмечает К.В. Чистов, получили среди северорусских и сибирских беспоповцев [2002, с. 180, 188], в т.ч. староверов часовенного согласия (рис. 1), одним из мест компактного проживания которых в настоящее время являются скиты и поселения в верховьях Малого Енисея – т.н. Верховье (Каа-Хемский р-н, Республика Тыва)*. Характерная особенность культуры данной локальной группы, как показало проведенное в 2004 г. фольклорно-этнографическое обследование, – сохранение традиции бытования

*Подробное описание истории часовенного согласия, введение в научный оборот и анализ письменных источников, выявленных в ходе археографических экспедиций, осуществлены новосибирскими исследователями под руководством академика РАН Н.Н. Покровского [Духовная литература..., 1999, 2005].

*Полевые материалы автора.

духовных стихов, как в устном, так и в письменном вариантах. Они охватывают чрезвычайно широкий спектр тем – от классических ветхозаветных сюжетов (*Потоп страшен приближался, / Народ видел, испужался/ Гнев идет, гнев идет...* и т.п.) до звучащих как непосредственный отклик на современные события и явления (*Скучно жить в стране безбожной, / Где кумир и Бог подложный...* и т.п.).

По своему статусу старообрядцы-часовенныe делятся на *мёрских*, питающихся из общей посуды, *полумёрских*, отделившихся в посуде, и *соборных*, т.е. состоящих в соборной братии членов общины. Каждая из указанных категорий различается по степени греховности и, соответственно, по чистоте своей «чаши». «Чистые чаши», как считается, имеются только у *соборных*, соблюдающих все религиозные запреты и предписания. Остальные, включая *оглашенных* (желающих вступить в братию) и *отлученных* («отступившихся от Бога» членов братии), рассматриваются как состоящие в *помешке*, т.е. несущие на себе ту или иную степень греха. Вступившие в собор принимают на себя ряд ограничений, в т.ч. касающихся использования бытовой техники (постановлением Сандакчесского собора 1994 г. часовенным запрещено держать в домах радиоприемники и телевизоры) [Духовная литература..., 2005, с. 21]. Как сообщил один из наших собеседников (1979 г.р., пос. Сизим), когда его мать *благословение получила, чтобы в собор вступить*, они *первым делом из дома магнитофон и телевизор убрали**.

Утвержденный в качестве основополагающей доктрины принцип верности старине проявлял себя во всех сферах деятельности старообрядцев. И в наши дни стремление следовать старым образцам наиболее ярко характеризует жизнь «пустынных людей», обитателей скитов, заимок и отдаленных поселений. Вместе с тем необходимость приспособливаться к внешнему миру вынуждает представителей и данной группы населения постепенно менять свои взгляды на достижения научно-технического прогресса в целом. Разнообразные аргументы старообрядцев «за» и «против» использования техники неоднократно рассматривались в специальной литературе [Покровский, 1988, с. 32–33; Татаринцева, 2006, с. 72; и др.]. Среди современных староверов Тувы зафиксирован довольно широкий спектр мнений по данному вопросу. К примеру, проживающие в скиту матушки, по словам С.М. Вершинина (1938 г.р., пос. Эржей), вначале не разрешили ему пилить дрова бензопилой «Дружба», назвав ее *антихристовой пре-*

лестью. На что ему пришлось возразить: *А вы тогда бензином не пользуйтесь и на машине не ездите, а только лен возделывайте и одежду себе сами шейте* (ПМА, 2004 г.). Удивительный компромисс был найден бывшим наставником Сизима, ныне покойным Иваном Григорьевичем Юрковым, определившим свое отношение к использованию техники следующим образом: *Что для веселья – грех, то для работы – можно*. Ныне здравствующий наставник Ужепа Макарий Гермогенович Рукавицын снискал себе не менее удивительную славу «местного Кулибина», изобретателя сельхозорудий (ПМА, 2004 г.).

В личном пользовании местных жителей машины и трактора, согласно полученным сведениям, появились не ранее 1990-х гг. Тогда же в поселки провели электричество. Первый черно-белый телевизор также появился в здешних местах лишь на исходе второго тысячелетия. Особенно нетерпимое отношение данный предмет бытовой техники вызывает у *соборных* членов общины.

Телевидение в современном православном дискурсе

Мотив появления необычных предметов характерен не только для старообрядческих повествований о конце света. Сходные мотивы чрезвычайно активно разрабатываются в современных православных течениях, в т.ч. в рамках такой религиозной субкультуры, как православная прихрамовая среда. Эта субкультура, находившаяся на самой периферии общественной идеологии, долгие годы оставалась неизвестной. На материалах, полученных, в частности, от паломников Серафимо-Дивеевского монастыря и Оптиной пустыни, А.В. Тарабукина показала, что техника и технический прогресс в целом рассматриваются в православном церковном и околоцерковном дискурсе как результат сатанинского воздействия [2000, § 1.2]. Посвятившая специальное исследование эсхатологическим мотивам сознания людей «прицерковного круга» М.В. Ахметова также пришла к выводу, что широкое распространение новейших (в т.ч. компьютерных) технологий, согласно существующим в прихрамовой среде представлениям, является знаком пришествия антихриста [2004, § 2.3].

Особое место в современных эсхатологических концепциях отводится такому предмету бытовой техники, как телевизор. Считается, что именно телевидение, прочно вошедшее в повседневную жизнь людей с 60-х гг. XX в., сыграло решающую роль в осознании человечеством своей целостности, впервые позволив отдельным группам населения не только услышать, но и увидеть друг друга. Вместе с тем на отношении к нему пожилой части сельских жителей парадоксальным об-

*Не менее нетерпимое отношение у названной категории населения сохраняется к тиражированию человеческого изображения и голоса, в силу чего в их среде продолжают бытовать запреты на фото- и аудиозапись [Любимова, 2004, с. 55].

разом сказались традиционные представления о таком предмете религиозного культа, как икона. Выполняющий, по сути, ту же роль «проводника» в иной мир, что и икона, телевизор воспринимается ими как предмет, наделенный до некоторой степени магическими свойствами. Однако причастность его к сфере сакрального осмысляется в религиозной среде по-разному.

Сельские жители европейской части России еще в конце 1980-х гг., когда центральное телевидение стало транслировать православное богослужение на Пасху, «приспособились» освящать ритуальные растения и обрядовую еду прямо перед телевизионным экраном. Размыслия над этим явлением, Е.Н. Разумовская, зафиксировавшая его у населения Тверской обл., высказывает предположение, что «подсознание традиционного человека срабатывает здесь по двум направлениям». Во-первых, телевизор – это «окно» в другой мир, персонажи которого выглядят «неправдоподобно сытыми, нарядно одетыми и богатыми» по сравнению с жителями современной деревни. Во-вторых, малограмотная крестьянка воспринимает мелькающие на экране картинки не иначе, как необъяснимое чудо. Отсюда и сознательный выбор места для телевизора – красный угол, где его так же, как иконы, «пеленуют» и украшают набожниками [Разумовская, 2002, с. 244–245].

Прямо противоположное отношение к данному средству массовой информации было зафиксировано у старообрядцев Тувы. Появившийся в здешних местах лишь на исходе второго тысячелетия телевизор, помещаемый обычно в красном углу, воспринимается соборными членами общины не иначе, как зверина икона, занявшая традиционное место обычных икон.

Рис. 2. Старообрядка-часовенная за чтением «божественных книг», пос. Эржей Кaa-Хемского р-на Республики Тыва, 2004 г. (фото автора).

Более того, этот предмет бытовой техники расценивается ими как непосредственный признак наступающих или уже наступивших «последних времен»: *В нашей книге, Апокалипсисе, телевизор иконой звериной называется. Это значит, последние времена наступают. Зверина икона – это последнее пророчество. Как появится икона зверина, так последние времена наступят* (информант – А.А. Житникова, 1920 г.р., пос. Эржей)* (рис. 2).

Аналогичное отношение к телевизионной, а также компьютерной технике наблюдается и в современной православной прихрамовой среде. Имеющий антенну и шнур телевизор расценивается в ней как «бес с рогами и хвостом», а широкое распространение компьютерных технологий связывается с пришествием антихриста [Тарабукина, 2000, § 2.11]. Подобно иконе, воспринимаемой в традиционной культуре как «окно в иной – божественный – мир», телевизор, по мнению М.В. Ахметовой, предстает как «антиникона последних времен». Его особая роль в современной «технической эсхатологии» определяется тем, что данный предмет бытовой техники выступает, с одной стороны, как некая сущность, «обладающая бесовской природой», а с другой – как «магическое окно», «медиум, связывающий этот и потусторонний мир» [Ахметова, 2004, § 2.3].

Таким образом, амбивалентные свойства указанного новшества определяют разное (порой диаметрально противоположное) отношение к нему носителей религиозного сознания. Вместе с тем следует учитывать, что любая конфессиональная среда, в свою очередь, сильно стратифицирована, поскольку включает в себя не только элиту, но и широкие слои малограмотного населения.

Наделение телевизора позитивными сакральными свойствами характерно для народно-православной среды в целом, представленной в настоящее время в основном сельскими пожилыми женщинами. Нынешняя демографическая ситуация на селе такова, что женское пожилое население, как пишет, к примеру, иерей Александр Шантаев, в несколько раз превосходит мужское. Именно поэтому «сельское Православие (на сегодняшний день) оказалось преимущественно женским» [Шантаев, 2004, с. 17, 19]. Не случайно в материалах Е.Н. Разумовской о современных формах религиозных практик у сельских жителей Тверской обл. сделана оговорка, что речь идет о «малограмотных крестьянках» [2002, с. 244–245].

*К «сатанинским» реалиям XX в. относят телевизор (или «говорящую икону») авторы Уральского толкового Апокалипсиса. Газеты и радио также расцениваются ими как «средства чародейства и волхвания, с помощью которых сатана разворачивает народ» [Покровский, Зольникова, 2002, с. 419, 424].

Противоположное восприятие телевизора, как некой «бесовской сущности», зафиксировано в старообрядческой и православной прихрамовой среде. В этой связи отметим, что во все исторические эпохи староверы отличались исключительно высоким уровнем грамотности, а духовная жизнь старообрядчества (в отличие от современного сельского православия) всегда подчинялась ярко выраженному патриархально-мужскому началу. В то же время преимущественно городская по своему происхождению прихрамовая среда на всех этапах своего развития ориентировалась на монашескую элиту, старчество. По этой причине мировоззрение представителей данной религиозной субкультуры также носит элитарный характер [Тарабукина, 2000, «Вступление»].

Таким образом, массовые формы религиозного сознания, как следует из приведенных материалов, связаны с определенной сакрализацией технических новшеств, тогда как элитарные – скорее с демонизацией результатов научно-технического прогресса. Именно поэтому корректное сопоставление православного и старообрядческого мировоззрений предполагает выбор для сравнения близких по статусу носителей религиозной традиции. Вместе с тем главным источником представлений о «последних временах» в том и другом случае продолжают оставаться «божественные книги» (рис. 3) и в первую очередь Апокалипсис, образы и символы которого трактуются применительно к современной эпохе.

Проблема «псевдокнижной атрибуции» эсхатологических текстов

Отличительной особенностью народных эсхатологических воззрений всегда являлось стремление подкрепить те или иные сведения ссылками на источники, имеющие книжное происхождение. Установлено, что традиционные приемы построения эсхатологических сочинений представляли собой различные системы доказательств наступления «последних времен» на основе выдержек из Священного Писания и трудов отцов церкви. Не случайно уже с XVIII в., когда особенно интенсивно происходило оформление эсхатологического учения, первостепенное значение для писателей-старообрядцев приобрела необходимость соотнесения изложенных в этих текстах предсказаний с реальной российской действительностью [Гурьянова, 2001, 2004].

Пророческие указания о судьбах человечества и всего мира накануне Второго пришествия, изложенные в раннехристианском произведении «Откровение Иоанна Богослова», более известном как Апокалипсис (рис. 4), насыщены системой образов, которые, как считается, «весьма трудно поддаются правильному пониманию и истолкованию». Именно по этой причине

Рис. 3. Старообрядческая книга с лестовкой. Музей быта старообрядцев с. Тарбагатай Тарбагатайского р-на Республики Бурятия, 2007 г. (фото автора).

Рис. 4. Начальный лист Апокалипсиса. Рукопись конца XVIII в. (по: [Бураева, 2003]).

не церковный устав запрещает его чтение во время богослужения (*его не читать, а толковать надо, а это только грамотные старички могут* – ПМА, 2004 г.). Содержание Апокалипсиса становится понятным лишь по мере наступления событий, в нем предреченных [Архиепископ Аверкий (Таушев), 2006]. К при-

меру, загадочное прежде пророчество о мгновенном поражении обширных пространств получает свое объяснение только с изобретением атомной бомбы, «применение которой сделало такую вероятность наглядной» [Покровский, Зольникова, 2002, с. 298, 300].

Тем не менее далеко не все события и явления, трактуемые как свершившиеся пророчества, восходят к древним источникам. В системе апокалиптических образов нет упоминания о «звериной иконе» («говорящей иконе», «иконе дьявола» и т.п.). Однако именно этот образ в мировоззрении современных старообрядцев, как уже отмечалось, является зашифрованным символом телевидения и одновременно – одним из признаков наступления «последних времен». Анализ подобного рода фактов, почерпнутых из современных эсхатологических нарративов, позволил А.А. Панченко поставить вопрос о «парадоксе псевдокнижной атрибуции», суть которого заключается в том, что большинство рассказчиков подчеркивают книжное происхождение известной им эсхатологической информации. Это, в свою очередь, зачастую сбивает с толку исследователей, пытающихся во всех случаях найти письменные источники народных рассказов о «последних временах». Вместе с тем генезис подобных текстов, их социальные и культурные функции, подчеркивает автор, связаны с событиями и явлениями именно современной эпохи. Сталкиваясь с проблемами, которые находятся за пределами привычных форм повседневной жизни, в т.ч. с инновациями технического характера, носитель традиционного сознания трактует их как свершившиеся пророчества, описанные в свое время еще в канонических текстах и апокрифической литературе [Panchenko, 2001].

Показательным примером современной апелляции к авторитету книжных источников при характеристике технических новшеств как признаков свершившихся пророчеств о «последних временах» могут служить высказывания наставника общины уймонских старообрядцев Т.М. Кудрявцева (1929 г.р.), записанные летом 2006 г. в пос. Усть-Кокса (Усть-Коксинский р-н, Республика Алтай): *В старых книгах всё про последние времена сказано. Мы жили – радива никакого не знали, потом радиво появилось, патефоны пошли, граммофоны. Сейчас уже последнее время наступает, по всему заметно. Написано было, что за пять тысяч верст будут говорить, а здесь будет слыхать. Всё думали-гадали – кто это? Потом узнали – радиво. Теперь телевидение. Говорили же, что в доме будет всё видеть. Так и есть... Что пред последним временем весь белый свет будет проволокой обтянут. Вот он щас и обтянут – контактные линии силовые на дальние расстояния протянуты.* Обращая внимание на то, что в «старых книгах» имелась уже вся информация о грядущих достижениях научно-технического прогресса, Тит Михайлович подчеркивает иносказательный характер заложенных в них пред-

сказаний: *Никто не знал об этом, а всё уже в старых книгах было сказано. Но там оно по-другому написано, догадываться надо... Там всё за тыщу лет вперед запрочено* (ПМА, 2006 г.). Точно так же, рассуждая об упомянутых в книгах древних пророков образах зверей, современный писатель-старовер А.Г. Мурачев приходит к выводу, что «седмиглавый зверь» – это царапизм, который длился до тех пор, пока не «помрачился царственный престол». «Все ясно и умно, только нужно правильно понять», – заключает народный мыслитель в сочинении, озаглавленном «О конце света» (1994) (цит. по: [Духовная литература..., 1999, с. 302]).

Одна из специфических особенностей конфессионального сознания старообрядцев связана, таким образом, с присущим ему историческим телеологизмом. Сама история человечества предстает как непрерывная борьба темных и светлых сил, достигающая своей кульминации в конце света, а все происходящие в мире события оказываются строго предопределеными. Так, проживающие в Туве старообрядцы убеждены, что рано или поздно начнется *всемирная война, и все страны в одну сольются. Из семи городов люди съедутся в один город, и будут там жить* (ПМА, 2004 г.). Символами сменяющих друг друга эпох выступают известные апокалиптические образы – белый, черный и красный кони: *Каждый конь – про разные времена, а красный – про советскую власть* (информант – К.И. Юркова, 1926 г.р., пос. Сизим). В некоторых сообщениях приводится развернутая их характеристика: *Эта книга, Апокалипсис, составлена как от начала и до конца века. Там кони нарисованы. Первый конь идет, траву ест, на нем сидит ангел Господень. Второй конь просто так идет, ангел Господень тоже сидит на нем. А третий конь, красный, уже летит во всю силуику. На нем руководителя, то есть ангела, уже нет. Хвост у него подстрижен и грива подстрижена. Это – советская власть, сейчаший народ. Вот советская власть такая и есть. Нынче так, а завтра иначе. На последнем коне смерть сидит* (информант – А.А. Житникова, 1920 г.р., пос. Эржей). В упоминавшемся уже сочинении «О конце света» А.Г. Мурачев поясняет, что такая апокалиптическая пара, как всадник и конь, символизирует, соответственно, владельцев и народ. «Нынешние» времена, ведущие свое начало с 1917 г., писатель-старовер характеризует как «полное безбожие, атеизм», и добавляет: «...конь взбесился... то есть народ вышел из подчинения... и царя-всадника убил» (цит. по: [Там же, с. 299]).

Сфера эсхатологических переживаний современных старообрядцев, как и представителей других религиозных субкультур, распространяется не только на социально-историческую действительность, но и на природное окружение. При этом сами представления о «последних временах» нередко приобретают экологическую окраску.

Научно-технические образы в новейших толкованиях Апокалипсиса

Свойственные эсхатологическим рассуждениям старообрядцев элементы мифологического мышления особенно ярко проявляются в рассказах о наступлении «последних времен». Уже во времена протопопа Аввакума были сформулированы обвинения против еретиков-никониан, которые, по мнению сторонников «старой веры», «осквернили землю, матерь всех, оскудили воздух, оскудили небо» [Журавель, 2001, с. 56]. Сам Аввакум оценивал современную ему действительность как вселенскую катастрофу, когда все природные «стихии»: «воздух, земля и вода» – выступают из своих пределов. Нарушенное равновесие мироздания, в котором пылают пожары, разбегаются звери, разлетаются птицы, а «в водах умаляются рыбы», охватывает и род человеческий, переживающий «и мор, и войну, и иные многа» [Житие..., 1960, с. 274]. В то же время, подчеркивает А.И. Клибанов, мир природы и мир человека еще не противопоставлены друг другу, поскольку «богоданное целое... не несет на себе греха». Грех лежит на тех, кто последовал за «богоотступившей» церковью [Клибанов, 1992, с. 35].

Провозглашенный в древнерусской литературе путь познания Творца через постижение сотворенного им мира, как пишет Н.Н. Покровский, предопределил особый интерес к природным катаклизмам. По этой причине разного рода бедствия (землетрясения, наводнения, извержения вулканов и пр.) в православной литературной традиции всегда рассматривались как знамения, позволявшие осознать приближение последней апокалиптической драмы [Духовная литература..., 2005, с. 16, 557]. Так, в одном из старообрядческих сочинений второй половины XIX в. прямо говорится о том, что «усиливающиеся огнеизвержения» предвещают приближение последнего дня, открывающегося «всегубительным огнем» (см.: [Там же, с. 413–414]). Сходным образом описывается наступление конца света в рассказах современного православного населения: *Глады, моры и землетрясенья – это уже начало Второго пришествия* (ПМА, с. Шайдурово, Сузунский р-н, Новосибирская обл., 2003 г.). В повествовании уже упоминавшегося старообрядческого наставника Т.М. Кудрявцева всем перечисленным научно-техническим достижениям отводится роль своеобразных эсхатологических знаков. Яркими красками рассказчик рисует картину Страшного Суда, когда вначале *с востока вспыхнет до небес огонь, всё вокруг будет гореть – и древеса, и камни... а моря будут иссушиваться*. Потом *на западе огонь остановится и образуется егненное озеро для мук*. И лишь безгранична милость Господа, по мнению автора, будет до поры до времени усмирять гнев небесных светил и природных стихий, давая надежду на спасение всем

грешникам: *Все покорны Господу Богу – древеса, реки, звери. Только один человек непокорный... Уже солнце не может терпеть: «Я, – говорит, – всех пожгу»...* *А Господь говорит: «Нет, потерпи, может, они еще покаятся»...* *Луна не может терпеть...* *Земля говорит: «Я всех пожгу»...* *Вот, земли-то трясенье – думаете это что? Господь посмотрит на землю, а она, матушка, потрясается, не может терпеть грешиных, а Он еще терпит**.

Вместе с тем в новейших толкованиях Апокалипсиса, достижения науки и техники возводятся в ранг непосредственной причины не только социальных, но и экологических бедствий, о чем, в частности, говорят названия сочинений енисейского писателя-старообрядца А.Г. Мурачева: «Наука и техника природе убийца» (1983) и «Предатомные предвестии» (1984) (см.: [Там же, с. 398–406]). Резкой критики наука и техника, по мнению автора, заслуживают уже потому, что обе они являются плодом «мудрования» не духовного, но плотского [Там же, с. 398]. И в этом взгляды А.Г. Мурачева непосредственно перекликаются с взглядами другого старообрядческого писателя, И.Н. Жарикова, в произведениях которого тлетворность науки объясняется тем, что она учит людей думать не о Царствии Небесном, а о том, «как лучше пользоваться жизнью земной». Иными словами, негативное восприятие науки у обоих мыслителей связано с отторжением ею «тесного пути» (т.е. пути нравственного подвига и отказа от мирских соблазнов) и обращением к «широкому пути» (т.е. пути удовольствий и греха) (см.: [Зольникова, 2006, с. 223, 224]).

Особое негодование у А.Г. Мурачева вызывает «разная химия», от которой, как он считает, «гибнет всё: лес сохнет, трава блекнет, насекомые и животные гибнут, люди чахнут, скалы и камни дряхлеют, моря и реки мелеют» (цит. по: [Духовная литература..., 2005, с. 398]). Для самого автора в природе нет вредных («ненуж-

*Перелагая священную историю своими словами, писатели-старообрядцы насылали ее «узнаваемыми образами крестьян и крестьянок со всей присущей им психологией» [Покровский, Зольникова, 2002, с. 313]. В устном пересказе Т.М. Кудрявцева Христос идет на смерть из-за людской зависти: *Господь-то, Он слепым давал прозрение, хромым – хождение, Лазаря воскресил... а они-то, жидове, ничего не могли сделать... ради зависти хотели Его убить.* Иуда ступает на путь предательства, совершив оплошность: *Юда хлеб взял, а не оградил себя крестом, по хлебу-то в него бес и вселился.* Главных персонажей священной истории рассказчик помещает в привычную для него крестьянскую среду. *Понтийский Пилат* проживает у него в обычной избе, а сам Христос проводит свою последнюю ночь в доме со спящими учениками и в непрерывных беседах с Отцом: *У них там изгородь такая в ограде была... Господь пойдет-пойдет, с Отцом переговорит, Саваофом, а тот ему: «Да, – говорит, – Сыне, придется тебе Огненное [крещение] принять...»* (ПМА, 2006 г.).

ных») и полезных существ, поскольку каждое (в т.ч. бесчисленные «комары и прочий овод») является творением Божиим, поэтому утрата любого из них вызывает острое душевное сожаление. «Где те сотенные... косяки гусей и журавлей, – вопрошают таежный книжник, – которые летали весной на север, а осенью на юг над нашей головой, когда мы в детстве на их крик вздымали глаза и любовались над их стройностью. Почему они изменили свою врожденную натуру и не стали выполнять воздушные перелеты по-прежнему теперь?» Главная причина, по его мнению, кроется все в той же химии, от которой «изгинули» или «совсем ушли к отмиранию... десятки пород», заботливо сохраненных Ноем «от гибели потопа» (цит. по: [Там же, с. 398–399]). В то же время А.Г. Мурачев считает, что сокращение животных и растительных видов является прямым следствием людского безверия. «Со уменьшением християн, – убежден народный мыслитель, – Господь не будет давать плодности во всем творении, как в рыбах, так в птицах и зверях»*. При этом «долготерпение Божие будет простираться» до тех пор, пока «благия и праведныя» пребудут среди грешного мира. Однако «казнь атомной войны» расценивается автором как неизбежная (цит. по: [Там же, с. 399–400, 402]).

Наиболее развернутая характеристика науки и техники содержится в уже упоминавшемся трактате А.Г. Мурачева «О конце света» (см.: [Духовная литература, 1999, с. 290–305]), в котором кратко излагается эсхатологическая концепция автора и дается новое толкование всемирной истории. «Число седмь, – рассуждает енисейский книжник, – честно, свято и почтительно пред Богом», поэтому и «должно быть разных седмь времен в истории» [Там же, с. 294–295]. Каждый из выделенных периодов А.Г. Мурачев характеризует с различных сторон. Если «церкви извещают характер християн... печати извещают характер властный», то трубы «извещают о войнах и о развитии науки и техники» [Там же, с. 298, 300]. «За 70 лет бесовского атеизма, – констатирует автор, – миллионы християн отпали от веры во Христа», поэтому пятый (нынешний) этап неизбежно разрешится атомной войной, после чего «весь мир объединится в одно государство», во главе которого поставят антихриста. Шестой этап завершится уничтожением самого антихриста «и всех поклонников его», а седьмой будет знаменовать «Христово пришествие и кончину мира» [Там же, с. 297–298].

Порожденную наукой технику А.Г. Мурачев отождествляет с саранчой («бездожная наука... создала прузей (саранчу), то есть разновидную технику») и под-

разделяет на «сельскохозяйственную» и «военную». Последняя, предназначенная «для массового уничтожения человечества» («все машины, танки, самолеты и вертолеты»), уподоблена им «уготованным на брань» коням, объединяющим в своем облике не только зоо- и антропоморфные черты, но и определенные технические характеристики. Так, «железные корпуса и брони» сочетаются с «человеческими лицами», «женскими власами» (символизирующими «прелест и любовь к технике»), а также «львиными зубами» (подразумеваются танковые и другие снаряды) [Там же, с. 300–301]. Атомное оружие («царь всему оружию») также представлено А.Г. Мурачевым через традиционные апокалиптические образы коней, наделенные необычными атрибутами – железной броней и львиными головами (поскольку «нет в мире зверя, грознее льва»), из уст которых «исходит огонь, и дым и жупел (серы. – Г.Л.)». Демонстрируя неплохое знание специальных научных терминов, автор дает собственное толкование перечисленных «язв», от коих, по предсказанию, погибнет «третия часть человечества»: «Под огнем разумеется всепожигательный, молниеносный, ужаснояркий и ослепительный свет... который на облачной высоте с громным ужаснейшим треском будет тиранствовать около десяти секунд после [в]зрыва бомбы... Под дымом разумеется атомная заразительная пыль... которая... засеет и отравит всю поверхность земли, корм и воду... Под жупелом разумеется... гигантская воздушная волна, которая... разширяться, волоча за собой тучу земли и сору, мгновенно разрушив дома и лес... потом придет в изненожение» [Там же, с. 303]. Различные виды смертоносного оружия («атом, водород, нетрон и лазерный луч») А.Г. Мурачев саркастически называет «канфетами» и предрекает, что рано или поздно все они будут перепроповданы «на богоотступных языках» [Там же, с. 304].

Итак, если в ранних эсхатологических сочинениях нарушение вселенского равновесия трактуется как гнев «выступающих из своих пределов» природных стихий, а сами стихийные бедствия расцениваются как признаки наступления конца света, то в более поздних толкованиях Апокалипсиса роль эсхатологических знаков отводится предметам и явлениям, символизирующим достижения научно-технического прогресса. При этом именно наука и техника (в первую очередь, военная) возводятся в ранг непосредственных причин природных и социальных катастроф, которые неминуемо обрушатся на мир накануне Второго пришествия и Страшного Суда. Унаследовав от средневековья подозрительное отношение к науке, современные писатели-старообрядцы, считает Н.Д. Зольникова, неожиданно угодили в «главную болевую точку постиндустриальной цивилизации: глобальное разрушительное влияние на всю земную экосистему неконтролируемого развития науки и техники» [2006, с. 226]. Другими словами, в старообрядческих сочинениях, подчеркивает

*Различные проявления антиматерионства (т.е. подавления сферы воспроизведения жизни, снижения ее символов и пр.), подчеркивает Т.Б. Щепанская, также относятся в народной эсхатологии к знакам наступления «последних времен» [2002, с. 220 и др.].

Н.Н. Покровский, нашла отражение «острейшая проблема современности: деградация земной природы под натиском достижений научно-технической цивилизации» [Духовная литература..., 2005, с. 21].

Заключение

Традиционное религиозное сознание и в наши дни продолжает мифологизировать действительность, и наоборот, современная действительность оказывает непосредственное влияние на религиозное сознание. Развитие мифотворческих процессов имеет при этом достаточно четко выраженную специфику в православии и старообрядчестве.

Как показало проведенное исследование, восприятие научно-технических новшеств носителями религиозного сознания зависит от характера религиозности (массового или элитарного), типа расселения (сельского или городского), образовательного уровня конфессиональной среды и даже гендерного аспекта (преимущественно мужского или женского состава верующих). В целом представления о «последних временах» с их функцией универсального объяснения происходящих в природе и обществе перемен сохраняют значение структурообразующего элемента в мировоззрении носителей различных религиозных субкультур. Способствуя осмыслинию прошлого и формируя отношение к настоящему, они являются базой, на которой вырабатывается определенная модель поведения, помогающая адаптироваться к изменениям окружающего мира.

Список литературы

Архиепископ Аверкий (Таушев). Апокалипсис, или Откровение Святого Иоанна Богослова: История написания, правила для толкования и разбор текста. – М.: Библиотека Сербского Креста, 2006. – 112 с.

Ахметова М.В. Эсхатологические мотивы современной мифологии в России конца XX – начала XXI в.: Автограф. дис. ... канд. филол. наук – М., 2004. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova6.htm> (дата обращения 01.06.2008).

Бураева С.В. «Богодухновенные книги» старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. – 100 с.

Гурьянова Н.С. Старообрядческое эсхатологическое учение и социально-политические мифы Нового времени // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 295–297.

Гурьянова Н.С. О приемах построения текста писателями-старообрядцами // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 3. – С. 23–28.

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1999. – Т. 1. – 800 с.; 2005. – Т. 2. – 584 с.

Жвитиашвили А.Ш. Концептуальные истоки идеи глобализации // Социс. – 2003. – № 6. – С. 3–13.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – М.: Гослитиздат, 1960. – 480 с.

Журавель О.Д. К изучению топики старообрядческой культуры: пустыня как святая земля // Гуманитарные науки в Сибири. – 2001. – № 3. – С. 56–60.

Зольникова Н.Д. Наука в эсхатологических построениях енисейского старовера И.Н. Жарикова (третья четверть XX в.) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Мат-лы III Межрегион. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – С. 223–226.

Клибанов А.И. Опыт религиоведческого прочтения сочинений Аввакума // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 33–40.

Любимова Г.В. Старообрядцы-часовенные верховьев Малого Енисея: традиции и новации // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. – Новосибирск: АртИнфоДата, 2004. – Вып. 2. – С. 50–64.

Петров Ф.Н. Универсальная структура эсхатологического мифа // Религиоведение. – 2004. – № 2. – С. 46–58.

Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. – М.: Книга, 1988. – 284 с.

Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. – М.: Памятники исторической мысли, 2002. – 471 с.

Разумовская Е.Н. «Господи, хозяин-батюшка полевой! Спаси нас и сохрани!» // Христианство в регионах мира. – СПб.: МАЭ РАН, 2002. – С. 240–250.

Рогозина И.В. Новые медийные когнитивные структуры и глобализационные процессы // Глобализация – этничизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 476–484.

Тарабукина А.В. Фольклор и культура прицерковного круга: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2000. – URL: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Tarabukina/arina_tarabukina.html (дата обращения 01.06.2008).

Татаринцева М.П. Старообрядцы в Туве: Историко-этнографический очерк. – Новосибирск: Наука, 2006. – 216 с.

Чистов К.В. Заметки об эскализме и эсхатологических представлениях старообрядцев XVII–XIX вв. // Христианство в регионах мира. – СПб.: МАЭ РАН, 2002. – С. 179–193.

Шантаев А., иерей. Священник. Колдунья. Смерть: Этнографические очерки сельского прихода. – М.: Благо, 2004. – 240 с.

Щепанская Т.Б. Антиматеринство: к народной эсхатологии XX в. // Христианство в регионах мира. – СПб.: МАЭ РАН, 2002. – С. 219–230.

Panchenko A. Eschatological Expectations in a Changing World: Narratives About the End of the World in Present Day Russian Folk Culture // SEEFA Journal. – Spring 2001. – Vol. 6, N 1. – P. 10–25. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/panchenko2.htm> (дата обращения 01.06.2008).

УДК 391

Т.Б. Смирнова

ОБЫЧАИ РЯЖЕНИЯ В КАЛЕНДАРНЫХ ПРАЗДНИКАХ НЕМЦЕВ СИБИРИ

Статья посвящена обычаям ряжения, которые распространены до настоящего времени у немцев, живущих в Сибири. Эти обычаи сохраняются с момента переселения немцев в Россию. Их особенности – сохранение архаичных черт и многочисленность локальных вариантов. Обычаи ряжения приурочены к зимним календарным праздникам, в частности, к Рождеству. Главными рождественскими персонажами являются Крискинде и Пельцнель, олицетворяющие соответственно добрые и злые силы. В статье предлагается версия происхождения этих персонажей, исследуются их функции. Развитие обрядности российских немцев значительно отличалось от развития обрядности в Германии, особенно в XX в. В статье анализируются причины длительного сохранения обычаем ряжения у немцев Сибири, их эволюция и современное состояние, описываются локальные варианты ряжения. Статья опирается на материалы этнографических экспедиций, которые проводились в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях.

Ключевые слова: календарные праздники, немцы Сибири, обрядность, обычаи ряжения.

Введение

Обычаи ряжения распространены у многих народов. Их исторические корни лежат в древних верованиях. Анализ обычаем, связанных с ряженными, у немцев Сибири позволяет, с одной стороны, рассмотреть процессы эволюции самой обрядности, а с другой – охарактеризовать закономерности и особенности воспроизведения обрядовых элементов в изолированных группах, проживающих за пределами исторической родины.

Российские немцы, проживающие длительное время в Сибири, являются носителями уникальной обрядовой культуры. Она возникла в ходе сложных процессов формирования этой этнической общности. Массовое переселение немецких крестьян на территорию Российской империи относится к концу XVIII – середине XIX в.; тогда в северо-западных губерниях, Поволжье, Причерноморье, на Волыни было основано множество немецких колоний. Связи немецких колоний с Германией были нерегулярными и ограничивались в основном религиозной сферой. Они постепенно все более и более ослабевали и к середине XX в. прервались. Поэтому существование

обрядовой культуры российских немцев определялось сначала частичной, а затем и полной изоляцией от обрядности Германии.

В Германии развитие обрядности подчинялось логике и процессу формирования национального государства: происходила унификация обрядов, стирались локальные различия, народные праздники приобретали «организованную» форму и становились частью профессиональной культуры. Здесь праздники были призваны объединять нацию. В диаспоре их функция заключается в том, чтобы подчеркнуть отличительные характеристики этнической общности.

Все обычай и обряды, распространенные у немцев Сибири, известны исследователям немецкой культуры. Об обычаях ряжения в свое время писали Отто Лауфер [Lauffer, 1934], Дитмар Зауermann [Sauermann, 1996], Алоис Дёргинг [Döring, 2002] и др. В отечественной историографии следует отметить работу Т.Д. Филимоновой, опубликованную в коллективной монографии «Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы: XIX–XX вв. Зимние праздники» [1973].

Все исследователи сходятся в том, что архаичные элементы немецких праздников, распространенные до

конца XIX в., в Германии позднее были совершенно утрачены. Отголоски древних традиций проявляются в современных карнавалах и праздниках, но имеют мало общего с немецкой народной культурой. Об этом пишет, например, Ю.В. Иванова-Бучатская, проводившая полевые исследования в современной Германии. По ее мнению, во многих случаях «мы имеем дело с информацией об искусственно восстановленных традициях, некогда естественным образом угасших» [2006, с. 128].

В условиях диаспорального существования развитие обрядности немцев происходило иначе. Материалы, касающиеся немецкой обрядности, собирались с 1989 г. в ходе экспедиций в южные районы Западной Сибири, где немцы живут компактными группами. Следует указать на достаточно сложный состав немецкого населения Сибири. Прежде всего это потомки немецких переселенцев, которые принимали участие в колонизации края в конце XIX – начале XX в. В Сибирь отправились представители немецких колоний из Поволжья (в основном из Саратовской и Самарской губерний), с юга России (из Екатеринославской, Таврической, Херсонской губерний и Крыма), Волыни (из Могилевской, Житомирской губерний). Переселенцы различались между собой как по происхождению – они представляли разные земли Германии и, соответственно, говорили на разных диалектах, так и по вероисповеданию. Волынские немцы были лютеране, поволжские – в основном лютеране и католики, среди выходцев из южных губерний преобладали меннониты и баптисты.

В Сибири основная масса немцев осела в Омском и Славгородском уездах. Первоначально прибывшие жили в малых и средних поселениях. Перепись 1926 г. зафиксировала на территории Западной Сибири 872 немецких населенных пункта, из них 609 в районе Омска и 223 на Алтае. В период коллективизации и укрупнения колхозов немецкие хутора ликвидировали, немцев, принадлежащих по происхождению к разным группам, переселяли в крупные населенные пункты. В ходе депортации 1940-х гг. в сибирских селах было размещено ок. 400 тыс. немцев из Поволжья и других областей европейской части Советского Союза.

В результате длительного и сложного процесса переселения к концу 1950-х гг. в Сибири, в основном в Омской обл. и Алтайском крае (преимущественно в сельской местности), оказалось более полутора миллиона немцев. Несмотря на смещение, в крае выделились районы с преобладанием определенных групп немецкого населения. Так, волынские немцы проживали компактно в Любинском, Горьковском и Тарском районах Омской обл., поволжские – в южных районах Омской обл. и отдельными селениями на Алтае, меннониты – компактными группами в Алтайском крае и вдоль железной дороги от Исилькуля до Татарска.

Материалы об обычаях ряжения, зафиксированные у этих групп, представляют большой интерес, поскольку, во-первых, о существовании этих обычаем у российских немцев в литературе практически нет упоминаний; во-вторых, в последние годы традиционная обрядность немцев подвергается значительной трансформации под влиянием их массовой эмиграции в Германию. Основной массив информации относится к 1950–1980 гг. – времени достаточно стабильного функционирования обрядовой сферы. Эмиграция изменила и этнический состав населенных пунктов, и образ жизни немецкого населения, и обрядовую практику.

Обычаи ряжения у немцев Сибири существуют и в календарных, и в семейных обрядах. Их общая характеристика дана в ряде работ [Рублевская, Смирнова, 1998; Рублевская, 2000]. В семейной обрядности это главным образом обычаи, связанные с празднованием т.н. второй свадьбы (*zweite Hochzeit*). В календарной обрядности зафиксированы случаи ряжения на Масленицу, Пасху, Троицу, праздник забоя скота. Но в основном эти обычаи сосредоточены вокруг двух праздников зимнего цикла – Рождества и Нового года.

Рождество

Рождество немцы празднуют 25 декабря, одаривают подарками всех членов семьи, но особое внимание уделяют детям. Родители готовят подарки заранее, но дарят их не сами, а через посредников. Главным персонажем, который приносит подарки детям, у немцев Сибири является Крискинд (*Christkind*). Полагают, что в Германии Крискинд (букв. Христос-младенец) как персонаж, одаривающий детей, появился с распространением протестантизма. До этого подарки детям приносил св. Николай, день которого отмечался 6 декабря. Отрицание культа католических святых в ходе Реформации привело к переносу функции св. Николая как дарителя на Крискинда.

Согласно источникам, в Германии XIX в. подарки на Рождество «приносил Христос-младенец в сопровождении различных масок. В некоторых местах в роли Христа-младенца выступала девочка или молодая женщина. В Рейнланде местами в рождественский вечер появлялись две девушки, одетые в белые одеяния, украшенные лентами и бисером, одна изображала Христа-младенца, другая – его слугу. Они ходили по домам, где есть дети, и дарили подарки. С распространением елки, особенно в городах, подарки стали класть под елку» [Филимонова, 1973, с. 148].

У немцев Сибири до настоящего времени принято, чтобы подарки дарил Крискинд. В этой роли могут выступать девушки и юноши. Персонаж обязательно одет в одежду белого цвета, его лицо, как правило, за-

крыто. Описания Крискинда в разных селениях были даны следующие: *Крискинд ходит по домам, взрослые дают ему подарки, которыми он одаривает детей. У Крискинда всегда было несколько сопровождающих его девушек, одетых, как и он, в белые платья. Крискинд вечером приходит, т.е. сам Христос приходит к детям. Он одет в платье, венок, фату, лицо прячет под тюлем, раздает детям мешочки, на которых написано имя. Крискинд ходит с посохом (д. Шумановка Немецкого национального р-на Алтайского края); Крискинде одевалась в белую одежду, лицо закрывала тюлем и носила подарки (с. Забавное Табунского р-на Алтайского края); Крискинхен – женщина или мальчик в белом, с колокольчиком, в который он звонил под окошком перед тем как войти в дом (с. Боронск Суетского р-на Алтайского края). Женщина одевалась в Крискинда, надевала на голову мешок, в руках ее была ветка (с. Орлово Немецкого национального р-на Алтайского края). Ее лицо было закрыто белой матерью, чтобы ее никто не узнал. Она раздавала детям подарки. У Крискинде были помощники – они были так же в белом, но у них были открыты лица. Наряжались обычно молодые, 16–18-летние (с. Кусак Немецкого национального р-на Алтайского края); Крискинде была одета в белое, она была с корзиной, куда складывала подарки, которые ей давали родители. Сней ходили еще два человека – это были помощники. Они были тоже ряженые. Наряжались обычно взрослые – все, кто хотел (с. Цветнopolье Чистоозерного р-на Новосибирской обл.); Крискинде была вся в белом, лицо закрыто белой матерью. У нее в руках был тонкий прутник (с. Варваровка Чистоозерного р-на Новосибирской обл.); у Крискинде лицо закрыто белой простыней или покрывалом, в руках была корзинка или мешок для подарков (д. Камышин Немецкого национального р-на Алтайского края). Родители дают ряженым подарки, которые они должны вручить детям. Родители выносят их, а Крискинд прячет под одежду. Она одета в белое: обмотана простыней, на голове все белое, а лицо закрыто белой марлей. Лицо разрисовано – рот и щеки красные. В роли Крискинда выступала любая девочка 15–16 лет, иногда и женщина (д. Красноармейка Немецкого национального р-на Алтайского края). Крискинд была в белом платье и у нее была блестящая корона на голове (д. Касовка Любинского р-на Омской обл.). Крискинде могли быть как девушка, так и юноша, одетый в женскую одежду и закутанный в женский платок (д. Матюшино Любинского р-на Омской обл.); как правило, это девочка в белом платье. И что-то должно быть на голове – венок или, например, корона (д. Роза-Долина Азовского немецкого национального р-на Омской обл.); Крискинде – это, как правило, девочка 11–15 лет, одетая в белое праздничное платье, она является помощницей Деда Мороза (д. Михайловка Суетско-*

го р-на Алтайского края). Крискинде была всегда девушка в белом платье, она заходила в каждый дом и раздавала конфеты (с. Глядень Благовещенского р-на Алтайского края).

Таким образом, существуют локальные варианты ряжения в Крискинда. При описании Крискинда информаторы используют слова как в мужском, так и женском роде, поскольку имя персонажа мужское, а платье женское. Для большинства людей это все-таки существование женского пола. Многие факты говорят о том, что образ Крискинда был собирательным. Непосредственными прообразами были, скорее всего, католические святые, дни которых приходятся на календарные сроки, близкие к Рождеству. Это св. Катерина, день которой католики отмечают 25 ноября, и св. Люция, ее день – 13 декабря. Святая Катерина, по народной пословице, «приходит в белом платье» – с этого времени часто ложился снег и установление зимы считалось полным [Гроздова, 1973, с. 71]. Люция – молодая девушка в белой одежде с красным поясом и в короне из веток со свечами [Морозова, 1973, с. 104]. В прошлом в Германии вечером накануне дня св. Люции девушки, одетые в белые платья, с венцом невесты на голове (*Lucienbräute*), в котором были укреплены «свечи жизни», ходили от дома к дому. В некоторых местах Люция появлялась в облике невесты на белом рождественском осле с розгами в руке [Филимонова, 1973, с. 145]. Подобные контаминации свидетельствуют о том, что Катерина и Люция могли служить прообразами Крискинда у немцев Сибири. Его роль исполняют, как правило, девочки, девушки и молодые женщины.

Прообразами св. Катерины и Люции могли быть также дохристианские божества и феи, представленные в германском и скандинавском фольклоре. В частности, св. Люция, вероятно, заняла место дохристианского духа, приносящего свет (*Lichtbringerin*), счастье и благословение к началу Нового года [Там же].

О древнем происхождении образа Крискинда свидетельствуют ряжение исключительно в белое, с плотной вуалью на лице (в настоящее время тюль, чулок или марля), в некоторых местах – традиция сохранять полное молчание. В отдельных деревнях все разговоры с детьми и родителями во время дарения вели другие ряженые, а Крискинд *все время стояла и молчала, а потом молча давала детям подарки* (с. Цветнopolье Азовского немецкого национального р-на Омской обл.); она *все время стояла, а в конце молча ставила корзину с подарками на стол* (д. Красноармейка Немецкого национального р-на Алтайского края).

Можно сказать, что Крискинд представляет собой синкретичный персонаж, который служил образом древних духов света, снега, зимы, воплотившихся в образах католических святых – Катерины и Люции,

а также св. Николая, одаривавшего детей. Самым поздним был образ младенца Христа, давшего этому персонажу имя.

Следует заметить, что в прошлом кульп св. Николая и обычай дарить подарки в день этого святого сохранился у католиков Германии, а Крискинд как рождественский персонаж был характерен лишь для земель, где получило распространение лютеранство. В Сибири у немцев-католиков, как и у протестантов, основным дарителем также является Крискинд. Сведения об этом были записаны у католиков, живущих в селах Омской обл. (Гофнунгсталь, Осиповка, Чучкино) и Алтайского края (Елизаветград, Забавное, Красноармейка, Кусак, Сереброполь, Тельмано, Шумановка).

Спутником Крискинда, олицетворяющим собой злые силы, является Пельцникель (Pelznikel). Информаторы описывают его так: *Пельцникель одет в шубу, вывернутую шерстью наружу, на нем висят цепи; он должен выглядеть суровым, чтобы его боялись дети (д. Гофнунгсталь Исилькульского р-на Омской обл.); это плохой человек, он одет в шубу наизнанку, подпоясан цепями (д. Красноармейка Немецкого национального р-на Алтайского края); Пельцникель – мужчина в шубе наизнанку, подпоясанный цепью, выкрашенной в красный цвет. На морозе она замерзала, покрывалась инеем и выглядела очень зловеще. Пельцникель ходил с большой палкой (д. Лебедино Табунского р-на Алтайского края); Пельцникель надевает наизнанку шубу, подвязывается цепями, на лицо – платок, чтобы его не узнали. В руках у него прутник, которым он наказывает непослушных детей (д. Михайловка Суетского р-на Алтайского края); Пельцникель ходил обязательно с большой цепью Кете, а Крискинд – с прутником Waide, шуба у него шерстью наружу, подвязанная цепью, густая борода, лицо вымазано сажей, в руках плетка (с. Камыши Немецкого национального р-на Алтайского края); Пельцникель – мужчина в тулупе, вывернутом наизнанку, на поясе у него висели цепи и колокольчики (д. Михайловка Суетского р-на Алтайского края, Николаевка Благовещенского р-на Алтайского края); Пельцникель на лицо лепил вату, чтобы никто не узнал его (д. Камышенка Табунского р-на Алтайского края); в Пельцника всегда одевался мужчина, он надевал вывернутую шубу, брал цепь, которой гремел, чтобы пугать детей (с. Орлово Немецкого национального р-на Алтайского края); Пельцникель надевал вывернутый наизнанку тулуп, в руках у него были цепь, прутник (с. Забавное Табунского р-на Алтайского края); Пельцникель – это ряженый в медведя мужчина (с. Ямбор Табунского р-на Алтайского края); Пельцникель ходил в шубе наизнанку, с тряпкой на лице для неузнаваемости (с. Боронск Суетского р-на Алтайского края); лицо у него всегда закрыто, платком обычно заматывали, а потом лицо красили:*

щеки краской, а нос мазали углем. Шуба наизнанку (д. Кузнецова Баганского р-на Новосибирской обл.); он должен одеться по-особенному; вывернутая на левую сторону шуба, на лице надета маска. Но сажей не мазали никогда, не красили. А маски из картона, из бумаги делали (д. Роза-Долина Азовского немецкого национального р-на Омской обл.); ему закрывали лицо, надевали на него шубу и шапку надвигали на самые глаза, чтобы не узнатъ было (д. Доброе Поле Москаленского р-на Омской обл.).

В некоторых местах наизнанку надевали не только шубу, но и штаны, шапку, рукавицы; валенки или сапоги у Пельцника были разные, иногда на одну ногу он надевал валенок, а на другую – сапог (с. Кусак Немецкого национального р-на Алтайского края, с. Цветнополье Чистоозерного р-на Новосибирской обл., с. Варваровка Чистоозерного р-на Новосибирской обл.). В с. Красноармейка Немецкого национального р-на Алтайского края было зафиксировано следующее описание: *Пельцникель надевал шубу, вывернутую наизнанку. На голове у него была шапка на левую сторону. Лицо его разукрашено, брови намазаны черной сажей, щеки разрисованы красной краской. Его лицо закрывали марлей, рисовали черные усы. На нем была цепь, как у собак, на ней колокольчик. Шуба подпоясывалась ремнем, большие рукавицы были. Он брал две крышки от кастрюль и стучал ими. На ногах – разные пимы. У него была веточка, чтобы бить детей. Он кричал, лохматый был, страшный. Он брал в рот картошку, чтобы изменить голос. В д. Матюшино Любинского р-на Омской обл. шубу подпоясывали полотенцем, а штаны разрывали в лохмотья. В д. Подольское Баганского р-на Новосибирской обл. к поясу Пельцника привязывали солому, сухую траву. Во многих германских землях персонажи, «одетые в солому» (или в костюмах, к которым были привязаны пучки соломы), фигурировали в качестве злых спутников св. Николая [Филимонова, 1973, с. 144].*

Образ св. Николая в качестве дарителя и ряженого не был распространен у немцев Сибири. Упоминания об этом персонаже единичны. Например, Ирма Гайер, родившаяся в 1927 г. в г. Энгельссе и депортированная с семьей на Алтай, рассказывала, что в Поволжье на Рождество приходили с подарками Крискиндхен и Николаус. Тут, в Сибири, его называли Пельцникель. Но, видимо, и в поволжских колониях этот персонаж не был значительно распространен, во всяком случае Яков Диц, охарактеризовавший нравы и обычай поволжских колонистов, о св. Николае не упоминает. По описаниям Я. Дица, основным рождественским персонажем у них, как и у сибирских немцев, был Пельцникель – «переодетый медведем мужчина, одетый в вывороченный овечий тулуп, меховую шапку и громадные валенки и опоясан-

ный железными дышловыми или плужными цепями, конец которых волочится по полу, производя лязг и шум» [Диц, 1997, с. 392].

Скорее всего, к моменту переселения немцев из германских земель в Россию образ св. Николая уже значительно трансформировался, а функция одаривания детей перешла к Крискинду. Сопровождать Крискинда в хождении ряженых по деревне стали те же персонажи, которые раньше сопровождали св. Николая. Исчезновение св. Николая из шествия ряженых произошло довольно быстро, поскольку добродушный старик в костюме епископа мало соответствовал этой компании, олицетворявший нечистую силу. Кроме Пельцникаря в процессии могли участвовать Кнехт Рупрехт, Люцер, Полтерклаус. Внешне они были похожи на Пельцникаря: так же одеты в вывернутые шубы, с медвежьими масками на лицах или с лицами, чернеными сажей. У волынских немцев Пельцникель назывался Пельцебок (Pelzbohk – букв. баранья шкура). В некоторых деревнях процессии ряженых были довольно многочисленные. Мужчины надевали женские юбки, платки, лица мазали сажей. Женщины рядались в вывернутые полуушубки, вывернутые шляпы, рваные штаны. *Некоторые были с барабанами; они шумели, гремели* (д. Екатериновка Кулундинского р-на Алтайского края).

В рождественский вечер и ночью ряженые ходили по деревне и пугали людей. Они ловили гуляющих детей и взрослых, душили их в шутку, могли начать драку. Пельцникель заставлял кусать замерзшие цепи, висевшие у него на поясе, *иногда до того доходило, что губы отливали потом теплой водой* (с. Лебединово Табунского р-на Алтайского края). Многие шутки ряженых были далеко не безобидные. Жительница с. Хортицы Нижнеомского р-на Омской обл. Ирма Рейнгардт рассказала такую историю: *Это было в начале 1970-х годов, моему сыну тогда было лет 10–12. Он встретился с Пельцникелем в страшной маске, и тот так напугал ребенка, что сын заболел. В больнице лечили, но результата не было никакого. Тогда старые люди посоветовали, как испуг лечить: нужно дождаться, когда в деревне будет покойник и ему выроют могилу. Мальчик должен был пойти ночью на кладбище, обязательно один должен был пойти, и помочиться в свежевырытую могилу. Он так и сделал. После того, как покойника зарыли, болезнь прошла. Этот способ лечения испуга был проверен неоднократно. У Пельцникаря в руках был мешок, в котором лежали лук и чеснок. Он заставлял пойманых прохожих есть лук и чеснок, «откупиться» они могли лишь молитвами.*

Крискинд и Пельцникель заходили в дома, где были дети. Ряженые звонили в колокольчик, стучали посохом в окна и дверь. Дети ждали под дверью и, услышав шум, садились за стол, на котором перед

каждым ребенком стояла тарелка для подарка. Дети твердили заклинание: «Christkinde, komm, mache mich glücklich, dass ich in Himmel komme» («Крискинде, приходи, сделай меня счастливым, чтобы я на небо попал»). Крискинд входил в комнату с приветствием: «Gelobt sei Jesus Christus!» («Хвала Иисусу Христу!»). Дети отвечали ему: «In Ewigkeit, Amen!» («В вечности, Аминь!»). Крискинд просил детей прочитать молитву или стихотворение, которые они специально разучивали к Рождеству. За это Крискинд одаривал их подарками, которые доставал из корзины или мешка и клал на тарелку. Раньше дарили игрушки, сделанные своими руками, и, конечно, сладости – конфеты, пряники. Если ребенок не мог что-либо рассказать, Крискинд бил его прутиком. Если за малыша вступались родители, говорили, что он послушный, хорошо себя ведет, то ребенок тоже получал подарок. Если дети не слушались родителей или совершали какие-либо проступки в течение прошедшего года, то в игру вступал Пельцникель. Он говорил, что если дети не будут послушными, он будет бить их цепями, спрячет в мешок и унесет в лес.

Непослушных детей Пельцникель бил прутом, плеткой или посохом, заставлял скакать верхом на венике, есть лук и чеснок, отбирал у них подарки. Дети плакали, но выполняли все его требования. В некоторых деревнях Пельцникаря не впускали в дом, он грозил своими цепями и посохом под окном, этого хватало, чтобы дети стали послушными. В конечном итоге все дети получали подарки: послушные сразу, а озорники и непоседы – после испытания. Обычно гулянье на улицах деревни продолжалось всю рождественскую ночь.

Ночные гулянья и хождение ряженых характерны в основном для тех деревень, где жили лютеране и католики. Там, где большинство составляли меннониты и баптисты, шумных праздников не было; на Рождество проводили несколько молитвенных собраний. Подарки детям дарили либо родители, либо члены общины на молитвенном собрании. Однако и у меннонитов был персонаж, которого обычно сравнивают с русским Дедом Морозом. Назывался он Вайнхатсман (Weihnachtsmann) – «рождественский человек». В некоторых деревнях Вайнхатсман одевался так же, как и Пельцникель: в вывернутую шубу, лохматую шапку, на лицо kleil бороду и усы, надевал очки. В последние годы Вайнхатсман уже ничем внешне не отличался от Деда Мороза – обычная шуба с поясом, красная шапка, белая борода. В отличие от Пельцникаря он никогда не наказывал детей, а только дарил им подарки, которые доставал из мешка.

С 25 по 31 декабря длилась Рождественская неделя – Weihnachtenwoche. В это время нужно было веселиться очень осторожно и на всякий случай почаще

молиться. Нельзя было гулять ночью, сквернословить (особенно поминать черта и материться), играть в карты. Считалось, что в это время по небу носится всякая нечисть, которая старается навредить людям. Житель с. Лебедино Табунского р-на Алтайского края Иосиф Кельбах (1923 г.р.), рассказывал: *как-то в юности он в эту неделю засиделся в гостях у своей тетки, с которой играл в домино. После захода солнца по небу стала носиться адвенткатце («кошка Адвента»). Он со всех ног бежал домой и думал, что сейчас адвенткатце его догонит и поцарапает за то, что он ночью оказался на улице, да еще и в азартные игры играл. В эту неделю нельзя было пить водку, а также работать, иначе Боженка придет и гвоздь в голову вобьет.*

Новый год

После недельного затишья в новогоднюю ночь опять начиналось веселье. На улицах деревень снова появлялись ряженые, мужчины надевали женскую одежду, а женщины – мужскую, молодежь всю ночь гуляла. Маски были те же, что и на Рождество (Крискинд, Пельцникель, Рупрехт, цыгане). Только в эту ночь ряженые не только дарили подарки, но и получали их сами. Компании ряженых ходили по деревне, заходили в дома, пели песни, читали стихи, желали всяческих успехов в новом году. Первыми в дом обязательно заходили мужчины (считалось, что это к счастью), а потом женщины. Их приглашали за стол, угощали.

В немецких селах Сибири в новогоднюю ночь мужчины выходят из дома с ружьями и в полночь стреляют в воздух. Представители старшего поколения ходили по деревне и пели под окнами родственников и соседей божественные песни. Когда входили в дом, «сеяли» пшеницу. Ее можно было убирать только на следующий день. Молодые люди всячески дурачились: загораживали двери, калитки и ворота, чтобы утром хозяева не могли их открыть, забивали печные трубы тряпками и снегом, чтобы печку нельзя было растопить, меняли коров в хлеву у разных хозяев, белили мелом свиней. Могли затащить телегу с дровами на крышу к соседу, переставить калитки.

У волынских немцев Сибири – выходцев из северных земель Германии – образы некоторых ряженых имеют северогерманские корни. Например, Пельцебок – персонаж, наиболее часто встречавшийся в Мекленбурге. Он появлялся только на Рождество. В новогоднюю ночь по деревне ходили другие ряженые, прежде всего Нойярсмуттер (*Neujahrsmutter*) или Нойярсбаба (*Neujahrsbaba*). Нойярсмуттер – это старуха в грязной рваной одежде, с лицом, вымазанным сажей, с палкой в руках, которой она уда-

ряла прохожих. На севере Германии в новогоднюю ночь также появлялась старая женщина, известная под именами Ашермём (*Aschermöhm*), фрау Холле (*Frau Holle*). За плечами она носила котомку с золой и «ударяла ею непочтительных», но одаривала смиренных. Прообразом этого персонажа была страшная Перхта – божество древнегерманского происхождения. В новогоднюю ночь у волынских немцев ходил по деревне также Нойярсман (*Neujahrsmann*) [Рублевская, 2000, с. 71].

Весенние, летние и осенние праздники

Обычаи ряжения на Рождество и Новый год у немцев Сибири продолжают бытовать повсеместно до настоящего времени. Ряжение на Масленицу и Пасху, скорее всего, не получило широкого распространения, упоминания об этом немногочисленны. В некоторых местах осенний праздник забоя скота «швайнхохцайт» (*Schweinhochzeit* – букв. свадьба свиней) также сопровождался танцами и маскарадом. Один из участников надевал маску свиньи, у него в руках был свадебный жезл, украшенный лентами, он бегал по деревне и пугал всех.

В с. Ананьевка Кулундинского р-на Алтайского края были собраны сведения о «празднике ведьм», которыйправлялся в конце июня. Все наряжались в ведьм, устраивали буйные пляски, прыгали через костер. Очевидно, в этом случае можно говорить о локальном варианте празднования дня св. Йоганна.

Жители с. Екатериновка Кулундинского р-на Алтайского края сохранили воспоминания о праздновании Троицы с участием ряженых: *На Троицу катались на лошадях. В упряжке были три лошади, обязательно две белые по бокам, а черную ставили посередине. Или наоборот, но лошади всегда были разной масти. Их украшали колокольчиками, на среднем коне был большой колокол. Телегу тоже украшали цветами и венками. На телеге ехал ряженый, называли его Dendel (чудак, дурак). У него рубашка была специальная, с нашитыми кусочками материи. Он играл на гармошке и пел частушки на платтвойч (местный диалект). Он приглашал всех на гулянье. Тогда женщины надевали цветные платья, платки, а девушки – веночки из ветвей, между ветвями цветочки вплетали. Мужчины на грудь надевали букетики из веточек клена с вплетенными цветами. Женатые вплетали голубые цветы, а неженатые – белые. Процессия двигалась за деревню, там пили, ели, танцы устраивали. Ряженые веселили всех, дурачились, на губной гармошке играли. Молодежь потом обычно отдельно гуляли. Других обычаев ряжения в весенних и летне-осенних праздниках у немцев Сибири зафиксировано не было.*

Заключение

Анализ полевого материала позволяет сделать вывод, что у немцев Сибири обычаи ряжения наиболее характерны для зимних праздников. Они являются неотъемлемой частью современной праздничной культуры и сохраняют локальную специфику, которая во многом обусловлена местами выхода немецких переселенцев. Вопросы генезиса и семантики этих обычаем остаются дискуссионными. В настоящее время стоящие за данными обычаями анимистические и тотемистические представления ушли в прошлое. В жизни современных немецких сел на первое место вышла развлекательная сторона ряжения.

За время, прошедшее с момента переселения немцев из Германии в Россию, эти обычай претерпели определенные изменения, связанные с адаптацией к местным условиям и современным социально-политическим и культурным реалиям, но они продолжают существовать как этнические маркеры.

Список литературы

Гроздова И.Н. Народы Бельгии и Нидерландов // Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы: XIX–XX вв. Зимние праздники. – М.: Наука, 1973. – С. 68–79.

Диц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. – М.: Готика, 1997. – 496 с.

Иванова-Бучатская Ю.В. Platten Land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). – СПб.: Наука, 2006. – 226 с.

Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы. XIX–XX вв. Зимние праздники / О.А. Ганцкая, Н.Н. Грацианская, И.Н. Гроздова, Т.Д. Златковская, Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Т.А. Колева, Н.А. Красновская, Н.М. Листова, М.Н. Морозова, Л.В. Покровская, М.Я. Салманович, С.А. Токарев, Т.Д. Филимонова, Н.Ф. Шлыгина. – М.: Наука, 1973. – 352 с.

Морозова М.Н. Скандинавские народы // Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы: XIX–XX вв. Зимние праздники. – М.: Наука, 1973. – С. 103–118.

Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX в. – М.: Готика, 2000. – 136 с.

Рублевская С.А., Смирнова Т.Б. Традиционная обрядность немцев Западной Сибири. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 1998. – 154 с.

Филимонова Т.Д. Немцы // Календарные обычай и обряды в странах зарубежной Европы: XIX–XX вв. Зимние праздники. – М.: Наука, 1973. – С. 139–161.

Döring A. Nikolaus, Weihnachtsmann und die Hl. Drei Konige. Brauchwandel an Rhein und Maas seit 1945 // Volkskultur an Rhein und Maas. – 2002. – N 2. – S. 17–37.

Lauffer O. Der Weihnachtsbaum im Glauben und Brauch. – Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co, 1934. – 52 S.

Sauermann D. Von Advent bis Dreikönige. Weihnachten in Westfalen. – Münster: Waxmann, 1996. – 240 S.

Материал поступил в редакцию 26.03.09 г.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРОМЫСЛЫ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

СЕРЕБРО КАЗАХСКИХ ЗЕРГЕРОВ: ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ

В работе дается характеристика традиционного и современного ювелирного искусства Казахстана. Выделяются региональные особенности художественной обработки металла в Западном, Центральном и Южном Казахстане. Автор показывает, как меняются ювелирные каноны в творчестве современных мастеров.

Ключевые слова: традиционное и современное ювелирное искусство Казахстана, зергеры, уста, шебер, казахское декоративно-прикладное искусство.

Ювелирные традиции казахского народа, истоки которых восходят к техникам художественной обработки металла ранних кочевников, получили развитие в эпоху средневековья, испытали влияние многих евразийских культур и свой законченный облик приобрели одновременно со становлением казахского этноса. Исследователь традиционной культуры казахов Э.А. Масанов разделял мастеров металлообработки на кузнецов – *уста* и ювелиров – *зергеры* – серебряников. Согласно легендарной традиции казахов, первым кузнецом, ювелиром и покровителем первых 40 мастеров был Дауд Пайгамбар (пророк Дауд). С его именем связывали зарождение обработки металла и возникновение всех ремесел. Рассказывают, что руки Дауда никогда не обжигал огонь; он месил металл, как тесто, не пользуясь инструментом. Одержанность духом Великого пророка определяла призвание мастера-зергера.

Ювелирное искусство, природа которого у казахов считалась сакральной, согласно народной традиции, было делом избранническим, иногда сопряженным со страданиями и болезнями [Тохтабаева, 2005, с. 215]. У казахов бытовало представление о чудодейственной силе людей, связанных с раскаленным металлом, почитались места их работы. В мастерской запрещалось говорить о дурном, сквернословить, кричать, перешагивать через наковальню, мехи и другие инструменты. Казахи не только почитали атрибуты металлообработки, но и верили в их целебное и апотропейное свойства. В народе сохранились многочисленные рассказы о том, как излечивались бесплодные женщины и душевнобольные, переночевавшие рядом с мехами

или наковалней: вечером перед этим мастер зажигал свечу – чтобы дух *уста*, покровительствующий ему, мог прийти на огонек и помочь больному.

Избранность мастеров, сложность ювелирной техники, знания и навыки, передававшиеся по наследству, наличие специального инструмента и проч. обусловили ювелирную специализацию, что нашло отражение в особом статусе этого ремесла [Масанов, 1961, с. 156].

Серебро доминировало в предметном мире кочевой культуры. Считалось, что оно обладало очищающей и защитной силой. Казахским зергерам традиционно были известны такие техники, как гравировка, чернь, эмаль, скань и зернь, штамповка, чеканка, насечка, серебрение и золочение, гранение драгоценных и поделочных камней [Там же, с. 159]. Изделия казахских ювелиров отличались разнообразием. На предметах домашнего обихода, конской сбруе, оружии и одежде присутствовали в качестве художественной отделки накладки из серебра, золота, бронзы и т.д. Изготовление ювелирных украшений было основным делом мастеров-зергеров.

Мужской комплекс украшений включал: *кумис белбей* – парадный наборный пояс, *шытырлы белбей* – пояс с нашивными декоративными элементами, *кемер белдик* – наборные пояса с мелкими нашивными деталями и крупными застежками, *кисе белдик* – охотничий пояс, *морили жузик* – перстни-печатки, а также различные виды холодного оружия, отличавшегося изысканным декоративным оформлением. Героический статус воинов казахского эпоса подчеркивала красота их амуниции; богатырь имел «скакуна под

седлом из золата литого, из наборного золота сбруя его, стремена же ковались из самого звонкого золота в мире» [Казахские богатырские сказания, 2001, с. 20].

Особое место в традиционном репертуаре казахских ювелиров занимали женские украшения, которые маркировали социальный и возрастной статус их владелиц, а также обеспечивали им магическую защиту. Изысканность украшений рассматривалась как неотъемлемая часть женской красоты. Казахский фольклор подарил миру образцы лирических описаний героинь: «Что ж, ступай на базар Бухары, там увидишь ты пряжу, ту, что шелка нежней и длиннее аркана, и тогда ты представить лишь сможешь, какие косы у дочери хана. А потом отправляйся к зергеру, он браслеты витые из чистого золота льет. Пуговицу златую ты спроси у него, и тогда ты представить лишь сможешь, какая у меня голова. ...А потом ступай к кузнечу, проволоку он тянет из серебряных слитков, и тогда ты представить лишь сможешь руки красавицы – дочери хана...» [Там же, с. 37].

Украшения были атрибутом женщин с малых лет. Их отсутствие, согласно казахской традиции, символизировало траур. Женщину без украшений сравнивали с деревом без листьев: ашекей жок айел жапырагы жок агашибен тен – эшекей жок эйел жапырыагы жок агашибен тен [Тохтабаева, 2008, с. 97]. В целом традиционный женский комплекс украшений казахов был очень сложным и ориентировался на символику плодородия.

Самым дорогим по стоимости и сложным по исполнению был убор невесты – *саукеле*. Его форма восходит к глубокой древности. Археологические данные свидетельствуют о непрерывности традиции женских высоких парадных головных уборов на территории Прииртышья с раннего средневековья [Усманова, Логвин, 1998; Захарова, Ходжаева, 1989, с. 216]. Один из путешественников, побывавших в казахской степи в конце XIX в., описывая *саукеле* так: «Голову невесты украшал своеобразный головной убор – свадебная шапочка. Она была из красного бархата, имела форму сахарной головы, шапочка была богато украшена серебряными пластинками, жемчугом и кораллами, низ был отделан пушниной, из которой на лоб свисали несколькими рядами серебряные пластинки. С обеих сторон шапочки на грудь свисали широкие, также украшенные кораллами, жемчугом и серебряными пластиночками, ленты» [Букеевской орде 200 лет, 2001, с. 289].

Сведущий человек по *саукеле* мог определить происхождение девушки [Казахская национальная одежда, 1998, с. 13]. Его водружение на голову невесты сопровождалось специальным обрядом; женщина, исполнявшая его, получала специальный подарок от жениха – *саукеленин байгазысы* (букв. плата за *саукеле*) [Шаханова, 1998, с. 55].

Головной убор *саукеле* представлял собой гарнитур, который включал, по описаниям XIX в., *тобель-дырык* – навершие шапочки, *магдай-мончах* – украшение для лба, *джак-мончах* – украшение для висков, *сагалдырык-кумис* – украшение подбородка, *чашибау-балгауз* – украшение для затылка [Шорманов, 2007, с. 49]. До середины XIX в. под *саукеле* надевали *зере* – маленькую шапочку, которую украшали вышивкой и золотым шитьем. В прошлом *зере* называли также «кольцо для переноса» (ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2815, л. боб.). К макушке *саукеле* крепили *желек* – накидку из легкой ткани красного цвета [Маковецкий, 1948, с. 343]. Элементами *саукеле* была также *укиаяк* – нагрудная подвеска-оберег с реальными или стилизованными когтями филина и *тумарша* – нагрудная подвеска-амulet треугольной формы.

Над *саукеле* мастер работал обычно год. Стоимость некоторых образцов этого убора в конце XIX в. была очень значительной. В Букеевской орде, например, по данным Х. Аргынбаева, богато декорированное *саукеле* оценивалось в 1 тыс. руб. серебром; в Семиречье такой убор обошелся родителям невесты в 2 тыс. руб. серебром [Аргынбаев, 1987, с. 68]. По сведениям С. Касиманова, в Младшем жузе один из образцов *саукеле* оценивался в 500 дойных кобылиц [1995, с. 165]. Согласно степному обычному праву, *саукеле* было собственностью женщины и возвращалось в ее род, если она умирала бездетной [Маковецкий, 1948, с. 343].

Наряд невесты включал также украшения: *шекелик* (височное), *тамакалка*, *тамакша* (нашейное), *алка*, *ониржиек*, *тумарша*, *байтумар* (нагрудное), *шолты* (для волос), *белбеу* (пояс), *шашибау*, *сырга* (серьги), *бильзик* (браслеты), *сакина* (кольца), *жузик* (перстни).

В комплекс украшений зрелых замужних женщин входили: *тана*, *тасты салпынишак*, *жарма* – нашивные круглые бляхи, *түйреуш* – броши, *шаши керме* – затылочная заколка для волос, *арка алка* – украшения для спинки камзола, *акык* – подвески-обереги, *кемер белбеу* – пояса с нашивными бляхами разной формы и величины, *капсырма* – застежки для камзола, *белбеу* – пояс, *шашибау*, *шолты* – украшения для волос, *сырга* – серьги, *бильзик* – браслеты, *сакина* – кольца, *жузик* – перстни. Пояса, кольца, браслеты были очень разнообразны по размерам, форме, декоративному исполнению. С возрастом украшения женщины становились все более скромными. Кольца и браслеты она носила до глубокой старости; считалось, что пища, приготовленная женщиной, у которой нет на руках серебра, нечистая.

Традиционное казахское декоративно-прикладное искусство отличалось устойчивостью форм и содержания. Этнические особенности мировосприятия, совокупность духовных ценностей и эстетических критерии способствовали формированию

художественных канонов. В традиционном ювелирном искусстве казахов XVIII–XIX вв. выделяют три комплекса: первый – в Западном, второй – в Северном, Центральном и Восточном, третий – в Южном Казахстане и Жетысу.

Ювелирные изделия Западного Казахстана известный искусствовед Ш.Ж. Тохтабаева относит к разряду художественного феномена; они отличаются по технике (штамповка, накладная филигрань, зернь, низкорельефное тиснение, чернь), форме (крупномасштабные, скульптурные филигравные объемы в виде спиральных конусов, полусфер), монументальности художественного образа. Изделия этого комплекса имеют сходство с украшениями туркмен, каракалпаков и народов Дагестана [Тохтабаева, 2008, с. 98].

Украшения Северного, Центрального и Восточно-го Казахстана выделяются присутствием вставок из камней и стекла, многочастностью форм, удлиненностю силуэта, обилием подвесок. Некоторые образцы близки к изделиям башкир, казанских татар и кульджинских уйголов [Там же, с. 99].

Для Южного Казахстана и Жетысу характерны цельность форм, использование эмали и большая цветовая насыщенность. Некоторые образцы напоминают изделия узбекских, таджикских ювелиров; казахские мастера научились у них приемам работы с голубой эмалью, но превзошли учителей по широте репертуара [Там же, с. 100]. Казахские зергеры воплощали в образе собственное видение, опираясь на многообразие традиций и оригинальные техники исполнения.

В XX в. ювелирное искусство казахов переживало упадок, обусловленный политическими и социально-экономическими особенностями советской эпохи; сокращалось количество заказов, отсутствовал доступ к сырью – драгоценным металлам и камням. Нарушалась преемственность в трансляции ремесленных технологий, прерывались династии мастеров.

Ситуация стала меняться в 1980-х гг., когда училища и вузы Алматы, Семипалатинска, Чимкента и других городов Казахстана начали готовить специалистов в области декоративно-прикладного искусства, в т.ч. художественной обработки металла. Одним из центров подготовки мастеров-зергеров стал Алматинский государственный театрально-художественный институт (ныне Казахская национальная академия искусств им. Т. Жургенова).

К началу XXI в. в республике сформировалась плеяда выдающихся ювелиров, соединивших в своем творчестве традиции и новации. Среди них – Ильяс Сулейменов – лауреат многих престижных наград, разработавший концептуальный стиль «евразийского этномодерна»; Крым Алтынбеков – признанный художник-реставратор, автор реконструкций раритетов斯基фо-сакской эпохи казахских степей; известные ху-

дожники-прикладники Амангельды Мукажанов, Се-рик Рысбеков, Сержан Баширов, Берик Алибай и др.

Современные зергеры активно экспериментируют с формами, материалами, технологиями, работают с платиной, золотом и серебром, используют поделочные и драгоценные камни и эмали. В создании образного строя они обращаются и к архаике, и к модерну. Сегодня ювелирное дело является одним из самых успешных направлений в казахском декоративно-прикладном искусстве. Оно обрело статус профессиональной художественной деятельности. Изделия казахских мастеров с успехом демонстрируются на республиканских и международных выставках.

В Казахстане принято несколько программ, направленных на возрождение традиций. Государственная программа Республики Казахстан «Культурное наследие», изначально рассчитанная на 2004–2007 гг. и позже продленная до 2010 г., определяет перспективы развития традиционных и современных ремесел в стране.

В Астане создан Президентский центр культуры Республики Казахстан, отдел реставрации и ювелирную мастерскую в нем возглавляет Берик Алибай. Он потомственный зергер из племени Дулат Старшего жуза, окончил Алматинское художественное училище им. Н.В. Гоголя и Алматинский государственный театрально-художественный институт. Сегодня Б. Алибай – известный в Казахстане и за его пределами художник-ювелир. Он делает украшения, обереги, оружие, пояса, инсталляции из металла, работает с платиной и золотом, но предпочитает серебро. Б. Алибая отличает традиционность в технологии. Будучи профессиональным художником-реставратором, мастер много работает с ювелирными изделиями XVIII – начала XIX в. Иногда он воспроизводит старинные вещи, стремясь сохранить первозданность традиции. Украшения, выполненные Б. Алибаем, имеют характер престижных символов. Часто ему заказывают свадебные комплекты для невест и т.н. кольца свахи (массивные кольца с двумя-тремя шинками), которые принято дарить матери жениха. Эти украшения в наши дни, как и прежде, занимают значимое место в казахской культуре, являются частью ритуальных дарообменов, опосредующих отношения между людьми.

Для творчества Б. Алибая характерны насыщенность декора, объемность конструктивных форм, широкое использование фактурно-пластических эффектов. По стилю его произведения напоминают серебряные украшения Западного Казахстана, которые Ш.Ж. Тохтабаева определяет как украшения с низкорельефным тиснением, образной ролью накладной филиграни и зерни, а также с чернением. Свободно владея ювелирными стилями Центрального, Южного и Западного Казахстана, Б. Алибай стремится

следовать западно-казахстанским традициям, ибо они более всего, по его мнению, отражают своеобразие художественного мышления казахов, связанного с преклонением перед величием степей и историческим прошлым. В подобной избирательности проявляется особенность современного декоративно-прикладного искусства казахских мастеров, ориентирующихся не на клановые предпочтения, а на стилистическую вариативность и формирующуюся общенациональный колорит.

Искусство Б. Алибая признано и в Казахстане, и за его пределами. Работы мастера находятся в частных и музейных коллекциях в Турции, Малайзии, Катаре, Франции, Армении, России и в других странах. Б. Алибай – заслуженный деятель культуры Республики Казахстан, обладатель премии Президента Республики Казахстан, особого сертификата республиканского конкурса «Зергер-99» – «За преданность ювелирному искусству», сертификата Первого казахстанского конкурса ремесленников «Шебер-2009» («Мастер-2009») в номинации «Толтумалык» («Самобытность»). Ювелирное искусство мастера-зергера из Астаны сохраняет ярко выраженный этнический характер. Интерес к историческим корням и национальной культуре является основой его творчества, в котором органично сочетаются традиции и новации.

Ориентация на культурное многообразие, отражающее возрождение и приумножение национального наследия, а также динамику модернизационных процессов, определяет современные тенденции в развитии ювелирного и всего декоративно-прикладного искусства Казахстана. Эта поддержанная государством стратегия позволяет сохранить этническую самобытность, а также активно участвовать в мировом художественном процессе и превращать ценности казахского народа в достояние всего человечества.

Фоторепортаж А.В. Терехова

Андрей Владимирович Терехов родился в 1970 г., фотографией начал заниматься в 1985 г. в детской фотовостудии. В 1995 г. окончил Кемеровский государственный университет культуры и искусств. С 1998 г. рабо-

Список литературы

- Аргынбаев Х.** Қазақ халқының колөнері. – Алматы: Өнер, 1987. – 128 с.
- Букеевской орде 200 лет.** – Алматы: Өлкө, 2001. – Кн. 5. – 304 с.
- Захарова И.В., Ходжаева Р.Д.** Головные уборы казахов (опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 202–226.
- Казахские богатырские сказания.** – Семей: Международ. клуб Абая, 2001. – 384 с.
- Казахская национальная одежда.** – Алматы: Didar, 1998. – 80 с.
- Қасиманов С.** Қазақ халқының колөнері. – Алматы: Казакстан, 1995. – 240 с.
- Маковецкий П.Е.** Материалы для изучения юридических обычаев киргизов // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы: Жалын, 1948. – С. 320–392.
- Масанов Э.А.** Ювелирное производство. Кузнецкое и ювелирное ремесла в казахском ауле // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. – С. 156–170.
- Тохтабаева Ш.Ж.** Серебряный путь казахских мастеров. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 474 с.
- Тохтабаева Ш.Ж.** Шедевры Великой степи. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 240 с.
- Шаханова Н.** Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). – Алматы: Казакстан, 1998. – 184 с.
- Шорманов М.** Казахские народные обычай. – Астана: Товарищество с ограниченной ответственностью «Научно-производственный фонд “Эко”», 2007. – Т. 4. С. 42–59.
- Усманова Э.Р., Логвин В.Н.** Женские накосные украшения Казахстана: (эпоха бронзы). – Лисаковск: Караганд. гос. ун-т им. Е.А. Букетова; Кустан. гос. ун-т им. А. Байтурсынова; Лисаков. музей истории и культуры народов Верх. Притоболья, 1998.– 64 с.

С.К. Сураганов

* * *

тает фоторепортером в СМИ Казахстана. С 2000 г. – сотрудник республиканской еженедельной газеты «Караван», фотокорреспондент по Астане и Акмолинской обл. Сотрудничает с различными изданиями и агентствами.

1. Художник-ювелир Берик Алибай на фоне своих инсталляции «Кызыл жебе» – «Красная стрела» и ножа с ножнами – *пышак кынымен* (сталь, серебро, коралл, бирюза, кожа, кость; ложная зернь, скань, оксидировка).

Берик Алибай из рода Ботбай-Конырбай племени Дулат Старшего жуза вырос в с. Кызылсай Меркенского р-на Джамбульской обл. В детстве он часто прибегал в кузницу деда Алимбая, который был известным мастером. Когда Берик стал ювелиром, родственники передали ему старинные инструменты. По традиции, веци мастера не должны уходить из семьи – в них заключена его душа и сила.

▲ 2. *Билезик* – браслет работы Б. Алибая (серебро; накладная филигрань, ложная зернь, оксидировка; вставки: халцедон, сердолик).

► 3. Инструменты зергера.

4. Президентский центр культуры Республики Казахстан. Малика Кемпирова в национальном наряде с украшениями работы Б. Алибая: ониржисек – нагрудная подвеска, сырга – серьги, жузик – перстни.

В старину ювелиры начинали работу с молитвы: «Бисмилла иске сат болсын; ие азрети Ер Даут, озиниз колданыз, бисмилла рахман рахым» – «Да пребудет удача, правящий хазретом Ер Даутом, поддержите». Каждое новое дело Б. Алибай, ожидая озарения и поддержки Всевышнего и духов предков, начинает с прикосновения к инструментам. Так делал его дед Алимбай, так будет делать его преемник. Руки мастера преображают мир и людей по законам красоты, возвращают утраченные ценности прошлого.

5. В ювелирной мастерской Президентского центра культуры. Корректировка дизайна украшений по старинным образцам.

6. Б. Алибай за работой над браслетом (пайка декоративной фигурной накладки).

Казахская традиция наделяет зергеров, имеющих власть над огнем и раскаленным металлом, даром творцов и целителей. Превращая бесформенную пылающую массу в изысканные украшения, они завершают деянье Создателя, привносят в мир гармонию. Такой мастер, по меткому народному выражению, «темирге тил, жан-кага, жсан битиретин» – «железо говорить научил, в щепку душу вложил».

7. Женские украшения работы Б. Алибая: билезик – браслеты, укиаяк – нагрудное украшение-оберег с «когтями филина», сырға – серьги, жузик – перстень (скань, накладная ложная зернь, чернение; вставки: бирюза, сердолик, коралл).

◀ 8. Кристина Хайбуллина примеряет украшения работы Б. Алибая – комплект «Жар-Жар», названный так же, как свадебная песня.

▲ 9. Кудаги жузик – «перстни свахи» работы Б. Алибая (серебро; скань, ложная зернь, оксидировка; вставки из сердолика).

Традиционное ремесло казахских зергеров опиралось на знание фамильных секретов мастерства. Согласно стариным канонам, камни в украшениях должны быть закрыты. Их глубина и сияние превращались в тайну. Во власти зергера находились природа камня, блеск серебра и свет женских глаз. Оправляя в серебро женскую красоту, ювелир открывал ее тайну.

10. Подбор камней для женского нагрудного украшения *бойтумар*.

11. Реставрация традиционных украшений XIX в. из Западного Казахстана в Президентском центре культуры Республики Казахстан.

У казахов есть пословица: «Бир айел болса да, зергер жумыссыз калмайды» – «Пока есть хоть одна женщина, ювелир не останется без дела». Украшения хорошего зергера, работающего под покровительством духов-предков, несут в себе заряд его силы и являются благопожеланием. Украшения придают законченность облику женщины, подчеркивают ее достоинство, спасают от болезней и бед. Любовь к украшениям, умение их носить и беречь – часть традиционной казахской культуры.

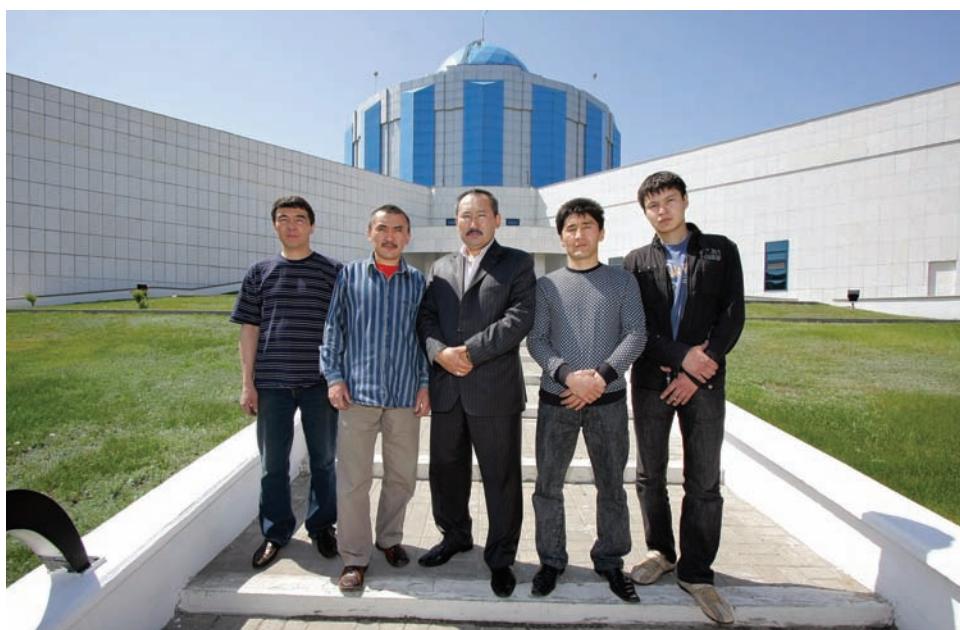
12. Шкатулка с набором традиционных казахских украшений.

◀ 13. Художник-ювелир Б. Алибай в национальном халате шапан с саблей кылыш собственной работы.

▲ 14. Пышактар қындарымен – ножи с ножнами работы Б. Алибая (сталь, серебро, бирюза, кость, сердолик, кожа; ложная зернь, скань, оксидировка).

В мастерской Б. Алибая культура кочевников предстает не только в многообразии женского серебра, но и в изысканности холодного оружия. Согласно адату казахской степи, лишь оружие давало право голоса на общем собрании. Мастера узнавали по его ножам. Изготовление оружия начиналось с высшего благословления: «Пирим Ер Даут сен колда! Сен колдасан мен мунда» – «Поддержи пир, Ер Даут! Если ты готов – я здесь». Готовность к творчеству на вечные времена остается привилегией и испытанием мастера.

15. Б. Алибай со своими учениками – мастерами отдела реставрации и ювелирной мастерской Президентского центра культуры Республики Казахстан.

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572+903'15

Т.А. Чикишева, Н.В. Полосьмак, П.В. Волков

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ КУРГАНА № 20 В НОИН-УЛЕ (МОНГОЛИЯ)

Исследованы эмалевые чехлы семи нижних зубов постоянной смены, позволившие определить, что в погребении находились останки молодой женщины. На молярах женщины сконцентрированы важнейшие расодифференцирующие признаки; они образуют очень редкий комплекс, который встречается в нескольких современных и древних этнических группах Прикаспийско-Приаральской обл. и северных районов Индо-Ганского междуречья. По обнаруженному в захоронении шерстяному текстилю парфянского производства можно предположить, что по происхождению женщина связана с Северо-Западной Индией и является представительницей парфянской культуры. История взаимоотношений империи хунну с Парфией и Китаем свидетельствует о культурном влиянии на жителей глубинных районов Центральной Азии населения Северо-Западной Индии и Кашмира. Антропологическая находка из кург. № 20 могильника в Ноин-Уле подтверждает, что в общество хунну на рубеже эр могли быть интегрированы выходцы из этого района Парфянского государства.

Ключевые слова: стертость зубов, гипоплазия зубной эмали, южный грацильный одонтологический тип, империя хунну, парфянская культура, Северо-Западная Индия.

Введение

В курганах хуннской знати известного могильника в горах Ноин-Улы в Северной Монголии кости погребенных сохранились не везде и лишь фрагментарно, поскольку в древности все захоронения подверглись разграблению (осквернению). Целью грабителей был прежде всего погребенный. Все деревянные лаковые саркофаги, в которых находились тела умерших, разбиты. Останки людей, оружие и другие ценные вещи, которые были на усопших, грабители вытаскивали из могилы. О том, что происходило с человеческими останками дальше, можно только догадываться. Например, сами хунну из черепа юечжынского воождя, убитого шаньюем Лаошанем в середине 70-х гг. II в. до н.э., сделали чашу, из которой при заключении договоров с представителями китайского двора пили смесь жертвенной крови с опьяняющим напитком. О некоторых случаях грабежа остались письменные свидетельства. Так, известно, что «в царство Чжао-ди ухуаньцы мало по малу усилились и раскопали могилы хуннуских Шаньюев в отмщение Модэ» [Бичурин,

1950, ч. 1, стр. 144]. П.Б. Коновалов, исследовавший рядовые хуннские могильники на территории Бурятии, отмечал, что в большинстве потревоженных могил черепа погребенных отсутствуют [1976, с. 158]. У кочевых народов еще со времен скифов осквернение принадлежавших врагам могил в ходе борьбы за власть и землю было одним из главных символических действий победителей.

О немногочисленных антропологических находках из ноин-улинских курганов остались свидетельства авторов раскопок – С.А. Теплоухова, П.К. Козлова, С.А. Кондратьева; их данными пользовался и С.И. Руденко*.

*В кург. № 24 были найдены кости таза [Теплоухов, 1925, с. 17–18]. В кург. № 6 «покойник был, по-видимому, вытащен из гроба и брошен в восточный коридор в сидячем положении», кости почти истлели [Жизнь..., 2006, с. 211]. В Баллодовском кургане обнаружены кости ног, черепная крышка, кусок височной кости, шейный позвонок [Ходукин, 1926, с. 11]. В «Монгольском» кургане найдены кости ног, зубы (Архив РГО, ф. 2, д. № 239), в Андреевском под перекрытием погребальной камеры – обломок человеческой

Установить по этим данным пол, возраст и расовую принадлежность погребенных в тот период, вероятно, не представлялось возможным. К настоящему времени ничего из антропологического материала Ноин-Улинского могильника не сохранилось. В современных антропологических исследованиях упоминается только один женский череп палеосибирского типа [Дебец, 1948, с. 123]. Поэтому любые костные остатки погребенных, обнаруженные в горах Ноин-Улы, представляют большой научный интерес.

В 2006 г. совместной Российской-монгольской археологической экспедицией был исследован кург. № 20 в Ноин-Уле [Полосьмак, Богданов, Цэвэндорж, Эрдэнэ-Очир, 2008]. В древности он, как и другие курганы могильника, подвергся разграблению. Деревянная погребальная камера, расположенная на глубине более 18 м, была раздавлена и заполнена грунтовыми водами и мелкодисперсной глиной, саркофаг разбит в щепу, останки погребенного не найдены. Однако в войлокном, крытом шерстяной тканью ковре, закрывавшем пол погребальной камеры, удалось обнаружить хорошо сохранившиеся эмалевые чехлы семи нижних зубов постоянной смены. На первый взгляд, такой материал не может нести содержательную информацию, позволяющую составить представление об индивиде (определить его пол, возраст, расовую принадлежность); ведь ткани зубов, по которым могли бы сделать свои определения молекулярные палеогенетики, отсутствуют. Но данная находка поистине уникальна, поскольку коронки зубов имеют признаки, характеризующие некоторые важные антропологические особенности индивида.

Характеристика палеоантропологического материала

Антропологический материал из погребения представлен хорошо сохранившимися эмалевыми чехлами семи нижних зубов постоянной смены – правого и левого клыков (С), правого и левого первых премоляров (P_1), левого второго премоляра (P_2), левых первого и второго моляров (M_1 , M_2).

Характер стертости зубов

Поверхности вестибулярных бугорков моляров и премоляров более стерты по сравнению с лингвальными,

челюсти с тремя зубами [Жизнь..., 2006, с. 123], в Кондратьевском восточном коридоре – бедренная кость и четыре зуба, в кург. № 25 около гроба – пять костей конечностей человека, тазовая кость, часть черепной крышки [Там же, с. 122], в кург. № 23 около гроба – четыре кости и в конце восточного коридора – три кости рук, шейные позвонки, кости стоп ног [Там же, с. 121].

вестибулярные поверхности ниже режущих краев коронок клыков косо сошлифованы (табл. 1, рис. 1). Эти особенности свидетельствуют о псалидонтном («верхнем») типе прикуса, при котором верхние резцы прикрывают нижние и в целом верхний ряд зубов слегка выступает за нижний. Такой прикус характерен для современного человека (встречается в разных группах с частотой до 80 %). Лишь в некоторых современных популяциях отмечается высокая частота других форм прикуса. Выраженная асимметрия в стертости бугорков моляров и премоляров, а также поверхностей клыков – признак глубокого псалидонтного прикуса, при котором верхние зубы далеко заходят на нижний ряд. Такой прикус возможен при очень грацильной нижней челюсти. О миниатюрности последней могут свидетельствовать и небольшие размеры зубов (табл. 2). Грацильность зубочелюстного аппарата – аргумент в пользу вывода о том, что исследуемый индивид – женщина.

Принадлежность исследуемых зубов женщине подтверждается также формой коронок моляров. По данным А.А. Зубова и Н.И. Халдеевой, изучавших связь формы коронок зубов с полом человека в 12 одонтологических выборках разных расовых групп [1993, с. 141], частота четырехбугорковых форм первого и второго верхних моляров в большинстве групп у женщин выше, чем у мужчин. Таким образом, при прочих равных этногенетических условиях в одонтологической выборке зубы с четырьмя бугорками могут с большей частотой встречаться у женщин.

Степень стертости зубов позволяет предположить, что биологический возраст индивида составляет 25–30 лет.

Морфологические особенности зубных коронок

Первый нижний моляр (M_1). Форма коронки $Y4$ (отсутствует гипоконулид) (рис. 1, 1). В большинстве популяций четырехбугорковый M_1 встречается редко. Однако частота встречаемости первого нижнего моляра формы $Y4$, достигающая 30 %, отмечается в южных европеоидных расовых группах. По данным А.А. Зубова и Н.И. Халдеевой [Зубов, 1973; Зубов, Халдеева, 1989], такая форма зуба встречается у памирцев с частотой 30,3 %, у осетин – 38,1, у азербайджанцев – 19,4, у населения Дагестана – 20,3, в группах Северо-Западной Европы и у населения Индии – от 10 до 20, в европеоидных группах Средней Азии – от 10 до 13 %. Р. Скоттом и К. Тернером [Scott, Turner, 1997] четырехбугорковый M_1 с относительно высокой частотой (10–20 %) зафиксирован на территории Западной Евразии. В монголоидных популяциях частота его встречаемости не превышает 3 %. По мнению А.А. Зубова, закономерность мирового распределения четы-

рехбуторкового M_1 «состоит именно в связи с расой, а не с территорией... наивысшие частоты... везде следуют за распространением европеоидного расового типа» [1973, с. 128]. Таким образом, по форме коронки первого моляра с высокой степенью вероятности можно предположить, что рассматриваемый индивид принадлежит к европеоидной расе.

Дистальный гребень тригонида (drtgd). Этот признак в сочетании с четырехбуторковым типом зуба (рис. 1, 2) – ключевая одонтологическая характеристика данного индивида. Ее важность объясняется особенностями мирового распределения drtgd.

Наиболее часто drtgd встречается в комбинации с пятибуторковым M_1 и является важным расово-диагностическим признаком «восточного» одонтологического комплекса. В монголоидных, австралоидных и веддоидных популяциях частота этого признака достигает 50–55 % [Зубов, Халдеева, 1993; Зубов, 2006]. Причем ее максимальные значения характерны для населения Монголии, Китая, Вьетнама. В среднем редко или очень редко, иногда с частотой, близкой к нулю, drtgd фиксируется у представителей «западного» одонтологического ствола – в северных и центральных европеоидных группах [Там же]. Исключение представляет южная ветвь европеоидной расы, относящаяся к т.н. южному грацильному одонтологическому типу: она включает группы с высокой (10–20 %) встречаемостью указанного признака. По данным А.А. Зубова, У.Ф. Гашимовой и Н.И. Халдеевой [Зубов, 1980; Зубов, Гашимова, 1982; Зубов, Халдеева, 1989], такие группы имеются среди населения Северной и Западной Индии (частота drtgd колеблется от 4,5 до 19,0 %, в среднем 10,7 %), Азербайджана (4,5–9,5 %, в среднем 7,2 %), Дагестана (0–12 %, в среднем 6,3 %).

Среди древних групп населения с исследованными антропологическими дифференциирующими признаками зубной системы южный грацильный одонтологический тип в том варианте, для которого характерна достаточно высокая частота встречаемости дистального гребня тригонида, выявлен в Прикаспийско-Приаральской обл. На территории Восточного Прикаспия (в границах современного Северо-Западного Туркменистана), по материалам некрополя Алтын-Депе (III–II тыс. до н.э.), частота M_1 составляет 18,4 %, drtgd – 15,1 % (данные О. Бабакова и др., цит. по: [Аксянова, Гельдыева, 2002, с. 42]), по материалам из нескольких некрополей узбекской культуры (последние века до нашей эры – первые века нашей эры), – 18,4 %, drtgd – 8,3 % [Там же]. В серии поздних сарматов из могильника Казыбаба на плато Устюрт в Юго-Западном Приаралье частота M_1 достигает 17,5 %, drtgd – 20,0 % (данные Н.А. Багдасаровой, цит. по: [Там же]).

Таким образом, коронка первого моляра может рассматриваться как уникальная находка: она несет очень важную информацию, позволяющую сделать

Таблица 1. Оценка степени стертости зубов по А.А. Зубову [1968]

Класс зуба	Правый	Левый
C	3	3
P1	2	2
P2	–	2
M1	–	Лингвальные бугорки 2 Вестибулярные » 3
M2	–	Лингвальные » 1 Вестибулярные » 2

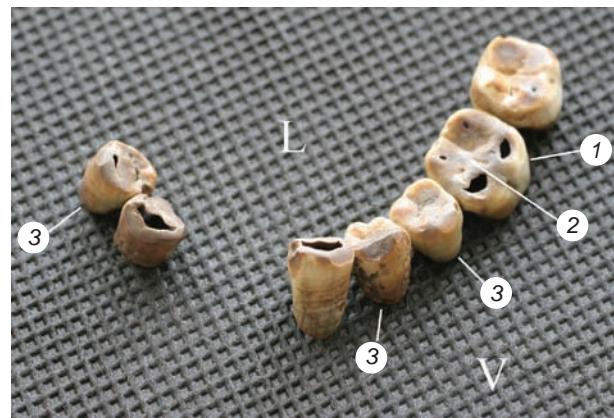

Рис. 1. Зубы из курга № 20 в Ноин-Уле.

L – лингвальная сторона; V – вестибулярная сторона.
1 – четырехбуторковый первый моляр ($4 M_1$); 2 – дистальный гребень тригонида (drtg) на M_1 ; 3 – трехбуторковые премоляры.

Таблица 2. Основные диаметры коронок зубов, мм

Класс зуба	Мезио-дистальный		Вестибуло-лингвальный	
	правый	левый	правый	левый
C	7,1	7,1	6,7	–
P1	6,6	6,7	7,8	7,3
P2	–	7,3	–	8,3
M1	–	10,6	–	10,5
M2	–	10,4	–	10,0

предположение об ареалах, с которыми могло быть связано происхождение данного индивида, – Прикаспийская обл. Северного Кавказа, Прикаспийско-Приаральская обл. и Северо-Западная Индия.

Межкорневой затек эмали. В практике одонтологического исследования данный признак учитывается на вторых молярах как верхнего, так и нижнего зубных рядов, поэтому мы не имеем сравнительных данных мирового распределения признака для первых моляров. Изучаемый зуб характеризуется пря-

мой эмалево-цементной границей на вестибулярной стороне коронки зуба (балл 2).

Второй нижний моляр (M_2). Форма коронки $X4$ (отсутствует гипоконулид). Четырехбугорковая форма второго нижнего моляра встречается повсеместно практически во всех этнотерриториальных группах. Наименьшие частоты такой формы этого зуба (10–30 %) соответствуют индейцам Америки, эскимосам, ульчам. Высокие частоты (больше 80 %, а в некоторых случаях 100 %) обычны в пределах европеоидной большой расы [Зубов, 1973; Зубов, Халдеева, 1989; Scott, Turner, 1997]. В большинстве групп представителей самых различных рас и в древних европеоидных сериях частота четырехбугоркового M_2 варьирует от 40 до 80 %. В метисных популяциях по мере увеличения доли европеоидного элемента увеличивается процент четырехбугорковых типов второго нижнего моляра. Однако наличие у субъекта такого зуба не является веским основанием для вывода о его европеоидности.

Межкорневой затек эмали. В общемировом масштабе вторые моляры (как верхние, так и нижние) отличаются максимальной частотой затеков (баллы 4–6). Частота встречаемости этого признака в монголоидных группах высока (до 90 %), в европеоидных – значительно ниже: у северных европеоидов ок. 40 %, у южных – ок. 20 %. Исследованный нами зуб не имеет затека эмали (форма эмалево-цементной границы описывается баллом 2), что может считаться европеоидной особенностью.

Первый и второй нижние премоляры (P_1, P_2). Премоляры данного индивида демонстрируют большую степень дифференциации. Оба зуба имеют по два хорошо развитых лингвальных бугорка, т.е. являются трехбугорковыми и описываются баллом 5 (по шкале А.А. Зубова) (рис. 1, 3). А.А. Зубов, опираясь на собственные данные по литовцам, эстонцам и казахам, а также сведения японских исследователей Т. Сакаи, И. Сасаки и Х. Ханамура, пришел к выводу, что классификация рас по числу бугорков второго нижнего премоляра вряд ли целесообразна. Распределение частот дифференцированных вторых премоляров (приближающихся по форме к молярам) не обнаруживает како-либо связи с крупными расовыми подразделениями человечества и не имеет закономерной географической локализации [Зубов, 1973]. Трехбугорковый первый премоляр встречается редко. А.А. Зубовым он отмечен в группах литовцев и казахов (1,4–3,9 %). Какой-либо сравнительной базы по этому признаку не имеется.

Гипоплазия эмали

Особый интерес представляют обнаруженные на кликах и премолярах и первом моляре индивида дефекты эмали, диагностируемые как бороздчатая гипопла-

зия (рис. 2). Они имеют вид небольших борозд измененной эмали, которые чередуются с неизмененной эмалевой тканью. Гипоплазия обусловливается дефицитом эмалевой ткани и на постоянных зубах формируется в период их минерализации под влиянием нарушения минерального и белкового обмена в организме ребенка. Локализация признаков гипоплазии на коронке зуба, как и групповая принадлежность пораженного зуба, во многом зависит от возраста, в котором на ребенка воздействовал стрессогенный фактор; для постоянных зубов это возраст от 0,5 до 6,5–7,0 лет. Нарушение обмена веществ в организме проявляется одновременно на всех зубах с одинаковыми сроками формирования. При определении возраста формирования гипоплазии учитывают локализацию ее проявлений на коронке зуба [Hillson, 2003].

У исследуемого индивида на первом моляре отмечаются только очень слабые изменения на мезио-вестибулярном участке коронки, около шейки зуба. На левом клыке локализация дефекта эмали не может быть точно определена, поскольку нижний край вестибулярной поверхности эмалевого чехла разрушен посмертно. Наиболее ярко выраженный стрессовый маркер отмечен чуть ниже середины коронки. На 1,4 мм выше наблюдается более слабо выраженное поражение. На правом клыке основной стрессовый маркер зафиксирован в 6,7 мм от шейки зуба, на расстоянии 7,8 мм – слабый след. На первом левом премоляре гипоплазия выражена слабее, чем на клыках, ее признаки локализуются чуть выше середины коронки: на расстоянии 5,3 мм от шейки – начало стресса, следы которого затем постепенно угасают, но слабые полоски сохраняются до конца формирования коронки. На первом правом премоляре отмечен прижизненный скол эмали дисто-лингвального угла коронки, сопровождающийся следами кариеса. Признаки основного нарушения минерализации эмали наблюдаются на расстоянии 5,6 мм от шейки, слабые полоски сохраняются до завершения формирования коронки. На втором левом премоляре имеется прижизненный скол эмали на дисто-вестибулярной поверхности, не сопровождавшийся развитием кариеса. Основной очаг гипоплазии локализуется в 2,5 мм от шейки зуба.

Характер локализации следов гипоплазии свидетельствует о том, что наиболее острый стресс, обуславивший недоразвитость тканей формирующихся постоянных зубов, погребенная испытала в возрасте от 4 до 6,5–7 лет. По данным М.И. Грошикова, при нарушении кальцификации зубов до 3–4 года жизни поражаются жевательные поверхности премоляров и вторых моляров [1985, с. 45]. Этих поражений у данного индивида мы не наблюдаем. Стрессогенный фактор, вызвавший гипоплазию зубов погребенной, не был устранен до окончания процесса их формирования, т.е. до 6–7 лет.

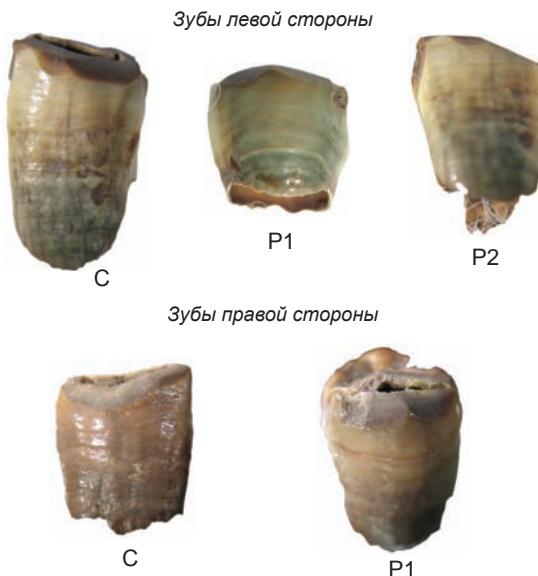

Рис. 2. Следы гипоплазии эмали на клыках и премолярах.

Искусственная стертость эмали. Представляет интерес повреждение эмали травматического характера: на первом левом премоляре на окклюзиальной поверхности и на вестибулярной стороне коронки заметны фасетки искусственной стертости (рис. 3). Травматические особенности этого участка коронки первого правого премоляра и следы стертости на других зубах изучены д-ром ист. наук П.В. Волковым. При микроскопическом обследовании поврежденных поверхностей коронок зубов им выявлено два типа стертости.

Зона стертости первого типа проявляется как уплощенный участок с острой кромкой контакта с неповрежденной поверхностью. Поверхность стертости однородная, имеет характер заполировки (рис. 3). На ней не прослеживается каких-либо аномальных деформаций. Генезис стертости такого типа может быть обусловлен контактом однородных материалов, в данном случае контактом зубов при псалидонтной форме прикуса. Стартость этого типа характерна для всего рассматриваемого одонтологического материала.

Стартость второго типа отмечена на первом левом премоляре (рис. 4); зона деформированной поверхности проявляется как уплощенный участок со слаженной краевой кромкой. Поверхность стертости однородная, имеет характер смешанного внешнего воздействия (заполировки и пришлифовки). На описываемой поверхности прослеживаются линейные следы и неглубокие каверны. Ориентация линейных следов на деформированных окклюзиальной и вестибулярной поверхностях различна. На окклюзиальной поверхности (горизонтальной плоскости) ориентация линейных следов хаотична (рис. 4). На вестибулярной поверхности (наклонной плоскости) линейные следы

Рис. 3. Поверхность естественной стертости зуба (левый клык – С).

Рис. 4. Линейные следы на горизонтальной поверхности искусственной стертости левого Р₁. Стрелка указывает на хаотично расположенные линии и каверны от абразивных частиц.

Рис. 5. Линейные следы на наклонной (вестибулярной) поверхности искусственной стертости левого Р₁.

ориентированы преимущественно вдоль вертикальной оси зуба (рис. 5). Следы каверн зафиксированы в основном на окклюзиальной поверхности зуба. Стартость второго типа, вероятно, является результатом

контакта зубной поверхности с эластичным нитеобразным, загрязненным мелкими частицами артефактом, например, при многократном локальном надкусывании какой-то мягкой и эластичной ткани. Учитывая археологические находки, можно предположить, что женщина перекусывала шерстяные нитки при вышивании (изготовлении ковра и т.п.). По мнению П.В. Волкова, нить зажимали в зубах и отрывали коротким резким движением с оттяжкой ее вниз. Относительно большое содержание абразивных частиц (вероятнее всего песка) может быть объяснено рыхлостью нити. Такие особенности могут соответствовать шерстяной нити, изготовленной прядением (витая нить).

К вопросу о юго-западных контактах хунну

Изученный, на первый взгляд, скромный одонтологический материал дал уникальную информацию. Как было установлено, в кург. № 20 в Ноин-Уле находились останки женщины, умершей в возрасте 25–30 лет. Характерная стертость на зубах указывает на одно из ее занятий – шитье, вышивание. По нашему мнению, бесспорна принадлежность женщины к большой европеоидной расе, к тем ее антропологическим вариантам, которые относятся к южному грацильно-му одонтологическому типу. Моляры женщины сконцентрировали не нейтральные, а важнейшие расодифференцирующие признаки, которые, встречаясь в популяции со сравнительно небольшой частотой, могут диагностировать ее этногенетический статус. Более того, эти признаки связаны в очень редкий комплекс, который отмечен в нескольких современных этнических группах, населяющих предгорья и горы вдоль западного побережья Каспийского моря и северные районы Индо-Гангского междуречья. В древних одонтологических сериях этот комплекс присутствует у населения Прикаспийско-Приаральской обл. Эта территория и Северо-Западная Индия в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. входили в состав Парфии. Здесь в начале I в. н.э. возникло крупное государство со столицей в Таксиле, недолго подчинявшееся парфянам. Вполне вероятно, что молодая женщина, останки которой находились в кург. № 20 в Ноин-Уле, была носительницей парфянской культуры. В пользу этого предположения свидетельствуют обнаруженные в данном погребении шерстяные ткани и вышитые завесы парфянского производства. Парфия на протяжении длительного времени являлась посредником в торговле между Китаем и Римом; возможность торговли напрямую была исключена. Между Китаем и Парфией нередко возникали хунну. Стремление кочевников контролировать трансконтинентальные торговые маршруты было одной из трех предпосылок образования

Хуннской державы [Крадин, 2002, с. 234]. Западный край (так древние китайцы называли небольшие государства в бассейне Тарима) справедливо считается окном в западный мир; через него проходили северный и южный маршруты Великого шелкового пути, его оазисы и пастища имели большое экономическое значение для хунну. Длительное время хунну имели безраздельное политическое влияние на Восточный Туркестан и западную часть нынешней провинции Ганьсу. Даже после фактического подчинения ряда малых государств Таримского бассейна ханьскому двору их владетели продолжали блюсти интересы хуннуских владык [Кляшторный, 1992, с. 119].

Южные оазисы Восточного Туркестана с древности заселялись выходцами из Северо-Западной Индии и Кашмира. Когда началось их проникновение (инфилтрация) на эту территорию точно неизвестно, поскольку индийское влияние на политическую и духовную жизнь Восточного Туркестана распространялось мирным путем [Воробьева-Десятovская, 1992, с. 77–78, 115]. Ко II в. н.э., судя «по местным документам письмом кхарошти на северо-западном пракrite, численность местного индийского населения была уже значительной» [Там же, с. 115]. Это население в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. было проводником докушанской парфянской культуры Гандхары вглубь Центральной Азии. Учитывая новые материалы из ноин-улинского кург. № 20, можно предположить, что при ставках хуннуских шаньюев находились западные мастерицы-вышивальщицы, создававшие по известным им образцам великолепные вышитые завесы, большие фрагменты которых были обнаружены в нескольких ноин-улинских курганах (№ 6, 20, 25) [Руденко, 1962, табл. LX–LXIX]. Хунну обладали большим количеством шерстяных привозных изделий. Так, Ду Ду – автор «Рассуждений о границе» – писал, что шерстяные покрывала, узорные завесы, навесы, ковры и меховые изделия у них лежали грудами, как горы (цит. по: [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 231]).

В Восточном Туркестане благодаря «введению индийской письменности и проникновению индийских языков... обрели письменную традицию местные бесписьменные народы» [Воробьева-Десятovская, 1992, с. 115]. Одним из таких народов могли быть хунну. Обосновывая возможность существования письменности у хунну, Л.Н. Гумилев ссылается на свидетельство одного из участников китайского посольства, посетившего в 245–250 гг. государство Фунан (на территории совр. Камбоджи): письменность фунанцев, которые использовали индийский шрифт, напоминает письменность хунну. В таком случае хуннская письменность (которая упоминается в древнем источнике как само собой разумеющееся) имела индийское происхождение [Гумилев, 1998, с. 106–107]. С учетом тесных контактов хунну с населением бас-

сейна Тарима, где было распространено индийское письмо, эта точка зрения как гипотеза (до обнаружения реальных образцов письменности хунну) имеет полное право на существование. Индийская письменность могла использоваться в степи для передачи местных неиндийских языков. Тамгообразные знаки хунну на китайской лаковой посуде, берестяных, керамических и костяных изделиях, которые в последние годы обнаруживаются в курганах знати, напоминают символы индийского письма (см., напр.: [Миллер, Оллард, Димаджаев Эрдэнэбатор, 2008, рис. 5. 2, 5; L'Asie..., 2000, р. 128; Миняев, 2009]). Обнаруженное в кург. № 20 ноин-улинского могильника хунну захоронение женщины, чье происхождение, скорее всего, связано с Северо-Западной Индией, свидетельствует о том, что в общество хунну были интегрированы не только ханьцы – носители китайской письменности, но и выходцы с запада.

Трудно сказать однозначно, был ли кург. № 20 в Ноин-Уле сооружен специально для молодой женщины, которая могла быть женой высокопоставленного хунну, или она, будучи в ином статусе, только сопровождала умершего шаньюя. Мы знаем слишком мало для того, чтобы быть категоричными. Дальнейшее исследование материалов кургана позволит прояснить этот вопрос.

Список литературы

Аксянова Г.А., Гельдыева Г. Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2002. – Т. II. – С. 5–55.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 380 с.

Воробьева-Десятовская М.И. Индийцы // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, 1992. – С. 77–116.

Грошиков М.И. Некариозные поражения тканей зубов. – М.: Медицина, 1985. – 176 с.

Гумилев Л.Н. История народа хунну. – М.: Ин-т ДИ-ДИК, 1998. – 448 с.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.; Л.: АН СССР, 1948. – 392 с.

Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970) в Монголии и России / сост. И.В. Кугальник, В.Ю. Жуков. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. – 412 с.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 199 с.

Зубов А.А. Этническая одонтология. – М.: Наука, 1973. – 204 с.

Зубов А.А. Антропологическая характеристика населения союзной территории Дели по одонтологическим признакам // Новые данные к антропологии Северной Индии. – М.: Наука, 1980. – С. 152–161.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-онлайн, 2006. – 71 с.

Зубов А.А., Гашимова У.Ф. Одонтологическая характеристика населения Западной Индии // Новые материалы к антропологии Западной Индии. – М.: Наука, 1982. – С. 157–174.

Зубов А.А. Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – 232 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. – М.: Наука, 1993. – 224 с.

Кляшторный С.Г. Хунну и тюрки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, 1992. – С. 115–167.

Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1924. – СПб.: Наука, 2003. – 1037 с. – (Научное наследие; т. 30).

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 221 с.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. – М.: Логос, 2002. – 297 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. – М.: Наука, 1994. – 326 с.

Миллер Б.К., Оллард Ф., Димаджаев Эрдэнэбатор, Ли К. Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод-2 (Монголия 2002–2005 годы) // Археол. вести. – М.: Наука, 2008. – С. 55–71.

Миняев С.С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 49–58.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д., Эрденэ-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 77–87.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. – М.; Л.: АН СССР, 1962. – 206 с.

Теплоухов С.А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 13–22.

Ходукин Я.Н. Первые раскопки в горах Ноин-Ула. – Иркутск: [Б.и.], 1926. – 16 с.

Hillson S. Dental anthropology. – N.Y.: Cambridge University Press, 2003. – 373 p.

L'Asie des steppes d' Alexandre le Grand à Gengis Khan. – Barcelone: Fundacio «la Caixa». – 2000. – 203 p.

Scott R.G., Turner C.G. The anthropology of modern human teeth. Dental morphology and its variation in recent populations. – N.Y.: Cambridge University Press, 1997. – 382 p.

УДК 572

С.Л. Санкина

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ (Х–ХIII вв.)

В антропологии средневекового населения Новгородской земли X–XV вв. отмечается диахронная тенденция. Основная часть более поздних новгородцев по своим антропологическим особенностям сближается с финнами. Ранние (XI–XIII вв.) обитатели Северо-Запада обнаруживают значительное сходство с балтами. В соответствии с географическим расположением признаков они являются частью антропологически однородного массива, в древнерусское время локализованного на западной границе Восточной Европы, который включал также различные группы балтов I–II тыс. н.э. и восточно-славянское население начала II тыс. н.э. с территорий современных Беларуси, Украины и Молдовы. Существование подобной общности может объясняться участием в генезисе балтов и славян единого субстрата с выраженным европеоидными чертами – носителями культуры боевых топоров.

Ключевые слова: Новгородская земля, средние века, славяне, балты, антропология, этногенез.

Введение

Черепа из древнерусских некрополей XI – первой половины XIII в. на территории Русского Северо-Запада отличаются долихокранной мозговой коробкой и резкой профилировкой лица. Серии из могильников XIII–XVI вв. являются смешанными. Комплекс взаимосвязанных признаков, выделенный по высоким коэффициентам корреляции, указывает на участие двух компонентов в сложении антропологических особенностей этого населения. Один из них связан по происхождению с ранними обитателями той же территории. На основании внутри- и межгруппового анализа был выделен комплекс признаков с высоким разграничитывающим эффектом, противопоставляющий ранние серии поздним: ширина орбиты, высота носа и угол выступания носовых костей, варьирующие в одном направлении. Этот же комплекс разграничивает также балтские и финские группы.

Археологические и лингвистические данные пока не позволяют говорить о значительном балтском влиянии на рассматриваемой территории, достаточном для того, чтобы воздействовать на антропологический

облик местного финского или славянского населения. Хотя, несомненно, инфильтрации в местную среду происходили (часть балтов могла быть увлечена волной славянской колонизации, часть – появиться позже с территории Прибалтики). Цель данного исследования – выяснение истоков антропологических особенностей ранних новгородцев.

Рассматривается материал из могильников XI–XIII вв., раскопанных на территории современных Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Черепа изучены по стандартной краинометрической программе [Алексеев, Дебец, 1964]. Использованы методы многомерной статистики: на внутригрупповом уровне – метод главных компонент, на межгрупповом – канонический анализ.

Результаты и обсуждение

Для 84 групп Северо-Восточной Европы I и II тыс. н.э. был проведен канонический анализ по 14 признакам. Кроме серий с территории Новгородской земли (табл. 1), для анализа привлекались сле-

Таблица 1. Краиниологические материалы II тыс. н.э. с территории Новгородской земли

№ п/п	Могильник	Века	Источник
<i>Псковщина</i>			
1	Псков А (Романова горка)	XI–XII	Данные автора
2	Псков Б (Довмонтов город)	XIV–XVI	То же
3	Которск	XI–XIII	»
4	Виски	XIV–XV	[Беневоленская, Давыдова, 1986]
<i>Верхнее Полужье</i>			
5	Удрай А	XI–XII	Данные автора
6	Удрай Б	XIII–XIV	То же
7	Раглицы А (каменные могилы)	XIV–XVI	»
8	Раглицы Б (сопки)	»	»
9	Конезерье	XIII–XIV	»
10	Славенка	»	»
11	Ретенское	XII–XIII	»
12	Репъи	XIII–XV	»
13	Хрепле	XI–XII	[Алексеева, 1973]
14	Бывш. Гдовский и Лужский уезды	XII–XIII	Неопубликованные данные Н.Н. Гончаровой
<i>Ижорское плато</i>			
15	Озертицы А	XII–XIII	Данные автора
16	Озертицы Б	XIII–XIV	То же
17	Великино	XII–XV	»
18	Холоповицы и др.	XII–XIII	»
19	Беседа	XII–XIV	[Седов, 1952]
20	Калитино и др.	XII–XIII	»
21	Артюшкино и др.	»	»
22	Борница и др.	»	»
23	Ожогино*	XIII–XIV	»
24	Рутилицы*	XIII–XV	»
25	Волосово*	XIII–XIV	»
26	Волгово*	»	»
27	Плещевицы*	»	»
28	Глядино и др.*	»	»
29	Жабино и др.*	»	»
30	Бегуницы	XII–XIII	[Хартанович, Чистов, 1984]
31	Лашковицы	XII–XVI	»
32	Гатчина	XIII–XV	[Алексеев, 1969]
<i>Юго-Восточное Приладожье</i>			
33	Юго-Восточное Приладожье	XI–XIII	»
34	Зaborье	X–XII	»
<i>Прочие группы Русского Севера-Запада и Севера</i>			
35	Сланцевский р-н (Ольгин Крест и др.)	XI–XIV	[Марк, 1956]
36	Вологодская обл.	XI–XIII	[Коваленко, 1975]
37	Бывш. Псковско-Новгородская губ.	XVIII–XIX	[Алексеева, 1973]
38	Старая Ладога	XVII–XVIII	»
39	Бывш. Олонецкая губ.	XVIII–XIX	»

Примечание: даты для групп 19–29 по: [Лесман, 1982].

*По данным В.В. Седова – группы с вероятным водским субстратом.

Таблица 2. Элементы канонических векторов для 84 групп Восточной Европы I и II тыс. н.э.

Признак	КВ I	КВ II
1. Продольный диаметр	-0,72	0,12
8. Поперечный диаметр	0,83	0,30
9. Наименьшая ширина лба	-0,22	0,10
17. Высотный диаметр	-0,33	0,17
45. Скуловой диаметр	0,05	-0,28
48. Верхняя высота лица	-0,08	0,02
51. Ширина орбиты	0,18	0,45
52. Высота орбиты	0,18	-0,01
54. Ширина носа	-0,01	-0,01
55. Высота носа	0,27	0,42
75 (1). Угол выступания носа	-0,15	0,80
77. Назомалярный угол	0,06	0,19
∠ zm'. Зигомаксиллярный угол	0,07	-0,44
SS:SC. Симотический указатель	0,01	-0,57
Собственное число	30,3	17,8
Доля в общей дисперсии, %	31,2	18,4

дующие восточно-славянские группы: кривичи (погоцкие, смоленские, тверские, ярославские, костромские, владимиро-рязанско-нижегородские), поляне (киевские, Переяславские, Черниговские), северяне, радимичи, вятичи, дреговичи [Алексеева, 1973]*; славяне Прутско-Днестровского междуречья (Бранешты, Василев) [Великанова, 1975]; близкие к современности серии финнов, саамов, карел и коми-зырян [Алексеев, 1974; Хартанович, 1980, 1986, 1991]; различные группы эстонцев [Витов, Марк, Чебоксаров, 1959], аукштайтов и жемайтов [Česnys, Balčiūniene, 1988] XIV–XVIII вв.; латышей [Денисова, 1977]. Также привлекались краинологические материалы балтов I тыс.: латгалов VII–X вв. [Денисова, 1975], земгалов V–VII вв., литовских земгалов и селов VIII–XI вв., восточных и западных аукштайтов, жемайтов V–VI вв. [Česnys, 1986], ятвягов II–V вв. [Чеснис, 1990]. Результаты анализа приведены в табл. 2.

Изменчивость по КВ I определяется горизонтальными диаметрами и формой черепной коробки. Минимальные значения данного вектора имеют ранние группы, причем крайнее положение занимают массивные долихокranные балты.

По КВ II большие положительные величины имеют группы с сильно выступающим высоким носом

*Здесь следует оговорить, что речь идет, конечно, не о летописных полянах, северянах и др., а о более позднем населении с бывших территорий вышеуказанных славянских племен. Тем не менее в настоящей статье древнерусские группы обозначены этнонимами, под которыми они были опубликованы Т.И. Алексеевой.

при относительно пониженном переносье, резко профилированным лицом и широкой орбитой: балты I и II тыс. н.э., дреговичи, ранняя и поздняя подгруппы Удрай, серии Ижорского плато. Высокими отрицательными значениями (и, следовательно, противоположным сочетанием признаков) характеризуются финские группы, кроме эстонцев, карел, коми-зырян и финнов-суоми, и восточно-славянские, за исключением прутско-днестровских славян, дреговичей и погоцких кривичей.

На плоскости, образованной первым и вторым каноническими векторами, три более или менее обособленных формирования (рис. 1). Одно из них (слева вверху) составляют группы балтов и основная часть ранних новгородских серий; здесь же оказались дреговичи, погоцкие кривичи и славяне Прутско-Днестровского междуречья. Границу другого (справа внизу) обрисовали финские серии (кроме эстонских). Здесь две древнерусские новгородские группы: с территории бывших Ретенского, Гдовского и Лужского уездов; серия Сланцевского р-на, включающая поздний материал; позднее население Верхнего Полужья и Пскова; близкие к современности группы русских Олонецкой губ. и Старой Ладоги. Сюда попали латыши с ливским субстратом (Яункандава). В левой нижней части графика расположились восточно-славянские группы южных и юго-восточных территорий. Среди них – серия черепов из Которска. Часть волжских кривичей заходит в область концентрации финских групп. Эстонские серии занимают скорее промежуточное положение между балтами и финнами, но ближе к первым. К северо-восточным кривичам, вятичам и северяням из Новгородской земли близка лишь каторская группа. Любопытно, что в районе могильника Которск обнаружены культовые сооружения, характерные для вятичей (устное сообщение С.Л. Кузьмина и Н.И. Платоновой). По расстояниям Махаланобиса ранним балтам нашлись аналогии среди древнерусского (XI–XIII вв.) населения Полужья и Ижорского плато.

Женские новгородские серии, проанализированные с более узким кругом сравнительных материалов (по причине отсутствия многих соответствующих серий), дают примерно ту же картину (рис. 2): часть ранних групп объединяется с балтами, поздние же в основном тяготеют к финнам. Дреговичи, население Прутско-Днестровского междуречья и погоцкие кривичи, по результатам анализа, приближаются к балтам и сходным с ними новгородским сериям.

Т.И. Алексеева, исследуя географическое распределение антропологических признаков у населения Восточной Европы, отмечала, что угол выступания носа, горизонтальные диаметры черепной коробки и ширина лица у восточных славян увеличиваются к западу и уменьшаются к востоку. Наиболее отчетливо «западный» комплекс проявился у волынян, древлян, по-

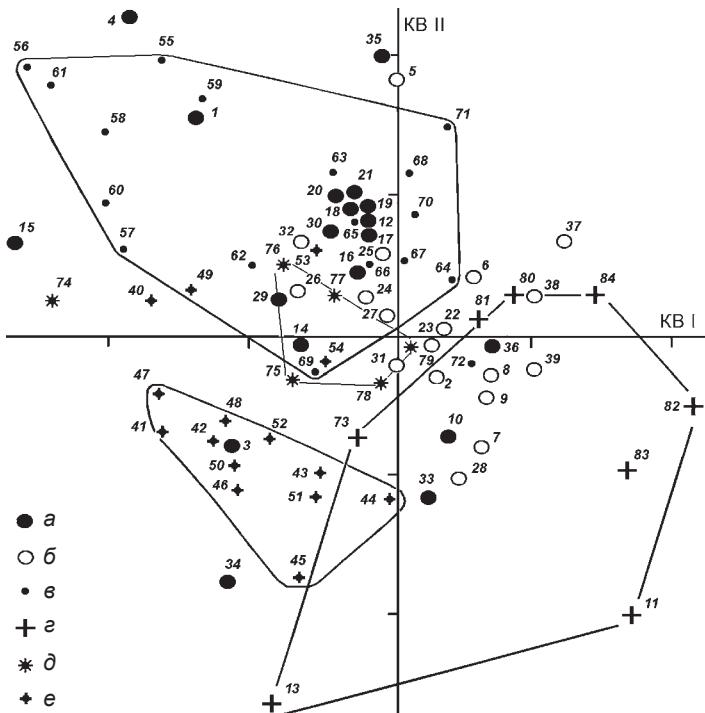

Рис. 1. Положение 84 мужских групп I и II тыс. н.э.

на плоскости, образованной КВ I и КВ II.

a – ранние новгородские группы; *b* – поздние новгородские группы; *c* – балты I и II тыс. н.э., латыши и литовцы; *d* – финны (кроме эстонцев); *e* – группы Эстонии; *e* – группы Древнерусского государства (кроме новгородских).

1 – Псков А; 2 – Псков Б; 3 – Которск; 4 – Удрай Б; 6 – Раглицы А; 7 – Раглицы Б; 8 – Конезерье; 9 – Славенка; 10 – Ретенское; 11 – Репы; 12 – Озертцы; 13 – Великино; 14 – Юго-Восточное Приладожье; 15 – Зaborье; 16 – Хрепле; 17 – Беседа; 18 – Калитино; 19 – Артошкино; 20 – Борницы; 21 – Холоповицы; 22 – Ожогино; 23 – Рутилицы; 24 – Волосово; 25 – Волгово; 26 – Плещевицы; 27 – Глядино; 28 – Жабино; 29 – Бегуницы; 30 – Лашковицы; 31 – Гатчина; 32 – Виски; 33 – бывш. Гдовский и Лужский уезды; 34 – Вологодская обл.; 35 – Ольгин Крест; 36 – Сланцевский р-н; 37 – бывш. Псковско-Новгородская губ.; 38 – Старая Ладога; 39 – бывш. Олонецкая губ.; 40–45 – кривичи; 40 – полоцкие, 41 – смоленские, 42 – тверские, 43 – ярославские, 44 – костромские, 45 – владимиро-рязанско-нижегородские; 46 – вятчи; 47 – северяне; 48 – радиличи; 49 – дреговичи; 50–52 – поляне; 50 – переяславские, 51 – киевские, 52 – черниговские; 53 – Василев; 54 – Бранешты; 55 – западные аукштайты I тыс.; 56 – восточные аукштайты I тыс.; 57 – жемайты I тыс.; 58 – латгалы 1; 59 – латгалы 2; 60 – литовские земгалы и сельы; 61 – земгалы; 62 – сельы; 63 – ятвяги; 64–67 – аукштайты II тыс.: 64 – белорусского пограничья, 65 – южные, 66 – восточные, 67 – западные; 68 – жемайты II тыс.; 69–72 – латыши; 69 – Уп-ланты, 70 – Селспилса, 71 – Тервете, 72 – Яункандали; 73 – ливы; 74 – эсты; 75 – Йыуга; 76–79 – эстонцы; 76 – Отепя, 77 – Варболы, 78 – Кабины, 79 – Кохтла-Ярве; 80 – карелы; 81 – финны-суми; 82 – саамы (Финляндия); 83 – саамы (Кольский п-ов); 84 – коми-зыряне.

лоцких кривичей и славян Поднестровья. Автор также обнаружила сходную комбинацию в некоторых балтских группах (латгалы, земгалы, жемайты) [Алексеева, 1973]. М.С. Великанова [1975] говорит о «первоначальной этногенетической общности» славян Прутско-

Рис. 2. Положение 38 женских серий Новгородской земли и Восточной Прибалтики I и II тыс. н.э.

по КВ I.

a – ранние новгородские серии; *b* – балты I тыс.; *c* – новгородские серии с промежуточной датировкой; *d* – кольские саамы и средневековая вода; *e* – поздние новгородские группы.

Днестровского междуречья, древлян и полоцких кривичей, основываясь на их сходстве по ширине лица, которая больше, чем у других восточных славян.

Существование общих черт в указанных группах подтвердилось в результате проведенного в настоящей работе сравнительного анализа. Ширина лица, однако, не играет в данном случае большой роли, а наибольшее значение имеют размеры черепной коробки, угол выступания и высота носа, ширина орбиты, в этих сериях они довольно велики. Те же особенности характеризуют дреговичей, у которых сравнительно узкое лицо; преимущественно ранние и промежуточные по времени серии Новгородской земли (кстати, последние относительно широколицы); большинство групп Латвии и Литвы I и II тыс. н.э.; раннее население Эстонии.

Таким образом, в X–XIII вв. в западной пограничной области Руси (с северо-запада на юго-запад, от Новгородчины до Прутско-Днестровского междуре-

чья) проживало население более или менее сходного антропологического облика, объединяющего его с балтами I и II тыс. н.э. и ранними группами Эстонии (рис. 3). Обитатели центральных и восточных районов Руси обладали иным комплексом признаков, характеризующимся ослаблением европеоидных черт, который сближает их с поздними новгородцами, испытавшими финское влияние. Как уже отмечалось

Т.И. Алексеевой, антропологическую основу вятичей и северо-восточных кривичей составляют местные финские племена. Ослабление европеоидности у полян – потомков черняховцев – она связывает с влиянием кочевников Приднепровья, а впоследствии – крымских [1973].

Т.И. Алексеева также предполагает участие среднеевропейского субстрата в сложении антропологических особенностей уличей, тиверцев и волынян [Там же]. Действительно, по результатам анализа, население Прутско-Днестровского междуречья, древляне, а также дреговичи заняли как бы промежуточное положение между балтами и новгородцами, с одной стороны, и западными славянами – с другой. Минимальные расстояния Махаланобиса связали их с западно-славянскими группами с наиболее массивной длинной и высокой долихо-мезокранной черепной коробкой, имеющими более широкие орбиты и более высокие лицо и нос по сравнению с остальными – особенностями, сближающими их с ранними балтами (табл. 3). Отсюда не следует, что эти особенности не были характерны также для ранних славян и части финнов. Однако в массе на территории Европы ими характеризуются именно балты, а славяне и финны в данном отношении довольно разнородны.

Рис. 3. Население Восточной Европы в X–XIII вв.

a – словене новгородские; *b* – кривичи полоцкие; *c* – дреговичи; *d* – древляне; *e* – население Прутско-Днестровского междуречья; *f* – группы Русского Севера [Санкина, 2004] (в данной статье не рассматриваются); *ж* – северяне; *з* – поляне; *и* – вятичи; *к* – радимичи; *л* – кривичи Волго-Окского междуречья и смоленские; *м* – область распространения антропологических вариантов, характеризующихся крупными размерами черепной коробки, высоким, сильно выступающим носом и широкой орбитой.

Выводы

Суммируя результаты исследования, можно сказать, во-первых, что ранние обитатели Новгородской земли были очень сходны с балтами: даже крайне массивным долихокранным балтским сериям I тыс. н.э. находятся аналоги среди ранних новгородских. Во-вторых, основная часть

Таблица 3. Сравнительные данные по западно-славянским группам*

Признак	Нижняя Висла	Вишлица	Радом	Йозефов	Микульчице	Желовце	Средние данные по 18 группам
1. Продольный диаметр	186,2 (60)	189,5 (33)	189,1 (11)	188,6 (15)	188,6 (122)	185,5 (61)	186,4
17. Высотный диаметр	137,3 (57)	135,6 (20)	137,0 (11)	137,1 (16)	137,2 (116)	136,2 (35)	135,9
48. Верхняя высота лица	69,7 (35)	70,0 (24)	71,7 (11)	72,3 (13)	72,7 (114)	70,6 (38)	68,5
51. Ширина орбиты	41,0 (34)	41,9 (24)	41,3 (11)	42,6 (13)	42,3 (115)	41,8 (38)	40,3
52. Высота орбиты	31,5 (34)	32,6 (21)	32,0 (11)	33,0 (13)	33,9 (115)	31,9 (37)	32,5
55. Высота носа	50,9 (34)	51,4 (24)	52,2 (11)	51,7 (13)	52,5 (114)	50,9 (37)	50,4

*Составлено по: [Rösing, Schwidetzky, 1981].

более позднего населения характеризуется особенностями, сближающими его с финнами. Примечательно, что группы Эстонии и по параметрам черепной коробки, и по описанному выше комплексу признаков занимают промежуточное положение между финнами и балтами, ближе к последним.

Ранние новгородцы – часть большого антропологически однородного массива, локализованного на западной границе Восточной Европы. Он включал также различные группы балтов I и II тыс. н.э. с территорий Латвии и Литвы, эстов XI–XIII вв. и восточно-славянское население начала II тыс. н.э. с территорий современных Беларуси, Украины и Молдовы. Последнее имело гораздо большее, чем у новгородцев, сходство с некоторыми наиболее массивными и высоколицыми западно-славянскими группами Центральной Европы.

Существование подобной общности может объясняться участием в генезисе балтов, славян, а также древних обитателей Эстонии единого субстрата с выраженным европеоидными чертами – носителем культуры боевых топоров. Далее можно предположить, что славянское влияние распространялось на более восточные территории медленно и постепенно, причем речь могла идти в основном о продвижении культуры и языка. Здесь в эпоху средневековья отмечены черты местного дославянского населения. В облике радимичей и северян все же прослеживаются некоторые особенности, сближающие их с западными соседями. Нельзя исключить вторичного взаимного влияния населения контактных областей, что дало в результате большее сходство серий славян, обитавших от верховьев Припяти до Прутско-Днестровского междуречья, с массивными центрально-европейскими. Наконец, можно допустить изначальную антропологическую общность восточных и западных славян.

На облике ранних новгородцев могли оказаться краинологические комплексы, характерные для ранних балтов и эстов, возможно, издревле имевшие распространение и на территории Новгородской земли.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Происхождение народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – 234 с.
- Алексеев В.П.** Краинологическая характеристика населения Восточной Фенноскандии // Рассогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 85–105.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.** Краинометрия. – М.: Наука, 1964. – 127 с.
- Алексеева Т.И.** Этногенез восточных славян по данным антропологии. – М.: Наука, 1973. – 329 с.

Беневоленская Ю.Д., Давыдова Г.М. Псковские поозеры // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 3–52.

Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. – М.: Наука, 1975. – 282 с.

Витов М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики: Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 237 с.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. – Рига: Зиннатне, 1975. – 400 с.

Денисова Р.Я. Этногенез латышей (по данным краинологии). – Рига: Зиннатне, 1977. – 359 с.

Коваленко В.Ю. К антропологии курганного населения XI–XIII вв. Вологодской области // Вопр. антропологии. – 1975. – Вып. 49. – С. 92–107.

Лесман Ю.М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. – Л.: Наука, 1982. – С. 69–73.

Марк К.Ю. Палеоантропология Эстонской ССР // ТИЭ. Нов. сер. – 1956. – Т. 32. – С. 170–227.

Санкина С.Л. Антропология средневекового населения Русского Севера // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез: К 70-летию И.И. Гохмана. – СПб.: МАЭ РАН, 2004. – С. 83–107.

Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. – 1952. – Вып. 15. – С. 78–85.

Хартанович В.И. Новые материалы к краинологии саамов Кольского полуострова // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 35–47.

Хартанович В.И. Краинология карел // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 63–120.

Хартанович В.И. Новые материалы к краинологии коми-зырян // Сб. МАЭ. – 1991. – Т. 44. – С. 108–126.

Хартанович В.И., Чистов Ю.К. Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 74–105.

Чеснис Г.А. Многомерный анализ антропологических данных как средство решения проблемы выделения балтских племенных союзов в эпоху железа (преимущественно на территории Литвы) // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенетические процессы. – Рига: Зиннатне, 1990. – С. 9–27.

Rösing F.M., Schwidetzky I. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie des Hochmittelalters (1000–1500 n.d.Z.) // Homo. – 1981. – Bd. 32, H. 3/4. – S. 211–251.

Česnys G. On the craniology of the Balts // Ethnogenese europäischer Volker. – Stuttgart; N.Y., 1986. – S. 349–361.

Česnys G., Balčiūnienė I. Senųjų Lietuvos gyventojų antropologija. – Vilnius: Moksolas, 1988. – 199 с.

АРЭМ – Архив Российской этнографического музея

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БКЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН

ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН

ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР)

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии РАН (АН СССР)

МАЭ – Музей антропологии и этнографии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований Института археологии РАН

ПАЭ – Приленская археологическая экспедиция

СВКНИИ ДВО АН СССР – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения АН СССР

СВКНИИ ДВО РАН – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН

СФУ – Сибирский федеральный университет

СЭ – Советская Этнография

ТИГ ДВО РАН – Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН

ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР

УрО РАН – Уральское отделение РАН

SEEFA – Slavic and East European Folklore association

Абзаева А.А. – младший научный сотрудник Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: address abzaeva@igc.irk.ru

Авиолова Л.И. – старший научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: aviloval@mail.ru

Алексеев А.Н. – ректор Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова, заведующий кафедрой археологии и истории Якутии, ул. Белинского, 58, Якутск, 677000, Россия. E-mail: sekretar@sicr.su

Анисяткин Н.К. – ведущий научный сотрудник (консультант) Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: cranopygia@pochta.ru

Бауло А.В. – заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bau194@ngs.ru

Безрукова Е.В. – главный научный сотрудник Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: bezrukova@igc.irk.ru

Волков П.В. – старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: wolf@paleo.archaeology.nsc.ru

Дьяконов В.М. – старший преподаватель Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова, ул. Белинского, 58, Якутск, 677000, Россия. E-mail: dyakonov_vm@rambler.ru

Есин Ю.Н. – заведующий сектором Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия. E-mail: esin2006@yandex.ru

Корочкива О.Н. – старший научный сотрудник Уральского государственного университета, ул. Ленина, 51, Екатеринбург, 620083, Россия. E-mail: Olga.Korochkova@usu.ru

Крупочкин Е.П. – доцент Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: krupochkin@geo.asu.ru

Кулагина Н.В. – старший научный сотрудник Института земной коры СО РАН, ул. Лермонтова, 128, Иркутск, 664033, Россия. E-mail: kulagina@crust.irk.ru

Летунова П.П. – научный сотрудник Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: bezrukova@igc.irk.ru

Лимберис Н.Ю. – старший научный сотрудник НИИ археологии Кубанского государственного университета, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия. E-mail: meot@mail.ru

Любимова Г.В. – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: terra-g1@mail.ru

Майничева А.Ю. – старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: annmaini@gmail.com

Марченко И.И. – доцент Кубанского государственного университета, директор НИИ археологии Кубанского государственного университета, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия. E-mail: meot@mail.ru

Медведев В.Е. – заведующий сектором Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

Мыглан В.С. – заведующий лабораторией Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: vladimir@forest.akadem.ru

Орлова Л.А. – старший научный сотрудник Института геологии и минералогии СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: orlova@uiggm.nsc.ru

Полосьмак Н.В. – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: antr@bronze.archaeology.nsc.ru

Санкина С.Л. – старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: serafima_sankina@mail.ru

Слюсаренко И.Ю. – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Slus@archaeology.nsc.ru

Смирнова Т.Б. – доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, пр. Мира, 55а, Омск, 644077, Россия. E-mail: deutsch@omsu.ru

Сураганов С.К. – старший преподаватель Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, ул. Х.М. Мунайтпасова, 5, Астана, 010000, Казахстан. E-mail: Sersuraganov@mail.ru

Терехов А.В. – фотокорреспондент газеты «Караван». E-mail: kaktus22@yandex.ru

Чикишева Т.А. – заведующая сектором Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: antr@bronze.archaeology.nsc.ru

Чистякова А.Н. – доцент Сибирского института международных отношений и регионоведения, ул. Батутина, 17/1, Новосибирск, 630078, Россия. E-mail: feng@yandex.ru